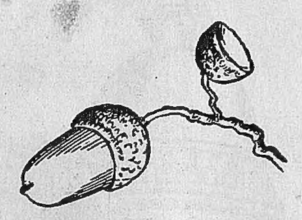
ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

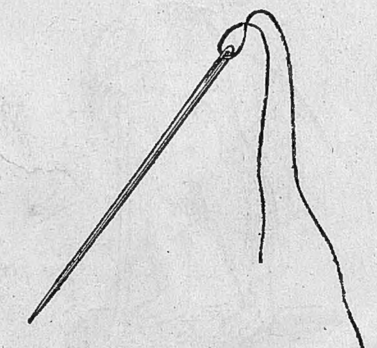
ТОМ
22

Ж Ж ж *Ж* *ж* *ж*



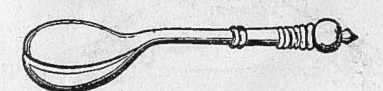
З З з *З* *з* *з*

И И и *И* *и* *и*
I I і *I* *і* *і*



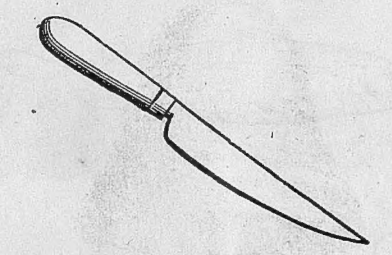
К К к *К* *к* *к*

Л Л л *Л* *л* *л*

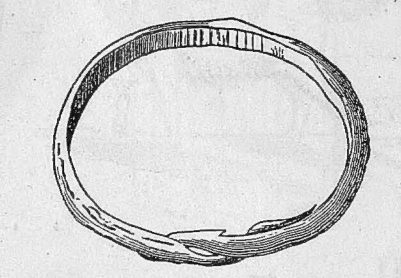


М М м *М* *м* *м*

Н Н н *Н н н*

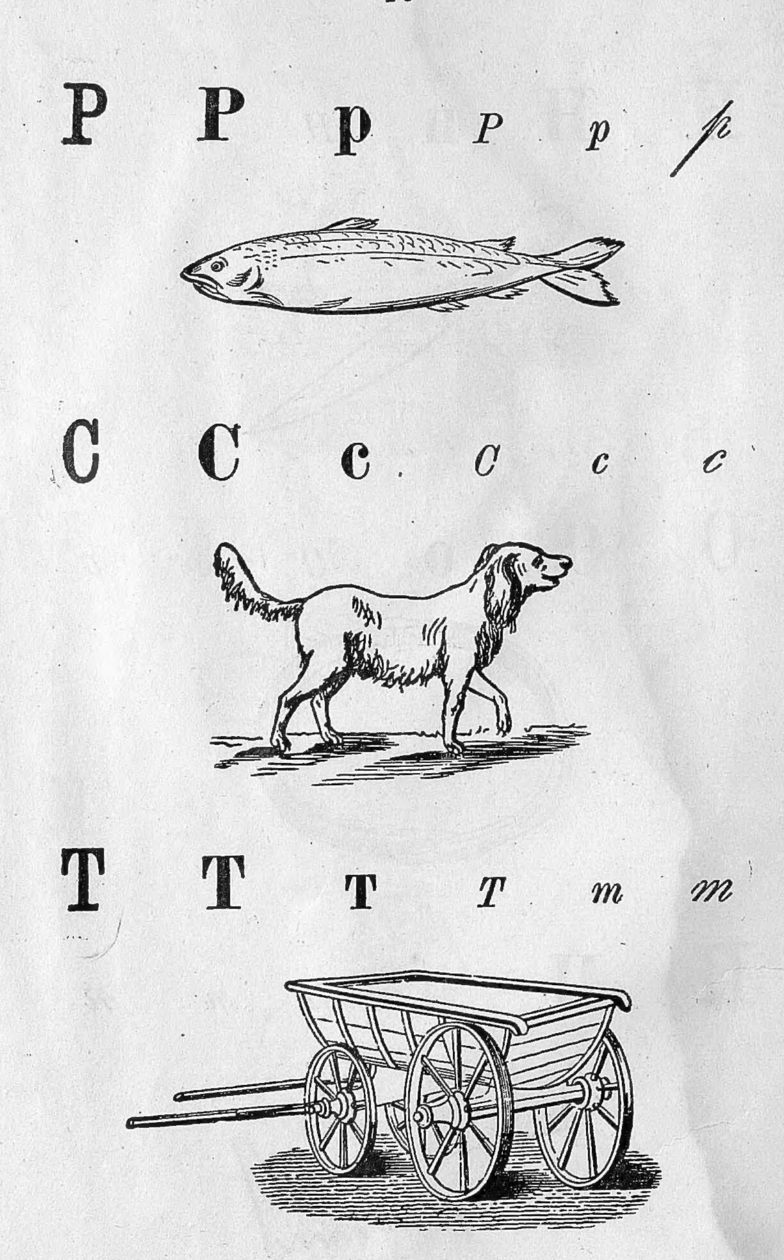


О О о *О о о*



П П п *П п п*

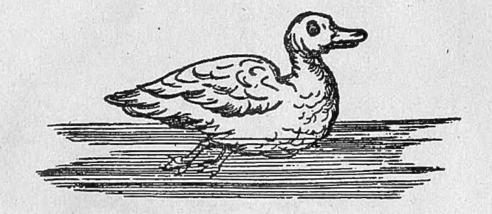
Р Р р *Р р р*



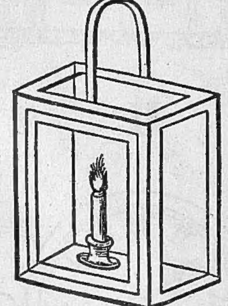
С С с *С с с*

Т Т т *Т т т*

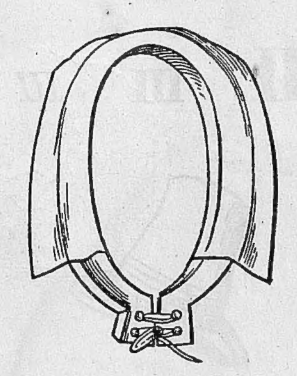
У У у *у* *у* *у*



Ф Ф ф *ф* *ф* *ф*

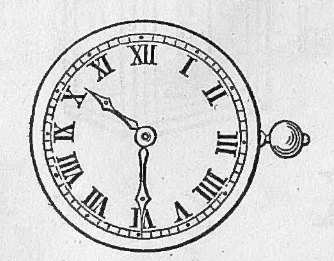


Х Х х *х* *х* *х*

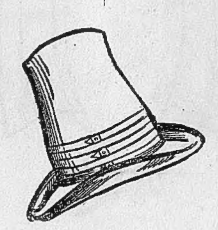


Ц Ц ц *Ц ц ц*

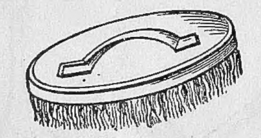
Ч Ч ч *Ч ч ч*



Ш Ш ш *Ш ш ш*



Щ Щ щ *Щ щ щ*



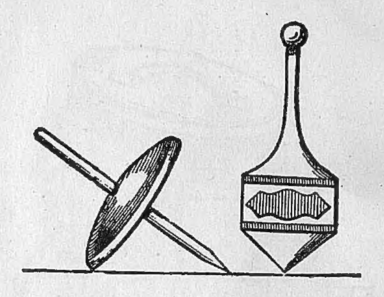
Ъ Ъ ъ *Ъ ъ ъ*

Ы Ы ы *Ы ы ы*

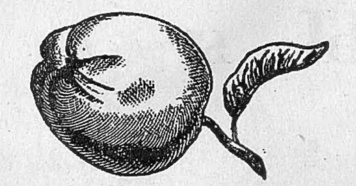
Ь Ь ь *Ь ь ь*

Э Э э *Э э э*

Ю Ю ю *Ю* *ю* *ю*



Я Я я *Я* *я* *я*



Ѳ Ѳ ѳ *Ѳ* *ѳ* *ѳ*

Ѵ Ѵ ѵ *Ѵ* *ѵ* *ѵ*

II.

БА, ЧА, ГА, МА, КА, ЛА, ВА, СА, ЖА, НА, ЗА, ДА,
БИ, РІ, МИ, ЖІ, ТИ, ЛІ, ФИ, ЗІ, НИ, КІ, ХИ, ЩІ, ЧИ,
БО, МО, ЦО, СО, ЗО, ФО, КО, ДО, ШО, ЧО, ГО, ЛО,
ДУ, ГУ, НУ, ЛУ, БУ, ХУ, ТУ, ДУ, МУ, ПУ, РУ, ЦУ,
ВЫ, ШЫ, ТЫ, ЗЫ, ЦЫ, НЫ, ДЫ, ЧЫ, ЖЫ, ЛЫ, КЫ,
СЮ, ВЮ, ЦЮ, ТЮ, ЛЮ, МЮ, БЮ, ЗЮ, ФЮ, ЩЮ, КЮ,
МЯ, ДЯ, ЧЯ, ЗЯ, ФЯ, СЯ, КЯ, РЯ, БЯ, ЛЯ, ШЯ, ГЯ,
ВЕ, ГѢ, КЕ, ШѢ, НЕ, ВѢ, ПЕ, РѢ, ХЕ, ЩѢ, МЕ, ХѢ,
БЁ, ЖЁ, ЗЁ, ТЁ, РЁ, ДЁ, ЛЁ, НЁ, СЁ, ПЁ, МЁ, ЩЁ.

БЛА, НЛА, МЛА, ВЛА, ПЛА, ЗЛА, ЛЛА, ГЛА, ХЛА,
БЛИ, ПЛІ, РЛИ, НЛІ, СЛИ, ЖЛІ, ЧЛИ, ТЛІ, ЗЛИ, ХЛІ,
БЛО, СЛО, МЛО, ЧЛО, НЛО, ШЛО, КЛО, ЦЛО, ГЛО,
ДЛУ, ГЛУ, НЛУ, ХЛУ, ЗЛУ, ТЛУ, МЛУ, ЩЛУ, КЛУ,
СЛЮ, ВЛЮ, ЦЛЮ, ШЛЮ, ТЛЮ, БЛЮ, ХЛЮ, ДЛЮ, ЗЛЮ,
ВЛЫ, ДЛЫ, ТЛЫ, ЛЛЫ, РЛЫ, СЛЫ, ЧЛЫ, НЛЫ, ФЛЫ,
МЛЯ, СЛЯ, КЛЯ, ФЛЯ, ТЛЯ, РЛЯ, ШЛЯ, ЦЛЯ, ГЛЯ,
БЛЕ, ПЛѢ, ЖЛЕ, ЩЛѢ, ДЛЕ, НЛѢ, ФЛЕ, МЛѢ, ДЛЕ,
БЛЁ, КНЁ, ТЛЁ, КЛЁ, ШНЁ, СЛЁ, ПЛЁ, ФЛЁ, ЖЛЁ,
БРА, ПРА, ВРА, ЧРА, НРА, ХРА, ШРА, ТРА, ФРА,
ГРИ, ЗРИ, ШРИ, МРИ, ПРИ, КРИ, ЦРИ, ДРИ, ЩРИ,
МРО, ПРО, ЦРО, ЧРО, ФРО, ШРО, ДРО, КРО, НРО,

ЗРУ, ПРУ, КРУ, ШРУ, МРУ, ХРУ, ДРУ, ЦРУ, КРУ,
КРЫ, ЦРЫ, СРЫ, НРЫ, ДРЫ, ЗРЫ, ГРЫ, ЦРЫ, ХРЫ,
МРЮ, ДРЮ, ЗРЮ, ТРЮ, ХРЮ, ПРЮ, КРЮ, ЧРЮ, ГРЮ,
НРЯ, ДРЯ, ТРЯ, ЖРЯ, ПРЯ, МРЯ, ЩРЯ, ЖРЯ, ЦРЯ,
ВРЕ, ТРѢ, ПРЕ, ЩРѢ, КРЕ, ШРѢ, ЦРЕ, НРѢ, ЛРЕ,

СБА, СНА, СКА, СТА, СФА, СХА, СЧА, ВТА, ВНА,
ВКА, ВБА, ВЛА, ВЖА, ШТИ, СТИ, СНИ, СПИ, СКИ,
СЛИ, СБИ, ЧКУ, ЦТЫ, КНЮ, КНЯ, ПКЕ, ПШУ, КЩА,
РЦЫ, СДИ, ЗКУ, ЛЗЯ, ЛГУ, СГО, ГНЫ, РФУ, КЛЁ,
ССА, ССЕ, ССИ, ССО, ССЯ, ННА, ННЕ, ННИ, ННО, ННУ,
ННЫ, ЖЖА, ВВА, ДДА, ННУ, ЖЖУ, ССѢ, ДДѢ, ВВУ, ВВѢ,

БСКА, ВЗДЫ, ВДРУ, ВКРИ, ВЗМЫ, ВСТА, ВПРЯ,
ВЗМА, ВДВО, ВСКО, ВЗВО, ДСКО, ДСКА, ДСКИ,
ЖГЛА, ЖГЛО, ЗГНИ, ЗВРЕ, ЗГРИ, ЗДНИ, ЗДРА,
ЗСЧА, ЗГРѢ, ЗГРЫ, ЗДРИ, ЗБРА, КСТА, НСКУ,
НСТА, НСКА, МСТИ, МСТА, МГЛА, МСКА, МСКИ,
ТКНУ, ТКНИ, СГРУ, СТРУ, СТРА, СТНА, СПРА,
СПЛЕ, СТРИ, СПЛА, СКЛА, СБЛИ, СКРИ, СБРА,
СБРО, СПЛЮ, СТРО, СКРЕ, СДРУ, СТВО, СПРЯ,
СТСЯ, СТРЫ, СГРЕ, СКРА, СМРА, СТВО, СТНО,
ЧКВА, РДЦѢ, РСКО, РСТИ, РШКИ, РЧКИ, РМЛЕ,
РСКА, РТВЫ, РТКО, ШТРИ, ШКВО, ШРТИ, ОКНУ,

БСТРО, БЗДНА, ВЗДРА, ВЗГЛЯ, ВЗДВИ, ВЗГРУ,
ВЗДРО, ВСТРУ, ВСТРѢ, ВСТРЁ, ВСТВУ, ВЗХНЫ,
ВСПЛЯ, ЖСТВО, МСТВО, ТСТВО, РСТВО, ДСТВѢ.

БЪ, ВЪ, ШЪ, КЪ, ЗЪ, МЪ, ЦЪ, ДЪ, ХЪ, ГЪ,
ЧЪ, СЪ, ТЪ, ПЪ, РЪ, ЖЪ, ЛЪ, НЪ, ФЪ, ЩЪ,
СРЪ, РХЪ, СКЪ, СХЪ, ШТЪ, ЛПЪ, ЛКЪ, РТЪ,
СПЪ, ФРЪ, КРЪ, ТРЪ, БРЪ, СЛЪ, ФЛЪ, ПРЪ,
БЬ, ВЬ, НЬ, КЬ, ЗЬ, МЬ, НЬ, ШЬ, РЬ, СЬ, ДЬ, ЖЬ,
СТЬ, ЗНЬ, СНЬ, КНЬ, ХНЬ, ШЛЬ, МЛЬ, ПЛЬ, ТРЬ, КТЬ.

ДАЙ, ЧАЙ, САЙ, ФАЙ, МАЙ, РАЙ, БАЙ, ЗАЙ, ЛАЙ,
КЕЙ, МѢЙ, ПЕЙ, ЛѢЙ, БЕЙ, ЧЕЙ, СѢЙ, ВѢЙ ДѢЙ,
НІЙ, ЛІЙ, ПІЙ, ФІЙ, ШІЙ, ХІЙ, МІЙ, ДІЙ, ГІЙ, КІЙ,
БОЙ, ВОЙ, ГОЙ, МОЙ, ПОЙ, СТОЙ, РОЙ, ТВОЙ, ТОЙ,
БУЙ, ВУЙ, ДУЙ, ЧУЙ, СУЙ, ФУЙ, РУЙ, МУЙ, КУЙ,
ЛЫЙ, НЫЙ, РЫЙ, ТЫЙ, СЫЙ, ВЫЙ, МЫЙ, ДЫЙ, БЫЙ.

III.

1. ШУ-БА, РУ-КА, ЛЮ-ДИ, ПУ-ЛЯ, ВИ-ЛЫ, ЗИ-МА, ЛИ-ПА, ЗА-РЯ, ДЫ-РА, ВИ-НО, МУ-ХА, РЫ-БА, ТУ-ЧА, КУ-ЧА, БА-НЯ, МУ-КА.

2. ТРА-ВА, СТУ-ЧИ, КРЫ-СА, КЛЮ-ЧИ, БЛЮ-ДО, ТРУ-БА, КРИ-ВА, ГРУ-ША, ГРИ-ВА, ГЛИ-НА, КНИ-ГА, ЦВѢ-ТЫ, КРЫ-ША, БЛИ-НЫ, СПИ-ЦА, ГЛА-ЗА, ГРИ-БЫ, ДВЕ-РИ.

3. НЕ-БО, МО-РЕ, ПЕ-РО, ПѢ-НА, СѢ-НИ, ГО-РЕ, ЩЕ-КА.

4. СТРА-ШНО, СКЛА-ДЫ, ВЗДРО-ГНУ, КСТА-ТИ, ВЗЛѢ-ЗУ, ВСТРѢ-ЧА, ВСКРИ-КНУ.

5. БУ-МА-ГА, СТА-РУ-ХА, КА-РТИ-НА, БУ-ЛА-ВКА, БА-ШМА-КИ, ДЕ-РЕ-ВНЯ, ЛИ-СИ-ЦА, КРЕ-СТИ-НЫ, КУ-РИ-ЦА, КО-МНА-ТА.

6. Я-МА, И-СКРА, И-ЗБА, У-ЖИ, У-ТКА, У-МНА, О-ВЦЫ, А-ЗБУ-КА, Е-ЛИ, Е-СТЬ, Ѣ-СТЬ, Ё-ЛКА, Ѣ-ЗДА, Е-ЖИ.

7. ВО-Е-ВО-ДА, ЗА-И-КА, ПРІ-Ѣ-ХА-ЛЪ, НА-У-КА, СІ-Я-ЕТЪ.

8. Э-ТО, Э-ТО-ТЪ, Э-ТО-МУ, Э-ТИ, Э-ТУ, Э-ТИ-ХЪ.

9. РО-ТЪ, КО-ТЪ, НО-СЪ, СЛА-ЛЪ, СТА-РЪ, БЫ-ЛЪ, СЫ-НЪ, ЗО-ЛЪ, КУ-ПИ-ТЬ, ТРО-СТЬ, КА-ЗНЬ, РО-ЗНЬ, ПА-СТЬ, МА-СТЬ.

10. ДУ-РНОЙ, ХО-РО-ШІЙ, СТОЙ, ПО-МИ-ЛУЙ, ГУ-СТОЙ.

11. ЗЕ-ЛЁ-НЫЙ, ВЕ-СЁ-ЛЫЙ, ПЁ-СТРЫЙ, А-ЛЁ-ША, ЗА-ПЛЁ-ЛЪ, ЖДЁ-ТЪ.

12. ЖУ-ЖЖА-ТЪ, ВВА-ЛИ-ЛИ, СТРА-ННО, ССО-РА, ПО-ДДА-ВА-ТЬ.

13. ВЪ-Ѣ-ХА-ЛЪ, БОЙ-КА-Я, СЪ-Ѣ-ЛЪ, У-Ѣ-ХА-ТЬ, НАЙ-ДЕ-МЪ, МЕ-НЬ-ШОЙ, И-ЗЪ-Я-НЪ.

~~~~~~~~

а.

На-ши пря-ли, а ва-ши спа-ли.
На нѣ-тъ и су-да нѣ-тъ.

б.

Ба-бу-шкѣ то-ль-ко дѣ-ду-шка не вну-къ.
И-зба крѣ-пка за-по-ро-мъ, а дво-ръ за-бо-ро-мъ.

е.

Не ве-ли-къ све-рчо-къ, да слы-шно кри-чи-тъ.
Не ве-ли-чка ка-пля, а ка-ме-нь до-лби-тъ.
За-ря де-нь-гу да-ё-тъ.
~~~~~~~~

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Іі, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ыы, Ьь, Ѣѣ, Ээ, Юю, Яя, Ѳѳ, Ѵѵ.

А. *А.*

А-збу-ку у-ча-тъ, на всю и-збу кри-ча-тъ.

А-рши-нъ на су-кно, ве-дро на ви-но.

А-лъ цвѣ-тъ ми-лъ на ве-сь свѣ-тъ.

а.

И пче-*ла* ле-ти-тъ н*а* кр*а*-сный цвѣ-то-къ.

Се-мей-на-я ка-шка гу-ще ки-пи-тъ.

Б. Б.

*Б*у-л*а*-тъ же-лѣ-зо и ки-се-ль не рѣ-же-тъ.

*Б*ы-ли бы ко-шки, *а* мы-шки бу-ду-тъ.

б.

К*а*-кой п*а*-ле-цъ ни у-ку-си, всё *б*о-ль-но.

В. В.

Во-ро-нъ *за* мо-ре ле-т*а*-лъ, *а* у-мнѣй
не ст*а*-лъ.

в.

Не р*а*-зѣ-*вай* рт*а*, му-х*а* не *вле*-ти-тъ.
У-да-ло-сь че-рвя-ку на вѣ-ку ли-стъ
съ-ѣ-сть.

Г. Г.

Глу-пой пти-цѣ *свой* до-мъ не ми-лъ.

г.

Не *го*-ды ст*а*-рѣ-ю-тъ — *го*-ре.
Ка-къ гля-ди-шь, та-къ и ви-ди-шь.

Д. Д.

Д*ва* р*а*-з*а* не у-ми-р*а*-ть.

д.

*Гд*ѣ ц*в*ѣ-то-къ, т*а*-мъ и ме-*до*-къ.
Не бу-де-тъ снѣ-га, не бу-де-тъ и
слѣ-да.

Е. Е.

Е-сли и-з*в*ѣ-ри-шь-ся *въ* *а*-лты-нѣ, не
по-*в*ѣ-ря-тъ и *въ* ру-*бл*ѣ.

е.

Слѣ-пой щ*е*-но-къ и то-тъ къ м*а*-т*е*-ри
лѣ-з*е*-тъ.
На се-рди-ты-хъ во-ду во-зя-тъ.

Ж. Ж.

Жа-ли-тъ пчё-*лка*, *жа*-ль мё-*ду*.

Же-лѣ-зо-мъ хлѣ-ба до-бы-ва-ю-тъ.

ж.

У кня-*ги*-ни кня-*жа*, у ко-шки ко-тя,— *всё* то-*же* ди-тя.

Жи-ли дѣ-ды — не ви-да-ли бѣ-ды, ста-ли жи-ть вну-ки—на-те-рпѣ-ли-сь му-ки.

З. З.

Зн*а*-*е*-мъ с*а*-ми—кри-*в*ы с*а*-ни.

Знай све-рчо-къ свой ше-сто-къ.

Зна-е-тъ ко-шка, чь-ё мя-со съ-ѣ-ла.

з.

Лю-*би* *взя*-ть, лю-*би* и *да*-ть.

У стра-ха гла-за ве-ли-ки.

Съ во-за у-па-ло—не сы-ще-шь.

И. И.

И мѣ-ся-цъ *с*в*ѣ*-ти-тъ, ко-ль со-лнц*а* нѣ-тъ.

и.

Въ те-мно-тѣ *и* гн*и*-лу-шк*а* с*в*ѣ-т*и*-тъ.

Ди-тя па-да-е-тъ,—а-нге-лъ пе-ри-нку сте-ле-тъ.

К. К.

Ко-шкѣ *и*-гру-шк*и*, мы-шкѣ слё-зк*и*.

Ка-къ во-лка ни ла-скай, онъ всё къ лѣ-су гля-ди-тъ.

к.

Кр*а*-сн*а* пт*и*-ц*а* пе-ро-мъ, ч*е*-ло-*в*ѣ-*к*ъ у-мо-мъ.

Л. Л.

Лѣ-то со-*би*-р*а*-*е*-тъ, *зи*-м*а* съ-ѣ-*да*-*е*тъ.

л.

Въ тѣ-сно-тѣ *лю*-*ди* *жи*-*в*у-тъ.

У-плы-ли го-ды ка-къ ве-шні-я во-ды.

М. М.

М*а*-те-р*и*-нск*а*-я мо-л*и*-т*ва* со *дна* мо-ря по-*дни*-*ма*-*е*-тъ.

Мо-кро-му до-ждь не стра-ше-нъ.

м.

Н*е* рой *дру*-го-*му* я-*му*, с*а*-*м*ъ у-п*а*-*дё*-шь.

Н. Н.

На чу-*жой зе-млѣ и ве*-сна *не кра*-сна.

На грѣ-хъ ма-сте-ра нѣ-тъ.

Но-ва-я ме-тла чи-сто ме-тё-тъ.

н.

*Ви-на го-ло-ву кло-ни*тъ.

Ку-да и-го-лка, ту-да и ни-тка.

О. О.

Око ви-ди-тъ *да-ле-ко, а мы-сль ещё да-ль-ше.*

Око-ло пчё-лки ме-до-къ.

о.

*Жи-л*ъ бы-*л*ъ *мо-ло-де*-цъ: *до-ма не ви-да-л*ъ *ве-се-ль*я, у-*ше-л*ъ *на* чу-*жби-н*у—*за*-пл*а-ка-л*ъ.

Не мо-ре то-пи-тъ—лу-жа.

П. П.

Пти-ца *не* сѣ-е-тъ, *не жнё*-тъ, *а* сы-то *жи-вё*-тъ.

По снѣ-гу *гри*-бы *не ищи*.

Пра-вду, ка-къ ши-ло въ мѣ-шкѣ, не ута-и-шь.

п.

*В*ъ *пу*-стой *и-збѣ за-мка не на-до.*

Ѣха-лъ пря-мо, у-па-лъ въ я-му.

Р. Р.

Ра-но пта-шка за-пѣ-ла, ка-къ-бы ко-шка не съ-ѣ-ла.

Ру-би де-ре-во крѣ-пко-е, гни-ло-е са-мо у-па-дё-тъ.

Ры-ба-къ ры-ба-ка ви-ди-тъ и-зда-ле-ка.

р.

Сва-ри-ла бы ка-шу, да ку-ры кру-пу ра-скле-ва-ли.

С. С

Со-ба-ка на сѣ-нѣ ле-жи-тъ, са-ма не ѣ-стъ и дру-ги-мъ не да-ётъ.

с.

Сча-сть-е бе-зъ у-ма—ды-ря-ва-я су-ма.

Въ сте-пи про-сто-ръ, въ лѣ-су у-го-дь-е.

Ска-за-нно-е сло-во се-ре-бря-но-е, не-ска-за-нно-е зо-ло-то-е.

Т. *Т.*

Ти-ше ѣ-*де*-шь, *да-ль*-ше *бу-де*-шь.

Тѣ-хъ-*же* щей *да жи-же влей.*

То-нко пря-сть, до-лго жда-ть.

т.

Не ра-бо-та су-ши-*тъ*—*за-бо-та.*

Не мо-ре то-пи-тъ, а вѣ-тры.

У. У.

У-мѣй взя-ть, у-мѣй и да-ть.

У се-ми ня-не-къ ди-тя бе-зъ гла-зу.

У-пу-сти-лъ гри-ву, за хво-стъ не де-ржи-сь.

у.

О то-мъ ку-кушка и ку-ку-етъ, что гнѣ-зда у ней нѣтъ.

Чу-жа-я бѣ-да не да-ё-тъ у-ма.

Ф. Ф.

*Фу-нта-ми пу-*ды, *ко-пѣй-ка-ми ру-бли.*

Фи-ли-пъ къ пе-чкѣ при-ли-пъ.

ф.

Мы ро-дня: на ва-шей ба-бу-шкѣ са-ра-фа-нъ го-рѣ-лъ, на-шъ дѣ-ду-шка ру-ки грѣ-лъ.

Х. *Х.*

Ху-до-е де-ре-во въ су-къ ра-стё-тъ.

Хо-ди-тъ Зи-ня ро-тъ ра-зи-ня.

Хо-че-шь ѣ-сть ка-ла-чи, не си-ди на пе-чи.

х.

У стра-ха гла-за ве-ли-ки.

Дво-е плѣ-ши-вы-хъ за гре-бе-нь дра-ли-сь.

Ц. *Ц.*

Ца-ря не всѣ ви-дя-тъ, а всѣ зна-ю-тъ.

До Ца-ря да-лё-ко, до Бо-га вы-со-ко.

ц.

Это то-ль-ко цвѣ-то-чки, а я-го-ды впе-ре-ди.

Вый-де-тъ кра-сно со-лнце, уй-дё-тъ свѣ-те-лъ мѣ-ся-цъ.

Ч. *Ч.*

Чу-жа-я ду-ша те-мна.

Чѣ-мъ у-ши-бё-шь-ся, тѣ-мъ и лѣ-чи-сь.

ч.

Той-же му-чки, да не тѣ-же ру-чки.

У ре-бя-тъ да у зай-ча-тъ по два зу-ба.

Уче-нь-е свѣ-тъ, не-у-че-нь-е—ть-ма.

Ш. Ш.

Ше-лу-ди-вый ба-ра-нъ всё ста-до по-рти-тъ.

Ши-ла въ мѣ-шкѣ не у-та-и-шь.

ш.

Ру-чка бѣ-ле-нь-ка, ду-ша че-рне-нь-ка.

Ко-ша-чь-и-мъ гла-за-мъ ды-мъ не стра-ше-нъ.

Щ. Щ.

Ще-но-къ ла-е-тъ, у ста-рши-хъ слы-ши-тъ.

Щу-ка у-ме-рла, да зу-бы цѣ-лы.

Ще-рби-на въ но-жѣ, ще-ти-на въ е-жѣ.

щ.

Въ ра-до-сти сы-щу-тъ, въ го-рѣ за-бу-ду-тъ.

Вся-ка-я ще-ль пи-щи-тъ.

Не бе-ри го-рсткой, а бе-ри ще-по-ткой.

Что-то въ лѣ-су пи-щи-тъ, — во-лкъ ба-ра-на та-щи-тъ.

ъ.

Ру-ка ру-ку мо-е-тъ и о-бѣ бѣ-лы жи-ву-тъ.

Дѣ-ло у-чи-тъ и му-чи-тъ, и ко-рми-тъ.

ы.

Не ста-рый у-ми-ра-е-тъ, а по-спѣ-лый.

Съ мо-ло-ду ды-рка, а по-дъ ста-ро-сть ды-ра.

ъ.

Ло-ко-ть бли-зо-къ, да не у-ку-си-шь.

Въ чу-жі-я са-ни не са-ди-сь.

За-цѣ-пи-лся за пе-нь и ста-лъ на ве-сь де-нь.

Бѣ-дно-сть у-чи-тъ, сча-сть-е по-рти-тъ.

Ѣ. Ѣ.

Ѣ-де-шь на де-нь, бе-ри хлѣ-ба на не-дѣ-лю.

Ѣ-ду—не сви-щу, а на-ѣ-ду—не спу-щу.

ѣ.

Вѣ-къ пе-ре-жи-ть—не по-ле пе-рей-ти.

Въ дру-гѣ стрѣ-ла ка-къ въ пнѣ.

Э. Э.

Э-хъ-ма! ка-бы да по-лна-я су-ма!

Э-ту пѣ-се-нку ты ду-рно спѣ-лъ.

Ю. Ю.

Ю-но-сть не грѣ-хъ, ста-ро-сть не смѣ-хъ.

Ю-но-ши ду-ма-ю-тъ о бу-ду-ще-мъ, ста-ри-ки о про-ше-дше-мъ.

ю.

Не лю-бо не слу-шай, лга-ть не мѣ-шай.

Му-ра-вей не по се-бѣ но-шу та-щи-тъ, ни-кто спа-си-бо не ска-же-тъ, а пче-ла ме-нь-ше но-си-тъ да Бо-гу и лю-дя-мъ ми-ла.

Я. Я.

Я-рко сло-во сму-ща-е-тъ се-рдце.

Я-ркі-я звѣ-зды къ хо-ло-ду.

я.

Бу-шка ба-ра-нъ, не гу-ляй по лѣ-са-мъ; у-бъ-ю-тъ те-бя, не пѣ-няй на ме-ня.

Ка-пля ма-ла, а ка-пля-ми мо-ре.

Ло-мя-тъ ко-сти, не и-ду въ го-сти.

IV.

О въ *А*

а а
Воронѣ соколомъ не быть.

а а
Воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

а а а
Воровъ въ лѣсу ловили, а они въ
ш е
домѣ были. Воръ, что заяцъ—и тѣни
а а ц а
своей боится.

А а а
Одну половину прожили и другую
а
проживёмъ.

а
Пропали деньги у мужика, и не
а а а
могли найти вора. Когда собрались
а
всѣ мужики, староста закричалъ: „брат-
а а
цы, пожаръ! на ворѣ шапка горитъ“.
А а
Одинъ мужикъ схватился за шапку.
ш
И всѣ узнали, что онъ былъ воръ.

Была одна сильная, злая собака. Она грызла всѣхъ собакъ, кромѣ двухъ; она не грызла маленькаго щенка и большаго волкодава.

Булатъ желѣзо и кисель не рѣжетъ.

Загадки.

На дворѣ горой, а въ избѣ водой.

(Снѣгъ).

Лежитъ — ниже кота, встанетъ — выше коня. (Дуга).

Идётъ лѣсомъ—не треснетъ, идётъ плёсомъ—не плеснетъ. (Мѣсяцъ).

Б въ *П*

Не то бѣды, что родился не хлѣбъ, а лебеда, а то бѣды, что ни хлѣба, ни лебеды.

а

Хлѣба ни куска, такъ въ теремѣ тоска.

Грибы ищутъ, по лѣсу рыщутъ.

Мальчикъ набралъ грибовъ; ему тя-

а

жело было нести, и онъ оставилъ ихъ

а о

въ лѣсу. На зарѣ онъ пошелъ взять

ихъ. Грибы унесли.

а

Наши лепёшки поѣли кошки.

Мальчикъ катался на льду и рас-

п с а п

шибъ носъ. Безъ костей и рыбки не

съѣшь.

Загадки.

ой е е ой

Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ

ой

липовый. (Бочка).

Маленекъ, удаленекъ, сквозь землю

а о о

прошелъ, красну шапочку нашелъ.

п

(Грибъ).

В въ *Ф*.

а а а а а т
Молодецъ на овецъ, а на молодца и
а ф
сама овца.

А а в
Овечку стригутъ, а другая тогоже
жди.

ф а
Левъ страшно, обезьяна смѣшно.

о в а
Льва соннаго не буди.

т а ф а
Гладкая головка — отцу - матери не
а
кормилецъ.

А а а
Одна голова не бѣдна, а бѣдна, такъ
а
одна.

а ф а а
Волкъ съѣлъ овцу; охотники пой-
в
мали волка и стали его бить. Волкъ
сказалъ: „напрасно вы меня бьёте: я
а ш
не виноватъ, что сѣръ; меня такимъ
х з а
Богъ сдѣлалъ“. А охотники сказали:

„Не за то бьютъ волка, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ“.

Загадки.

Маленькій Ерофейка, подпоясанъ коротенько, по полу скокъ-скокъ, по лавкамъ скокъ-скокъ, и сѣлъ въ уголокъ. (Вѣникъ).

Братъ брата третъ, бѣлая кровь идетъ. (Жернова и мука).

З въ *С*.

Возъ подъ горою, возжи упали.

Что съ воЗа упало, то пропало.

Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.

Съ раЗу всему не научишься.

Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки.

а

Слеза скоро сохнетъ.

с т

Мужикъ сталъ спускать возъ подъ

в в ж

гору и замоталъ крѣпко возжи на

ж а с

руку. Возжи остались въ рукахъ, возъ

в т а

укатился подъ гору.

А с

Одинъ разъ два мужика ѣхали на

А

встрѣчу и зацѣпились санями. Одинъ

в а в а

кричитъ: „Посторонись, мнѣ скорѣе въ

а т а в а

городъ надо“, а другой говоритъ: „Ты

а а а в а а

посторонись, мнѣ скорѣе домой надо“.

А а е

Они долго спорили. Третій мужикъ уви-

а а

далъ и сказалъ: „Если вамъ скоро надо,

а т

такъ осадите назадъ“.

Загадки.

с к с
Безъ ногъ, безъ рукъ, рубашки про-
а
ситъ. (Подушка).

с а а а
Дѣдушка безъ топора мостъ моститъ.
а с
(Морозъ).

Г въ *Х*.

ой х
Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ.

а
На Бога надѣйся, самъ не плошай.

а а ц а а
Богатому какъ хочется, убогому какъ
ц а
можется.

а а а а
Богатому жаль корабля, убогому —
а
костыля.

т а
Плыли рыбаки на лодкѣ; поднялась
А
буря. Они бросили вёсла и стали кре-
ц а т а т
ститься, а лодку подхватило вѣтромъ и

отнесло[а] дальше отъ[а] берега. *Богу мо[а]-лись, а къ берегу гребись.*

Внизу жилъ бѣдный[ой] сапожникъ, а вверху богатый[а, ой] баринъ. Сапожникъ мѣшалъ спать барину: всё пѣлъ пѣсни. Баринъ далъ сапожнику мѣшокъ де-негъ[к]; сапожникъ сталъ богатъ[а] и пе-ресталъ пѣть: всё караулилъ свои[а] деньги. *Богатъ[а] ждётъ пакости[а], а убогъ[х] радости[а].*

Загадки.

Точимъ скатерти бранныя, ставимъ яства сахарныя, людямъ на потребу[а], Богу на угоду. (Пчёлы, воскъ, мёдъ[т]).

Летитъ звѣрокъ[с] черезъ[е] Божій до[а]-

а а а а
мокъ, летитъ говоритъ: моя сила го-

ритъ. (Пчела).

Г въ *К*

ой к
Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

а а а
Другу сколько можно помогай.

к ж к
Съѣлъ-бы пирогъ, да въ печи сжёгъ.

ы
Пирога ждать—не ѣвши спать.

а к а к
Порогъ поскребла, пирогъ испекла.

с а
Безъ Бога ни до порога, а съ нимъ

хошь за море.

ой к а
Неизвѣданный другъ нехорошъ для

к
услугъ.

Друга ищи, а найдёшь—береги.

а
Знаючи недруга, не зови на пиръ.

а а
Два охотника пошли въ лѣсъ за

А а с а к
медвѣжатами. Одинъ полѣзъ въ оврагъ

къ берлогѣ и кричитъ оттуда: „Я медвѣдя поймалъ!“ „Веди сюда!“ „Да нейдетъ.“ „Такъ самъ иди!“ „Да не пускаетъ.“

У одной барыни была собачёнка небольше крысы. Когда кто-нибудь входилъ къ барынѣ, собачёнка бросалась грызть, но она не могла достать выше сапогъ, а сапога прокусить не могла.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даётъ.

Загадки.

Вокругъ поля достанутъ, а вокругъ головы не достанутъ. (Глаза).

Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ болитъ. (Вѣтеръ, тучи, солнце, сердце).

Ч въ *Ш*

ш
Скучно жить Афонюшкѣ на чужой
а
сторонушкѣ.

ш
Скученъ день до вечера, коли дѣ-
в а
лать нечего.

а
Не скучай работой, а скучай за-
а
ботой.

А а
Одинъ ученикъ просилъ книгу; ему
а
дали. Онъ сказалъ: „непонятна!“ Ему
ш
дали другую. Онъ сказалъ: „скучно!“
а а а
Дали бабѣ холстъ, она говоритъ: толстъ;
а а а
дали бабѣ потонѣ,—говоритъ: дай болѣ!

е а
Мужикъ сѣялъ пашню и пропустилъ
а а а ш а п
одно мѣсто. Когда выросла рожь, об-
а
сѣвокъ сталъ видѣнъ. Бабы стали жать
ш а а а п а
рожь и обошли кругомъ обсѣвокъ. А

а п а а а а а
обсѣвокъ жаловался и говорилъ: „За
ш а а
что меня бабы обошли?“

Загадки.

ш ш
Что краше свѣта, что выше лѣса,
ш ш с а ф
что чаще лѣса, что безъ кореньевъ,
ш
что безъизвѣстно?

Краше свѣта—красно солнце,
е
Выше лѣса—свѣтелъ мѣсяцъ,
Чаще лѣса—часты звѣзды,
с а е о
Безъ коренья—тяжелъ камень,
Безъизвѣстна—Божья воля.

Д въ *Т*.

т
Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

т т
Рада-бы курица на свадьбу не идти,
а а
да за крыло волокутъ.

т а
Трудъ человѣка кормитъ.

х
Труды Богъ любитъ.

А а т
Одинъ бѣднякъ поѣхалъ въ городъ
о т в
и зашелъ въ гости; лошадь его увели
ова а е
воры. *Изъ худаго кармана послѣдній*
ц а
грошъ валится.

Загадки.

с а а т
Разсыпался горохъ на четырнадцать
а х т
дорогъ. (Народъ изъ церкви).

т х
Сѣмя плоско, поле гладко, кто умѣ-
етъ, тотъ и сѣетъ. (Письмо).

а а
Два конца, два кольца,—въ серединѣ
т
гвоздь. (Ножницы).

Я въ *Е*.

е а
Тяжело противъ воды плыть.

ш а а
Тяжко жить одному на свѣтѣ.

Е а ш т
Языкъ не лопатка, знаетъ что сладко.

Е а
Языкъ голову кормитъ, онъ-же и губитъ.

е
Волкъ унёсъ ягнёнка; лисица стала
в е
его уговаривать. Волкъ съѣлъ ягнёнка
а а е в
и говоритъ: „вотъ я пожалѣлъ его,
а
оставилъ кости да кожу“.

Загадки.

е а
У двухъ матерей по пяти сыновей.
(Руки).

а а
Всякому мальчику по чуланчику.
(Перчатка).

а с а
Въ тѣсной избушкѣ ткутъ холсты
старушки. (Пчёлы).

Ж въ Ш

ш с
Ложкой кормитъ, стеблёмъ глазъ колетъ.

А а а
Одинъ горшокъ, а много ложекъ.

ш
Мужъ глава, жена душа.

а а а
Не во всякомъ камнѣ искра, не во
а
всякомъ мужѣ правда.

А а а
Одинъ человѣкъ увидалъ во снѣ
а в
много киселя, да нечѣмъ было его ѣсть.
к а
На другую ночь онъ лёгъ спать и по-
а а ш
ложилъ съ собою ложку, но кисель
а
уже ему не приснился.

Загадки.

ш а
Два брюшка, четыре рожка. (Подушка).

а
Чёрненька собачка свернувшись ле-
ы
житъ; не лаетъ, не кусаетъ, а въ домъ
не пускаетъ. (Замокъ).

ТСЯ и *ТЬСЯ* въ *ЦА*

Люди надѣются[ца] до самой[а] смерти.

Бабы въ полѣ сѣютъ,

На Бога ся (себя) надѣютъ.

Волки и злые люди ходятъ и ози[а]-
раются[ца].

Бѣдный часто ся (себя) озираетъ[а],
хоть его[в] и не кличутъ.

[А] Отъ чего[в] трудно учиться[ца] и всякую
работу дѣлать?

Мельница не по[а] вѣтру, а противъ
вѣтра мелетъ[и].

Мать отдавала[а] дочь замужъ[ш] и прика-
зывала ей слушаться[ца] всѣхъ въ мужни-
номъ домѣ и обо всёмъ спрашиваться[ца].

Поутру свекровь послала молодайку за водой; молодка спросила: въ чёмъ носить воду? Невѣстка на смѣхъ сказала: рѣшетомъ. Молодка взяла рѣшето и пошла за водой. Мужикъ увидалъ, и спросилъ, зачѣмъ она такъ дѣлаетъ? „Мнѣ такъ велѣли“. — Ну, видно добрыхъ людей слушаться, — рѣшетомъ воду носить.

Загадки.

Кланяется, кланяется, придётъ домой — растянется. (Топоръ).

Два брата глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся. (Полъ и потолокъ).

Безъ рукъ, безъ ногъ подъ окномъ стучится, — въ домъ просится. (Вѣтеръ).

К въ *Х.*

И Богъ на того, кто обидитъ кого.

Никто не можетъ, такъ Богъ поможетъ.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Два человѣка на улицѣ нашли вмѣстѣ книгу и стали о ней спорить. Третій спросилъ: „Кто изъ васъ грамотный?“ Они сказали: „Никто, оба неграмотные.“ *Два плѣшивыхъ за гребень дерутся.*

Загадки.

Сидитъ баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ; кто взглянетъ, тотъ заплачетъ. (Луковица).

а
Семьдесятъ одёжекъ, всѣ безъ застё-
жекъ. (Капуста).

Г въ *В*.

а ова ф а
Виноватаго кровь — вода, а невин-
ова
наго — бѣда.

а а ч
Вздулся какъ пузырь дождевой и
в
сталъ — ничего.

На деревнѣ умеръ мальчикъ; мать
в
его плакала, а на улицѣ пѣли пѣсни.
Лѣсъ по дереву не плачетъ.

а а ой
Пріѣхалъ купецъ на постоялый
а а а
дворъ и спросилъ обѣдать. Хозяйка
ж
расказывала, какіе къ ней заѣзжаютъ
а а
купцы, а обѣдать не собирала. *Есть*
ш в
что слушать, да нечего кушать.

Загадки.

Живой мёртваго бьётъ, а мёртвый во всю глотку орётъ. (Колоколъ).

Летѣлъ жукъ и шумѣлъ: *убью, убью;* гусь спросилъ: *кого, кого?* Телёнокъ сказалъ: *меня, меня,* а уточка говоритъ: *такъ, такъ....*

А въ *О.*

Не ищи большаго, потеряешь малое.

Больнаго волка на овцу станетъ.

У богатаго мужика борода расчёсана лопатой, а у бѣднаго клиномъ. Богатый говоритъ: Иванъ мнѣ долженъ, и расправитъ бороду въ одну сторону; и Петръ мнѣ долженъ, и расправитъ

бороду въ другую сторону. А бѣдный говоритъ: „и я ему долженъ“, и соберётъ всю бороду въ горсть.

Загадки:

Стоитъ въ полѣ столбъ; этого столба ни перейти, ни переѣхать; хлѣбомъ не отманить, деньгами не откупить. (Смерть).

Летитъ—воетъ, сядетъ—землю роетъ. (Жукъ).

С въ *З*.

Сдѣлайся богатъ, друзья будутъ.

Содѣлавши добро,—не кайся. Съ чѣмъ въ колыбельку, съ тѣмъ и въ могилку.

Съ дуру, что съ дубу. Съ умнымъ найти, съ дуракомъ—потерять.

Съ глупымъ водиться, самъ поглупѣешь.

Мужикъ увидалъ — по рѣкѣ плывётъ бревно. Онъ сталъ съ берега топоромъ доставать его. Топоръ зацѣпился за бревно и вырвался изъ руки. *Погнался за топорищемъ, упустилъ топоръ.*

Старикъ сажалъ яблони. Ему сказали: ты не дождёшься съ нихъ яблокъ. *И пчела не на себя работаетъ.*

Загадки.

Съ году на годъ беззубая старушка Маврушка кости жуётъ. (Мялка, чѣмъ лёнъ мнутъ).

Катились каточки по $\overset{\text{а}}{\text{ясному}}$ $\overset{\text{а}}{\text{мосточку}}$, увидали зарю — пали въ воды.

(Звѣзды).

И въ *Ы*.

$\overset{\text{ы}}{\text{Жили}}$ дѣды, не видали бѣды; стали $\overset{\text{ы}}{\text{жить}}$ внуки, натерпѣлись муки.

$\overset{\text{ы}}{\text{Жидъ}}$ $\overset{\text{о й}}{\text{крещёный}}$, конь $\overset{\text{о й}}{\text{лечёный}}$, недругъ $\overset{\text{о й}}{\text{примирёный}}$.

$\overset{\text{А}}{\text{Одинъ}}$ $\overset{\text{а}}{\text{человѣкъ}}$ $\overset{\text{а}}{\text{много}}$ $\overset{\text{а}}{\text{про}}$ себя расказывалъ. $\overset{\text{х}}{\text{Кто}}$ бы дятла зналъ, кабы $\overset{\text{а}}{\text{носомъ}}$ не стучалъ.

Работникъ сталъ бранить $\overset{\text{а}}{\text{хозяина}}$.

И $\overset{\text{а}}{\text{собака}}$ не лаетъ на $\overset{\text{а в}}{\text{того}}$, чей хлѣбъ ѣстъ.

Загадки.

Не $\overset{\text{ы}}{\text{живой}}$, а $\overset{\text{и}}{\text{дышетъ}}$. (Квашня).

с а а с к
Безъ огня горитъ, безъ ногъ бѣ-
ы с
житъ, безъ крылъ летитъ. (Солнце, тучи, вѣтеръ).

а
Молодъ былъ — въ четыре дудки
а
игралъ, старъ сталъ — землю поднялъ. (Быкъ).

IЙ въ *ОЙ*

ой с а
Тихій возъ будетъ на горѣ.
а ой
Короткій счётъ, длинная дружба.
ой ы ова х
Прыткій набѣжитъ, а на тихаго Богъ
нанесётъ.

а с ой ф
Мышь вскочила въ узкій кувшинъ,
а с в а
не могла изъ него выскочить и закри-
чала: „пусти“!

а
Къ бѣдному мужику въ домъ при-
о ой ей
шелъ жалкій нищій. У бабы былъ

а п а а а а
только одинъ хлѣбъ; она отдала поло-
а х а
вину нищему. Когда она вышла на
дворъ, то увидала на верейкѣ (*) си-
а в
дитъ рой; баба огребла его и у ней
а а х
повелись пчелы. Дай въ окно, Богъ
а а
дастъ въ подворотню.

Загадки.

ой ой
Маленькій, кругленькій, а за хвостъ
а
не поймаешь. (Клубокъ).

ой
Маленькій Данилка въ петелькѣ уда-
а
вился. (Пуговка.)

Синенька маленька, скачетъ—всѣхъ людей красить. (Иголка)

Скоро ѣстъ, мелко жуётъ, сама не ѣстъ, другимъ не даётъ (Пила).

(*) Воротный столбъ.

А въ *Е*

Жалѣть мѣшка, не завесть дружка.

Жаль молока — не видать кошки.

Овцы ходили подъ лѣсомъ; два ягнёнка отбѣжали отъ стада. Старая овца сказала: „Не шалите ягнята, дошалитесь до бѣды.“ А волкъ стоялъ за кустомъ и сказалъ: „Не вѣрьте, ягнята, старой овцѣ; она говоритъ такъ потому, что у нея ноги неходятъ отъ старости и ей завидно. Зачѣмъ вамъ скучать? — бѣгайте больше.“ Ягнята послушали волка и побѣжали, а волкъ поймалъ ихъ и зарѣзалъ. Шаловливая овца волку корысть.

Загадки:

Не шагаетъ, а ходитъ. (Дверь).

Одинъ говоритъ: „побѣжимъ, побѣжимъ;“ другой говоритъ: „постоимъ, постоимъ“, третій говоритъ: пошатаемся, пошатаемся. (Рѣка, берега и трава).

ЫЙ въ *ОЙ*.

Счастливый пойдётъ—кладъ найдётъ, безсчастный и гриба не сыщетъ.

Счастливой собакѣ и хозяина не нужно.

Хозяинъ хотѣлъ вывести въ своемъ огородѣ репейники и каждый день ходилъ ихъ выкапывать; но каждый разъ. какъ онъ работалъ въ репейникахъ, репьи цѣплялись къ его платью, и когда

онъ отцѣплялъ[а] ихъ и бросалъ[а] на земь, на томъ мѣстѣ, куда онъ бросалъ[а] старый[ой] репейникъ—выросталъ[а] новый[ой].

Загадки.

Быкъ желѣзный[ой], хвостъ кудельный[ой].
(Иголка съ нитками).

Бѣлый[ой] лебедь на яицахъ сидитъ.
(Снѣгъ).

ІЙ въ *ЕЙ*.

Хорошій[а, ей] товаръ[а] самъ себя хвалитъ.

Хорошей[а] хозяйкой домъ стоитъ[а].

На вдовій[ей] дворъ хоть щепку кинь.

Вдовьей[е] участи не завидуй.

Два рыбака тянули[е] неводъ[а]. Когда[ах] стало тяжело[е], одинъ[а] остановился[а, а, а] и сказалъ, что[ш] неводъ[а] не хорошій[а, ей]; другой

остановился и сказалъ: „неводъ хорошій, но грузъ лишній“. Третій сказалъ: „Послѣ разсудимъ; а теперь тащить надо“. *За споромъ дѣло стало.*

Загадки.

Синій цвѣточекъ, малъ малышочекъ;
Мясо бросятъ, а шкурку износятъ;
Въ землю малый ушелъ, въ синей шапкѣ пришелъ. (Лёнъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Муравей и голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидала—муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Черепаха и орёлъ.

Черепаха просила орла, чтобы научилъ её летать. Орёлъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало; а она пуще

просила. Орёлъ взялъ её въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

Голова и хвостъ змѣи.

Змѣиный хвостъ заспорилъ съ змѣиной головой о томъ, кому ходить впереди? Голова сказала: „ты не можешь ходить передомъ, у тебя нѣтъ глазъ и ушей“. Хвостъ сказалъ: „а за то во мнѣ сила, я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься. Голова сказала: „разойдёмся!“

И хвостъ оторвался отъ головы и поползъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ головы, попалъ въ трещину и провалился.

Хорёкъ.

Хорёкъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а хорёкъ радовался, лизалъ, — думалъ, что изъ желѣза кровь идётъ, и погубилъ весь языкъ.

Тонкія нитки.

*О*динъ чел*о*в*ѣ*къ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но чел*о*вѣкъ сказалъ, *ч*то нитки не х*о*р*о*ши и *ч*то ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: „если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія“; и *о*на п*о*казала на пустое мѣсто. Онъ сказалъ, *ч*то не видитъ. Пряха сказала: „*о*тт*о*г*о* и не видишь, *ч*то *о*нѣ очень тонки; я и сама не вижу“.

Дуракъ *о*брад*о*вал*ся* и заказалъ себѣ ещё такихъ нит*о*къ, а за эти заплатилъ деньги.

Ле*в*ъ и мышь.

Ле*в*ъ спалъ. Мышь пр*о*бѣжала ему п*о* тѣлу. Онъ пр*о*снулся и п*о*ймалъ её. Мышь стала *о*тмалива*ться;* *о*на сказала: пустишь и я тебя п*о*милую“ Левъ засмѣялся, *ч*то мышь *о*бѣщаетъ ему мил*о*сть, и пустилъ её.

П*о*томъ *о*хотники п*о*ймали льва и прив*я*зали верё*в*кой къ дереву. Мышь услыхала львиный ре*в*ъ, прибѣжала,

перегрызла верёвку и сказала: „помнишь, ты смѣялся, не думалъ, чтобы отъ меня пришла отплата, а теперь видишь, — живётъ и отъ мыши милость“.

Обезьяна.

Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше, потомъ вынулъ клинъ и переложилъ еще дальше.

Обезьяна сидѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда человѣкъ лёгъ спать, обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла тоже дѣлать; но, когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Человѣкъ проснулся, прибилъ обезьяну и привязалъ на верёвку.

Лгунъ.

Мальчикъ стерёгъ овецъ и будто увидалъ волка, сталъ звать: „помогите,

волкъ! волкъ!“ Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось — и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: „сюда, сюда, скорѣй, волкъ!“ Мужики подумали, что опять по всегдашнему обманываетъ, — не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ всё стадо.

Оселъ и лошадь.

У одного человѣка былъ осёлъ и лошадь. Шли они по дорогѣ; осёлъ сказалъ лошади: „мнѣ тяжело, не дотащу я всего; возьми съ меня хоть немного“. Лошадь не послушалась. Осёлъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ всё съ осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: „охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной! Не хотѣла я немножко ему подсобить, теперь вотъ всё тащу, да ещё и шкуру“.

Галка и голуби.

Галка увидала, что голубей хорошо кормятъ,—выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой-же голубь, и пустили её. Но галка забыла и закричала по галчьи. Тогда её голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались, что она бѣлая и тоже прогнали.

Баба и курица.

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, она вдвое будетъ нестись. Такъ и сдѣлала. Курица зажирѣла и перестала нестись.

Дележъ наслѣдства.

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: „умру, — раздѣлите всё пополамъ". Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлиться безъ спора. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ, какъ отецъ велѣлъ имъ дѣлиться. Они сказали: онъ велѣлъ дѣ-

лить всё пополамъ". Сосѣдъ сказалъ: „такъ разорвите пополамъ всѣ платья, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину". Братья послушали сосѣда и у нихъ ничего не осталось.

Левъ, медвѣдь и лисица.

Левъ и медвѣдь добыли мяса и стали за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить и левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли оба и легли. Лисица увидала промежъ ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Собака, пѣтухъ и лисица.

Собака и пѣтухъ пошли въ товарищахъ странствовать. Ввечеру пѣтухъ уснулъ на деревѣ, а собака пристроилась у того-же дерева промежъ кореньевъ. Какъ пришло время, пѣтухъ запѣлъ. Лисица услыхала пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то, что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: „надо

прежде разбудить дворника, онъ спитъ промежъ кореньевъ. Пусть отопрётъ, тогда я сойду". Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Лошадь и конюхъ.

Конюхъ кралъ у лошади овёсъ и продавалъ, а лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: „если вправду хочешь, чтобъ я была хороша,—овёсъ мой не продавай".

Лягушка и левъ.

Левъ услыхалъ — лягушка громко квакаетъ и подумалъ, что большой звѣрь такъ громко кричитъ. Онъ подождалъ немного, видитъ — вышла лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: „глядѣть не на что, а я испугался".

Обезьяна и горохъ.

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотѣла поднять и просыпала

двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Дойная корова.

У одного человѣка была корова; она давала каждый день горшокъ молока. Человѣкъ позвалъ гостей. Чтобы набрать больше молока, онъ десять дней не доилъ коровы. Онъ думалъ, что на десятый день корова дастъ ему десять кувшиновъ молока.

Но въ коровѣ перегорѣло молоко, и она дала меньше молока, чѣмъ прежде.

Стрекоза и муравьи.

Осенью у муравьёвъ подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у нихъ корму. Муравьи сказали: „чтожъ-ты лѣтомъ не собрала корму?“ Она сказала: „недосугъ было: пѣсни пѣла“. Они засмѣялись и говорятъ: „если лѣтомъ играла, зимой пляши“.

Курица и золотыя яица.

У одного хозяина курица несла золотыя яица. Ему захотѣлось сразу побольше золота и онъ убилъ курицу (онъ думалъ, что внутри ея большой комъ золота), а она была такая-же, какъ и всѣ курицы.

Волкъ и старуха.

Голодный волкъ разыскивалъ добычу. На краю деревни онъ услыхалъ въ избѣ плачетъ мальчикъ и старуха говоритъ:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдамъ.

Волкъ не пошёлъ дальше и сталъ дожидаться, когда ему отдадутъ мальчика. Вотъ пришла ночь; онъ всё ждётъ и слышитъ—старуха опять приговариваетъ:

— Не плачь, дитятко; не отдамъ тебя волку; только приди волкъ, убьёмъ его.

Волкъ и подумалъ: видно тутъ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое; и пошёлъ прочь отъ деревни.

Ученый сынъ.

Сынъ пріѣхалъ изъ города къ отцу въ деревню. Отецъ сказалъ: „нынче покосъ, возьми грабли и пойдёмъ, пособи мнѣ“. А сыну не хотѣлось работать, онъ и говоритъ: „я учился наукамъ, а всѣ мужицкія слова забылъ; что такое грабли?“ Только онъ пошёлъ по двору, наступилъ на грабли; они его ударили въ лобъ. Тогда онъ и вспомнилъ, что такое грабли, хватился за лобъ и говоритъ: „и что за дуракъ тутъ *грабли* бросилъ!“

Мужикъ и лошадь.

Поѣхалъ мужикъ въ городъ за овсомъ для лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про мужика: „куда онъ, дуракъ, меня гонитъ; лучше бы домой“. Не доѣзжая до города, мужикъ видитъ, что лошади тяжело по грязи, своротилъ на мостовую; а лошадь воротитъ прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ

кнутомъ и дёрнулъ лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: „зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жёстко“.

Мужикъ подъѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса, и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: „какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чёмъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздилъ и гонялъ меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома; онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овёсъ“.

II.

Море.

Море широко и глубоко; конца морю не видно. Въ морѣ солнце встаётъ и въ морѣ садится. Дна моря никто не досталъ и не знаетъ. Когда вѣтра нѣтъ, море сине и гладко; когда подуетъ вѣтеръ, море всколыхается и станетъ неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются и съ нихъ брызжетъ бѣлая пѣна. Тогда корабли волнами кидаетъ, какъ щепки. *Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.*

Слѣпой и глухой.

Слѣпой и глухой пошли въ чужое поле за горохомъ. Глухой сказалъ слѣпому: „ты слушай и мнѣ сказывай, а я буду смотрѣть—тебѣ скажу."

Машѣ: „тащи его за голову!“ а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу.

Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Когда я былъ маленькій, меня пугали слѣпыми нищими, и я боялся ихъ. Одинъ разъ я пришёлъ домой, а на крыльцѣ сидѣло двое слѣпыхъ нищихъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я боялся бѣжать назадъ и боялся пройти мимо ихъ: я думалъ, что они схватятъ меня. Вдругъ одинъ изъ нихъ (у него были бѣлые, какъ молоко, глаза) поднялся, взялъ меня за руку и сказалъ: „паренёкъ! что-же милостыньку?“ Я вырвался отъ него и прибѣжалъ къ матери. Она выслала со мною денегъ и хлѣба. Нищіе обрадовались хлѣбу, стали креститься и ѣсть. Потомъ нищій съ бѣлыми глазами сказалъ: „хлѣбъ твой хорошій—спаси Богъ“. И онъ опять взялъ меня за руку и ощупалъ её. Мнѣ его стало жалко и съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Мышь-дѣвочка.

Одинъ человѣкъ шёлъ подлѣ рѣки и увидалъ, что воронъ несётъ мышь. Онъ бросилъ въ него камнемъ, и воронъ выпустилъ мышь; мышь упала въ воду. Человѣкъ досталъ её изъ воды и принёсъ домой. У него не было дѣтей, и онъ сказалъ: „ахъ! еслибъ эта мышь сдѣлалась дѣвочкой!" И мышь сдѣлалась дѣвочкой. Когда дѣвочка выросла, человѣкъ спросилъ её: „за кого ты хочешь замужъ?" Дѣвочка сказала: „хочу выйти за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ". Человѣкъ пошёлъ къ солнцу и сказалъ: „солнце! моя дѣвочка хочетъ выйти замужъ за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ". Солнце сказало: „я не сильнѣе всѣхъ: тучи заслоняютъ меня."

Человѣкъ пошёлъ къ тучамъ и сказалъ: „тучи! вы сильнѣе всѣхъ, женитесь на моей дѣвочкѣ". Тучи сказали: „нѣтъ, мы не сильнѣе всѣхъ: вѣтеръ гоняетъ насъ".

Человѣкъ пошёлъ къ вѣтру и ска-

залъ: „вѣтеръ! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Вѣтеръ сказалъ: „я не сильнѣе всѣхъ: горы останавливаютъ меня“.

Человѣкъ пошёлъ къ горамъ и сказалъ: „горы женитесь на моей дѣвочкѣ: вы сильнѣе всѣхъ“. Горы сказали: „сильнѣе насъ крыса: она грызётъ насъ“.

Тогда человѣкъ пошёлъ къ крысѣ и сказалъ: „крыса! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Крыса согласилась. Человѣкъ вернулся къ дѣвочкѣ и сказалъ: „крыса сильнѣе всѣхъ: она грызётъ горы, горы останавливаютъ вѣтеръ, вѣтеръ гонитъ тучи, а тучи заслоняютъ солнце, и крыса хочетъ жениться на тебѣ“. Но дѣвочка сказала: „Ахъ! что мнѣ теперь дѣлать! какъ же я выйду замужъ за крысу?“ Тогда человѣкъ сказалъ: „ахъ! если-бъ моя дѣвочка сдѣлалась опять мышью!“

И изъ дѣвочки сдѣлалась мышь, и мышь вышла замужъ за крысу.

? **Липунюшка.**

Жилъ старикъ со старухою. У нихъ не было дѣтей. Старикъ поѣхалъ въ поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блиновъ и говоритъ:

„Если бы былъ у насъ сынъ, онъ бы отцу блиновъ отнёсъ; а теперь съ кѣмъ я пошлю?"

Вдругъ изъ хлопка вылѣзъ маленькій сыночекъ и говоритъ:

— Здравствуй, матушка!

А старуха и говоритъ: „откуда ты, сыночекъ, взялся, и какъ тебя звать?"

А сыночекъ и говоритъ:

— Ты, матушка, отпряла хлопочекъ и положила въ столбочекъ, я тамъ и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блиновъ батюшкѣ.

Старуха и говоритъ:

„Ты донесёшь ли, Липунюшка?"

— Донесу, матушка.

Старуха завязала блины въ узелокъ и дала сыночку. Липунюшка взялъ узелокъ и побѣжалъ въ поле.

Въ полѣ попалась ему на дорогѣ кочка; онъ и кричитъ:

— Батюшка, батюшка, пересади меня черезъ кочку! Я тебѣ блиновъ принёсъ.

Старикъ услыхалъ съ поля, кто-то его зовётъ, пошёлъ къ сыну навстрѣчу, пересадилъ его черезъ кочку и говорить:

— „Откуда ты, сынокъ?“ А мальчикъ говоритъ:

— Я, батюшка, въ хлопочкѣ вывелся“, и подалъ отцу блиновъ. Старикъ сѣлъ завтракать, а мальчикъ говоритъ:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старикъ говоритъ: „у тебя силы не достанетъ пахать“.

А Липунюшка взялся за соху и сталъ пахать. Самъ пашетъ и самъ пѣсни поётъ.

Ѣхалъ мимо этого поля баринъ и увидалъ, что старикъ сидитъ завтракаетъ, а лошадь одна пашетъ. Баринъ вышелъ изъ кареты и говоритъ старику: „какъ это у тебя старикъ, лошадь одна пашетъ?“

А старикъ говоритъ: „у меня тамъ

мальчикъ пашетъ, онъ и пѣсни поётъ". Баринъ подошёлъ ближе, услыхалъ пѣсни и увидалъ Липунюшку.

Баринъ и говоритъ: „старикъ! продай мнѣ мнѣ мальчика". А старикъ говоритъ „нѣтъ, мнѣ нельзя продать, у меня одинъ только и есть".

А Липунюшка говоритъ старику: „продай, батюшка, я убѣгу отъ него".

Мужикъ и продалъ мальчика за сто рублей. Баринъ отдалъ деньги, взялъ мальчика, завернулъ его въ платочекъ и положилъ въ карманъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говоритъ женѣ: „я тебѣ радость привёзъ". А жена говоритъ: „покажи, что такое?" Баринъ досталъ платочекъ изъ кармана, развернулъ его; а въ платочкѣ ничего нѣту. Липунюшка ужъ давно къ отцу убѣжалъ.

III.

Слонъ.

У одного Индѣйца былъ слонъ. Хозяинъ дурно кормилъ его и заставлялъ много работать. Одинъ разъ слонъ разсердился и наступилъ ногою на своего хозяина. Индѣецъ умеръ. Тогда жена индѣйца заплакала, принесла своихъ дѣтей къ слону и бросила ихъ слону подъ ноги. Она сказала: „слонъ! ты убилъ отца, убей и ихъ". Слонъ посмотрѣлъ на дѣтей, взялъ хоботомъ старшаго, потихоньку поднялъ и посадилъ его себѣ на шею. И слонъ сталъ слушаться этого мальчика и работать для него.

Китайская Царица Силинчи.

У Китайскаго Императора Гоангчи была любимая жена Силинчи. Импе-

раторъ хотѣлъ, чтобы весь народъ помнилъ его любимую царицу. Онъ показалъ женѣ шелковичнаго червя и сказалъ: „научись, что съ этимъ червякомъ дѣлать и какъ его водить, и тебя народъ никогда не забудетъ“.

Силинчи стала смотрѣть червей и увидала, что когда они замираютъ, то на нихъ бываетъ паутина. Она размотала эту паутину, спряла её въ нитки и соткала шёлковый платокъ. Потомъ она примѣтила, что черви водятся на тутовыхъ деревьяхъ. Она стала собирать листъ съ тутоваго дерева и кормить имъ червей. Она развела много червей и научила свой народъ, какъ водить ихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло пять тысячъ лѣтъ, а Китайцы до сихъ поръ помнятъ Императрицу Силинчи и въ честь ея празднуютъ.

Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей.

Китайцы долго одни умѣли разводить шёлкъ и ни кому этого искус-

ства не показывали, а продавали за дорогія деньги шёлковыя ткани.

Бухарскій царь услыхалъ объ этомъ, и ему захотѣлось достать червей и научиться этому дѣлу. Онъ просилъ Китайцевъ дать ему сѣмянъ червей и деревьевъ. Они отказали. Тогда Бухарскій царь послалъ сватать за себя дочь у Китайскаго Императора и велѣлъ сказать невѣстѣ, что у него всего много въ царствѣ, нѣтъ только одного— шёлковыхъ тканей;—такъ чтобы она съ собою потихоньку привезла сѣмянъ шелковицы и червей, а то не во что ей будетъ наряжаться.

Царевна набрала сѣмянъ червей и деревьевъ и положила себѣ въ головную повязку.

Когда на границѣ стали осматривать,—не везётъ-ли она съ собою потихоньку чего запрещеннаго, никто не посмѣлъ развязать ея повязку.

И Бухарцы развели у себя тутовыя деревья и шелковичныхъ червей, а царевна научила водить ихъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

Эскимосы.

На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто, а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдётъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца, **въ** самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. **Въ** этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ Эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда **изъ** своей земли не ѣздятъ. Ростомъ Эскимосы бываютъ невелики, но головы **у** нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жёстки. Носы **у** нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькія, Эскимосы живутъ **въ** снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ **изъ** снѣгу кирпичей и сложатъ **изъ** нихъ домъ, какъ печку. Вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу **подъ** снѣгомъ и **черезъ** эту трубу влѣзаютъ

въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ Эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ, какъ звѣри, сырое мясо. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и верёвки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; верёвки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье — изъ звѣриныхъ кожъ.

Они складываютъ двѣ кожи шерстью наружу, протыкаютъ рыбьими костями, и сшиваютъ жилами. Такъже они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они дѣлаютъ копья и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мущины одѣваются одинаково. У женщинъ только бываютъ очень широки сапоги. Въ эти широкія голенища сапоговъ онѣ кладутъ маленькихъ дѣтей и такъ носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у Эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно. А лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

Отъ скорости сила.

Одинъ разъ машина ѣхала очень скоро по желѣзной дорогѣ. А на самой дорогѣ, на переѣздѣ, стояла лошадь съ тяжёлымъ возомъ. Мужикъ гналъ лошадь черезъ дорогу, но лошадь не могла сдвинуть возъ, потому что заднее коле соскочило. Кондукторъ закричалъ машинисту: „держи", но машинистъ не послушался. Онъ смекнулъ, что мужикъ не можетъ ни согнать лошадь съ телѣгой, ни своротить её, и что машины сразу остановить нельзя. Онъ не сталъ останавливать, а самымъ скорымъ ходомъ пустилъ машину и во весь духъ налетѣлъ на телѣгу. Мужикъ отбѣжалъ отъ телѣги, а машина, какъ щепку, сбросила съ дороги телѣгу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробѣжала дальше. Тогда машинистъ сказалъ кондуктору: „теперь мы только убили

одну лошадь и сломали телѣгу, а если бы я тебя послушалъ, мы сами бы убились и перебили бы всѣхъ пассажировъ. **На** скоромъ ходу мы сбросили телѣгу и не слыхали толчка, а **на** тихомъ ходу насъ бы выбросило **изъ** рельсовъ.

Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ.

Въ одномъ большомъ домѣ разошлись врозь стѣны. Стали думать, какъ ихъ свести такъ, чтобы не ломать крыши. Одинъ человѣкъ придумалъ. Онъ вдѣлалъ **съ** обѣихъ сторонъ **въ** стѣны желѣзныя ушки; потомъ сдѣлалъ желѣзную полосу, такую, чтобы она **на** вершокъ не хватала **отъ** ушка **до** ушка. Потомъ загнулъ **на** ней крюки **по** концамъ такъ, чтобы крюки входили **въ** ушки. Потомъ разогрѣлъ полосу **на** огнѣ; она раздалась и достала **отъ** ушка **до** ушка. Тогда онъ задѣлъ крюками **за** ушки и оставилъ её такъ. Полоса стала остывать и сжиматься, и стянула стѣны.

Куда дѣвается вода изъ моря?

Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течётъ **въ** ручьи, **изъ** ручьёвъ **въ** рѣчки, **изъ** рѣчекъ **въ** большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течётъ **въ** моря. **Съ** другихъ сторонъ **въ** моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ **въ** моря **съ** тѣхъ поръ, какъ міръ сотворёнъ. Куда дѣвается вода **изъ** моря? Отчего оно не течётъ **черезъ** край?

Вода **изъ** моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, и **изъ** тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ **по** землѣ. **Изъ** тучъ вода падаетъ **на** землю. **Съ** земли стекаетъ **въ** болота и ручьи. **Изъ** ручьёвъ течётъ **въ** рѣки; **изъ** рѣкъ **въ** море. **Изъ** моря опять вода поднимается **въ** тучи, и тучи разносятся **по** землѣ....

IV.

ДУРЕНЬ.

Задумалъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ дурень
Двѣ избы пусты;
Глянулъ въ подполье:
Въ подпольѣ черти,
Вострого̀ловы,
Глаза, что ложки,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
Въ карты играютъ,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ.
Дурень имъ молвилъ:
«Богъ да на помочь
«Вамъ, добрымъ людямъ».
Черти не любятъ,—
Схватили дурня,
Зачали бити,
Стали давити,
Еле живаго
Дурня пустили.
Приходитъ дурень
Домой, самъ плачетъ,
На голосъ воетъ.
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то тоже:
«Дурень, ты, дурень,
«Глупый ты Бабинъ.
«Тоже ты слово
«Не такъ бы молвилъ;
«А ты бы молвилъ:
«Будь ты, врагъ, проклят
«Имемъ Господнимъ!
«Черти ушли бы,
«Тебѣ бы, дурню,
«Деньги достались
«За мѣсто клада»
—«Добро же, баба,

«Ты, бабари̂ха,
«Матерь Луке̂рья,
«Сестра Черна̂ва,
«Вперёдъ я, ду̂рень,
«Таковъ не бу̂ду».
Пошёлъ онъ, ду̂рень,
На Русь гуля̂ти,
Людей вида̂ти,
Себя каза̂ти.
Увидѣлъ ду̂рень
Четырёхъ бра̂товъ,—
Ячмень моло̂тятъ.
Онъ братьямъ мо̂лвилъ:
«Будь ты, врагъ, про̂клятъ
«Имемъ Господ̂нимъ!»
Какъ сграбятъ ду̂рня
Четыре бра̂та,
Зачали би̂ти,
Еле жива̂го
Дурня пусти̂ли.
Приходитъ ду̂рень
Домой, самъ пла̂четъ,
На голосъ во̂етъ.
А мать брани̂ти,
Жена пѣня̂ти,
Сестра-то та̂кже:
«Дурень, ты, ду̂рень,
«Глупый ты Ба̂бинъ,
«То-же ты сло̂во
«Не такъ бы мо̂лвилъ.
«Ты бы имъ мо̂лвилъ:

«Богъ вамъ на по̂мочь,
«Чтобъ по сту на̂ день,
«Чтобъ не сноси̂ти»
—«Добро же, ба̂ба,
«Ты, бабари̂ха,
«Матерь Луке̂рья,
«Сестра Черна̂ва,
«Впередъ я ду̂рень
«Таковъ не бу̂ду».
Пошёлъ онъ, ду̂рень,
На Русь гуля̂ти,
Людей вида̂ти,
Себя каза̂ти.
Увидѣлъ ду̂рень,—
Семеро бра̂тьевъ
Матерь хоро̂нятъ;
Всѣ они пла̂чутъ,
Голосомъ во̂ютъ.
Онъ имъ и мо̂лвилъ:
«Богъ вамъ на по̂мочь,
«Семеро бра̂тьевъ,
«Мать хорони̂ти,
«Чтобъ по сту на̂ день,
«Чтобъ не сноси̂ти».
Сграбили ду̂рня
Семеро бра̂тьевъ,
Зачали би̂ти,
Стали таска̂ти,
Въ грязи валя̂ти,
Еле жива̂го
Дурня пусти̂ли.

Идётъ онъ, ду̀рень,
Домой, да пла̀четъ,
На голосъ во̀етъ.
А мать брани̇ти,
Жена пѣня̀ти,
Сестра-то та̀кже:
«Дурень, ты, ду̀рень,
«Тоже ты сло̀во
«Не такъ бы мо̀лвилъ,
«А ты бы мо̀лвилъ:
«Канунъ да ла̀данъ,
«Дай же Госпо̀дь Богъ
«Царство небѐсно,
«Пресвѣтлый ра̀й ей
«Тебя бы ду̀рня
«Тамъ накормили
«Кутьёй съ блинами».
—«Добро же ба̀ба,
«Ты, бабари̇ха,
«Матерь Лукѐрья,
«Вперёдъ я ду̀рень
«Таковъ не бу̀ду».
Пошёлъ онъ, ду̀рень,
На Русь гуля̀ти,
Людей вида̀ти,
Себя каза̀ти:
На встрѣчу сва̀дьба,—
Онъ имъ и молвилъ:
«Канунъ да ла̀данъ,
«Дай Господь Бо̀гъ вамъ,
«Царство небѐсно,
«Пресвѣтлый ра̀й всѣмъ».
Скочили дру̀жки,
Схватили ду̀рня,
Зачали би̇ти,
Плетьми стега̀ти,
Въ лицо хлеста̀ти.
Пошёлъ, запла̀калъ,
Идётъ да во̀етъ;
А мать брани̇ти,
Жена пѣня̀ти,
Сестра-то та̀кже:
«Дурень, ты, ду̀рень,
«Ты глупый Ба̀бинъ,
«Ты тоже сло̀во
«Не такъ бы мо̀лвилъ;
«А ты бы молвилъ:
«Дай Господь Бо̀гъ вамъ,
«Князю съ княги̇ней,
«Законъ приня̀ти,
«Любовно жи̇ти,
«Дѣтей своди̇ти».
—«Вперёдъ я ду̀рень
«Таковъ не бу̀ду».
Пошёлъ онъ, ду̀рень,
На Русь гуля̀ти,
Людей вида̀ти,
Себя каза̀ти.
Попался ду̀рню
На встрѣчу ста̀рецъ;
Онъ ему мо̀лвилъ:
«Дай Богъ тѣ старцу

«Законъ приняти,
«Любовно жити,
«Дѣтей сводити».
Какъ схватитъ старецъ
За воротъ дурня,
Сталъ его бити,
Сталъ колотити,
Сломалъ костыль весь.
Пошёлъ онъ, дурень,
Домой, самъ плачетъ,
А мать бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
«Ты глупый Бабинъ,
«Ты тоже слово,
«Не такъ бы молвилъ.
«А ты бы молвилъ:
«Благослови мя,
«Святой Игуменъ».
—«Добро же, баба,
«Ты бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Впередъ я, дурень,
«Таковъ не буду».
Пошёлъ онъ, дурень,
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ дурень
Въ бору медвѣдя,—
Медвѣдь за елью
Деретъ корову.
Онъ ему молвитъ:
«Благослови мя,
«Святой Игуменъ».
Медвѣдь на дурня
Кинулся, сграбилъ,
Началъ коверкать,
Началъ ломати,
Едва живаго
Дурня оставилъ.
Приходитъ дурень
Домой, самъ плачетъ,
На голосъ воетъ,
Матери скажетъ.
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
«Ты глупый Бабинъ,
«Ты тоже слово
«Не такъ бы молвилъ;
«Ты бы заулькалъ,
«Ты бы загайкалъ
«Заулюлюкалъ».
—«Добро же, баба,
«Ты, бабариха,
«Матерь Лукерья,
«Сестра Чернава.
«Впередъ я, дурень,
«Таковъ не буду».
Пошёлъ онъ дурень

На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Идётъ онъ, дурень,
Во чистомъ полѣ,—
На встрѣчу дурню
Идётъ полковникъ.
Зауськалъ дурень,
Загайкалъ дурень,
Заулюлюкалъ.
Сказалъ полковникъ
Своимъ солдатамъ,
Схватили дурня,—
Зачали бити,
До смерти дурня
Тутъ и убили.

СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

Выѣзжалъ-ли Святогоръ гулять въ чисто поле,
Никого-то Святогоръ онъ не нахаживалъ,
Съ кѣмъ бы силой богатырскою помѣряться;
А самъ чуетъ въ себѣ силу онъ великую,
Чуетъ—живчикомъ по жилкамъ разливается,
Грузно съ силы Святогору, какъ отъ бремени.
И промолвилъ Святогоръ-свѣтъ похваляючись:
«По моей ли да по силѣ богатырскоей
«Кабъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.»
Со тѣхъ словъ увидѣлъ Святогоръ прохожаго,—
Сдалека въ степи идётъ прохожій съ сумочкой,—
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохожему.
Ѣдетъ рысью, всё прохожій идётъ передомъ,—
Во всю прыть не можетъ онъ догнать прохожаго.
Закричалъ тутъ Святогоръ да громкимъ голосомъ:
«Гой, прохожій человѣкъ, пожди немножечко,
«Не могу догнать тебя я на добромъ конѣ».
Сдалека прохожій Святогора слушался,
Становился, съ плечъ на землю бросалъ сумочку.

Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку,
Своей плёточкой онъ сумочку пощупывалъ,—
Какъ урослая та сумочка не тронется.
Святогоръ съ коня перстомъ её потрогивалъ,—
Не сворохнется та сумка, не шевельнется.
Святогоръ съ коня хваталъ рукой, потягивалъ,—
Какъ урослая та сумка не поднимется.
Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку,
Онъ приладился, взялся руками обѣими,
Во всю силу богатырску принатужился,—
Отъ натуги по бѣлу лицу аль кровь пошла,
А поднялъ суму отъ земи только на волосъ,
По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ.
Взговоритъ ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду истинну;
«А и что, скажи ты, въ сумочкѣ накладено?»
Взговоритъ ему прохожій да на тѣ слова:
«Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли».
Взговоритъ тутъ Святогоръ да ко прохожему:
«А ты самъ кто есть, какъ звать тебя по имени?»
Взговоритъ ему прохожій ли на тѣ слова:
«Я Микула есмь, мужикъ я Селяниновичъ,
«Я Микула,—меня любитъ мать сыра земля».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

П, п, покой, п.	
По потопѣ тріе сынове [1]) Ноеви раздѣлиша [2]) землю, Симъ, Хамъ и Афетъ.	Послѣ потопа три сына Ноевы раздѣлили землю, Симъ, Хамъ и Іафетъ.
С, с, слово, с.	
И яся въстокъ Симови [3]): Сурія, Мидія, Вавилонъ и другія страны.	И достался востокъ Симу: Сирія, Мидія, Вавилонъ и другія страны.
Ѳ, ѳ, ѳита, ѳ.	
Хамови же яся полуденьная страна: Египетъ, Еѳивопья, Ѳива и другія страны.	Хаму же досталась южная страна: Египетъ, Еѳіопія, Ѳивы и другія страны.

[1]) *Сынове*—сыновья, *сыновъ*—сыновей, *сыномъ*, *сыновомъ*—сыновьямъ.

[2]) *Раздѣлиша*—очи раздѣлили, *раздѣлихомъ*—мы раздѣлили, *раздѣлисте*—вы раздѣлили.

[3]) *Симови*—Симу, *Господеви*—Господу.

Я, а, азъ, а.

Яфету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидія, Арменія, Сармати и другія.

Іафету же достались сѣверныя страны и западныя: Мидія, Арменія, Сарматія и другія.

Х, χ, хѣръ, х.

Симъ же, и Хамъ и Яфетъ, раздѣливше [1]) землю, — жребьи метавше, — не преступати ни комуже въ жребій братень, живяχу [2]) кождо [3]) въ своей части.

Симъ же и Хамъ и Іафетъ, раздѣливши землю, — жребьи кинувши, — (чтобъ) непереходить никому въ долю братнину, жили каждый въ своей части.

Б, б, буки, б.

Бысть [4]) языкъ единъ, и умножившимъся человѣкомъ [5]) на земли, помыслиша создати столпъ до небесе [6]).

Былъ языкъ (и народъ) одинъ, и, когда умножились люди на землѣ, задумали они выстроить столбъ (башню) до неба.

В, в, вѣди, в.

И собрашася на мѣстѣ Сенаръ здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ.

И собрались на мѣстѣ Сенаръ строить столбъ (башню) до неба и городъ вокругъ него Вавилонъ.

З, з, земля, з.

И здаша столпъ за четыредесять лѣтъ, и несвершенъ бысть.

И строили башню сорокъ лѣтъ, и (еще) некончена была.

---

[1]) *Раздѣливше*—раздѣливши.
[2]) *Живяху*—они жили, *живяхомъ*—мы жили, *живясте*—вы жили.
[3]) *Кождо*—каждый, *когождо*—каждаго, *комуждо*—каждому.
[4]) *Бысть*—онъ былъ, *быхъ*—я былъ.
[5]) *Умножившимся человѣкомъ*—когда умножились люди.
[6]) *Небесе*—неба, *небеси*—небу, *небесемъ*—небомъ.

Г, г, глаголь, г.

И сниде [1]) Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече [2]) Господь: се родъ и языкъ единъ.

И сошёлъ Господь Богъ, (чтобъ) видѣть городъ и башню, и сказалъ Господь: вотъ родъ одинъ и языкъ (народъ) одинъ.

Р, ρ, рцы, р.

И смѣси [3]) Богъ языки, и раздѣли на седмьдесять и два языка, и разсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ [4]), Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ.

И смѣшалъ Богъ языки (народы), и раздѣлилъ на семьдесять два народа (языка), и разсѣялъ по всей землѣ. Послѣ смѣшенія же народовъ, Богъ вѣтромъ большимъ разрушилъ башню.

V, v, ижица, v

И есть останокъ его промежю Асура и Вавилона, и есть въ высоту и въ широту локоть пять тысячь четыреста тридесять три.

И есть остатокъ ея между Ассиромъ и Вавилономъ, и онъ въ высоту и ширину локтей пять тысячъ четыреста тридцать три.

Ъ, ъ, еръ, ъ (въ концѣ слова Ъ, и какъ О въ серединѣ слова).

По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, пріяша сынове Симови всточ-

Послѣ разрушенія башни и послѣ раздѣленія народовъ, взяли потомки Симовы

---

[1]) *Сниде*—онъ сошёлъ, *снидохъ*—я сошёлъ.
[2]) *Рече*—онъ сказалъ, *рекохъ*—я сказалъ.
[3]) *Смѣси*—онъ смѣсилъ, *смѣсихъ*—я смѣсилъ.
[4]) *Языкъ*—языковъ (народовъ), *языци*—языки (народы).

ныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны.

восточныя страны, а Хамовы потомки южныя страны.

Ф, ф, фертъ, ф.

Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же седмидесяти и двухъ языкъ бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова.

Іафетовы же (потомки) взяли западъ и сѣверныя страны. Изъ этихъ-то семидесяти двухъ народовъ (языковъ) одинъ былъ народъ (языкъ) Славянскій отъ племени Іафетова.

Оу, оу, Ѹ, ȣ, у, укъ, у.

По мнозѣхъ же временѣхъ[1]) сѣли суть [2]) Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.

Послѣ же долгаго времени сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ нынче Угорская земля и Болгарская.

М, м, мыслѣте, м.

Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася [3]) по землѣ и прозвашася имены своими [4]), гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Морава.

Изъ этихъ Славянъ разошлись (Славяне) по землѣ и прозвались именами своими, гдѣ (кто) сѣлъ на какомъ мѣстѣ; какъ (напримѣръ, какіе) пришедши сѣли на рѣкѣ по имени Морава, (тѣ) и прозвались Морава.

---

[1]) *Мнозѣхъ временѣхъ*—многихъ временахъ, *многа времена*—многія времена, *многомъ временемъ*—многимъ временамъ.

[2]) *Сѣли суть*—они сѣли, *сѣлъ есмь*—я сѣлъ, *сѣлъ есть*—онъ сѣлъ.

[3]) *Разидошася*—они разошлись, *разидохомся*—мы разошлись.

[4]) *Имены*—именами, *именомъ*—именамъ, *именѣхъ*—именахъ.

Ѣ, ѣ, ять, ѣ.

Такоже и тѣже Словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ.

Такъ тѣже Славяне пришедши сѣли по Днѣпру и назвались Поляне, а другіе (назвались) Древляне, потому что сѣли въ лѣсахъ.

И, и, иже, и.

Инія сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже [1]) втечеть [2]) въ Двину именемъ Полота. Отъ сея прозвашася Полочане.

Иные сѣли по Двинѣ и назвались Полочане отъ рѣчки, которая втекаетъ въ Двину, по имени Полота. Отъ нея (-то) прозвались Полочане.

Н, н, нашъ, н.

Словѣне же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и [3]) Новъгородъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Славяне же сѣли вокругъ озера Илменя и прозвались своимъ именемъ, построили городъ и назвали его Новгородъ. Такъ разошелся славянскій народъ (языкъ); по нёмъ же и грамота прозвалась Славянская.

Ь, ь, ерь (ь въ концѣ слова, въ серединѣ какъ е).

Оньдрѣю брату Петрову учащю [4]) въ Синопіи и при-

Когда Андрей, братъ Петровъ, училъ въ Синопіи,

[1]) *Яже*—которая, *еяже* — которой, *ейже* — которой, *юже* — которую.

[2]) *Втечеть*—втекаетъ, *втечеши*—втекаешь.

[3]) *И*—его, *ю*—её, *е*—его.

[4]) *Оньдрѣю учащу*—когда Андрей училъ.

шедшю [1]) ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское; въсхотѣ поити въ Римъ и приде въ устье Днѣпрьское.	пришёлъ онъ въ Корсунь и увидѣлъ, что отъ Корсуни близко устье Днѣпровское; захотѣлъ онъ идти въ Римъ и пришёлъ въ устье Днѣпровское.
Ѿ, ѿ, отъ.	
Ѿтолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ [2]). Заутра въставъ, и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ [3]): «видите ли горы сія?»	Оттуда поплылъ по Днѣпру вверхъ, и случайно подплылъ и остановился подъ горами на берегѣ. На утро, вставши, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите ли горы эти?»
Я, Ꙗ, ꙗ, Ѧ, ѧ, я.	
«Яко на сихъ горахъ возсіѧеть благодать Божіѧ, имать градъ великъ быти [4]), и церкви многи Богъ воздвигнути имать [5])». Въшедъ на горы сіѧ, благослови ѧ [6]), постави крестъ, и помоливъсѧ	«(Что) На этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, городъ большой будетъ и церквей много Богъ воздвигнетъ.» Взошедши на горы эти, онъ благословилъ ихъ, поставилъ крестъ,

[1]) *Пришедшю ему*—когда онъ пришёлъ.

[2]) *На березѣ*—на берегѣ, *берези*— берега, *на березѣхъ*—на берегахъ.

[3]) *Ученикомъ*—ученикамъ, *ученици*—ученики, *ученикъ*—учениковъ.

[4]) *Имать быти*—онъ будетъ, *имамъ быти*—я буду, *имаши быти*—ты будешь.

[5]) *Имать воздвигнути* — воздвигнетъ, *имамъ воздвигнути* — воздвигну.

[6]) *Я*—ихъ.

Богу, и сълѣзъ съ горы сеѧ, идеже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ.

Щ, щ, ща, щ.

И пріиде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущаѧ, како есть обычай имъ, и како сѧ мыють [1]), хвощутсѧ, и удивисѧ имъ.

Є, є, есть, е.

Иде въ Варѧги и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече: «дивно видѣхъ Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережьгуть [2]) е [3]) рамѧно, совлокутьсѧ и будуть нази, [4]) и облѣютсѧ квасомъ усніѧнымъ, и возьмуть на сѧ прутье младое, бьютьсѧ сами».

и, помолившись Богу, сошёлъ съ горы этой, гдѣ послѣ былъ Кіевъ, и поплылъ по Днѣпру вверхъ.

И пришёлъ къ Славянамъ, гдѣ нынче Новгородъ; и видѣлъ жившій тамъ народъ, какіе обычаи у нихъ, и какъ они моются, хлещутся, и подивился онъ имъ.

Пошёлъ онъ къ Варягамъ и пришёлъ въ Римъ, и разсказалъ, скольких научилъ и сколько видѣлъ, и говорилъ: «съ удивленіемъ видѣлъ я Славянскую землю, когда шёлъ сюда; видѣлъ бани деревянныя, и истопятъ ихъ крѣпко, раздѣнутся до-нага и обольются квасомъ кислымъ, и возьмутъ на себя вѣтки молодыя (и) бьютъ себя сами»

[1]) *Ся мыють*—моются, *ся мыемъ*—моемся, *ся мыете*—моетесь.

[2]) *Пережгуть*—разожгутъ, *пережжемъ*—разожжёмъ, *пережжете*—разожжёте.

[3]) *Е*—ихъ.

[4]) *Нази*—наги, голы; *назіи*—нагіе, *нагія*—нагія, *нагая дрѣвеса*—нагія деревья; *нагихъ*, *нагимъ*, *нагими*, *о назихъ*.

Ж, ж, живѣте, ж.

„И того сѧ добьють, єда вылѣзуть ли живи; облѣютсѧ [1]) водою студеною, тако оживуть; и то творѧть по всѧ [2]) дни, не мучими ни кимъ-же, но сами сѧ мучать, и то творѧть мовенье себѣ, а не мученье“.

«И (до) того себя добьютъ, (что) едва выйдутъ еле живы; а обольются водою холодной, такъ оживутъ; и это дѣлаютъ всегда, и не мучитъ никто ихъ, а они сами себя мучаютъ, и это они дѣлаютъ мытьё себѣ, а не мученіе».

Ч, ч, червь, ч.

Имѧху [3]) Словѣне обычаи свои и законъ отецъ [4]) своихъ и преданье, кождо свой нравъ. Полѧне своихъ отецъ обычай имѧхуть [5]) кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѧху; брачныѧ обычаи имѧху:

Имѣли Славяне обычаи свои и законъ отцовъ своихъ и преданіе, и каждый (славянскій народъ) свой нравъ. Поляне своихъ отцовъ обычай имѣли кроткій и тихій, и уваженіе къ снохамъ своимъ, къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и къ деверямъ большое уваженіе имѣли, и брачные обычаи имѣли:

---

[1]) *Облѣются* — обольются, *облѣемся* — обольёмся, *облѣется* — обольётся.

[2]) *По вся*—во всѣ, *вси*—всѣ, *всѣхъ*—всѣхъ, *всѣми*—всѣми.

[3]) *Имяху*—они имѣли, *имяхомъ*—мы имѣли, *имясте*—вы имѣли.

[4]) *Отецъ*—отцовъ, *отци*—отцы, *отцемъ*—отцамъ, *отци*—отцами.

[5]) *Имяхуть*—имѣли.

Ш, ш, ша, ш.

Не хожаше зѧть по невѣсту, но приводѧху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче.

Ѕ, ѕ, зѣло, з.

А Древлѧне живѧху ѕвѣриньскимъ образомъ, скотьски: убиваху другъ друга, ꙗдѧху все нечисто, и брака у нихъ не бываше [1]), но умыкиваху дѣвицѧ.

Т, т, твердо, т.

И Радимичи, и Вѧтичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѧху: живѧху въ лѣсѣ, ꙗкоже всѧкій ѕвѣрь, ꙗдуще [2]) все нечисто, браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, и ту умыкаху жены собѣ; имѧху же по двѣ и по три жены.

Л, л, люди, л.

Аще кто умрѧше, творѧху трызну надъ нимъ, и посемъ творѧху кладу велику, и възложахуть [3]) и на кладу;

Не ходилъ зять за невѣстой, но приводили (её) съ вечера, а на утро приносили за ней, что даютъ.

А Древляне жили звѣрскимъ образомъ, по скотски: убивали другъ друга, ѣли всё нечистое, и браковъ у нихъ не бывало, но похищали дѣвицъ.

И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣли: жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли всё нечистое, браковъ не бывало у нихъ, но игры между сёлъ, и тутъ похищали жёнъ себѣ; и имѣли по двѣ и по три жены.

Если кто умиралъ, дѣлали тризну (поминки) надъ нимъ, и потомъ дѣлали костёръ большой, и клали

[1]) *Бываше*—бывало, онъ бывалъ, *бывахъ*—я бывалъ, *бываше*—ты бывалъ.

[2]) *Ядуще*—ѣдя, *идуще*—идя.

[3]) *Взложахуть*—возлагали.

мертвеца сожьжаху, а посемъ, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставлѧху на столпѣхъ [1]) на путехъ, еже творѧть Вѧтичи и нынѣ.

его на костёръ; мертваго сжигали, а потомъ, собравши кости, вкладывали(ихъ) въ посудину небольшую и ставили на столбахъ на дорогахъ, что́ дѣлаютъ Вятичи и до нынѣ.

О, о, Ѡ, ѡ, онъ, о.

Въ лѣто шесть тысѧчь триста шестьдесѧтое, наченшю Михаилу царю греческому царствовати, нача сѧ прозывати Руска землѧ. Ѡтселѣ почнемъ и числа положимъ. Яко ѡтъ Адама до потопа лѣтъ двѣ тысѧщи двѣстѣ [2]) четыредесѧть и два, а ѿ потопа до Оврама лѣтъ тысѧщу и осмьдесѧтъ [3]) и два.

Въ году шесть тысячь триста шестидесятомъ, когда началъ Михаилъ Царь Греческій царствовать, начала прозываться Русская земля. Отсюда и начнёмъ и числа поставимъ. Такъ отъ Адама до потопа двѣ тысячи двѣсти сорокъ два года, а отъ потопа до Авраама тысяча восемьдесятъ два года.

Ѱ, ѱ, пси, пс.

А ѡтъ Авраама до исхожденьѧ Моусѣева лѣтъ четыреста тридесѧть [4]), а ѡтъ

А отъ Авраама до исхода Моисея четыреста тридцать лѣтъ, а отъ исхода Мои-

---

[1]) *На столпѣхъ*—на столбахъ, *столпи*—столбы, *столпомъ*—столбамъ.

[2]) *Двѣстѣ*—двѣсти, *триста*—триста; *двусту*—двухсотъ.

[3]) *Осмьдесятъ*—восемьдесятъ, *девятьдесятъ*—девяносто.

[4]) *Тридесять*—тридцать, *двадесять*—двадцать, *четыредесять*—сорокъ.

исхожденїѧ Моусѣева до Давыда Ѱалмопѣвца лѣтъ шесть сотъ и одно.

сея до Давида Псалмопѣвца шестьсотъ одинъ годъ.

І, і, ї, ı.

А ѿтъ Давыда Ѱалмопѣвца и ѿтъ начала царства Соломонѧ [1]) до плѣненїѧ Ієрусалима лѣтъ четыреста четыредесѧть и осмь.

А отъ Давида Псалмопѣвца и отъ начала царства Соломонова до плѣненія Іерусалима четыреста сорокъ восемь лѣтъ.

Ѯ, ѯ, кси, кс.

А отъ плѣненьѧ до Олеѯандра лѣтъ триста осмьнадесѧть, а отъ Олеѯандра до Рождества Христова лѣтъ триста тридесѧть и три.

А отъ плѣненія до Александра триста восемьнадцать лѣтъ, а отъ Александра до Рождества Христова триста тридцать три года.

К, к, како, к.

А ѿтъ Христова Рождества до Константина лѣтъ триста осмьнадесѧть, ѿтъ Константина же до Михаила сего лѣтъ пѧтьсотъ четыредесѧть и два. Въ лѣто же шесть тысѧщь триста шестьдесѧтъ седьмое имаху [2]) дань Варѧзи изъ заморьѧ на Чуди

А отъ Христова Рождества до Константина триста восемьнадцать лѣтъ, отъ Константина же до Михаила этого пятьсотъ сорокъ два года. Въ шесть тысячъ триста шестьдесятъ седьмомъ году брали дань Варяги изъ заморья

[1]) *Соломоня*—Соломонова, *Соломонь*—Соломоновъ, *Соломоню*—Соломонову, *Соломонимъ*—Соломоновымъ, *о Соломони*—о Соломоновомъ.

[2]) *Имаху*—брали, имали; *имахомъ*—мы брали, *имасте*—вы брали.

и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ [1]). А Козари имаху на Полѧнѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вѧтичѣхъ.

съ Чуди и съ Славянъ, съ Мери и съ всѣхъ Кривичей. А Козары брали съ Полянъ и съ Сѣверянъ и съ Вятичей.

Ы, ы, еры.

Въ лѣто шесть тысѧщь триста семидесѧтое изгнаша Словѣне Варѧги [2]) за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ [3]), и воевати начаша сами на сѧ.

Въ шесть тысячь триста семидесятомъ году прогнали Славяне Варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали сами собою управляться; и не было у нихъ правды, и возсталъ родъ на родъ, сдѣлались у нихъ междоусобицы, и воевать начали между собою.

Ю, ю, ю.

Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ [4]) кнѧзѧ, иже [5]) бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ Варѧгомъ къ Руси. Рѣша [6]) Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: «Вся земля наша

(И) сказали сами между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы управлялъ нами и судилъ по правдѣ». (И) пошли за море къ Варягамъ къ Руси. (И) сказали Руси Чудь, Сла-

[1]) *О Кривичѣхъ* — о Кривичахъ, *Кривичи* — Кривичами, *Кривичемъ*—Кривичамъ.
[2]) *Варяги*—Варяговъ, *Варязи*—Варяги.
[3]) *Усобицѣ*—усобицы, *усобицъ*—усобицъ, *усобицамъ*—усобицамъ.
[4]) *Собѣ*—себѣ, *ся*—себя, *себе*—себя.
[5]) *Иже*—который, *егоже*—котораго, *емуже*—которому.
[6]) *Рѣша*—сказали, *рѣхъ*—сказалъ, *рещи*—говорить.

велика и обильна, а нарѧда въ ней нѣтъ; да пойдѣте [1]) кнѧжити и володѣти нами». И избрашасѧ три братьѧ съ роды своими, поѧша по собѣ всю Русь и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ [2]) Труворъ.

Ц, ц, цы, ц.

По дву же лѣту [3]) Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прiѧ власть Рюрикъ. И бѧста [4]) у него два мужа, Аскольдъ и Диръ, не племени его, но боѧрина [5]), и та [6]) испросистасѧ ко Царю-городу съ родомъ своимъ.

Д, д, добро, д.

И поидоста по Днѣпру, и

вяне и Кривичи: «вся земля наша велика и богата, а распорядка въ ней нѣтъ; такъ пойдите княжить и владѣть нами». И выбрались три брата съ родными своими, и взяли съ собою всю Русь, и пришли; старшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, а второй Синеусъ въ Бѣлоозерѣ, а третій въ Изборскѣ Труворъ.

Послѣ двухъ лѣтъ Синеусъ померъ и братъ его Труворъ, и принялъ власть Рюрикъ. И было у него два мужа, Аскольдъ и Диръ, не рода его, но бояре; и они отпросились къ Царьграду съ родными своими.

И пошли по Днѣпру и,

[1]) *Пойдѣте*—пойдите, *пойди*—пойди.

[2]) *Изборьстѣ* — въ Изборскѣ, *Кіевѣ*—въ Кіевѣ, *Смоленстѣ*—въ Смоленскѣ.

[3]) *По дву лѣту* — послѣ двухъ лѣтъ; *два лѣта*—два года; *двѣма лѣтома* двумъ годамъ, двумя годами.

[4]) *Бяста*—было двое, *бяховѣ*—мы двое были.

[5]) *Боярина* — два боярина, *бояриму* — двухъ бояръ, *бояринома*— двумъ боярамъ, двумя боярами.

[6]) *Та*—эти двое, *тою*—этихъ двухъ, *тѣма*—этими двумя, этимъ двумъ.

идучи мимо, и узрѣста [1]), на горѣ градокъ и вопросиста, чій се градокъ? Они же рѣша: «были суть [2]) три братьѧ, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ здѣ, платѧче дань родомъ [3]) ихъ Казарамъ». Аскольдъ же и Диръ остаста сѧ въ градѣ семъ. Въ лѣто шесть тысѧщь триста осмьдесѧтъ седьмое, умершю Рюрикови, предасть кнѧженье свое Ольгови, отъ рода ему сущю [4]), вдавъ ему сынъ свой [5]) на руцѣ, Игорѧ; бысть бо дѣтескъ вельми.

идучи мимо, увидали на горѣ городокъ и спросили: чей это городокъ? (И имъ) сказали: «были три брата: Кій, Щекъ, Хоривъ, которые построили городокъ этотъ, и вымеръ ихъ родъ, а мы живёмъ здѣсь и платимъ дань единоплеменникамъ ихъ Козарамъ. Аскольдъ же и Диръ остались въ городѣ этомъ. Въ шесть тысячь триста восемьдесятъ седьмомъ году, Рюрикъ умирая передалъ княженіе свое Олегу, бывшему изъ его же рода, отдавъ ему сына своего на руки, Игоря; потому что былъ онъ (еще) малъ очень.

1) *Узрѣста*—они двое увидали, *узрѣховѣ*—мы двое увидѣли.

2) *Были суть* — были, *былъ есмь* — я былъ, *былъ еси*—ты былъ, *былъ есть*—онъ былъ.

3) *Родомъ*—родамъ, *роды*—родами.

4) *Сущу*—сущему, *сый*—сущій, *суща*—сущаго, *сущемъ*—сущимъ.

5) *Сынъ свой*—сына своего.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ.

О Филагріи мнисѣ [1]), иже, налѣзъ [2]) тысѧщꙋ златникъ, и възврати погꙋбившемꙋ.

Бѣ нѣкто мънихъ, Филагрій именемъ, живый въ Іерꙋсалимѣ; дѣлаше рꙋкодѣліє и отъ своєго трꙋда ꙗдѧше хлѣбъ. И єгда стоѧше на торжищи, продаѧ дѣло своє, и забы єтеръ [3]) влагалищє, имꙋщє [4]) тысѧщꙋ златьникъ. И обрѣтъ [5]) є [6]) старець, ста на мѣстѣ своємъ, гла-

О Филагріи монахѣ, который, нашедши тысячу золотыхъ, воротилъ потерявшему.

Былъ нѣкто монахъ, по имени Филагрій, жившій въ Іерусалимѣ; онъ дѣлалъ рукодѣлие и отъ своего труда ѣлъ хлѣбъ. Когда стоялъ онъ (разъ) на торгу, продавая работу свою, забылъ одинъ (человѣкъ) кошель, заключавшій тысячу золотыхъ. Нашедши его, ста-

---

1) О мнисѣ — о монахѣ; мнихъ — монахъ; мниси — монахи; о мнисѣхъ — о монахахъ; о, мнише! — о, монахъ!

2) Налѣзъ — нашедши; налѣзти — найдти.

3) Єтеръ — нѣкоторый, нѣкто; єтера — нѣкоторая; єтерꙋ — нѣкоторую; єтеро — нѣкоторое.

4) Имꙋщє — имѣющее, имѣвшее, содержавшее; имꙋща — имѣющая; имы — имѣющій.

5) Обрѣтъ — нашедши; обрѣсти — найдти.

6) Є — его (т. е. влагалище); ю — ее; и — его (говоря про мужчину).

голѧ: подобаетъ погꙋбившемꙋ прїити. И се приде плачасѧ.

рецъ сталъ на своёмъ мѣстѣ, говоря: потерявшій, конечно, прійдётъ. И вотъ пришёлъ тотъ—плачетъ.

Поимъ [1]) же, и цѣло дасть [2]) емꙋ. Той же держаше, хотѧ дати емꙋ часть етерꙋ; старець же небрежаше [3]). Тогда начатъ [4]) вопити: прїидѣте, видѣте человѣка Божїѧ, что се [5]) творитъ! Старець же, бѣжавъ, изыде изъ града, да не познанъ бꙋдеть. Се же твори, да не почтенъ бꙋдеть.

Онъ взялъ и подалъ ему нетронутый (кошель). Тотъ и держитъ, желая дать ему нѣкоторую часть; а старецъ и слышать не хочетъ. Тогда тотъ сталъ кричать: Подите, поглядите на Божьяго человѣка! что это онъ дѣлаетъ! А старецъ, убѣжавъ, вышелъ изъ города, чтобы его не узнали. А дѣлалъ онъ это, чтобы не стали его почитать.

О Мꙋринѣ древосѣчьцѣ.

Бѣ нѣкогда въ Кипрьстѣй странѣ бездождїе много. И моли Бога о семъ страны

О дровосѣкѣ Муринѣ.

Была нѣкогда въ Кипрской землѣ большая засуха. И молилъ Бога объ

---

[1]) Поимъ—взявъ, взявши; поѧти—взять.

[2]) Дасть—онъ далъ; дахъ—я далъ; дахомъ,—мы дали: дасте—вы дали; даша—они дали.

[3]) Небрежаше — онъ не обращалъ вниманья; небрежахъ, небрежахомъ, небрежасте, небрежахꙋ.

[4]) Начатъ — онъ началъ (также, какъ: поѧтъ — онъ взялъ); начахъ, начахомъ, начасте, начаша.

[5]) Сь—сей, этотъ; си—сія, эта; се—сіе, это.

тоѧ [1]) епископъ, и бысть гласъ съ небесе, глаголѧ емꙋ: Иди по утреніи ко онѣмъ вратомъ града и, егоже аще [2]) узриши въходѧща первѣе, того удержи, да помолить сѧ; и придеть вы [3]) дождь. Сотвори же епископъ тако: изыде со клиросомь своимь и сѣде [4]) у вратъ града.

этомъ епископъ той страны, и былъ голосъ съ неба, говорившій ему: Иди послѣ утрени къ тѣмъ (дальнимъ) воротамъ города, и, если кого увидишь входящаго прежде (другихъ), того и останови, чтобы онъ помолился; и будетъ вамъ дождь. И сдѣлалъ епископъ такъ: вышелъ съ причтомъ своимъ и сѣлъ у воротъ города.

И се въходѧше [5]) единъ старець, носѧ времѧ дровъ на проданіе. Въста [6]) епископъ и удержа его. И абіе сложи съ рамꙋ [7]) си [8]) времѧ

И вотъ входитъ одинъ старикъ, неся беремя дровъ на продажу. Всталъ епископъ и остановилъ его. И тотъ тотчасъ сложилъ себѣ

[1]) Тоѧ—той; тъ—тотъ, та—та, то—то; того, тоѧ, того.

[2]) Аще—если.

[3]) Вы—вамъ.

[4]) Сѣде—онъ сѣлъ; сѣдохъ, сѣдохомъ, сѣдосте, сѣдоша.

[5]) Въходѧше—онъ входилъ; въходѧхъ, въходѧхомъ, въходѧсте, въходѧху.

[6]) Въста — онъ всталъ; въстахъ, въстахомъ, въстасте, въсташа.

[7]) Съ раму—съ (обоихъ) плечъ; рамо—плечо, рамѣ—(оба) плеча, раму—(обоихъ) плечъ, (обоихъ) плечахъ, рамома—(обоимъ) плечамъ, (обоими) плечами; рамена—плечи.

[8]) Си—себѣ; себе—себя; себѣ или си, сѧ—себя.

дровъ. И, поклоньсѧ [1]) емꙋ епископъ, помоли сѧ емꙋ, глаголѧ: «Авва! Господа ради помоли сѧ, да послеть [2]) намъ Господь милость и бꙋдеть нынѣ на землю дождь!» Старець же недостойна сѧ глаголаше. И ꙗко [3]) прилежаше [4]) емꙋ епископъ, да сѧ помолить, и ꙗко, преклонивъ колѣни, помоли сѧ, и сниде дождь

Моли же старьца епископъ, глаголѧ: «Сотвори любовь, отче! пользы ради рьци [5]) намъ

съ плечъ беремя дровъ. И, поклонившись ему, епископъ попросилъ его, говоря: «Отецъ мой! Господа ради, помолись, чтобы послалъ намъ Господь милость свою, и чтобы былъ нынче на землю дождь!» Но старикъ говорилъ, что онъ недостоинъ. И когда епископъ упрашивалъ его, чтобы онъ помолился, и когда онъ, преклонивъ колѣна, помолился, дождь и пошёлъ

И просилъ епископъ старика, говоря: «Окажи ты намъ милость, отецъ! поль-

[1]) Поклоньсѧ — поклонившись, поклонившійся; поклоньшисѧ—поклонившаяся, поклоньшесѧ—поклонившееся.

[2]) Послеть—пошлётъ; послати—послати.

[3]) Ꙗко—какъ, когда; такъ какъ.

[4]) Прилежаше — онъ настаивалъ; прилежати—не отступать, не отставать, настаивать.

[5]) Рьци—скажи; рещи — сказать; рекꙋ — я говорю, я скажу; речеши—ты говоришь, ты скажешь; речеть—онъ говоритъ, онъ скажетъ; речемъ — мы говоримъ, мы скажемъ; речете — вы говорите, вы скажете; рекꙋть—они говорятъ, они скажутъ; рьцѣмъ—скажемте! Дьяконъ на ектеніи возглашаетъ: отъ всей дꙋши, отъ всего помышленіѧ нашего рьцѣмъ вьси!—а клиръ оканчиваетъ: Господи помилꙋй!—.

Рьцѣте—скажите!

житіє своє, да и мы поревнꙋемъ!»

И рече старець: «Прости мя, господи! азъ убо грѣшьникъ есмь, на злыя дьни рождься[1]) и ничтоже имый[2]) покойна, имъже[3]) моя бы утѣшилася дꙋша! но се, яко видиши мя, исхожꙋ изъ града и, собравъ бремя дровъ, и продамь то, кꙋплю хлѣбъ, еже ѣмь; иного же не имамъ[4]) ничтоже, и сплю въ церкви, и, паки исходя, тоже творю; аще ли зимьно бꙋдеть, или

зы (нашей) ради, разскажи свою жизнь, чтобы и мы поревновали (по тебѣ)!»

И сказалъ старикъ: «Прости мнѣ, владыко! я—грѣшный человѣкъ, на горькую долю родившійся и ничего не имѣющій отраднаго, чѣмъ бы утѣшилась моя душа! а вотъ, какъ видишь ты меня, выхожу я изъ города и, собравъ беремя дровъ, продамъ его, и куплю хлѣба, который ѣмъ; а другаго нѣтъ ничего у меня; сплю въ церкви, и опять

[1]) Рождься — родившійся; рождьшися — родившаяся; рождьшеся — родившееся; говорится тоже: родивъся, родивъшися, родивъшеся; родитися—родиться.

[2]) Имый—имѣющій, имущи—имѣющая, имуще—имѣющее.

[3]) Имъже—которымъ, чѣмъ; иже—который, яже—которая, еже—которое.

[4]) Имамъ—я имѣю, у меня есть; имаши—ты имѣешь, у тебя есть; имать—онъ имѣетъ, у него есть; имамы—мы имѣемъ, у насъ есть; имате—вы имѣете, у васъ есть; имꙋть — они имѣютъ, у нихъ есть. Священникъ возглашаетъ за обѣдней: Горѣ имѣемъ сердца! (т. е. пусть сердца у насъ будутъ въ выси!); а клиръ отвѣчаетъ: Имамы ко Господꙋ! (т. е. они у насъ (обращены) къ Господу!)

слота день или два, и пребываю алченъ, хвалѧ Бога, доньдеже паки ведро бѹдеть, да възмогѹ изыти и сѣчи дрова.	выхожу и тоже дѣлаю; если же холодно бываетъ, или ненастье день или два, остаюсь голоднымъ, хваля Бога, пока снова ведро наступитъ, такъ что я могу выйти и рубить дрова.
И пользѹ пріимъ [1]) епископъ съ клиросомь его, и вси прославиша Бога о трѹдѣ старьчи [2]), и рекоша емѹ: Истиною ты еси свершилъ Писаніе: пришлець есмь азъ на земли. И поемъ [3]) его епископъ, препита [4]) и покои [5]), доньдеже престави сѧ къ Господѹ.	И епископъ, получившій пользу (назиданье) съ причтомъ своимъ, и всѣ—прославили Бога о трудѣ старика; и сказали ему: Самымъ дѣломъ исполнилъ ты Писаніе: «пришлецъ я на землѣ».—И епископъ, взявъ его, питалъ его и покоилъ, пока (не) преставился онъ къ Господу

[1]) Пріимъ—принявъ, принявшій; пріимъши—принявшая; пріимъше—принявшее; пріѧти—принять, получить.

[2]) О старчи—о старчьемъ; старьчь—старчій, стариковъ.

[3]) Поемъ—все равно, что: поимъ; поимъ, поимъши, поимъше.

[4]) Препита — онъ пропиталъ; препитахъ, препитахомъ, препитасте, препиташа; препитати—прокармливать, пропитывать.

[5]) Покои—онъ покоилъ; покоихъ, покоихомъ, покоисте, покоиша.

Житїе преподобнаго отца нашего Давида, иже [1]) прежде бѣ [2]) разбойникъ.

Житїе преподобнаго отца нашего Давида, который прежде былъ разбойникомъ.

Сей свѧтый и преподобный отецъ нашъ Давидъ бѣ прежде разбойникъ въ пѹстыни Ермопольстѣй живый [3]), многа зла [4]) творѧ, и многи убиваѧ; тако золъ и сѹровъ, ꙗко [5]) инъ [6]) никтоже: имѣ бо подъ собою дрѹжины болѣе тридесѧти, разбой съ нимъ творѧщихъ.

Этотъ святой и преподобный отецъ нашъ Давидъ былъ прежде разбойникомъ, жившимъ въ пустынѣ Ермопольской, дѣлавшимъ многія злодѣйства и многихъ убивавшимъ; такъ (онъ былъ) золъ и суровъ, какъ никто другой: имѣлъ подъ своимъ начальствомъ дружины болѣе тридцати человѣкъ, дѣлавшихъ съ нимъ разбой.

Единою же сѣдѧ съ ними въ горѣ, помысли свое житїе, и убоѧсѧ вельми Бога, ꙗкѡ таковое зло содѣѧ: и ѡставивъ

Однажды, сидя съ ними на горѣ, онъ подумалъ о своёмъ житьѣ и весьма устрашился Бога, что сдѣ-

---

[1]) Иже—который; ѧже—которая; еже—которое.

[2]) Бѣ — онъ былъ; бѣхъ — я былъ; бѣхомъ — мы были; бѣсте—вы были; бѣша—они были.

[3]) Живый—живущїй, жившїй.

[4]) Многа зла—многія бѣды, многія дурныя дѣла; много зло—многое зло.

[5]) Ꙗко—какъ.

[6]) Инъ—иной, другой; ина—иная, другая; ино — иное, другое.

всѧ, ꙗже бѧхꙋ[1]) съ нимъ, иде въ монастырь. Ꙋдарившꙋ же емꙋ во врата, изыде[2]) вратарь, и рече[3]) емꙋ: что хощеши? Давидъ же рече емꙋ: черноризецъ хощꙋ быти. И шедъ[4]) вратарь, повѣда ѡ немъ игꙋменꙋ.

лалъ такое зло. и оставивъ все, что съ нимъ было, пошёлъ въ монастырь. Когда онъ ударилъ въ ворота, вышелъ привратникъ и сказалъ ему: «Чего ты хочешь?» Давидъ же сказалъ ему: «Я хочу быть монахомъ». И привратникъ, пойдя, сказалъ о немъ игумену.

Пришедъ же игꙋменъ видѣ его, ꙗкѡ старъ есть мꙋжъ, и рече емꙋ: не можеши здѣ быти, ꙗкѡ многъ трꙋдъ имѣютъ братїѧ, и великое воздержанїе: ты же инагѡ нрава еси,[6]) и запѡвѣди монастырскїѧ не можеши хранити. Онъ же молѧшесѧ[7]) глаголѧ: всѧ, ꙗже повелите ми, сотворити[8]) имамъ, токмо прїимите мѧ. Игꙋменъ же ѿрицаше, глаголѧ:

Игуменъ же пришедши увидѣлъ его, что онъ старый человѣкъ, и сказалъ ему: «ты не можешь быть здѣсь, такъ какъ у братіи много труда и велико воздержаніе; ты же другаго нрава и монастырскихъ уставовъ не можешь соблюдать». Онъ же просилъ, говоря: «все, что повелите мнѣ, сдѣлаю, только примите меня».

---

[1]) Бѧхꙋ—они были; бѧхомъ—мы были; бѧсте—вы были.

[2]) Изыде—вышелъ; изыдохъ—я вышелъ.

[3]) Рече—сказалъ; рекохъ—я сказалъ.

[4]) Шедъ—пойдя; пришедъ—пришедши.

[7]) Молѧшесѧ—онъ молился, онъ упрашивалъ; молѧхсѧ — я молился, я молилъ, я упрашивалъ.

[8]) Сотворити — сдѣлать; имамъ — я имѣю; сотворити имамъ—сдѣлаю.

не можеши ты жити съ нами.

Тогда рече ко игꙋменꙋ: «вѣждь [1]) отче [2]), ꙗкѡ [3]) азъ есмь Давидъ, старѣйшина разбойникѡвъ, прїидохъ же къ вамъ, да плачꙋсѧ [4]) ѡ грѣсѣхъ моихъ: аще ли [5]) мене [6]) не хощеши прїѧти, то извѣщаю вамъ съ клѧтвою, ꙗкѡ идꙋ на первое мое дѣло, и приведꙋ съ собою, ꙗже имамъ разбойники, и всѧ вы [7]) избїю, и разорю монастырь вашъ». Сїе слышавъ игꙋменъ, поѧтъ [8]) его въ монастырь,

Игуменъ отказывалъ, говоря: «не можешь ты жить съ нами»

Тогда онъ сказалъ игумену: «знай, отецъ, что́ я—Давидъ, старшина разбойниковъ, и пришелъ я къ вамъ, чтобы плакаться о моихъ грѣхахъ; если же ты меня не хочешь принять, то объявляю вамъ съ клятвою, что пойду къ прежнему моему занятію, приведу съ собой сколько есть у меня разбойниковъ, и всѣхъ васъ перебью и разорю монастырь вашъ».

---

[1]) Вѣждь—вѣдай, знай.

[2]) Отче — отецъ (мой). батюшка! Отче нашъ — отецъ нашъ!

[3]) Азъ — я; мѧ — меня; азъ есмь Давидъ — я Давидъ, ты инаго нрава еси ты другого нрава; онъ старъ есть мꙋжъ—онъ старый человѣкъ.

[4]) Да плачꙋсѧ—чтобы плакаться.

[5]) Аще—если; аще ли—если же.

[6]) Мене—меня; мнѣ—мнѣ; ми—мнѣ.

[7]) Всѧ вы—всѣхъ васъ.

[8]) Поѧтъ—онъ взялъ; поѧхъ — я взялъ; поѧхомъ—мы взяли; поѧсте—вы взяли: поѧша—они взяли.

и постриже того въ ангельскій образъ.

Нача же Давидъ подвизатися воздержаніемъ, и обучати себе смиренію, и въ малѣ времени всѣхъ, иже въ монастырѣ черноризцевъ превзыде [1]) добродѣтельми, и бяше всѣмъ на пользу житіемъ и словомъ. Единою же сѣдящу ему въ келліи, ста предъ нимъ Гавріилъ архангелъ, глаголя [2]) ему: «Давиде, Давиде, простилъ Господь грѣхи твоя, и будеши отнынѣ чудеса творяй [3])». Давидъ же отвѣща ко ангелу: «не могу сему вѣры яти [4]), аще [5]) простилъ ми Господь въ малѣ времени грѣхи моя, иже тяжки суть зѣло, и умножени паче песка морскаго».

Игуменъ, услышавъ это, взялъ его въ монастырь и постригъ въ ангельскій образъ.

И началъ Давидъ подвизаться въ воздержаніи и пріучать себя къ смиренію, и въ скоромъ времени всѣхъ черноризцевъ, которые были въ монастырѣ, превзошёлъ добродѣтелями, и былъ всѣмъ полезенъ жизнью и словомъ. Однажды, когда сидѣлъ онъ въ кельи, сталъ предъ нимъ Гавріилъ архангелъ, говоря ему: «Давидъ, Давидъ! простилъ Господь грѣхи твои и ты будешь отнынѣ творящимъ чудеса». Давидъ же отвѣчалъ ангелу: «не могу повѣрить тому, что простилъ Господь въ малое время грѣхи мои, которые весьма тяжки и несмѣтнѣе песка морскаго»

[1]) Превзыде — онъ превзошёлъ; превзыдохъ — я превзошёлъ.

[2]) Глаголя — говоря.

[3]) Творяй — творящій.

[4]) Яти — взять, вѣру яти — повѣрить.

[5]) Аще — что.

Архангелъ же рече къ немꙋ: «азъ есмь Гавріилъ архангелъ, иже и Захарію не пощадѣхъ [1]) не вѣровавша словесемъ моимъ, но свѧзахъ ѧзыкъ его въ наказаніе, да вѣрꙋетъ [2]) глаголемымъ ѿ мене: тебе же ли имамъ пощадѣти; ꙋбо [3]) ѿнынѣ да бꙋдеши [4]) нѣмъ». Давидъ же поклонисѧ, и рече ко ангелꙋ: «егда бѣхъ въ разбои, и неподобнаѧ дѣла творѧхъ, и многи крови проліѧхъ, тогда не свѧзалъ ми еси ѧзыка, не приносѧща славы Богꙋ: егда же хощꙋ работати Господеви, и хвалꙋ емꙋ приносити, то нынѣ ѧзыкъ мой вѧжеши, ꙗкѡ не бесѣдовати ми».

Архангелъ сказалъ ему: «я Гавріилъ Архангелъ, который не пощадилъ и Захарію, невѣровавшаго моимъ словамъ, а связалъ въ наказаніе его языкъ, чтобы онъ вѣровалъ говоримому мною; такъ тебя ли я пощажу? такъ вотъ отнынѣ пусть ты будешь нѣмъ!» Давидъ поклонился и сказалъ ангелу: «Когда я былъ разбойникомъ, совершалъ нехорошія дѣла и проливалъ много крови, тогда ты не связалъ мнѣ языка, неприносившаго славы Богу; когда же я хочу служить Господу и приносить ему хвалу, такъ ты вяжешь мой языкъ, такъ что мнѣ не (можно будетъ) говорить».

Глагола же емꙋ ангелъ: «бꙋди глаголѧ, егда Бога славиши, и молишисѧ емꙋ въ канѡнѣ, кромѣ же тогѡ молчи». И та-

Сказалъ ему ангелъ: «будь говорящимъ, когда будешь славить Бога и молиться Ему въ канонѣ; кромѣ того

[1]) Пощадѣхъ—я пощадилъ.
[2]) Да вѣрꙋетъ—чтобы онъ вѣровалъ.
[3]) Ꙋбо—такъ вотъ.
[4]) Да бꙋдеши—будь.

кѡ̀ наказавъ его ангелъ, ѿиде

Онъ же благодареніе воздаде[1]) Богу ѡ прощеніи согрѣшеній своихъ. Потомъ чудеса многа сотвори благодатію Божіею, слѣпымъ просвѣти, хромымъ ходити сотвори, бѣснымъ исцѣли, и поѧше пѣснь въ церкви на молитвѣ, инагѡ же словесе не можаше изрещи ѩкѡ другій Захаріа. И поживе лѣта довольна, всѣмъ бывъ на созиданіе, прейде ко Господу. и нынѣ предстоѧщи ему, не молча молитсѧ ѡ насъ: егѡже молитвами буди намъ получити Господню милость, аминь.

молчи». И такъ наказавъ его, ангелъ удалился

Онъ же воздалъ благодареніе Богу о прощеніи своихъ согрѣшеній. Потомъ онъ сотворилъ Божіею благодатію много чудесъ, слѣпымъ отверзъ зрѣнье, хромыхъ сдѣлалъ ходящими, бѣсноватыхъ изцѣлилъ; и пѣлъ (только) въ церкви на молитвѣ, другаго же слова не могъ произносить, какъ второй Захарія. И проживши много лѣтъ, бывъ для всѣхъ назиданіемъ, онъ отошелъ къ Господу; и нынѣ стоя предъ Нимъ, немолчно молится о насъ: его молитвами и мы да получимъ Господню милость. Аминь.

---

[1]) Воздаде—онъ воздалъ; воздахъ—я воздалъ, отдалъ, принесъ; воздахомъ, воздасте, воздаша.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА I.

а҃. Въ нача́лѣ сотворѝ Бг҃ъ[1]) нбо[2]) и҆ зе́млю.

в҃. Землѧ̀ же бѣ̀ неви́дима, и҆ неꙋстро́ена: и҆ тма̀ верхꙋ̀ бе́здны: и҆ Дх҃ъ[3]) Бж҃їй[4]) ноша́шесѧ верхꙋ̀ воды̀.

г҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ: и҆ бы́сть свѣ́тъ.

д҃. И҆ ви́дѣ Бг҃ъ свѣ́тъ, ꙗ҆́кѡ добро̀: и҆ разлꙋчѝ Бг҃ъ междꙋ̀ свѣ́томъ, и҆ междꙋ̀ тмо́ю.

є҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ свѣ́тъ де́нь, а҆ тмꙋ̀ наречѐ но́щь. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ꙋ҆́тро, де́нь є҆ди́нъ.

ѕ҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ тве́рдь посредѣ̀ воды̀: и҆ да

1. Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою.

3. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ; и сталъ свѣтъ.

4. И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы.

5. И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. И былъ вечеръ, и было утро: день одинъ.

6. И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди во-

---

1) Богъ.
2) Небо.
3) Дꙋхъ.
4) Божїй.

бꙋдетъ разлꙋча́ющи [1]) посредѣ̀ воды̀ и҆ воды̀, и҆ бы́сть та́кѡ.

з҃. И҆ сотворѝ бг҃ъ тве́рдь: и҆ разлꙋчѝ бг҃ъ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆̀же бѣ̀ под̾ тве́рдїю, и҆ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆̀же бѣ̀ над̾ тве́рдїю.

и҃. И҆ наречѐ бг҃ъ тве́рдь, нб҃о: и҆ ви́дѣ бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь вторы́й.

ѳ҃. И҆ речѐ бг҃ъ: да собере́тсѧ вода̀, ꙗ҆̀же под̾ нб҃се́мъ [2]), въ собра́нїе є҆ди́но, и҆ да ꙗ҆ви́тсѧ сꙋ́ша: и҆ бы́сть та́кѡ: и҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆̀же под̾ нб҃се́мъ, въ собра́нїѧ своѧ̑, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша.

і҃. И҆ наречѐ бг҃ъ сꙋ́шꙋ, зе́млю: и҆ собра̑нїѧ во́дъ наречѐ, морѧ̑: и҆ ви́дѣ бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

а҃і. И҆ речѐ бг҃ъ: да прорасти́тъ землѧ̀ бы́лїе травно́е,

ды, и да отдѣляетъ она воду отъ воды; и стало такъ.

7. И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воду, которая подъ твердію, отъ воды, которая надъ твердію.

8. И назвалъ Богъ твердь небомъ; и увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день вторый.

9. И сказалъ Богъ: да соберётся вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто; и да явится суша: и стало такъ. И собралась вода подъ небомъ въ свои мѣста, и явилась суша.

10. И назвалъ Богъ сушу землёю, а собраніе водъ назвалъ морями: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

11. И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень,

---

[1]) Разлꙋчающи — разлучающая, разлꙋчаѧ — разлучающій.

[2]) Небесемъ.

сѣ́ющее сѣ́мѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое, творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̑: и҆ бы́сть та́кѡ.

ві҃. И҆ и҆знесѐ землѧ̀ бы́лїе травно́е, сѣ́ющее сѣ́мѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̑: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

гі҃. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь тре́тїй.

ді҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́дꙋтъ свѣти̑ла на тве́рди нб҃нѣ́й [1], ѡ҆свѣща́ти зе́млю, и҆ разлꙋча́ти междꙋ̀ дне́мъ, и҆ междꙋ̀ но́щїю: и҆ да бꙋ́дꙋтъ въ зна́менїѧ, и҆ во времена̀ и҆ во дни̑, и҆ въ лѣ̑та.

є҃і. И҆ да бꙋ́дꙋтъ въ просвѣще́нїе на тве́рди нб҃нѣ́й, ꙗ҆́кѡ свѣти́ти по земли̑: и҆ бы́сть та́кѡ.

ѕ҃і. И҆ сотворѝ Бг҃ъ два̀ свѣти̑ла вели̑каѧ: свѣти́ло ве-

траву сѣющую сѣмя, по роду и по подобію *ея*, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ: и стало такъ.

12. И произвела земля зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея, и дерево плодовитое приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его на землѣ. И увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

13. И былъ вечеръ, и было утро: день третій.

14. И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для освѣщенія земли, и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ.

15. И да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю: и стало такъ.

16. И создалъ Богъ два свѣтила великія; свѣтило

[1] Нбеснѣй.

ли́кое въ нача́ла дне́, и̂ свѣти́ло ме́ншее въ нача́ла но́щи, и̂ звѣ̑зды.

зі. И̂ положи̂ ѧ̂ Бг҃ъ на тве́рди нбⷭ҇нѣй, ѩ̂кѡ свѣти́ти на зе́млю,

иі. И̂ владѣ́ти дне́мъ и̂ но́щію, разлꙋча́ти междꙋ̀ свѣ́томъ и̂ междꙋ̀ тмо́ю: и̂ ви́дѣ Бг҃ъ, ѩ̂кѡ добро̀.

ѳі. И̂ бы́сть ве́черъ, и̂ бы́сть оу́тро, де́нь четве́ртый.

к. И̂ речѐ Бг҃ъ: да и̂зведꙋ́тъ во́ды га́ды дꙋ́шъ живы́хъ, и̂ пти́цы лета́ющыѧ по земли̂, по тве́рди нбⷭ҇нѣй: и̂ бы́сть та́кѡ.

ка. И̂ сотвори̂ Бг҃ъ ки́ты вели́кїѧ, и̂ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ѩ̂же и̂зведо́ша во́ды по родѡ́мъ и̂́хъ, и̂ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ: и̂ ви́дѣ Бг҃ъ, ѩ̂кѡ добра̀ [1]).

большое, для управленія днёмъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды.

17 И поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю,

18. И управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

19. И былъ вечеръ и было утро: день четвертый.

20. И сказалъ Богъ: да произведётъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землёю, по тверди небесной: и такъ стало.

21. И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

---

[1]) Ѩко добра—что хорошія.

кв. И҆ блгвѝ[1]) ѧ҆̀ Бг҃ъ, глаго́лѧ: расти́тесѧ, и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните во́ды, ꙗ҆̀же въ морѧ́хъ: и҆ пти́цы да ᲂу҆мно́жатсѧ на земли̇̀.

кг. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь пѧ́тый.

кд. И҆ речѐ Бг҃ъ: да и҆зведе́тъ землѧ̀ дꙋ́шꙋ живꙋ̀ по ро́дꙋ, четвероно́гаѧ[2]) и҆ га́ды, и҆ ѕвѣ́ри земли̇̀ по ро́дꙋ: и҆ бы́сть та́кѡ.

ке. И҆ сотворѝ Бг҃ъ ѕвѣ́ри земли̇̀ по ро́дꙋ, и҆ скоты̀ по ро́дꙋ и҆́хъ, и҆ всѧ̑ га́ды земли̇̀ по ро́дꙋ и҆́хъ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добра̀.

кѕ. И҆ речѐ Бг҃ъ: сотвори́мъ человѣ́ка по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ и҆ по подо́бїю: и҆ да ѡ҆блада́етъ ры́бами морски́ми, и҆ пти́цами нбⷭ҇ными[3]), [и҆ ѕвѣ́рми,] и҆ скота́ми, и҆ все́ю

22. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте во́ды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ.

23. И былъ вечеръ, и было утро: день пятый.

24. И сказалъ Богъ: да произведётъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо

25. И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и скотъ по роду его, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что *это* хорошо.

26. И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобiю Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ

---

[1]) Блгви—благослови.

[2]) Четвероногаѧ — четвероногiя четвероноѕiи — четвероногiе.

[3]) Небесными.

землею, и всѣми гады [1]), пресмыкающимисѧ по земли.

кз. И сотвори Бг҃ъ человѣка, по образу Бж҃ію [2]) сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ.

ки. И блгви ихъ Бг҃ъ, глѧ [3]): раститесѧ и множитесѧ, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, [и ѕвѣрми], и птицами нбными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимисѧ по земли

кѳ. И рече Бг҃ъ: се дахъ вамъ всѧкую траву сѣменную сѣющую сѣмѧ, еже есть вер-

птицами небесными, (и надъ звѣрями), и надъ скотомъ, и надъ всею землёю, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ.

27. И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ.

28. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими, (и надъ звѣрьми), и надъ птицами небесными), и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею), и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ.

29. И сказалъ Богъ: вотъ, Я вамъ далъ всякую траву сѣющую сѣмя, какая есть

---

1) Гады—гадами.
2) Божію
3) Глаголя

ху̀ земли̇ всеѧ̀: и҆ всѧ́кое дре́во, є҆́же и҆́мать въ себѣ̀ пло́дъ сѣ́мене сѣ́меннагѡ, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь:

л҃. И҆ всѣ̑мъ ѕвѣре́мъ зе́мнымъ, и҆ всѣ̑мъ пти́цамъ небе́снымъ, и҆ всѧ́комꙋ га́дꙋ, пресмыка́ющемꙋсѧ по земли̑, и҆́же и҆́мать въ себѣ̀ дꙋ́шꙋ живота́, и҆ всѧ́кꙋ травꙋ̀ зеле́нꙋю въ снѣ́дь: и҆ бы́сть та́кѡ.

л҃а. И҆ ви́дѣ бг҃ъ всѧ̑, є҆ли̑ка сотвори̑: и҆ сѐ добра̀ ѕѣлѡ̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ꙋ҆́тро, де́нь шесты́й.

на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя; вамъ *сіе* будетъ въ пищу.

30. А всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по землѣ, въ которомъ душа живая, далъ Я всю зелень травную въ пищу: и стало такъ

31. И увидѣлъ Богъ всё, что̀ Онъ создалъ, и вотъ, хорошо весьма. И былъ вечеръ, и было утро: день шестый.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XXIII.

лд. Фарісее, слышавше, ꙗкѡ посрамѝ Ісъ[1]) саддукеи, собрашасѧ вкѹпѣ.

ле. И вопросѝ єдинъ ѿ нихъ законоѹчитель, искѹшаѧ єго, и глаголѧ:

лѕ. Оѹчителю, каѧ[2]) заповѣдь большѝ[3]) єсть въ законѣ;

лз. Ісъ же рече ємѹ: возлюбиши Гда[4]) Бга[5]) твоего всѣмъ срцемъ[6]) твоимъ, и всею дѹшею твоею, и всею мыслїю твоею:

лн. Сїѧ єсть первая и большаѧ заповѣдь.

лѳ. Вторая же подобна єй: возлюбиши искреннѧго твоего, ꙗкѡ самъ себе.

м. Въ сїю ѡбою заповѣдїю весь законъ и пророцы висѧтъ.

34. Фарисеи, услышавъ, что Іисусъ привёлъ саддукеевъ въ молчаніе, собрались вмѣстѣ.

35. И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря:

36. Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

37. Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душёю твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

38. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

39. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

40. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.

---

[1]) Іисусъ. [2]) Кій—какой, каѧ—какая, кое — какое. [3]) Больши — бо́льшая, наибольшая. [4]) Господа. [5]) Бога. [6]) Сердцемъ.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

—

Ѻ҆́ч҃е [1]) на́шъ, И҆́же є҆сѝ на нб҃сѣ́хъ: да свѧти́тсѧ и҆́мѧ Твоѐ: да пріи́детъ цр҃ствіе Твоѐ: да бꙋ́детъ во́лѧ Твоѧ̀ ꙗ҆́кѡ на нб҃сѝ, и҆ на земли̑. Хлѣ́бъ на́шъ насꙋ́щный да́ждь на́мъ дне́сь. И҆ ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, ꙗ҆́коже и҆ мы̀ ѡ҆ставлѧ́емъ должникѡ́мъ на́шымъ. И҆ не введѝ на́съ во и҆скꙋше́ніе, но и҆зба́ви на́съ ѿ лꙋка́вагѡ. Ꙗ҆́кѡ Твоѐ є҆́сть цр҃ство, и҆ си́ла, и҆ сла́ва во вѣ́ки, а҆ми́нь.

СѴМВОЛЪ ВѢРЫ.

—

Вѣ́рꙋю во є҆ди́наго Бг҃а [2]) Ѻц҃а̀ Вседержи́телѧ, Творца̀ нб҃ꙋ̀ и҆ земли̑, ви́димымъ же всѣ́мъ и҆ неви́димымъ. И҆ во є҆ди́наго Гд҃а І҆и҃са Хр҃та̀, Сн҃а Бж҃іѧ, є҆диноро́днаго, И҆́же ѿ Ѻц҃а̀ рожде́ннаго пре́жде всѣ́хъ вѣ̑къ: Свѣ́та ѿ Свѣ́та, Бг҃а и҆́стинна ѿ Бг҃а и҆́стинна, рожде́нна, несотворе́нна, є҆диносꙋ́щна Ѻц҃ꙋ̀; И҆́мже всѧ̑ бы́ша. На́съ ра́ди человѣ̑къ, и҆ на́шегѡ ра́ди спасе́нїѧ сше́дшаго съ нб҃съ, и҆ воплоти́вшагосѧ

---

[1]) Ѻ҆́ч҃е—отче. Нб҃сѣ́хъ—небесѣхъ. Цр҃твіе — царствіе. Нб҃сѝ—небеси. Цр҃тво—царство.

[2]) Бг҃а—Бога. Ѻц҃а̀—отца. Нб҃ꙋ—небу. Гд҃а—Господа. І҆и҃са—Іисуса. Хр҃та̀—Христа. Сн҃а—сына. Бж҃іѧ—Божіѧ. Ѻц҃ꙋ̀— Отцу̀. Нб҃съ—небесъ.

ѿ Дх҃а [1]) Ст҃а, и҆ Мр҃і́и Дв҃ы, и҆ вочеловѣ́чшасѧ. Распѧ́таго же за ны̀ при Понті́йстѣмъ Пила́тѣ, и҆ страда́вша, и҆ погребе́нна. И҆ воскре́сшаго въ тре́тій де́нь по писа́ніемъ. И҆ возше́дшаго на нб҃са̀, и҆ сѣдѧ́ща ѡ҆деснꙋ́ю ѻ҆ц҃а̀. И҆ па́ки грѧдꙋ́щаго со сла́вою сꙋди́ти живы́мъ и҆ ме́ртвымъ, е҆гѡ́же цр҃твію не бꙋ́детъ конца̀. И҆ въ Дх҃а Ст҃а́го, Гд҃а, животворѧ́щаго, И҆́же ѿ ѻ҆ц҃а̀ и҆сходѧ́щаго, И҆́же со ѻ҆ц҃е́мъ и҆ Сн҃омъ спокланѧ́ема и҆ ссла́вима, гл҃го́лавшаго Прⷪ҇ро́ки. Во є҆ди́нꙋ, ст҃ꙋ́ю, Собо́рнꙋю, и҆ А҆пⷭ҇лскꙋю Цр҃ковь. И҆сповѣ́дꙋю є҆ди́но кре́щеніе во ѿставле́ніе грѣхѡ́въ. Ча́ю воскр҃ні́ѧ ме́ртвыхъ, И҆ жи́зни бꙋ́дꙋщагѡ вѣ́ка, а҆ми́нь.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ.

I А҆́зъ є҆́смь Гд҃ь [2]) Бг҃ъ тво́й, да не бꙋ́дꙋтъ тебѣ̀ бо́зи и҆ні́и ра́звѣ Менѐ.

II. Не сотворѝ себѣ̀ кꙋмі́ра, и҆ всѧ́каго подо́біѧ, є҆ли̑ка на нб҃сѝ горѣ̀, и҆ є҆ли̑ка на земли̑ ни́зꙋ, и҆ є҆ли̑ка въ вода́хъ по́дъ земле́ю, да не поклони́шисѧ и҆̀мъ, ни послꙋ́жиши и҆̀мъ.

III. Не во́змеши и҆́мене Гд҃а Бг҃а твоегѡ̀ всꙋе.

IV. По́мни де́нь сꙋббѡ́тный, є҆́же свѧти́ти є҆го̀: ше́сть дне́й дѣ́лай, и҆ сотвори́ши (въ ни́хъ) всѧ̑ дѣ̑ла твоѧ̑, въ де́нь же седмы́й сꙋббѡ́та Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ̀.

---

[1]) Дх҃а—духа. Ст҃а—свѧта. Мр҃іи—Маріи. Дв҃ы—Дѣвы. Гл҃го́лавшаго — глаголавшаго. Прⷪ҇ро́ки—пророки. Ст҃ую—свѧтую. А҆пⷭ҇лскую—апостольскую. Воскр҃ніѧ—воскресеніѧ.

[2]) Гд҃ь — Господь. Гд҃у — Господу. Бг҃у — Богу. ѻ҆ц҃а̀—отца. Бл҃го—благо.

V. Чтѝ о҃ца̀ твоего̀ и҆ ма́терь твою̀, да бл҃го ти̑ бꙋ́детъ, и҆ да долголѣ́тенъ бꙋ́деши на землѝ.

VI. Не ᲂу҆бі́й.

VII. Не прелюбы̀ сотворѝ.

VIII. Не ᲂу҆кра́ди.

IX. Не послꙋ́шествꙋй на дрꙋ́га твоегѡ̀ свидѣ́тельства ло́жна.

X. Не пожела́й жены̀ и҆́скреннѧго твоегѡ̀, не пожела́й до́мꙋ бли́жнѧгѡ твоегѡ̀, ни села̀ є҆гѡ̀, ни раба̀ є҆гѡ̀, ни рабы́ни є҆гѡ̀, ни вола̀ є҆гѡ̀, ни ѻ҆сла̀ є҆гѡ̀, ни всѧ́кого скота̀ є҆гѡ̀, ни всегѡ̀, є҆ли̑ка сꙋ́ть бли́жнѧгѡ твоегѡ̀.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЧЕТЪ.

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.
Ничего и одинъ. Два безъ одного.	Одинъ.	А҃	I	0 0 0 1	1
Одинъ и одинъ. Три, безъ одного.	Два.	В҃	II	0 0 0 2	2
Два и одинъ. Четыре безъ одного.	Три.	Г҃	III	0 0 0 3	3
Три одинъ. Пять и одинъ.	Четыре.	Д҃	IIII или IV Пятокъ безъ одного.	0 0 0 4	4

Названія.		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ	Арабскія.
Четыре и одинъ. Шесть безъ одного.	Пять.	є҃	V	Пятокъ	0 0 0 5	5
Пять и одинъ. Семь безъ одного.	Шесть.	ѕ҃	VI	Пятокъ и одинъ.	0 0 0 6	6
Шесть и одинъ. Восемь безъ одного.	Семь.	з҃	VII	Пятокъ и два.	0 0 0 7	7
Семь и одинъ. Девять безъ одного.	Восемь.	и҃	VIII	Пятокъ и три	0 0 0 8	8
Восемь и одинъ. Девять безъ одного.	Девять.	ѳ҃	VIIII или IX	Пятокъ и четыре. Десятокъ безъ одного.	0 0 0 9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Десятки.	Простыя.
Девять и одинъ. Одиннадцать безъ одного.	Десять.	І҃	X Десятокъ.	0 0 1 0 Одинъ десятокъ; 0 0 0 * Десять.	1	0
Десять и одинъ. Двѣнадцать безъ одного.	Одиннадцать.	А҃І	XI Десятокъ и одинъ,	0 0 1 1 Одинъ десятокъ и одинъ.	1	1
Десять и два. Тринадцать безъ одного.	Двѣнадцать.	В҃І	XII Десятокъ и два.	0 0 1 2 Одинъ десятокъ и два.	1	2
Десять и три. Четырнадцать безъ одного.	Тринадцать.	Г҃І	XIII Десятокъ и три.	0 0 1 3 Одинъ десятокъ и три.	1	3
Десять и четыре. Пятнадцать безъ одного.	Четырнадцать.	Д҃І	XIIII (Десятокъ и четыре.) или XIV (Десятокъ и пятокъ безъ одного.)	0 0 1 4 Одинъ десятокъ и четыре.	1	4

Названія		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ.		Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Десять и пять. Шестнадцать безъ одного.	Пятнадцать.	є҃і	XV	Десятокъ и пятокъ.	0 0 1 5	Одинъ десятокъ и пять.	1	5
Десять и шесть. Семнадцать безъ одного.	Шестнадцать.	ѕ҃і	XVI	Десятокъ, пятокъ и одинъ.	0 0 1 6	Одинъ десятокъ и шесть.	1	6
Десять и семь. Восемнадцать безъ одного.	Семнадцать.	з҃і	XVII	Десятокъ, пятокъ и два.	0 0 1 7	Одинъ десятокъ и семь.	1	7
Десять и восемь. Девятнадцать безъ одного.	Восемнадцать.	и҃і	XVIII	Десятокъ, пятокъ и три.	0 0 1 8	Одинъ десятокъ и восемь.	1	8
Десять и девять. Двадцать безъ одного.	Девятнадцать.	ѳ҃і	XIX	Десятокъ и десятокъ безъ одного.	0 0 1 9	Одинъ десятокъ и девять.	1	9

НАЗВАНІЯ		Славянскія	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія.	
					Десятки.	Простыя.
Девятнадцать и одинъ. Двадцать одинъ безъ одного.	Двадцать.	К҃	XX	0 0 2 0 Два десятка. 0 0 1 * Одинъ десятокъ и десять.	2	0
Двадцать семь и одинъ. Двадцать девять безъ одного.	Двадцать восемь.	К҃И	XXVIII	0 0 2 8 Два десятка и восемь.	2	8
Двадцать восемь и одинъ. Тридцать безъ одного.	Двадцать девять.	К҃Ѳ	XXIX	0 0 2 9 Два десятка и девять.	2	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Двадцать девять и одинъ. Тридцать одинъ безъ одного.	Тридцать.	Л̃	XXX	0 0 3 0 Три десятка. 0 0 2 * Два десятка и десять.	3	0
Тридцать шесть и одинъ. Тридцать восемь безъ одного.	Тридцать семь.	Л̃З	XXXVII	0 0 3 7 Три десятка и семь.	3	7
Тридцать восемь и одинъ. Сорокъ безъ одного.	Тридцать девять.	Л̃Ѳ	XXXIX	0 0 3 9 Три десятка и девять.	3	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.		НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Тридцать девять и одинъ. Сорокъ одинъ безъ одного.	Сорокъ.	М҃	XXXX или XL	Полсотни безъ десятка.	0 0 4 0 Четыре десятка.	0 0 3 * Три десятка и десять.	4	0
Сорокъ девять и одинъ. Пятьдесятъ одинъ безъ одного.	Пятьдесятъ.	Н҃	L	Полсотни.	0 0 5 0 Пять десятковъ.	0 0 4 * Четыре десятка и десять.	5	0
Пятьдесятъ восемь и одинъ. Шестьдесятъ безъ одного.	Пятьдесятъ девять.	Н҃Ѳ	LIX		0 0 5 9 Пять десятковъ и девять.		5	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Пятьдесятъ девять и одинъ. Шестьдесятъ одинъ безъ одного.	Шестьдесятъ.	ѯ҃	LX Полсотни и десятокъ.	0 0 6 0 Шесть десятковъ. 0 0 5 * Пять десятковъ и десять.	6	0
Шестьдесятъ три и одинъ. Шестьдесятъ пять безъ одного.	Шестьдесятъ четыре.	ѯ҃д	LXIV	0 0 6 4 Шесть десятковъ и четыре.	6	4
Шестьдесятъ девять и одинъ. Семьдесятъ одинъ безъ одного.	Семьдесятъ.	о҃	LXX	0 0 7 0 Семь десятковъ. 0 0 6 * Шесть десятковъ и десять.	7	0

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія.	
						Десятки.	Простыя.
Семьдесятъ девять и одинъ. Восемьдесятъ одинъ безъ одного.	Восемьдесятъ.	П҃	LXXX	0 0 8 0 Восемь десятковъ.	0 0 7 * Семь десятковъ и десять.	8	0
Восемьдесятъ одинъ и одинъ. Восемьдесятъ три безъ одного.	Восемьдесятъ два.	П҃В	LXXXII	0 0 8 2 Восемь десятковъ и два.		8	2
Восемьдесятъ девять и одинъ. Девяносто одинъ безъ одного.	Девяносто	Ч҃	LXXXX (Полсотни и четыре десятка.) или XC (Сотня безъ десятка.)	0 0 9 0 Девять десятковъ.	0 0 8 * Восемь десятковъ и десять.	9	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Сотни.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Девяносто четыре и одинъ. Девяносто шесть безъ одного.	Девяносто пять.	ч҃є	XCV	0 0 9 5 Девять десятковъ и пять.		9	5
Девяносто восемь и одинъ. Сто безъ одного.	Девяносто девять.	ч҃ѳ	XCIX	0 0 9 9 Девять десятковъ и девять.		9	9
Девяносто девять и одинъ. Сто одинъ безъ одного.	Сто.	р҃	C Сотня.	0 1 0 0 Одна сотня. 0 0 * 0 Десять десятковъ. 0 0 9 * Девять десятковъ и десять.	1	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простыя.
Сто девяносто восемь и одинъ. Двѣсти безъ одного.	Сто девяносто девять.	рч҃ѳ	CXCIX или CLXXXXVIIII	0 1 9 9 Сто девяносто девять.	1	9	9
Сто девяносто девять и одинъ. Двѣсти одинъ безъ одного.	Двѣсти.	с҃	CC Двѣ сотни.	0 2 0 0 Двѣ сотни. 0 1 * 0 Одна сотня и десять десятковъ. 0 1 9 * Одна сотня, девять десятковъ и десять	2	0	0
Двѣсти девяносто восемь и одинъ. Триста безъ одного.	Двѣсти девяносто девять.	сч҃ѳ	CCXCIX	0 2 9 9 Двѣ сотни, девять десятковъ и девять.	2	9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Сотни.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Двѣсти девяносто девять и одинъ. Триста одинъ безъ одного.	Триста.	Т҃	CCC Три сотни.	0 3 0 0 Три сотни. — 0 2 * 0 Двѣ сотни и десять десятковъ. — 0 2 9 * Двѣ сотни, девять десятковъ и десять.	3	0	0
Четыреста девяносто восемь и одинъ. Пятьсотъ безъ одного.	Четыреста девяносто девять.	у҃ч҃ѳ	CCCCXCIX или CDXCIX	0 4 9 9 Четыре сотни, девять десятковъ и девять.	4	9	9
Четыреста девяносто девять и одинъ. Пятьсотъ одинъ безъ одного.	Пятьсотъ	ф҃	D Полтысячи.	0 5 0 0 Пять сотенъ. — 0 4 * 0 Четыре сотни и десять десятковъ. — 0 4 9 * Четыре сотни, девять десятковъ и десять.	5	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.		
					Сотни.	Десятки.	Простыя.
Шестьсотъ девяносто восемь и одинъ. Семьсотъ безъ одного.	Шестьсотъ девяносто девять.	ХЧ҃Ѳ	DCXCIX	0 6 9 9 Шесть сотенъ, девять десятковъ и девять.	6	9	9
Шестьсотъ девяносто девять и одинъ. Семьсотъ одинъ безъ одного.	Семьсотъ.	Ѱ҃	DCC Полтысячи и двѣ сотни.	0 7 0 0 Семь сотенъ. 0 6 * 0 Шесть сотенъ и десять десятковъ. 0 6 9 * Шесть сотенъ, девять десятковъ и десять.	7	0	0
Восемьсотъ четырнадцать и одинъ. Восемьсотъ шестнадцать безъ одного.	Восемьсотъпятнадцать.	Ѿ҃Ѕ҃І	DCCCXV	0 8 1 5 Восемь сотенъ, одинъ десятокъ и пять.	8	1	5

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Девятьсотъ девяносто восемь и одинъ. Тысяча безъ одного. } Девятьсотъ девяносто девять.	ЦЧѲ	DCCCCXCIX или CMXCIX	0 9 9 9 Девять сотенъ, девять-десятковъ и девять.		9	9	9
Девятьсотъ девяносто девять и одинъ. Тысяча одинъ безъ одного. } Тысяча.	҂А	M	1 0 0 0 Одна тысяча. 0 * 0 0 Десять сотенъ. 0 9 * 0 Девять сотенъ и десять десятковъ. 0 9 9 * Девять сотенъ, девять десятковъ и десять.	1	0	0	0
Тысяча шестьсотъ восемьдесятъ семь.	҂АХПЗ	MDCLXXXVII	1 6 8 7 Тысяча, шесть сотенъ, восемь десятковъ и семь.	1	6	8	7

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ.	Арабскія.			
				Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Три тысячи шестьдесять три.	҂ГѮГ	MMMLXIII	3 0 6 3 Три тысячи, шесть десятковъ и три. 2 * 6 3 Двѣ тысячи, десять сотенъ, шесть десятковъ и три.	3	0	6	3
Тысяча сто.	҂АР	MC	1 1 0 0 Одна тысяча и одна сотня. 1 0 * 0 Одна тысяча и десять десятковъ. 1 0 9 * Одна тысяча, девять десятковъ и десять.	1	1	0	0
Двѣ тысячи три.	҂ВГ	MMIII	2 0 0 3 Двѣ тысячи и три. 1 * 0 3 Одна тысяча, десять сотенъ и три. 1 9 * 3 Одна тысяча, девять сотенъ, десять десятковъ и три.	2	0	0	3

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія.			
					Тысячи.	Сотни	Десятки	Простыя.
Три тысячи восемьсотъ пять.	҂г҃ѿе	MMMDCCCV	3 8 0 5 Три тысячи, восемь со-тёнъ и пять.	3 7 * 5 Три тысячи, семь со-тенъ, десять десятковъ и пять.	3	8	0	5
Четыре тысячи сто пять.	҂д҃рє	MMMMCV	4 1 0 5 Четыре тысячи, одна сотня и пять.	4 0 * 5 Четыре тысячи, десять десятковъ и пять.	4	1	0	5

ЦИФРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ:

217, двѣсти семнадцать.
314, триста четырнадцать
5011, пять тысячъ одинадцать.
718, семьсотъ восемнадцать.
3019, три тысячи девятнадцать.
40, сорокъ; 90, девяносто.
200, двѣсти; 300, триста.
190, сто девяносто.
8040, восемь тысячъ сорокъ.
595, пятьсотъ девяносто пять.
643, шестьсотъ сорокъ три.
147, сто сорокъ семь.
298, двѣсти девяносто восемь.
196, сто девяносто шесть.
414, четыреста четырнадцать.
1241, тысяча двѣсти сорокъ одинъ.
2362, двѣ тысячи триста шестьдесятъ два.
390, триста девяносто.
240, двѣсти сорокъ.

5486 можно выговаривать: 5,486 пять тысячъ, четыреста восемьдесятъ шесть простыхъ. И можно выговаривать: 54,86 пятьдесятъ четыре сотни и восемьдесятъ шесть простыхъ. И ещё можно выговаривать: 548,6 пятьсотъ сорокъ восемь десятковъ и шесть простыхъ.

3,121=31,21=312,1. 8,965=89,65=896,5.

СЧЕТЪ СЛАВЯНСКИМИ ЦИФРАМИ.

Десять и пять—пятнадцать . . . . . . Ї+Є҃=ЄІ.
Двадцать и семь=двадцать семь. . . . К҃+З҃=КЗ.
Тридцать и девять=тридцать девять . Л҃+Ѳ҃=Л҃Ѳ
Сто и сорокъ=сто сорокъ . . . . . . Р҃+М҃=РМ.
Триста и семьдесятъ и еще восемь=
триста семьдесятъ восемъ . . . . . Т҃+О҃+И҃=ТО҃И.

Тридцать и пятьдесятъ=восемьдесятъ . . Л҃+Н҃=П҃.
Сорокъ пять и семнадцать=шестьдесятъ два . . . . М҃Є+З҃І=Ѯ҃В.
Триста и двѣсти=пятьсотъ . . . . Т҃+С҃=Ф҃.
Сто девяносто девять и одинъ=двѣсти. РЧ҃Ѳ+А҃=С҃.
Четыреста двадцать восемь и
пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча. У҃КИ+ФО҃В=҂А҃.

Славянскія цифры помогаютъ въ счётѣ только тогда, когда къ десяткамъ присчитываешь простыя, или къ сотнямъ десятки. Тогда—только пишутся тѣже буквы. Напр. К҃+Ѳ҃=К҃Ѳ. А какъ только станешь считать простыя съ простыми, или десятки съ десятками, или сотни съ сотнями,—такъ на каждое число пишутся другія буквы. Напр: М҃+Н҃=Ч҃.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ БЕЗЪ СОКРАЩЕНІЯ.

Десять и пять=пятнадцать . . . . X+Ѵ=XѴ.
Восемь и шесть=четырнадцать . . ѴIII+ѴI=XIIII.
Тридцать пять и тринадцать=сорокъ восемь . . . . . XXXѴ+XIII=XXXXѴIII.
Сто тридцать семь и двадцать два=сто пятьдесятъ девять CXXXѴII+XXII=CLIX.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча . . . . . CCCCXXѴIII+DLXXII=M

Чтобы считать Римскими цифрами, надо только списывать вмѣстѣ: тысячи M съ тысячами M; полтысячи D съ полтысячами D; сотни C съ сотнями C; полсотни L съ полсотнями L, десятки X съ десятками X; пятки Ѵ съ пятками Ѵ, и единицы I съ единицами I. И потомъ очесть сколько выйдетъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ, пятковъ, единицъ.

DCCLXXXVIII+DCCCLXXVIII=DDCCCCCLLXXXXXVVIIIIII.

Когда написалъ—что̀ вышло, тогда своди единицы въ пяткѝ, пяткѝ въ десятки, десятки въ полсотни, полсотни въ сотни, сотни въ полтысячи, полтысячи въ тысячи:

IIIII = Ѵ.
ѴѴ = X.
XXXXX = L.
LL = C.
CCCCC = D.
DD = M.

Было написано: DDCCCCCLLXXXXXVVIIIII.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXVVVI.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXXVI.
Все равно: DDCCCCCLLLXVI.
Все равно: DDCCCCCCLXVI.
Все равно: DDDCLXVI.
Все равно: MDCLXVI.

LVI+XXXXIIII=LXXXXVIIIII=LXXXXVV=LXXXXX=LL=C.

CLXXXIIII + XVI = CLXXXXVIIIII = CLXXXXVV=CLXXXXX=CLL=CC.

CCCXXXXIII + DCLVII = DCCCCLXXXXVIIIII = DCCCCLXXXXVV = DCCCCLXXXXX = DCCCCLL = DCCCCC=DD=M.

ПРИМѢРЫ ДЛЯ СЧЕТА РИМСКИМИ ЦИФРАМИ.

CCLIII+CCCLXXVI.
CCCCXXII+DXVIII.
DCLXXXXVIII+DLVI.
DCCLXXXII+XXV.
LXIIII+DCLXVI.
DCCCCXIII+CXII.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ СЪ СОКРАЩЕНІЯМИ.

Для того, чтобы меньше писать Римскими цифрами, пишутъ тоже и такъ: четыре пишутъ не четыре палочки—IIII, а пишутъ пять и передъ пятью ставятъ одинъ,—значитъ пять безъ одной; четыре—IV. И девять пишутъ не пять и четыре—VIIII, а десять безъ одной—IX. И сорокъ пишутъ не четыре десятка—XXXX, а полсотни безъ десятка—XL. И девяносто пишутъ не пол-

сотни и четыре десятка—XCLXXXX, а сотню безъ десятка—XC. И четыре сотни пишутъ не четыре сотни—CCCC, а полтысячи безъ сотни — CD. И девятьсотъ пишутъ не полтысячи и четыре сотни—DCCCC, а тысячу безъ сотни—CM.

XXIX+XIV=XLIII.
CXLIII+LIV=CXCVIII.
XCV+XLIV=CXXXIX.
CXCIX+CDXCIX=DCXCVIII.
CDXXIX+CCCLXXVI=DCCCV.

Чтобы считать сокращёнными цифрами, надо точно также списывать вмѣстѣ тысячи, полтысячи, сотни, полсотни, десятки, пятки, единицы и потомъ сличать, сколько выходитъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ.

Считать надо такъ: Если надо счесть IV+IV, то выйдетъ два пятка, десятокъ; изъ десятка надо взять два, — останется восемь, и напиши VIII. Если надо счесть IV и V, то два пятка—десять, и изъ десяти надо взять одинъ; такъ и оставь одинъ, будетъ—IX. Если надо счесть IV+VI, то въ одномъ пяткѣ надо взять I, а къ другому прибавить; значитъ—ни прибавлять, ни убавлять,—будетъ X. Если счесть IX и IV, то надо изъ XV взять два, будетъ—XIII. Если счесть IX+XI, то у одного взять, къ другому прибавить по одному, будетъ — XX.

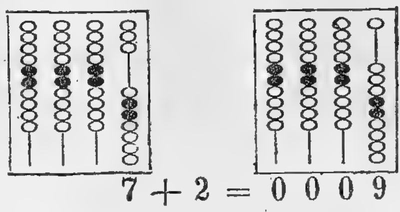
Также надо считать полсотни и сотни безъ десятковъ, и тысячи и полтысячи безъ сотенъ.

CXLIII + LIV = CXLLIVIII = CXLLVII = CXCVII.
CXCIX + CDXCIV = CDCXCXCIXIV = CDCXCXCXIII = CDCCLXXXXIII=CDCCLXLIII=CDCCXCIII=DCXCIII.

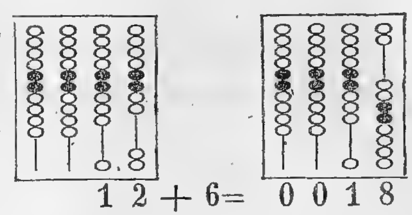
Считать сокращёнными Римскими цифрами трудно. Чтобы скорѣе считать, надо переводить сокращённыя на несокращённыя.

СЧЕТЪ НА СЧЕТАХЪ И АРАБСКИМИ.

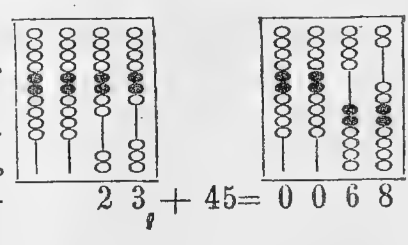
7 и 2. Положи на *простыхъ* 7 костей и еще 2. Сочти, сколько выйдетъ, и запиши подъ простыми 9.

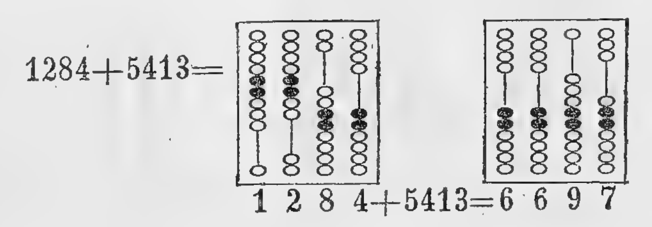


12 и 6. Положи одинъ десятокъ и двѣ простыхъ. Къ простымъ приложи 6. Сочти и запиши подъ простыми 8, подъ десятками 1.



23 и 45. Положи 2 десятка и 3 простыхъ. Къ десяткамъ приложи 4. Сочти и запиши подъ десятками 6. Къ простымъ приложи 5; сочти и запиши подъ простыми 8.





8 и 6.

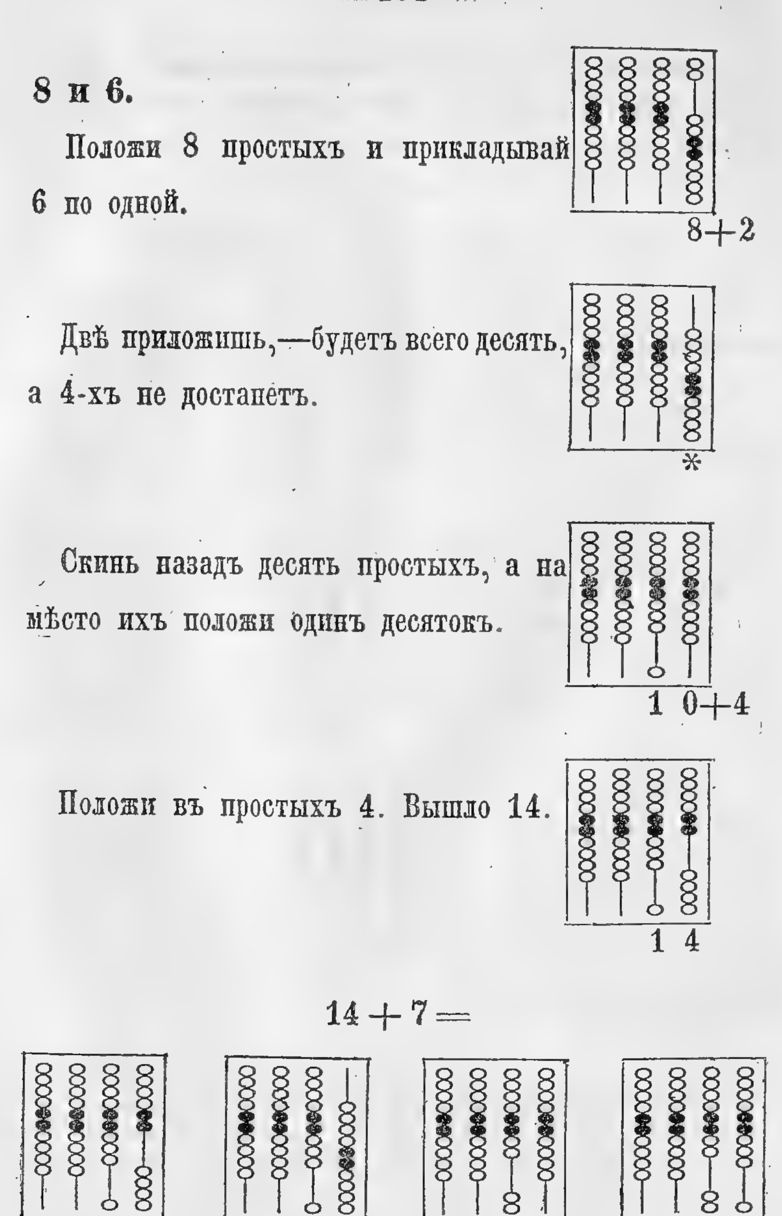
Положи 8 простыхъ и прикладывай 6 по одной.

Двѣ приложишь,—будетъ всего десять, а 4-хъ не достанетъ.

Скинь назадъ десять простыхъ, а на мѣсто ихъ положи одинъ десятокъ.

Положи въ простыхъ 4. Вышло 14.

14 + 7 =



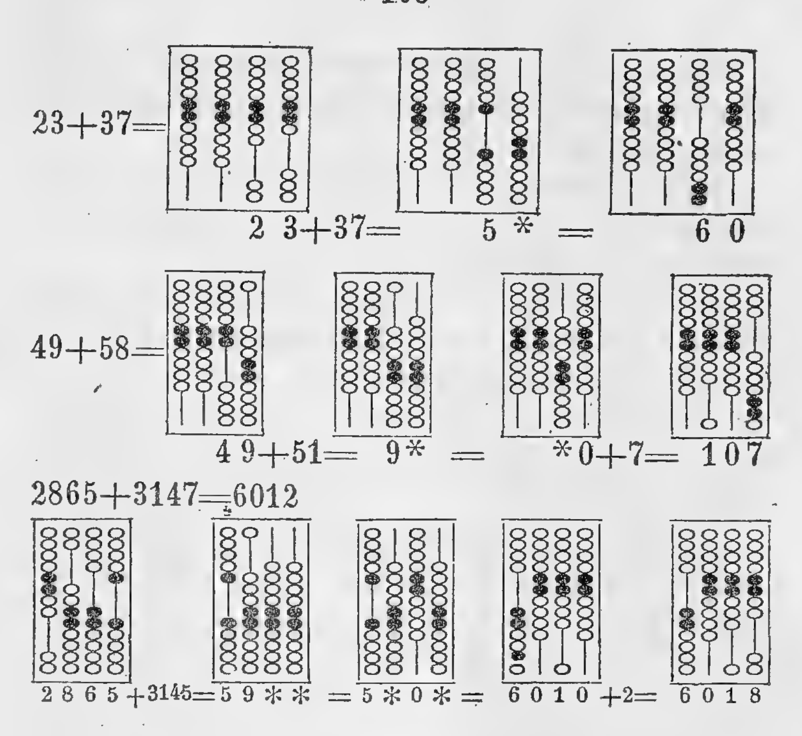


ТАБЛИЦА АРАБСКИХЪ ЧИСЕЛЪ ДО МИЛЛІОНА.

Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.		Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
9	3	4	1	0	5	2		3	2	9	6	3	8	6
7	8	0	4	8	3	7		4	5	2	7	8	9	1
3	0	7	6	3	2	9		1	3	7	4	3	5	2
	1	2	0	5	4	8					3	6	0	8
		6	9	5	3	2			7	4	2	5	9	0
			6	4	1	0						1	8	3

5624328 можно выговаривать: пять *милліоновъ*, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, триста двадцать восемь простыхъ

56,24328 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть *сотенъ тысячъ*, и двадцать четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

562,4328 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ два *десятка тысячъ*, и четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

5624,328 можно еще выговаривать: пять тысячъ, шестьсотъ двадцать четыре *тысячи*, и триста двадцать восемъ простыхъ.

56243,28 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ три *сотни*, и двадцать восемь простыхъ.

562432,8 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи четыреста тридцать два *десятка*, и восемь простыхъ.

1382516 можно выговаривать: одинъ милліонъ, и триста восемьдесятъ двѣ тысячи, пятьсотъ шестьнадцать. Еще 13,82516 можно выговаривать: тринадцать сотенъ тысячъ, и восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 138,2516 можно выговаривать: сто тридцать восемь десятковъ тысячъ, и двѣ тысячи пятьсотъ шестьнадцать. Еще 1382,516 можно выговаривать: тысяча триста восемьдесятъ двѣ тысячи, и пятьсотъ шестнадцать. Еще 13825,16 можно выговаривать: тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать пять сотенъ, и шестнадцатъ простыхъ. Еще 138251,6 можно выговаривать: сто тридцать восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ одинъ десятокъ, и шесть простыхъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Уменье читать и писать состоитъ изъ

1) Умѣнья отличать одну букву отъ другой и изображать буквы,

2) Умѣнья соединять буквы въ слоги и разлагать слоги на буквы,

3) Умѣнья соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги и

4) Умѣнья въ словахъ правильно произносить и писать тѣ буквы, которыя пишутся не такъ, какъ произносятся.

I.

Для изученія буквъ есть много различныхъ способовъ,— и всѣ они хороши, если ученикъ не скучаетъ. Для одного ученика, и въ особенности для ребенка въ семьѣ, общеупотребительный способъ картинокъ предметовъ, начинающихся по буквамъ,—есть самый лучшій, только картинки должны быть такія, чтобы ученикъ безошибочно называлъ предметъ именемъ, начинающимся съ требуемой буквы. Для школы же лучшій и простѣйшій способъ слѣдующій.

Пишите мѣломъ на доскѣ, или вѣшайте на стѣнѣ, изображенія буквъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такія, въ которыхъ была бы удержана только сущность фигуры каждой

буквы; называйте буквы и потомъ спрашивайте. Не стирайте и не снимайте буквъ, а постарайтесь найти мѣсто, чтобы всѣ буквы вмѣстѣ были видны ученику: это облегчаетъ запоминаніе. Называйте согласныя буквы всѣ безъ исключенія—ихъ звукомъ съ присоединеніемъ гласной *е*, т. е. *бе*, *ве*, *ге*, *де*, и т. д. И *м* называйте не *эмъ*, а *ме*; *р* не *эръ*, а *ре*; *ф* не *эфъ*, а *фе*, и т. д.

Гласную *ё* называйте *ьо*; *ы* называйте толстымъ *и*; *э* называйте *э*; *е* и *ѣ* одинаково называйте *ье*; *ъ* называйте *еръ*; *ь—ерь*; *й* называйте *ій*.

Послѣ того, какъ ученики стали узнавать изображенія буквъ и называть ихъ, заставляйте ихъ писать буквы. При писаньи не требуйте правильности въ изображеніи, а заботьтесь только о томъ, чтобы ученикъ выражалъ смыслъ сочетанія линій между собою, такъ чтобы видно было отличіе одной буквы отъ другой.

Въ особенности избѣгайте требованія правильности изображенія, зависящей отъ руки, а не отъ головы ребенка.

Памятливый ученикъ выучитъ этимъ способомъ всѣ буквы въ одинъ урокъ.

II.

Умѣнье складывать состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ научился понимать значеніе согласнаго звука безъ присоединенія какой-нибудь опредѣленной гласной, и могъ бы соединять его со всякою гласною. Для этой цѣли по старинному способу буквы назывались *буки*, *вѣди*, *глаголь*, и при складахъ ученика научали откидывать ненужные *уки*, *ѣди*, *лаголь* и т. д.

По новому способу буквы называютъ: *бъ*, *въ*, *гъ*, и т. д., и при складахъ научаютъ прямо соединять согласный звукъ съ гласнымъ, предполагая, что *бъ* есть только согласный звукъ. Но ученикъ точно также долженъ от-

кидывать полугласную *ъ*, оканчивающую каждую букву; ибо предположеніе, что *бъ* есть одинъ согласный звукъ — не вѣрно. По нѣмецки еще можно предположить, что f есть отдѣльный согласный звукъ; по по-русски *ф* долженъ быть или *фъ*, или *фь*. Такъ что этимъ способомъ, ничего не выигрывая при складахъ и только путая ученика,— очень много теряютъ при заучиваніи буквъ, ибо произношеніе *гъ*, *къ*, и т. п —почти невозможно.

Простѣйшій способъ заучиванія слѣдующій: заставьте ученика *на слухъ*, *безъ книги* складывать слоги оканчивающіеся гласною; говорите: *бе*, *ре*, *а—бра; де*, *ре*, *у—дру; же*, *не*, *и*,*—жни; б*, *а*,*—ба; з*, *а—за; с-т-р-у—стру; в-с-т-р-е—встре*, и т. д., и заставляйте его повторять за собою.

Ученикъ очень скоро привыкнетъ на слухъ откидывать ненужную гласную *е*.

Большое количество согласныхъ въ одномъ слогѣ—*встре*, и т. п., нисколько не затрудняетъ при этомъ ученика.

Почти всякій ученикъ, послѣ десяти такихъ повторенныхъ за учителемъ *на слухъ* складовъ, уже самъ начинаетъ складывать. Вы говорите ему *пе*, *ре*, *о*,—и онъ прямо отвѣчаетъ *про*, и т. д.

Когда ученикъ усвоитъ себѣ вполнѣ пріемъ откидыванія *на слухъ* ненужной гласной *е*, дѣлайте съ нимъ обратное, тоже *на слухъ*, т. е. говорите: *бра—бе*, *ре*,*а; дру—де*,*ре*, *у*; —и ученикъ также скоро усвоитъ себѣ пріемъ *на слухъ* разлаганія слоговъ и прибавленія гласной *е* къ согласнымъ звукамъ.

Тогда заставьте ученика читать и складывать тоже самое по книгѣ или доскѣ, и точно также раскладывать и писать.

Наибольшая трудность при складываніи будетъ встрѣчаться при складахъ на *е*, *ѣ* и *ь*. При складахъ на *е* и *ѣ* труд-

ность будетъ состоять въ томъ, что тутъ (напр. *бе, е—бе*) *е* дано ученику два раза, и онъ будетъ затрудняться въ откидываніи ненужнаго *е* болѣе, чѣмъ всякой другой гласной. Другая трудность будетъ состоять въ томъ, что такъ какъ *е, ѣ, ю* и *я* выговариваются какъ *ье, ьѣ, ью* и *ья* въ началѣ слова,—то ученикъ будетъ складывать иногда: *бе, е,—бье; бе, ю—бью; бе, я,—бья;* и потому нужно на слоги *бя, бе, бѣ, бю*—обратить особое вниманіе.

Когда ученикъ вполнѣ овладѣетъ складами кончающимися на гласную,—заставьте его точно также повторяетъ за собою склады, кончающіеся на полугласныя *ъ, ь,* и *й*, такъ: *те, еръ — тъ,*—почти какъ *ты,—те, ерь—ть,*—почти какъ *ти; бе, а, ій—бай; рой, дай, лай,* и т. д.

Потомъ заставьте разлагать эти слоги на буквы, такъ: *тъ—те, еръ; ть—те, ерь; бай—бе, а, ій;* и т. д.

Потомъ заставьте его читать эти склады и писать ихъ.

III.

Умѣнье соединять слоги въ слова состоитъ въ томъ, чтобы, прочтя одинъ слогъ, ученикъ, не забывая этого слога, прочелъ-бы второй и присоединилъ бы его къ первому. Обыкновенно ученикъ напрягаетъ такъ сильно свое вниманіе на разобраніе одного слога, что разобравъ второй, онъ забываетъ первый. Сложивъ въ словѣ *баня* слогъ *ба*, онъ, складывая и читая *ня*,—забываетъ *ба*, и, повторяя два раза первый слогъ или второй (особенно, если слоги эти похожи), говоритъ *няня* или *баба*.

Выберите такія двусложныя слова, чтобы слоги ихъ наименѣе были между собою похожи, такъ какъ сходство слоговъ сбиваетъ учениковъ, и, говоря ученику буквы складовъ, заставляйте его *на слухъ, безъ книги* складывать, и, говоря ему склады, заставляйте его раскладывать ихъ

на буквы. Напр. вы говорите: *к*, *р*, *ы*,—онъ произноситъ: *кры*. Вы говорите: «помни *кры*», и говорите дальше: *с*, *а*;—онъ произноситъ: *са*. Вы спрашиваете: «что̀ вмѣстѣ?»—«*крыса*».

И обратно. Вы спрашиваете: «какъ разложить *крыса*, сначала на слоги, и потомъ каждый слогъ на буквы?» И онъ отвѣчаетъ: *к*, *р*, *ы*, и *с*, *а*. Рѣдко ученикъ скажетъ сразу—к-р-ы-с-а; большею частью, когда вы спросите: «какъ сложить крыса?» онъ скажетъ: *к*, *а*, или что-нибудь подобное. Произнесенное имъ слово кажется ему такъ коротко, что онъ не можетъ вообразить, что нужно пять буквъ для его изображенія.

Прежде чѣмъ разлагать слова на буквы, нужно пріучить учениковъ произносить ихъ медленно, разлагая на слоги.

Такимъ образомъ пройдите постепенно поставленныя по порядку трудности 13 №№ упражненій третьяго отдѣла (III, стр. 18), и когда ученикъ вполнѣ усвоитъ себѣ этотъ пріемъ соединенія и разложенія словъ на слухъ, заставьте его дѣлать тоже самое по книгѣ и на доскѣ, т. е. при чтеніи и письмѣ.

Объ удареніи ненужно и нельзя говорить ученику, такъ какъ нельзя указать правилъ для ударенія. Надо заботиться только о томъ, чтобы слова были понятны для ученика. Въ понимаемомъ словѣ ученикъ найдетъ мѣсто ударенію также хорошо, какъ и учитель.

Послѣ этого ученикъ пусть читаетъ изреченія третьяго отдѣла (стр. 18—30), *всѣ выговариваемыя, какъ они пишутся*, и пусть пишетъ подъ диктовку.

Диктовать надо ученику такія слова, которыя-бы писались такъ, какъ они выговариваются. Въ упражненія вставлены неизвѣстныя еще ученику буквы обыкновеннаго и скорописнаго шрифта.

Умѣнье соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги пріобрѣтается медленнѣе другихъ умѣній.

IV.

Умѣнье правильно произносить и писать буквы состоитъ въ знаніи нѣкоторыхъ особенностей произношенія и въ знаніи измѣненій въ произношеніи того-же слова, зависящихъ отъ различныхъ грамматическихъ формъ и отъ принятаго говора.

Главнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія:

1) *о* въ *а*, 2) *б* въ *п*, 3) *в* въ *ф*, 4) *з* въ *с*, 5) *г* въ *х*, 6) *г* въ *к*, 7) *ч* въ *ш*, 8) *д* въ *т*, 9) *я* въ *е*, 10) *ж* въ *ш*, 11) *тся* и *ться* въ *ца*, 12) *к* въ *х*, 13) *г* въ *в*, 14) *а* въ *о*, 15) *с* въ *з*, 16) *и* въ *ы*, 17) *ій* въ *ой*, 18) *а* въ *е*, 19) *ый* въ *ой*, 20) *ій* въ *ей*.

Ученикъ еще прочтетъ иногда правильно (если угадаетъ удареніе) слово, пишущееся не такъ, какъ выговаривается; но всякій ученикъ напишетъ: *мнѣ хочеца*, *малако*, а не «хоче*тся*», «*молоко*»; и потому надобно обратить его вниманіе на различіе письма и произношенія. Заставляйте ученика читать упражненія четвертаго отдѣла (IV, стр. 31—59), выговаривая верхнюю букву; обращайте его вниманіе на то, какъ слово пишется и какъ выговаривается и какъ не должно писаться; и тамъ, гдѣ это возможно въ примѣрахъ,— на причину, почему слово такъ пишется.

Одновременно съ этими упражненіями заставляйте ученика писать изъ головы самыя простыя изреченія, — лучше всего тѣ самыя, которыя онъ только что сказалъ, не думая о нихъ;—или пусть пишетъ подъ диктовку другихъ учениковъ, но отнюдь не по книгѣ.

При письмѣ не надо стѣснять ученика требованіемъ правильности; пускай его пишетъ «малако». «фсатъ» вмѣсто «молоко», «въ садъ», и т. д. Поправляйте его уже тогда, когда онъ кончилъ писать. Писать могутъ ученики и печатными и скорописными буквами, или и тѣми и другими вмѣстѣ, если они еще не выучились писать скорописными.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Вторая часть состоитъ изъ статей для русскаго чтенія и имѣетъ двоякую цѣль: 1) Упражненіе учениковъ въ разсказѣ и сочиненіяхъ. 2) Упражненія грамматическія.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержаніе басни, но и тотъ общій выводъ, который по ихъ понятіямъ вытекаетъ изъ басни.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 72—90), нужно стараться, чтобы ученики передавали подробности разсказа.

Описанія должны служить ученикамъ образцами для сочиненій.

По прочтеніи сказокъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложенія хода дѣла

Въ третьемъ отдѣлѣ (III, стр. 91—98) обращайте вниманіе ученика на тѣ свѣденія, которыя передаются въ статьяхъ этого отдѣла. Большая часть статей этого отдѣла назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанія. Отвѣты зависятъ отъ знанія и умѣнія учителя.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (IV, стр. 99—101) обращайте вниманіе на ударенія. Если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенія, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Статьи второй части составлены такъ, что всякій ученикъ можетъ все понять въ нихъ; но для этого онъ долженъ правильно прочесть и произнести каждое слово, и кромѣ того обратить вниманіе на знаки припинанія.

Поэтому не торопитесь чтеніемъ, а заставьте ученика по нѣскольку разъ прочитывать и разсказывать прочитанное. Кромѣ разсказа, для того, чтобы убѣдиться, что ученикъ понялъ смыслъ прочитаннаго, надо вызывать ученика на

свои замѣчанія о томъ, что прочитано. Но не надо вызывать на это ученика вопросами о значеніи каждаго прочитаннаго слова. Лучше самому прочесть и объяснить ученику смыслъ прочитаннаго, чѣмъ скучными вопросами возбуждать въ немъ на первыхъ шагахъ отвращеніе къ чтенію.

При прохожденіи каждаго отдѣла необходимо одновременно съ чтеніемъ упражнять ученика въ писаніи сочиненій изъ головы на заданную тему (лучше всего задавать описанія занимательныхъ событій, которыхъ ученикъ былъ свидѣтелемъ) и въ передачѣ письменно того, что прочелъ. Передача на письмѣ того, что онъ прочелъ въ азбукѣ, удобна для того, чтобы закрѣпить въ памяти ученика правописаніе словъ: буква ѣ въ корняхъ словъ напечатана особеннымъ шрифтомъ, чтобы легче запоминалась.

Упражненія грамматическія подраздѣляются на 3 слѣдующіе отдѣла:

1) Упражненія въ произношеніи (I, стр. 60—71).

На всѣ буквы, поставленныя курсивомъ, надо обратить вниманіе ученика, сначала объяснить ему, почему слово пишется не такъ какъ произносится; напримѣръ: *галупка* пишется «го*л*у*б*ка», потому что мы говоримъ «го*л*у*б*и», а не «*галупи*»; а потомъ требовать и отъ него указаній на то, почему слово пишется не такъ, какъ произносится.

2) Упражненія въ знакахъ препинанія (II, стр. 72—90).

Знаніе знаковъ препинанія также необходимо для чтенія, какъ и знаніе буквъ.

Объясненіе значенія знаковъ возможно и необходимо при самомъ первоначальномъ обученіи.

Покажите сначала только точку, и дайте на точку упражненія въ письмѣ, въ чтеніи и разсказѣ.

Когда ученикъ говоритъ, — покажите ему, что онъ останавливается тамъ, гдѣ должна стоять точка.

Когда онъ узнаетъ точку, объясните ему другіе знаки въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ упражненіяхъ этого отдѣла:

. : ; , „ “ ( ) ! ?

3) Упражненія въ предлогахъ (III, стр. 91—98).

Одну изъ главныхъ трудностей для правильнаго чтенія и писанія на русскомъ языкѣ составляютъ предлоги.

Всякій ученикъ при чтеніи проглатываетъ короткіе предлоги, какъ *о*, *у*, *съ*, *къ*, *въ*, и отъ этого теряетъ смыслъ читаемаго; а при писаніи—соединяетъ предлоги съ тѣми словами, какія стоятъ послѣ.

Пройдите съ ученикомъ упражненія въ предлогахъ, обращая его вниманіе на то, что коротенькія слова—*о*, *въ*, *къ*, и т. п.—такія же особенныя слова, какъ и самыя длинныя.

Большею частью, понявъ, что бываютъ коротенькія, особенныя слова: *въ*, *къ*,—ученикъ начинаетъ при писаніи дѣлать обратную ошибку, т. е. отставляетъ предлоги отъ глаголовъ и нарѣчій: *на—питься*, и даже *съ—нѣгъ*, и т. п.

Для избѣжанія этихъ ошибокъ нужно обратить вниманіе ученика на то, что отъ примѣненія того или другаго предлога—различно измѣняются послѣдующія слова. Для этой цѣли нужно дать ученику много примѣровъ на каждый изъ употребительнѣйшихъ предлоговъ, и главное—заставить его самого составлять изреченія на заданные предлоги. Напримѣръ: скажи мнѣ что нибудь, гдѣ бы было слово *на*, или *къ*, или *съ*, и т. п.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

На первыхъ страницахъ славянскаго отдѣла вставлены всѣ славянскія буквы, такъ что ученику не нужно учить славянскую азбуку—онъ прямо начнетъ читать, пройдя всѣ буквы. Заставляйте ученика читать лѣтопись прямо по-славянски. Пускай онъ пытается понимать Въ выноскахъ поставлены непонятные слова и обороты въ переводѣ. Справляясь самъ въ выноскахъ ученикъ будетъ запоминать и тѣ и другіе.

Въ выноскахъ поставлены примѣры грамматическихъ формъ. Заставляйте ученика склонять и спрягать, по-русски и по-славянски, вынесенныя слова,—не упоминая ни о частяхъ рѣчи, ни о падежахъ, ни о лицахъ, временахъ и числахъ, а только заставляя видоизмѣнять слова.

Указанія на главнѣйшія грамматическія формы сдѣланы въ выноскахъ не столько для изученія славянской, сколько русской грамматики. Только послѣ сличенія на двухъ языкахъ большаго количества существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоимѣній въ различныхъ падежахъ и числахъ, и глаголовъ въ различныхъ лицахъ, числахъ и временахъ, должно назвать части рѣчи по ихъ имени и объяснить ихъ значеніе. Лѣтопись и житія переведены по возможности подстрочно. Въ случаѣ непониманія ученикъ пусть находитъ въ переводѣ, на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, непонимаемое имъ слово или выраженіе; но пусть читаетъ сперва по-славянски. Священное писаніе переведено не подстрочно и потому ученикъ пусть читаетъ сперва по-русски, а потомъ по-славянски.

Чтобы облегчить ученикамъ сравненіе текста съ переводомъ, можно объяснить имъ нѣкоторыя самыя простыя правила, по которымъ переводъ отступаетъ отъ текста; напр.

1) По-славянски (мы здѣсь соединяемъ подъ общимъ именемъ церковно-славянскій и древне-русскій языки) бываютъ

обороты, которыхъ вовсе нѣтъ по русски Таковъ *дательный самостоятельный;* всего удобнѣе онъ переводится съ частицею *когда. Умножившимся человѣкомъ*—когда умножились люди (стр. 106); *Ондрею учащу*—когда Андрей училъ (стр. 109); *пришедшю ему*—когда онъ пришелъ (стр. 110) и проч.

2) Одно слово по-славянски переводится двумя по-русски. Такъ въ русскомъ къ глаголамъ часто прибавляются личныя мѣстоимѣнія,—*я, ты, онъ, мы, вы, они,* и слова ихъ замѣняющія,—*тотъ, кто,* и т. п., которыя по-славянски рѣже употребляются, такъ какъ лицо указывается самою формою глагола. *Помыслиша*—задумали они (стр. 106); *и есть въ высоту*—и онъ (есть) въ высоту (стр. 107); *иде*—пошелъ онъ (стр. 111.)

3) Два слова по-славянски переводятся однимъ по-русски. *Сѣли суть*—сѣли (стр. 108); *имать быти*—будетъ (стр. 110).

4) Одно и тоже слово не одно значитъ въ томъ и другомъ языкѣ. *Да* значитъ *а, такъ* (кромѣ значенія *пусть, чтобы*). *Но* не обозначаетъ всегда противоположенія, какъ по-русски, а только переходъ къ другому предмету, и переводится *а, и.* Частица *же* иногда переводится *же*, иногда *а, и.*

5) Разстановка словъ бываетъ разная. *Же*, когда переводится *же*, ставится позади, какъ и по-славянски; а когда переводится *а, и*, то эти частицы ставятся впереди. *Бо* по-славянски ставится позади, а *потому что* по-русски впереди.

6) Частица *и* употребляется по-славянски тамъ, гдѣ ея нельзя ставить по-русски. *Ставъ, и рече*—вставши, сказалъ (стр. 110). *Егда стояше, и забы*—когда стоялъ, забылъ (стр. 119).

По прочтеніи статей славянскаго отдѣла заставляйте ученика разсказывать прочитанное.

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Десятичное счисленіе заключаетъ въ себѣ всю ариѳметику. Тотъ, кто умѣетъ считать впередъ и назадъ до ста, тотъ въ головѣ дѣлаетъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе, и возвышеніе въ степень, и извлеченіе корней. Тотъ, кто хорошо пойметъ счисленіе, тотъ легко пойметъ всю ариѳметику; и потому надо учить счисленію осторожно, не торопясь, не позволяя ученику ничего заучивать наизусть, а объясняя каждое дѣйствіе.

Покажите ученику славянскія буквы, потомъ семь знаковъ римскаго счисленія—M, D, C, L, X, V, I, и десять знаковъ арабскаго счисленія, и заставляйте его читать таблицу и класть на счетахъ до ста впередъ и назадъ

Когда онъ запомнитъ знаки цифръ, заставляйте его читать по славянскому счисленію, писать по римскому (безъ сокращенія), класть на счетахъ и подписывать арабскими цифрами. (Подъ счёты надо подложить разграфленный листъ бумаги, такъ чтобы графа приходилась на каждый разрядъ счетовъ).

Обращайте вниманіе ученика въ римскомъ счисленіи на образованіе пятковъ, десятковъ, полсотенъ и сотенъ, въ арабскомъ на различные способы класть на счетахъ и писать числа, кончающіяся нулемъ.

Пройдя таблицу до ста и обратно, заставьте ученика подъ диктовку писать числа по-римски, класть на счетахъ и подписывать по-арабски, и заставляйте читать числа, написанныя по разнымъ счисленіямъ.

Не требуйте отъ ученика, чтобы онъ называлъ цифры правильно, то есть 40 — сорокъ, 90 — девяносто, 113 — сто тринадцать, а пускай называетъ: 4 десятка; 9 десятковъ; одна сотня, 1 десятокъ и 3 простыхъ; и диктуя, если онъ не понимаетъ васъ, говорите ему такъ же.

Потомъ пройдите таблицу до 1000 и точно также заставьте читать и писать цифры по двумъ счисленіямъ и класть на счетахъ.

Потомъ заставьте ученика выговаривать числа правильно. Обратите вниманіе на числа 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, на 40, на 90, на 200, 300. Эти числа при выговариваніи обыкновенно путаютъ ученика.

Покажите счетъ славянскими буквами для того только, чтобы ученикъ понялъ преимущество римскаго и арабскаго счисленія.

Заставляйте ученика считать, т. е. складывать римскими цифрами (безъ сокращенія).

Римское счисленіе, самое понятное и простое, имѣетъ еще то преимущество, что оно пріучаетъ ученика разбивать десятокъ на два пятка, что ему потомъ много облегчитъ счетъ; поэтому какъ можно больше заставляйте ученика считать поримски. Прибавьте отъ себя сотни примѣровъ. Все потраченное на это время вознаградится сторицею.

Сокращеннымъ римскимъ счисленіемъ не нужно считать, если ученикъ не очень способенъ, а нужно только показать его.

Прежде чѣмъ приступить къ арабскому счисленію на бумагѣ и на счетахъ, пройдите нѣсколько разъ упражненія въ различномъ изображеніи чиселъ съ нулями, изображая звѣздочкой десятки (напримѣръ 1000—одна тысяча,—или 10 сотенъ,—или 9 сотенъ и 10 десятковъ; 1000=*00=9*0=99*), и упражненія въ различныхъ способахъ наименованія чиселъ, напримѣръ 5673=56 сотнямъ и 73 простымъ=567 десяткамъ и 3 простымъ. Чѣмъ лучше пойметъ это ученикъ, чѣмъ тверже онъ будетъ въ этомъ, тѣмъ несравненно легче будетъ для него все дальнѣйшее.

Считать арабскими цифрами заставляйте одновременно съ счетами.

Не торопитесь показывать сложенія одними арабскими цифрами.

Общія замѣчанія для учителя.

Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно, чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

1) *Чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно*, и 2) *чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ*.

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ, избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что̀ онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраздѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

Избѣгайте грамматическихъ и синтаксическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ, и главное—больше читать, понимая то, что̀ онъ читаетъ, и больше писать изъ головы; и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію, или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что непонятно, нескладно и неясно.

По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификаціи, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій, и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ событія историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны

По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затмѣніяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости навязываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ, и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ

По ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Ни на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

Самое короткое счисленіе есть десятичное—оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія—начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый непонятный пріемъ; нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій 0, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ на крестъ, или дѣленію дробей крестъ на крестъ; но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій, и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до которыхъ дошла наука—въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце; изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце; какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ, и какія необыкновенныя машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ,—въ чемъ умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться,—не говоря объ этомъ,—голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, словъ, не соотвѣтствующихъ понятію, или имѣющихъ два значенія,—и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то назы-

вается, это такъ-то; а старайтесь называть каждую вещь какъ ей слѣдуетъ называться.

Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія; но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій, и всякой терминологіи.

Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе— только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ,—когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

Другая причина, по которой урокъ бываетъ непонятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, что̀ давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, что̀ ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другаго значенія, и понимаетъ ошибочно, или ужъ вовсе не понимаетъ.

Такого рода толкованія очень обыкновенны, въ особенности, когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику: что̀ такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или: одно перо и одно перо—сколько будетъ перьевъ?

Вообще: толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, что̀ вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали.

При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ, часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это будутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ по-своему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда, и если онъ не вѣренъ—опровергните его, а если вѣренъ—то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

Или-же ученикъ не понимаетъ отъ того, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часомъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ.

Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, нужно:

1) Чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится.

2) Чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей.

3) (Очень важное.) Чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное ученіе т. е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями.

4) Чтобъ умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется,—невозможно ни для какого возраста. Но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія. Какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ. *Тупикъ*, *столбнякъ*, *упрямство*—происходитъ только отъ этого.

5) Чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ тоже самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобъ каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписыванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ,—тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что нужно.

Для того чтобы, не смотря на это всегдашнее недовольство собой, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

Если учитель во время трехъ-часоваго урока не чувствовалъ ни минуты скуки,—онъ имѣетъ это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу,—онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать,—онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.

Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикамъ, онъ—совершенный учитель.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
142	1 и 2 снизу.	Пять и один	Пять безъ одного
143	3 сн.	Девять	Десять
165	6 сверху	6018	6012

На стр. 163 въ первыхъ счетахъ нижняго ряда положено 6 костей простыхъ,—нужно 4.

Двѣ точки надъ буквою ё пропущены въ словахъ:

Стр. 19 строка 1 св. *веселый, пестрый, Алеша.*
— 24 — 9 св. *далеко*
— 24 — 14 св. *ушелъ*
— 35 — 9 св. *идетъ*
— 36 — 1 св. *слезки*

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-ОЙ КНИГИ.

Часть первая.

Часть вторая.

Часть третья. Счетъ.

Для учителя.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ОПЕЧАТКАМЪ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
149	8 сн.	1741	1641
152	11 сн.	32	32

На стр. 9 ошибочно названа басня *Цапля, лягушка и ракъ.* Должно стоять: *Цапля, рыбы и ракъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ОСЕЛЪ ВЪ ЛЬВИНОЙ ШКУРѢ.

Осёлъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали— левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

КУРИЦА И ЛАСТОЧКА.

Курица нашла змѣиныя яица и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

«То-то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ».

ОЛЕНЬ И ЛАНЧУКЪ.

Ланчукъ [1]) сказалъ разъ оленю:

«Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да ещё и рога у тебя огромные на защиту; отчего ты такъ боишься собакъ?»

Олень засѣмялся и говоритъ:

«Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужь бѣгу».

---

[1]) Молодой олень.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Лисица увидала—висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ-бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобъ досаду заглушить, она говоритъ: «зелены ещё».

РАБОТНИЦЫ И ПѢТУХЪ.

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось; и онѣ вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работницъ.

РЫБАКЪ и РЫБКА.

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

«Рыбакъ, пусти меня въ воду; видишь, я мелка; тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь—тебѣ пользы больше будетъ»

Рыбакъ и говоритъ:

«Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ».

ЛИСИЦА И КОЗЁЛЪ.

Захотѣлось козлу напиться; онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

«То-то безтолковый! Коли-бы у тебя, сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться».

СОБАКА И ЕЯ ТѢНЬ.

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несётъ, — она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чёмъ.

ЖУРАВЛЬ И АИСТЪ.

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

«Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почётныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль».

Мужикъ говоритъ:

«Съ журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу».

САДОВНИКЪ И СЫНОВЬЯ.

Хотѣлъ садовникъ сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что́ тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ:

«Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу».

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

«Давай же награду».

Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:

«Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?»

УТКА И МѢСЯЦЪ.

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобъ поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужь не ловила ея и умерла съ голода.

ВОЛКЪ ВЪ ПЫЛИ.

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашёлъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

«Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ». А волкъ говоритъ: «то-то и горе, собаченька, что у меня ужь давно глаза болятъ, а говорятъ— отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ».

МЫШЬ ПОДЪ АМБАРОМЪ.

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

«Идите», говоритъ, «ко мнѣ гулять, корму на всѣхъ достанетъ» Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ её.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ.

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужь лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. — Давайте, утопимся!»

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

«Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА.

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ, и всё ему ещё хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

«Экой я дуракъ! чтожъ я напрасно съѣлъ столько калачей?—Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку».

ДВѢ ЛОШАДИ.

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали перекладывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней:

«Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить»

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ:

«Что мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить? Лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму»

Такъ и сдѣлалъ.

ОТЕЦЪ И СЫНОВЬЯ.

Отецъ приказывалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по пруту. Они поломали.

Отецъ и говоритъ:

«Такъ-то и вы, если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться, да всё врозь,— васъ всякій легко погубитъ».

САМЫЯ ЛУЧШІЯ ГРУШИ.

Одинъ баринъ послалъ слугу купить самыхъ вкусныхъ грушъ. Слуга пришёлъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

«Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ».

Купецъ сказалъ:

«Отвѣдай одну; ты увидишь, что онѣ вкусны».

«Какъ я узнаю», сказалъ слуга, «что онѣ всё вкусны, если отвѣдаю только одну?»

Онъ откусилъ по немногу отъ каждой груши и принёсъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

ТЕЛЕНОКЪ НА ЛЬДУ.

Телёнокъ скакалъ по закутѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили съ другою скотиною на лёдъ къ водопою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а телёнокъ разбѣжался на лёдъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружить. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

«Несчастный я! По колѣно въ соломѣ скакалъ—не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся».

Старая корова сказала:

«Кабы ты былъ не телёнокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться».

СОКОЛЪ И ПѢТУХЪ.

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ пѣтуху:

«Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То-ли дѣло мы, дикая птица; въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами ещё ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ».

Пѣтухъ и говоритъ:

«Вы не бѣгаете отъ людей оттого, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то-и-дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ».

ШАКАЛЫ И СЛОНЪ.

Шакалы поѣли всю падаль въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошёлъ онъ къ слону и говоритъ:

«Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другаго царя выбрать,—и послалъ меня

нашъ народъ проситъ тебя въ цари. У насъ житьё хорошее:—что́ велишь, всё то будемъ дѣлать, и почитать тебя во всёмъ будемъ. Пойдёмъ въ наше царство.» Слонъ согласился и пошёлъ за шакаломъ. Шакалъ привёлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакалъ и говоритъ:

«Теперь приказывай; что́ велишь, то и будемъ дѣлать.»

Слонъ сказалъ:

«Я приказываю вытащить меня отсюда.»

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ: хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу.»

Слонъ говоритъ:

«Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?» А шакалъ и говоритъ: «такъ зачѣмъ-же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перва́го царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать»

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли и съѣли его

ЦАПЛЯ, ЛЯГУШКА И РАКЪ.

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало ужь въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ рыбамъ: «а вы, рыбы, не знаете, что́ на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой—хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать.» Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ

«Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ: только вдругъ не могу, а поодиночкѣ.»

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: «меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась цапля носить ихъ: возьмётъ, вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

«Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбосить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

ЕЖЪ И ЗАЯЦЪ.

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ:

«Всѣмъ бы ты хорошъ, ёжъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются».

Ежъ разсердился и говоритъ:

«Ты что-жъ смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе твоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай на перегонку»!

Ежъ пошёлъ домой и говоритъ женѣ: «я съ зайцомъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку».

Ежова жена и говоритъ: «ты, видно, съ ума сошёлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя».

А ёжъ говоритъ: «у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Ты только дѣлай, что́ я велю. Пойдёмъ въ поле».

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ёжъ и говоритъ женѣ:

«Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцомъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ — подумаетъ, что это я».

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ёжъ съ зайцомъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ёжъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь!—а ежова жена уже тамъ и говоритъ: «а я уже давно жду».

Заяцъ думаетъ: «что́ за чудо! какъ это онъ меня обогналъ»?

«Ну», говоритъ, «давай ещё разъ побѣжимъ»!

«Давай»!

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ: глядь!—а ёжъ уже тамъ, да и говоритъ: «э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ.»

«Что за чудо!» думаетъ заяцъ, «ужь какъ я шибко скакалъ, а всё онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ ещё разъ, теперь ужь не обгонишь».

«Побѣжимъ!»

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь!—ёжъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

ВОДЯНОЙ И ЖЕМЧУЖИНА

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря водяной и спросилъ:

«Зачѣмъ ты черпаешь»?

Человѣкъ говоритъ:

«Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ»

Водяной спросилъ:

«А скоро-ли ты перестанешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Когда высушу море, тогда перестану»

Тогда водяной вернулся въ море, принёсъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

II.

ДѢВОЧКА И ГРИБЫ.

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу. Онѣ думали, что машина далеко, взлѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: «не ходи назадъ»!

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: «брось грибы»! а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ

побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что́ сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидали, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отъѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣнки, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

КАКАЯ БЫВАЕТЪ РОСА НА ТРАВѢ.

Когда въ солнечное утро, лѣтомъ, пойдёшь въ лѣсъ, то на поляхъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ и переливаются на солнцѣ разными цвѣтами—и желтымъ, и краснымъ, и синимъ. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что́ это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвёшь листокъ съ росинкой, то капелька скатится какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнётъ мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснѣе всякаго напитка кажется.

ИНДѢЕЦЪ И АНГЛИЧАНИНЪ.

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодаго англичанина, привязали къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошёлъ и сказалъ: «не убивайте его, а отдайте мнѣ».

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свёлъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко къ англійскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

«Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ».

Англичанинъ удивился и сказалъ: «зачѣмъ ты смѣёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣе».

Тогда индѣецъ сказалъ: «когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь». И индѣецъ отпустилъ англичанина.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ.

У насъ былъ старый старикъ Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлёпалъ губами, и нельзя было понять, что̀ онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ

осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ подъ горы. Онъ ещё хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота»

Когда пришёлъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ всё назадъ. Я злился на лошадь и изо всѣхъ силъ билъ её хлыстомъ и ногами. Я старался бить её въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ всё не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

«Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?» Я обидѣлся и сказалъ: «какъ же я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу».

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— «Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20-ть лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она такая старая! Всё равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что-же, вамъ не жалко бы было»?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъже весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенья за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

ОРЕЛЪ.

Орёлъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работалъ народъ, а орёлъ подлеталъ къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу; окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла каменьями.

Орёлъ выронилъ рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёлъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёлъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлятъ крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ пёрушки и какъ будто про-

силъ ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орёлъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнѣе.

Тогда орёлъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ; онъ летѣлъ тихо и низко надъ землёю; въ когтяхъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталъ къ дереву, онъ оглянулся — нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда

Орлята подняли головы и разнули рты, а орёлъ разорвалъ рыбу и накормилъ дѣтей.

МЕДВѢДЬ НА ПОВОЗКѢ.

Повадырь съ медвѣдемъ подошёлъ къ кабаку; привязалъ медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошёлъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подъѣхалъ къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже вошёлъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуялъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошёлъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только голову поворачиваетъ то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся оглянутся — ещё шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору.... Проѣзжіе не успѣваютъ посто-

раниваться. Катитъ тройка вся въ мылѣ, на телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки, да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо—убьютъ его лошади, началъ онъ ревѣть. Ещё пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что́ такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, что такое. Не путёмъ прискакалъ хозяинъ—видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ—медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

БѢШЕНАЯ СОБАКА.

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привёзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала дворная собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ окрытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидалъ эту собаку и закричалъ:

— Дѣти! бѣгите скорѣе домой, — бѣшеная собака!

Дѣти услыхали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо на встрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дужокъ чуть не сбилъ ихъ снотъ, выбѣжалъ въ дворъ и лёгъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюня. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй: кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшеный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошёлъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, что-бы разсмотрѣть, что съ нимъ: Весь задъ у Дружка былъ въ крови и всѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать его ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другаго ружья до смерти убилъ собаку и унёсъ её.

ЖИЛЕТКА

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачёмъ. У него служили сотни прикащиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе прикащики разыскивать и разыскали того, кто укралъ деньги.

Пришёлъ старшій прикащикъ къ купцу и говоритъ: «я вора нашёлъ. Надо его въ Сибирь сослать».

Купецъ говоритъ: «а кто укралъ»? Старшій прикащикъ говоритъ:

«Иванъ Петровъ, самъ признался».

Купецъ подумалъ и говоритъ:

«Ивана Петрова надо простить».

Прикащикъ удивился и говоритъ:

«Какъ-же простить? Этакъ и тѣ прикащики тоже будутъ дѣлать; всё добро растаскаютъ«. Купецъ говоритъ: «Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить»

Такъ и простили Ивана Петрова.

ЛЕВЪ И СОБАЧКА.

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками, на кормъ дикимъ звѣрямъ

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собачёнку и принёсъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собачёнку взяли и бросили въ клѣтку къ льву на съѣденье

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ. Левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а всё нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ лёгъ подлѣ мёртвой собачки и затихъ.

Хозяинъ хотѣлъ унести мёртвую собачку, но левъ никого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку, но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мёртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

ВОРОБЬИ.

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сёстрами смотрѣли, какъ воробей по соломенкѣ и по пёрушку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пёрушками и соломой, а сѣлъ на яйца. Другой воробей—намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена—приносилъ женѣ червей и кормилъ её.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что̀ сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ нёмъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были жёлтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что̀ они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и, когда она возвращалась, воробышки съ пискомъ открывали свои жёлтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьёвъ и увидали, что старый воробей лежитъ мёртвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень. Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики; но ихъ некому было кормить

Старшая сестра сказала: «вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ»!

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили туда гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ на верхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили хлѣбъ въ молокѣ и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день, и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли въ коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мёртвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и моху. Но къ вечеру ещё два воробья растопырили свои пёрушки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвёртый воробушекъ и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣднiй—пятый воробушекъ, былъ весёлый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: Живчикъ, Живчикъ! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ, на верху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на своё мѣсто въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка; перья у него стали мокрыя и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другiе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвёртый умеръ. Когда мы увидѣли его мёртвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала на верхъ узнать, что́ случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мёртваго воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшiе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду, въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

АРХІЕРЕЙ И РАЗБОЙНИКЪ.

Однаго разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты: онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его —что ему нужно?

Разбойникъ не зналъ, что отвѣчать, и на-обумъ сказалъ: «мнѣ нужно архіерея».

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ — за какимъ онъ дѣломъ пришелъ къ нему?

Разбойникъ отвѣчалъ: «я разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убъю тебя».

Архіерей сказалъ: «я—старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу: ты усталъ, отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть».

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришёлъ къ нему и сказалъ: «мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!»

Разбойникъ сказалъ: «нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худаго; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру».

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, какъ Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежь.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ—что бы ему украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: возьму я эту вещь — она много денегъ стоитъ—и уйду отсюда, а старика убивать не буду. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ Архіерейскаго дома и всё время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дому, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали: «если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешся, то отъ кражи этого подсвѣчника отклепаться не можешь. Пойдёмъ къ Архіерею—онъ тебя уличитъ».

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: «ваша ли это вещь?» Онъ говоритъ: «моя».

Полицейскіе сказали: «у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ»

Разбойникъ молчалъ, и у него какъ у волка бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подалъ разбойнику и говоритъ: «зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ».

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: «я воръ и разбойникъ, ведите меня!»

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: «прости меня ради Христа и помолись за меня Богу».

ЛОЗИНА.

На Святой мужикъ пошёлъ посмотрѣть—оттаяла ли земля?

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошёлъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: «дай обсажу огородъ лозиной; выростетъ—защита будетъ!» Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу подъ землёю выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями—замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялось. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчёлы гудмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ — тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина всё росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребёнка.

И старшій сынъ перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её — она всё росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчёлы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; всё нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на неё и закричалъ: что издохла старая кочерга, давно пора было.

1000 ЗОЛОТЫХЪ.

Богатый человѣкъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ, какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришёлъ къ священнику и говоритъ: я хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю, — кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете».

Священникъ сказалъ: «деньги большія, я тоже не знаю, кому дать: можетъ быть я одному дамъ много,

а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и поскольку дать вашихъ денегъ»?

Богатый сказалъ: «если вы не знаете, кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый бѣдный придётъ къ вамъ, тому и отдайте деньги».

Въ томъ-же приходѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него было много дѣтей, а самъ онъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человѣкъ читалъ разъ псалтирь и прочёлъ эти слова: «*я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведнаго оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба.*»

Бѣдный подумалъ: я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурнаго ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его, какъ такъ неправда сказана въ Писаніи.

Онъ пошёлъ къ священнику.

Священникъ увидалъ его и сказалъ: «этотъ бѣдный первый пришёлъ ко мнѣ», и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

III.

УЖЪ.

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и свернувшись лёгъ на машину рубашку. Дѣвочки вылѣзли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его, но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ.

«Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ».

Маша заплакала и сказала «только отдай мнѣ рубашку, а я всё сдѣлаю».

«Пойдёшь ли замужъ?»

Маша сказала: «пойду» И ужъ сползъ съ рубашки и ушёлъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: «матушка, ужакъ лёгъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала»

Мать посмѣялась и сказала: «это тебѣ приснилось».

Через недѣлю цѣлое стадо ужей приползло къ машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: «матушка, за мной ужи приползли»

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужи проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всѣ вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу и поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголъ на печи, но ужи нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Ужи вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идётъ ея Маша и ведётъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несётъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи это дѣти? Маша сказала, что это ея дѣти, что ужъ взялъ её замужъ, и что она живётъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобъ она осталась съ нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

«А какъ же ты домой пойдёшь?»

«Пойду, покличу: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня»; онъ и выйдетъ на берегъ и возьмётъ меня».

Мать сказала тогда Машѣ: «ну, хорошо, только переночуй у меня».

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда».

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила его топоромъ и отрубила голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говоритъ: «я пойду домой, матушка; мнѣ скучно стало» и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: «Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ». Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужовая голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша поцѣловала дочь и сына, и сказала имъ: «Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу». И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

УДАЧА.

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а всё работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ: а сидѣлъ на мѣстѣ, ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: «ты съ чѣмъ-же домой поѣдешь?» Онъ взялъ поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашёлъ камень, драгоцѣннѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

ДВА БРАТА.

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали — подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«*Кто найдётъ этотъ камень, тотъ пускай идётъ прямо въ лѣсъ на восходъ солнца. Въ лѣсу придётъ рѣка; пускай плывётъ черезъ рѣку на другую сторону. Увидишь медвѣдицу съ медвѣжатами: отними медвѣжатъ у медвѣдицы и бѣги безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домѣ томъ найдёшь счастіе*».

Братья прочли, что̀ было написано, и меньшой сказалъ: «давай, пойдёмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывёмъ эту рѣку, донесёмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдёмъ счастіе».

Тогда старшій сказалъ: «я не пойду въ лѣсъ за мед-

вѣжатами и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ—правда-ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть всё это написано на смѣхъ. Да можетъ быть мы и не такъ разобрали. Второе:—если и правда написано,—пойдёмъ мы въ лѣсъ, придётъ ночь, мы не попадёмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдёмъ рѣку, какъ мы переплывёмъ её? Можетъ быть она быстра и широка? Третье: — если и переплывёмъ рѣку, развѣ лёгкое дѣло отнять у медвѣдицы медвѣжатъ: она насъ задерётъ, и мы, вмѣсто счастія, пропадёмъ ни за что. Четвёртое дѣло:—если намъ и удастся унести медвѣжатъ, мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное-же дѣло—не сказано *какое счастіе мы найдёмъ въ этомъ домѣ? Можетъ-быть насъ тамъ ждётъ такое счастіе, какого намъ вовсе не нужно*».

А меньшой сказалъ «по моему не такъ. Напрасно этого писать на камнѣ не стали-бы. И всё написано ясно. Первое дѣло:—намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло: — если мы не пойдёмъ, кто нибудь другой прочтётъ надпись на камнѣ и найдётъ счастье, а мы останемся ни при чёмъ. Третье дѣло: не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвёртое:—не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся».

Тогда старшій сказалъ, «и пословица говоритъ: *искать большого счастія — малое потерять;* да ещё: *не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки*».

А меньшой сказалъ: «а я слыхалъ — *волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить;* да ещё: *подъ лежачій камень вода не потечётъ*. По мнѣ надо идти».

Меньшой братъ пошёлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой братъ вошёлъ въ лѣсъ, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ-же на берегу увидалъ медвѣдицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжатъ и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху,—выходитъ ему на встрѣчу народъ: подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царёмъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-ой годъ пришёлъ на него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой братъ пошёлъ опять странствовать и пришёлъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали разсказывать про свою жизнь.

Старшій братъ и говоритъ: «вотъ и вышла моя правда: я всё время жилъ тихо и хорошо, а ты хошь и былъ царёмъ, за то много горя видѣлъ».

А меньшой сказалъ: «я не тужу, что пошёлъ тогда въ лѣсъ на гору; хошь мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ».

ПЕТРЪ I-й И МУЖИКЪ.

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: «Божья помощь, мужикъ!»

Мужикъ и говоритъ: «и то мнѣ нужна Божья помощь».

Царь спрашиваетъ: «а велика ли у тебя семья?»

— «У меня семьи два сына, да двѣ дочери».

«Ну, не велико твоё семейство. Куда-жь ты деньги кладёшь?»

— «А я деньги на три части кладу: во первыхъ долгъ плачу, въ другихъ—въ долгъ даю, въ третьихъ —въ воду мечу».

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даётъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: «долгъ плачу—отца-мать кормлю; въ долгъ даю—сыновей кормлю; а въ воду мечу—дочерей рощу».

Царь и говоритъ: «умная твоя голова, старичокъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду».

Мужикъ говоритъ: «найдёшь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо».

Царь и говоритъ: «я этой грамоты не понимаю; ты сведи меня».

— «Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ».

«Ну, дорого стоитъ, такъ я заплачу».

— «А заплатишь, пойдёмъ».

Сѣли они на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорогой Царь мужичка спрашивать: «далече-ли ты, мужичёкъ, бывалъ»?

— «Кое-гдѣ бывалъ».

«А видалъ-ли Царя?»

— «Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть»

«Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле, — и увидишь Царя».

— «А какъ я его узнаю?»

«Всѣ безъ шапокъ будутъ; одинъ Царь въ шапкѣ».

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя,— всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: «а гдѣ же Царь?»

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «видишь, только мы двое въ шапкахъ—кто-нибудь изъ насъ да Царь».

ТРИ ВОРА.

Одинъ мужикъ вёлъ въ городъ продавать осла и козу. На козѣ былъ привязанъ бубенчикъ.

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: «я украду козу, такъ что мужикъ и не замѣтитъ».

Другой воръ сказалъ: «а я изъ рукъ у мужика украду осла».

Третій сказалъ: «и это не трудно; а я такъ всё платье съ мужика украду».

Первый воръ подкрался къ козѣ; снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увёлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся, увидалъ, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошёлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: «я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ лѣсъ пробѣжалъ человѣкъ съ козою. Его можно поймать».

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увёлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидалъ, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошёлъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда увидалъ онъ — сидитъ человѣкъ и плачетъ Мужикъ спросилъ, что́ съ нимъ?

Человѣкъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сѣлъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ — отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человѣкъ сказалъ: «я боюсь воды и не умѣю плавать; но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ». Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастье за то, что у меня украли козу и осла. Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашёлъ; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платья уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

РОВНОЕ НАСЛѢДСТВО.

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца, и отецъ всё своё наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлятъ: она хотѣла какъ нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошёлъ странникъ и спросилъ, о чёмъ она плачетъ?

Она сказала: «какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣ-

шенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшему. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ и я не знаю, какъ помочь горю».

Странникъ сказалъ: «твоему горю легко помочь: поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется всё богатство, а меньшему ничего; и у нихъ будетъ поровну».

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушёлъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣніе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

IV.

ШАТЪ И ДОНЪ.

У старика Ивана было два сына, Шатъ Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шатъ Иванычъ былъ старшій братъ; онъ былъ сильнѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ имъ слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошёлъ по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Донъ Иванычъ слушалъ отца и шёлъ туда, куда отецъ приказывалъ. За то онъ прошёлъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Епифанскомъ уѣздѣ есть деревня «Иванъ-озеро» и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя стороны два ручья. Одинъ ручей такъ узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеёкъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идётъ всё прямо и чѣмъ дальше онъ идётъ, тѣмъ шире становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ прошёлъ черезъ всю Россію и впалъ въ Чёрное море. Въ нёмъ много рыбы, и по нёмъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впалъ въ рѣку Упу.

ВОЛГА И ВАЗУЗА.

Были двѣ сестры Волга и Вазуза Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ

Волга сказала. «зачѣмъ намъ спорить,—мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра по утру изъ дому и пойдёмъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двоихъ лучше пройдётъ и скорѣе придётъ въ Хвалынское царство.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ея ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтобъ Волга не наказала ея; назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ, въ деревнѣ Волго. Тамъ есть небольшой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весной раньше ломаетъ лёдъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженей ширины, а Вазуза ещё узкая и маленькая рѣчка. Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ вёрстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полую воду бываетъ до двѣнадцати вёрстъ.

СУДОМА.

Въ Псковской губерніи, въ Пороховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики расказываютъ, что на этой горѣ встарину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человѣкъ занялъ у другаго деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, что́ давалъ деньги, поднялъ руку и сразу досталъ. Пришёлъ черёдъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль подержать тому, съ кѣмъ судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и досталъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами подержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылёмъ отдалъ и деньги, и потому досталъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ разсказываютъ старики.

ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА.

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами; у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать её въ

пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвёртый день принесли её назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привезли её назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землёй.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли живую золотоволосую царевну.

Тогда мачиха велѣла выдолбить колоду тутоваго [1]) дерева, задѣлала туда царевну и пустила её по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ японскую землю и тамъ её Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

Шелковичный червь всползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повыросъ, онъ вдругъ сдѣлался мёртвый: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевну принёсъ левъ изъ пустыни,—червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

[1]) На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды—похожи на малину, а листъ похожъ на берёзовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

Когда червь опять повыросъ, онъ опять умеръ и на четвёртый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ, опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвёртый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой, шёлковой куколкѣ. Изъ куколки вылетѣла бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка; и первый сонъ червя называется *сномъ льва*, второй—*сномъ коршуна*, третій—*сномъ лодки*, четвёртый—*сномъ двора* и пятый—*сномъ колоды.*

КАМБИЗЪ И ПСАМЕНИТЪ.

Когда царь персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя Египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывесть на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человѣкъ, а съ ними вмѣстѣ псаменитову дочь, приказалъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ вёдрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой-же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцовъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не плакалъ, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верёвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошёлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что́ Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

«Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не роднаго, такъ пожалѣлъ?».

Псаменитъ отвѣчалъ:

«Камбизъ! моё собственное горе такъ велико, что о нёмъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету».

Былъ при этомъ другой плѣнный царь—Крезъ. Когда онъ услыхалъ эти слова, ему больнѣе показалось своё горе, и онъ заплакалъ—и всѣ Персы, что́ тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самаго Псаменита привесть къ себѣ. Но сына не застали живымъ—

онъ уже былъ убитъ; а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

ЕРМАКЪ.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хороша земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, и по рѣкѣ озёра рыбныя, и никто на той землѣ не живётъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ.»

Царь согласился и отдалъ имъ землю Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарами. Такъ и заселились эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20-ть. Строгоновы купцы ещё сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 вёрстъ. Захотѣли они ещё болѣе земли. Вёрстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы, Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землёй Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: «отдалъ ты намъ землю, мы её подъ твою руку покорили; теперь воровской царёкъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведёмъ.» Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте.»

Вотъ Строгоновы какъ получили отъ Царя письмо, послали прикащиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ Атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали прикащики на Волгу и стали спрашивать: какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, Атамана. У того человѣкъ 1000 народа и его нетолько народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ».

И поѣхали прикащики къ Ермаку Атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ прикащиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгоновымъ казаки человѣкъ 600 съ Атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ. Напустилъ ихъ спачала Строгоновъ на ближнихъ Та-

таръ. Казаки ихъ побили. Потомъ когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: «Я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ говоритъ: «Я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу». Строгоновъ и говоритъ: «Идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землёю. Васъ и Царь наградитъ.» И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

«Вы меня срамите передъ хозяиномъ—всё безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдёте? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа».

И показалъ имъ Царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошёлъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ думаетъ: хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся, разорятъ меня. Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го Сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20-ть человѣкъ. Плыли они четыре дня

на вёслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ переволиться черезъ горы и вёрстъ 200 сухопутьемъ пройти а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ, и выгрузили всю снасть; и струга побросали, а наладили телѣги, уложили всё и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню на рѣку. Тутъ опять постояли, и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озёра. И рыбы и звѣря много; и звѣрь непуганный. Проплыли ещё день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ нёмъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьёмъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка всё больше становится; а мѣста, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрал они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почётнаго, стараго татарина. Стали спрашивать татарина, чтó онъ за человѣкъ? Онъ и говоритъ: «Я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ всё разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума царя счёту нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ.

А Ермакъ говоритъ: «Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять; русскому Царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Чтó со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки и стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололось, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, чтó ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и всё къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ—узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «Это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьётъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять, и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трёхъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошёлъ, вернулся и говоритъ: «Тутъ живётъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

«Ну, ребята, если не возьмёмъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ.» Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и мёду много. Похоронили мёртвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края невидать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. «Ну что, ребята, как быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завёлъ сюда? Вотъ перебили ужь изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадёмъ.» Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью Ивану Кольцо: «Ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?» А Кольцо и говоритъ: «А я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра; а не завтра, такъ даромъ на печи помрёмъ. По мнѣ — выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что́ Богъ дастъ?»

Ермакъ и говоритъ: «Ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везётъ, и по ровному везётъ, а какъ придётся въ гору,

заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю тѣлѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось, прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно ты Тимофеичъ умнѣе нашего; насъ дураковъ и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать». Ермакъ и говоритъ: «Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они ещё насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучи въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ — выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили—справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ всё равно какъ Царёмъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири: а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: Маметкулъ опять на тебя идётъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самаго Маметкула забралъ живьёмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ Татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдёшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. «Я, говоритъ, Кучума городѣ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ».

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ

человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ ещё меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товары везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, не нашёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была тёмная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

СОВА И ЗАЯЦЪ.

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: «что-жъ ты зайца не ловишь?» Старая говоритъ: «не по силамъ,—великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочётъ въ чащу». А молодая сова говоритъ: «а я одной лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцомъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: «не уйдётъ». Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

КАКЪ ВОЛКИ УЧАТЪ СВОИХЪ ДѢТЕЙ.

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка; одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнёнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнёнка, перекинулъ себѣ на спину и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнёнка, зарѣзалъ его и понёсъ.

На встрѣчу выбѣжалъ волчёнокъ и бросился къ ягнёнку. Старый отдалъ нести ягнёнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнёнка.

ВОРОБЕЙ И ЛАСТОЧКИ.

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, какъ онѣ были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ на гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылушками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою головку и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: всѣ ласточки подлетали къ гнѣзду—какъ будто для того, чтобъ посмотрѣть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ головку и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: они приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ ничего не стало ви-

дно: ласточки совсѣмъ замазали его въ гнѣздѣ, улетѣли и съ свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

АКУЛА.

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ; но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ: «купаться!» и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: «не выдавай! понатужься!»

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: «акула!» и всѣ мы увидали въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— «Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!» закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы къ мальчикамъ; но они были ещё далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилёгъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошёлся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и наконецъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

V.

КАКЪ МУЖИКЪ УБРАЛЪ КАМЕНЬ.

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить.

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 руб., другой сказалъ, что подъ камень надо подвести большой катокъ и на каткѣ свезти камень и что это будетъ стоить 6000 рублей.

А одинъ мужикъ сказалъ: «а я уберу камень и возьму за это 100 рублей».

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: «я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землёю».

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 рублей и еще 100 руб. за умную выдумку.

САМОКРУТКА.

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтреныя и конныя.

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался—такъ чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошёлъ къ барину и сказалъ: «я придумалъ такую мельницу—самокрутку, что сама будетъ ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугунъ. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу».

Баринъ спросилъ у мужика—знаетъ-ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: «вотъ еслибы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, и тамъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ-бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учёныхъ посходили съ ума—всё выдумывали такую мельницу, чтобъ сама ходила.

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: «въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то ученый машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ, а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку—стала работать».

Баринъ сказалъ: «чѣмъ же ты подымешь свой камень, когда онъ спустится?»

Мужикъ сказалъ: «самъ по колесу поднимется».

Баринъ сказалъ: «поднимется, да ниже, а другой

разъ поднимется ещё ниже и станетъ, какія ты колеса ни прилаживай. Всё равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь — на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься».

Мужикъ не повѣрилъ, а пошёлъ къ купцу и обѣщалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ своё имѣніе продавать и всё простроилъ.

А купецъ говоритъ: «давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ».

Пришёлъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своёмъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ «оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя—на это ты мастеръ, а впередъ за то не берись, чего и поумнѣе тебя люди не сдѣлали».

ТЕПЛО.

I.

Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимою вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

От жару всё раздается, от холода всё сжимается.

Если винт не входит в гайку, то погрѣть гайку и винт взойдёт. А если винт слаб, то нагрѣть винт и он будет туг.

Отчего стакан лопается, если нальёшь в него кипяток?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипяток разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣт кипятка, остаётся попрежнему: внизу тянет стакан врозь, а вверху не пускает, и он лопается.

Отчего тонкій стакан не лопается?

ТЕПЛО.

II.

Отчего, когда в оттепель идёт снѣг, он тает на рукѣ, а на шубѣ остаётся?

Оттого, что тепло лица и руки переходит в снѣг и распускает его; от этого то мѣсто лица, гдѣ растаял снѣг, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку с холодной водой в ладонях, вода согрѣется, а ладони охолодѣют?

Оттого, что тепло из рук перейдёт в жесть, а потом в воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она нескоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяют теплу из руки перейти в воду, а жесть пропускает тепло из рук в воду. Желѣзо и жесть пропускают тепло и холод, а

шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ [1]) разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё, что́ не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропуститъ тепло наружу, и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода,—обёртываютъ кувшины полотенцомъ?

ТЕПЛО.

III.

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тёплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него и

[1]) Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

опять вѣтеръ относитъ тёплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горячь чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

ОТЧЕГО БЫВАЕТЪ ВѢТЕРЪ?

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда же отворимъ дверь въ тёплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ *низомъ* со двора въ горницу, а *верхомъ* дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто-нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: «онъ вѣтеръ дѣлаетъ», а когда топятъ печку, всегда въ неё дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ,—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный духъ, а верхомъ тёплый, такъ же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

ДЛЯ ЧЕГО ВѢТЕРЪ?

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ ещё четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги.

Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ, а къ другому привяжутъ длинную бичёвку и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ. Вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесётъ его высоко въ небо. И змѣй подрагиваетъ и гудитъ, и рвётся, и поворачивается, и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тёса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колёса съ кулачьями, такъ чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колёса, а колеса бы вертѣли жёрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колёса цѣплять другъ за друга, и жёрновъ станетъ вертѣться на другомъ жёрновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жернововъ, зерно растирается, и высыпается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молоть зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ дыру большой шестъ мачты; къ шесту этому придѣлана верёвка и поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ привяжутъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ верёвку и держатъ её въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвётся изъ рукъ; и лодка поплывётъ по вѣтру такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Еслибы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; еслибы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придётъ вѣтеръ, разгонитъ дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошій, чистый воздухъ. Еслибы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ, и людямъ надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышатъ ушами, и чуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всѣ травы, кусты и деревья такіе, что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобъ съ одного цвѣтка пыль перелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы ростутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ, и была бы *завязь*. Пчёлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ; но больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водой поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше и, когда онъ остынетъ наверху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землёй поднимается паръ только тамъ, гдѣ

есть вода,—надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками; больше всего надъ моремъ. Еслибы вѣтру не было, пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надъ моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разноситъ тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было ещё больше воды, а земля вся бы пересохла.

ОТЧЕГО ПОТѢЮТЪ ОКНА И БЫВАЕТЪ РОСА?

Когда сохнетъ вода, что́ дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздаётся и вся разойдётся на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдётъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тёпелъ. Но остуди воздухъ, и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко́ баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдётъ паромъ и будетъ сухо. Поддай ещё,—вода опять разойдётся. Если баня горяча, летучей воды разойдётся въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани и его будетъ не видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь ещё поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечётъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту-же баню нетопленную принесёшь горячіе кирпичи и станешь лить на нихъ воду, выльешь

шайку—она разойдётся и не будетъ видно, воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ только будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячь, впиталъ ушатъ; а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого что дыханіе человѣка теплѣе чѣмъ стекло и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмётся; но только что пожмёшь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячь: а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. Тоже бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынутъ окна и снутри подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ, и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ гор-

ницѣ тепло,—а не потѣютъ окна; а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло,—а потѣютъ окна

Тоже иногда ночь тёплая, а большая роса; а то холодная ночь и нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? Оттого что бываетъ сухой и сырой воздухъ. Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ не нагрѣваясь можетъ поднять ещё много паровъ, а сырой тогда, когда онъ не нагрѣваясь не можетъ больше поднять паровъ. Сухой воздухъ — это губка не вся ещё напитанная водой; а сырой воздухъ—губка вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечётъ. Въ сыромъ воздухѣ всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

ОСЯЗАНІЕ И ЗРѢНІЕ.

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетёнными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза,—увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее, чистое зеркало; тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть. Ощупай пальцемъ,—увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

МАГНИТЪ.

I.

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошёлъ въ горы искать. Пришёлъ па одно мѣсто, гдѣ—одни голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой—камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошёлъ опять,—опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой—ка прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ — не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принёсъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

МАГНИТЪ.

II

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ, да подержать

подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одною стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби,—тоже будетъ; и ещё руби сколько хочешь,—всё тоже будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другаго втягиваетъ. И какъ его ни разломи, всё съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другаго втягивать. Всё равно какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другаго чашечкой. Съ того ли, съ другаго ли конца,—чашечка съ пупомъ сойдётся, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

МАГНИТЪ.

III.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ, такъ чтобы она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку, какъ пустишь—она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали,

куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни, и разобьётъ

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобъ она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная верёвка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

VI.

СУХМАНЪ.

Какъ у ласкова князь-Владиміра
Пированье шло, шёлъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцовъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
«Что не ѣшь, не пьёшь и не кушаешь,
«Бѣлой лебеди ты не рушаешь.
«И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?»
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
—«Если хвастать мнѣ ты приказываешь,

—«Привезу-жъ тебѣ я, похвастаю,
—«Лебедь бѣлую не кровавлену
—«И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ»
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводямъ.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третіей тихой заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
«Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ?
«Чтό сказать будетъ князь-Владиміру?»
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ.
Глядь—течётъ Нѣпра не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру рѣку Сухманъ спрашивалъ:
«Что течёшь ты такъ, мать Нѣпра рѣка,
«Не по старому, не по прежнему,
«А вода съ пескомъ помутилася?»
Испровѣщится мать Нѣпра рѣка:
«Я затѣмъ теку не по старому,
«Не по прежнему, по старинному,
«Что стоятъ за мной, за Нѣпрой рѣкой,
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей.
«Они мостъ мостятъ съ утра до ночи.
«Чтό намостятъ днёмъ, то въ ночь вырою,

«Да изъ силъ ужъ я выбиваюся».
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая
«Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ».
И пустилъ коня свого добраго,
Чрезъ Нѣпру рѣку перескакивалъ,
Не мочилъ копытъ его добрый конь.
Подъѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ.
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиночку за вершину бралъ
И пустилъ коня на Татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поварачивать,
Той дубиночкой сталъ помахивать.
Какъ махнетъ впередъ, станетъ улица,
Отвернётъ назадъ—переулочекъ.
Всѣхъ побилъ Татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало ли три Татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ,
Изъ подъ кустиковъ въ Одихмантьича
Три Татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ,
И спородъ ножомъ трёхъ Татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князѣ-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,

Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:
«Чтожъ, Сухмантьюшка, не привёзъ ты мнѣ
«Лебедь бѣлую не кровавлену?»
Взговорить Сухманъ таковы слова:
«Гой, Владиміръ князь, за Нѣпрой рѣкой
«Доходило мнѣ не до лебедей:
«Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой рѣкой
«Сила ратная въ сорокъ тысячей:—
«Шли во Кіевъ градъ злы Татаровья,
«Съ утра до ночи мосты ладили,
«А Нѣпра рѣка вырывала въ ночь,
«Да изъ силъ она выбивалася.
«Я пустилъ коня на Татаровей,
«И побилъ ихъ всѣхъ до единаго».
Володиміръ князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ
Про Сухмантьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ въ поле, къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ.
Увидалъ,—лежитъ сила ратная,
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.

Дубъ Добрынюшка поднималъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру,
Такъ Добрынюшка выговаривалъ:
«Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
«За Нѣпрой рѣкой я видалъ—лежатъ
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
«И дубиночка Одихмантьича,
«На лучиночки вся исщепана».
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
«За услуги тѣ за великія
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до люби
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною».
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
«Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:
«Володиміръ князь тебя милуетъ,
«За твои труды за великіе
«Хочетъ солнышко тебя жаловать
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною».
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:

«Гой, Владимиръ князь, ласково солнышко,
«Не умѣлъ меня въ пору миловать,
«Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
«А теперь тебѣ не видать будетъ,
«Не видать меня во ясны очи.
И выдёргивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
Свѣтъ-Сухмантьюшка приговаривалъ.
«Потеки рѣка отъ моей крови,
«Отъ моей крови отъ горючія,
«Отъ горючія, отъ напрасныя,
«Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ рѣка,
«Будь Нѣпрѣ рѣкѣ ты родна сестра.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

УБІЕНІЕ АСКОЛЬДА И ДИРА И ПОСЕЛЕНІЕ ОЛЕГА СЪ ИГОРЕМЪ ВЪ КІЕВѢ.

Въ лѣто ҂ѕтч. Поиде Олегъ, поимъ воѧ многи, Варѧги, Чюдь, Словѣни, Мерю; Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и пріѧ градъ, и посади мужь свой. [1]) Оттуда поиде внизъ, и взѧ Любець, и посади мужь свой.

Въ 6390 году, пошёлъ Олегъ, взявъ воиновъ много: Варяговъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей. И пришёлъ къ Смоленску съ Кривичами, и принялъ городъ, и посадилъ намѣстника своего. Оттуда пошёлъ внизъ, и взялъ Любечь, и посадилъ мужа своего.

Придоша къ горамъ къ Кіевьскимъ, и увидѣ Олегъ, ꙗко

Пришли они къ горамъ къ Кіевскимъ, и увидалъ

---

[1]) Мужъ свой—своего мужа (человѣка); мужи своѧ—своихъ мужей (людей).

Асколдъ и Диръ кнѧжита [1]), похорони вои въ лодьѧхъ, а другїѧ назади остави, а самъ приде, носѧ Игорѧ дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своѧ, и присла ко Асколду и Дирови, глаголѧ: «ꙗко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игорѧ кнѧжича, да придѣта [2]) къ намъ къ родомъ своимъ».

Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ (вдвоёмъ), спряталъ воиновъ въ лодкахъ, а другихъ назади оставилъ, а самъ подплылъ, взявъ Игоря ребенка. И подплылъ подъ Угорское (урочище), спрятавъ воиновъ своихъ, и послалъ къ Аскольду и Диру, говоря: «я купецъ — а идёмъ мы въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича. Такъ приходите вы оба къ намъ, къ роднымъ своимъ».

Асколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочїи изъ лодьѧ, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «вы нѣста кнѧзѧ, ни рода кнѧжа, но азъ есмь роду кнѧжа», — вынесоша Игорѧ, — «и се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже сѧ нынѣ зоветь Угорьское...

Аскольдъ и Диръ пришли; повыскакивали всѣ остальные изъ лодки, и сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: «оба вы не князья и не рода княжескаго, а я рода княжескаго»; вынесли (тутъ) Игоря, «а вотъ сынъ Рюрика». И убили Аскольда и Дира, и снесли на гору, и похоро-

[1]) Кнѧжита—они двое княжатъ (царствуютъ); кнѧживѣ—мы двое княжимъ.

[2]) Придѣта—придите вы двое; придѣвѣ—придемъ мы двое.

Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ».

нили ихъ на́ горѣ, что̀ теперь называется Угорское.

Сѣлъ Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: пусть это будетъ мать городамъ русскимъ.

ПОХОДЪ ОЛЕГА НА ГРЕКОВЪ.

Иде Олегъ на Грекы [1]), Игоря оставивъ Кыевѣ; поя же множьство Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверъ, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблій ҂в.

И приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и по-

Пошёлъ Олегъ на Грековъ, Игоря оставивъ въ Кіевѣ. Набралъ множество Варяговъ, и Славянъ, и Чуди, и Кривичей, и Мери, и Полянъ, и Сѣверянъ, и Древлянъ, и Радимичей, и Тиверцовъ. И съ этими всѣми пошёлъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ, и было числомъ кораблей двѣ тысячи.

И пришёлъ къ Царьграду, и Греки замкнули гавань, а городъ заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ воинамъ вытащить корабли на берегъ, и опустошилъ (мѣста) около города, и много побилъ Грековъ, и

[1]) Греци—Греки; Грекъ—Грековъ; Грекомъ—Грекамъ; Грекы—Грековъ; ѡ Грецѣхъ—о Грекахъ.

латы многы разбиша, а церькви пожьгоша; а ихъ же имѧху полонѧники, овѣхъ посѣкаху, другыѧ же мучаху, иныѧ же разстрѣлѧху, а другыѧ въ море вметаша, и ина многа зла творѧху Русь Грекомъ, елико же ратнїи творѧть.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити кораблѧ на колеса; и бывшю покосну вѣтру, успѧша прѣ съ полѧ, и идѧше къ городу. Видѣвше же Грецѣ убоѧшасѧ и рекоша, выславше ко Ольгови: «не погублѧй городъ, имемъсѧ по дань, ѩкоже хощеши». И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прїѧ его; бѣ бо устроено съ отравою. И убоѧшасѧ Грецѣ и рекоша: «нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрїй, посланъ на ны отъ Бога».

дворцовъ много разорили и церквей пожгли. А какихъ забирали въ плѣнъ—однихъ рубили, другихъ мучили, нѣкоторыхъ разстрѣливали, а другихъ въ море побросали, и другихъ много золъ творили Русскіе Грекамъ— всѣ, какія воины дѣлаютъ.

И велѣлъ Олегъ воинамъ своимъ колёса сдѣлать и поставить корабли на колёса; и когда поднялся боковой вѣтеръ, поставили паруса со стороны поля и такъ шёлъ онъ къ городу. Увидѣвъ же это, Греки испугались и сказали, выславши (пословъ) къ Олегу: «не губи города,—возьмемся давать дань, какъ хочешь». И остановилъ Олегъ воиновъ, и вынесли ему кушанье и вино, и онъ не принялъ ихъ; потому-что было приготовлено съ отравою. И устрашились Греки и сказали: это не Олегъ, а Святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога.

И заповѣда Олегъ дань даѧти на ҂в кораблій, по в҃і гривнѣ на человѣка, а въ корабли по м҃ мужь; нѧшасѧ Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. Олегъ же, мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грецькыма [1]), съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида, глаголѧ: «имѣте ми сѧ по дань». И рекоша Грецѣ: «чего хочете и дамы ти».

И потребовалъ Олегъ дань давать на двѣ тысячи кораблей, по двѣнадцати гривенъ на человѣка; а въ кораблѣ было по сорока человѣкъ. Взялись Греки за это, и стали Греки мира просить, чтобъ не воевалъ онъ греческой земли. Олегъ, немного отойдя отъ города, сталъ миръ заключать съ (двумя)царями греческими, съ Львомъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велмуда, Рулава и Стемида, говоря: «Возьмитесь (давать) мнѣ дань». И сказали Греки: «чего хотите? Мы дадимъ тебѣ».

И заповѣда Олегъ дати воемъ на ҂в кораблій, по двѣнадцать гривнѣ на ключь, и потомъ даѧти уклады на Руские городы. И рече Олегъ «исшійте прѣ поволочиты Руси, а Словѣномъ кропійныѧ». И бысть тако.

И выговорилъ Олегъ, чтобы дано было воинамъ его дани на двѣ тысячи кораблей по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а затѣмъ дать (еще) плату на русскіе города. И сказалъ Олегъ Грекамъ: «пошейте шелко-

[1]) Царема Грецкима—двумя греческими царями, двумъ греческимъ царямъ; царѧ Грецкаѧ—два греческихъ царя.

вые паруса для Руси, а для Славянъ полотняные». И было это (исполнено).

И повѣсиша щиты своѧ въ вратѣхъ, показующе побѣду.

И повѣсили щиты свои на воротахъ въ знакъ побѣды.

И приде Олегъ къ Кієву, несѧ золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всѧко узорочье; и прозваша Ольга вѣщій: бѧху бо людіє погани и невѣголоси.

И приплылъ Олегъ къ Кіеву, везя золото, и шёлковыя ткани, и овощи, и вино, и всякія украшенія. И прозвали Олега *вѣщимъ*, потому что былъ народъ некрещёный и неучёный.

СМЕРТЬ ОЛЕГА.

И живѧше Олегъ миръ имѣѧ ко всѣмъ странамъ, кнѧжа въ Кієвѣ. И приспѣ осень, и помѧну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь[1]). Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ: «Отъ чего ми єсть умьрети?» И рече єму одинъ кудесникъ: «кнѧже! конь, єго же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети».

Жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями, княжа въ Кіевѣ. И пришла осень, и вспомнилъ Олегъ коня своего, котораго онъ отдалъ кормить, не садясь (уже) на него. Потому что прежде спрашивалъ волхвовъ колдуновъ: «Отъ чего мнѣ умереть?» И сказалъ ему одинъ колдунъ: «Князь! Конь, котораго ты любишь, и ѣздишь на которомъ,—отъ него тебѣ умереть.»

[1]) На нь, вмѣсто на ни, на и, на него.

Олегъ же прїимъ въ умѣ, си рече: «николи же всѧду на конь, ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколько лѣтъ не видѧ его, дондеже и на Грекы иде. И пришедшю ему къ Кїеву, и пребысть д҃ лѣта, на е҃ лѣто помѧну конь свой, отъ него же бѧху рекли волъстви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, ркѧ: «гдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть».

Олегъ взявъ (это) на умъ, такъ сказалъ: «никогда я не сяду на (этого) коня и не увижу его больше». И велѣлъ кормить и не водить его къ себѣ; и такъ прошло нѣсколько лѣтъ, что онъ не видалъ его,—до самаго времени, когда на Грековъ пошёлъ. А когда и вернулся онъ въ Кіевъ и прожилъ еще четыре года, (такъ только) на пятый годъ вспомнилъ онъ коня своего, отъ котораго сказали волхвы (прійдется) умереть Олегу; и призвалъ старшаго конюха, говоритъ: «гдѣ—конь мой, котораго я отдалъ кормить и беречь?» А тотъ сказалъ: «умеръ».

Олегъ же посмѣѧсѧ и укори кудесника, ркѧ: «то ть[1]) неправо молвѧть волъсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а ıа живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его». И прїѣха на мѣсто, идѣже бѧху лежаще ко-

Олегъ посмѣялся и покорилъ колдуна, говоря: «Такъ вотъ неправду говорятъ волхвы, все-то это ложь: конь умеръ, а я живъ». И велѣлъ осѣдлать коня: «дай, молъ, погляжу кости его». И пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ ле-

---

[1]) Ть вмѣсто ти, тебѣ.

сти єго голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ конѧ, посмѣѧсѧ ркѧ: «отъ сего ли лъба смерть мнѣ взѧти?» И въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣѧ, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвсѧ умре.

И плакашасѧ по немъ вси людїе плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголетьсѧ Щековица. Єсть же могила єго до сего дни, словеть могила Олгова.

жали кости его голыя и черепъ голый. И слѣзши съ коня, посмѣялся, сказавъ: «Отъ этого ли черепа смертъ мнѣ принять?» И наступилъ ногой на черепъ. И, высунувшись, змѣя ужалила его въ ногу, и отъ этого разболѣвшись, онъ умеръ.

И плакалъ о нёмъ весь народъ плачемъ великимъ; и понесли его, и похоронили его на горѣ, которая называется Щековица. И есть могила его до нынѣ,—прозывается могила Олегова.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГІЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКАГО, НОВАГО ЧУДОТВОРЦА.

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергїй родилсѧ въ градѣ Ростовѣ, ѿ благовѣрныхъ родителей Кирилла и Марїи. Бывши седми лѣтъ вданъ бысть въ наученїе книж-

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій родился въ городѣ Ростовѣ, отъ благовѣрныхъ родителей—Кирилла и Маріи. Семи лѣтъ, онъ былъ отданъ для обу-

ное, но не скоро оучашесѧ, ѩкѡ памѧтїю тѹпъ бѣ. И со многимъ прилежанїемъ оучаше его оучитель, обаче малѡ что оуспѣваше..

Во единъ ѿ дней ходѧщи единъ въ нѣкоей дѹбравѣ,—любѧше бо ѿ юности безмолвїе, и многажды единъ въ безмолвныхъ прохождашесѧ мѣстѣхъ,—ѡбрѣте нѣкоего инока, въ дѹбравѣ стоѧща и молитвѹ творѧща. Онъ же приближивсѧ, ста близъ егѡ, и ѡжидаше конца молитвы, таже сотвори емѹ поклоненїе. Инокъ же вопроси: что требѹеши чадо? Ѿвѣща отрокъ, глаголѧ: «вданъ есмь отче оучитисѧ книгамъ, и не могѹ ничтоже разѹмѣти, ѡ нихже сказѹетъ ми оучитель мой, чегѡ ради зѣлѡ скорблю, и не вѣмъ что творити; но молю честнѹю твою свѧтыню, помоли Бога ѡ мнѣ, ѩко да вразѹмитъ мѧ свѧтыми твоими молитвами». Инокъ же сотворивъ молитвѹ, благослови его, рекъ: «се ѿнынѣ, чадо,

ченія грамотѣ, но медленно учился, потому что памятью былъ тупъ. Съ большимъ стараніемъ училъ его учитель, однакожъ онъ мало успѣвалъ.

Однажды, гуляя одинъ въ нѣкоторой дубравѣ, — ибо любилъ онъ отъ юности безмолвіе, и часто одинъ прогуливался въ безмолвныхъ мѣстахъ,—нашёлъ онъ нѣкоего монаха, стоявшаго въ дубравѣ и творившаго молитву. Онъ приблизившись сталъ подлѣ него и ожидалъ окончанія молитвы, и потомъ сдѣлалъ ему поклонъ. Монахъ (же) спросилъ: что тебѣ нужно, дитя мое? Отвѣчалъ отрокъ, говоря: «отданъ я, отецъ, учиться грамотѣ, и немогу ничего понять, о чёмъ мнѣ говоритъ учитель мой, почему очень печалюсь и незнаю, что́ дѣлать; молю честную твою святость, помоли Бога обо мнѣ, чтобы онъ вразумилъ меня святыми твоими молитвами». Монахъ

дарꙋетъ ти Богъ разꙋмѣти, ꙗже требꙋеши, ꙗкѡ да возможеши и иныхъ пользовати»

Ѿ того времени блаженный отрокъ быстъ удобенъ ко изꙋченїю всѧкїѧ книжныѧ премꙋдрости безъ трꙋда: Богъ бо ѿверзе емꙋ умъ разꙋмѣти писанїѧ. И растѧше отрокъ лѣты вкꙋпѣ и разꙋмомъ, и добродѣтелми: любѧше бо постъ и воздержанїе, дѣтскихъ обычныхъ игралищъ бѣгаше, чтенїю же Божественныхъ книгъ присѣдѧщи, учашесѧ тоѧ премꙋдрости, ейже начало страхъ Господень. И такѡ ѿ силы въ силꙋ грѧдꙋщи, возрасташе въ мꙋжа совершенна.

Посемъ родители егѡ преселишасѧ ѡ преждереченнагѡ града Ростова на мѣсто нарицаемое Радонежъ. Не по мнозѣмъ времени пресели-

же, сотворивъ молитву, благословилъ его и сказалъ: «вотъ отнынѣ, дитя, дастъ тебѣ Богъ понимать, что̀ тебѣ нужно, такъ что будешь имѣть возможность и другимъ быть полезнымъ».

Съ того времени блаженный отрокъ сталъ способенъ къ изученію всякаго книжнаго знанія безъ труда. Ибо Богъ открылъ ему умъ къ разумѣнью Писанія. И росъ отрокъ лѣтами, и вмѣстѣ и разумомъ, и добродѣтелями; любилъ онъ постъ и воздержаніе, отъ дѣтскихъ обыкновенныхъ игръ удалялся,—чтеніемъ же Божественныхъ книгъ занимаясь, учился той премудрости, которой начало страхъ Господень. И такъ, отъ силы въ силу идя, возрасталъ въ мужа совершеннаго.

Потомъ родители его переселились изъ выше-названнаго города Ростова въ мѣсто, называемое Радонежъ. Спустя не много вре-

шасѧ и ѿ житїѧ сегѡ на мѣста свѣтла и прохладна, ѡставивше все имѣнїе свое наслѣдникꙋ своемꙋ Варѳоломею. Онъ же преставленїе родителей своихъ видѣвъ, помышлѧше въ себѣ, глаголѧ: «и азъ смертенъ есмь, и всѧкѡ ꙋмрети имамъ ıакѡ и родители мои». Такѡ благоразꙋмный отрокъ разсꙋдивъ краткое сїе житїе, раздаде ѡставшеесѧ по родителехъ имѣнїе, не ѡставлѧѧ себѣ на нꙋжное препитанїе ничтоже: ꙋпова бо на Бога дающаго пищꙋ алчꙋщимъ. Таже ѿиде въ пꙋстыню, и сотворь хижинꙋ, пребываше въ ней, подвизаѧсѧ и молѧсѧ къ Богꙋ непрестанно.

мени переселились они изъ этой жизни въ мѣста свѣтлыя и отрадныя, оставивши все имѣнiе свое наслѣднику своему Варѳоломею. Онъ же, видѣвъ кончину родителей своихъ, думалъ самъ съ собою, говоря: «и я смертенъ, и во всякомъ случаѣ умру, какъ и родители мои». Такъ благоразумный отрокъ, размысливъ о скоротечной этой жизни, роздалъ оставшееся послѣ родителей имѣнiе, не оставивъ себѣ (даже и) на необходимое пропитанiе ничего: ибо уповалъ онъ на Бога, дающаго пищу голодающимъ. Затѣмъ онъ удалился въ пустыню и, сдѣлавши хижину, пребывалъ въ ней, трудясь и молясь Богу безпрестанно.

По нѣкоемъ же времени прїиде къ немꙋ нѣкїй ѡсвѧщенный инокъ, именемъ Митрофанъ; ѿ тогѡ блаженный Варѳоломей во иноческїй чинъ пострижесѧ, имый ѿ рожденїѧ

Черезъ нѣкоторое время пришелъ къ нему одинъ священно-инокъ (iеромонахъ), по имени Митрофанъ. Отъ него блаженный Варѳоломей въ монашескiй чинъ

своегѡ двадесѧть и три лѣта, и наречено бысть имѧ емꙋ Сергій. Пребысть же той свѧщенноинокъ съ Сергіемъ малѡ дней, и посемъ рече емꙋ: азъ чадо ѿхождꙋ въ пꙋть свой, тебе же предаю въ рꙋцѣ Божіи. И прорече глаголѧ: «распространитъ Богъ на мѣстѣ семъ обитель великꙋ и преславнꙋ». Сотворивъ же молитвꙋ, ѿиде. А свѧтый Сергій на мѣстѣ томъ ѡстасѧ, и трꙋждашесѧ, умерщвлѧѧ плоть свою бдѣніемъ, постомъ, и многоразличными трꙋды. Во времѧ зимнее разсѣдающейсѧ земли ѿ мраза, онъ въ единой одеждѣ терпѧше, аки безплотенъ ꙗвлѧѧсѧ...

Симъ такѡ бывающымъ, слава ѡ немъ нача проходити всюдꙋ, и стекахꙋсѧ къ немꙋ мнози ѿ окрестныхъ градовъ и странъ пользы ради, иніи же хотѧще съ нимъ

былъ постриженъ, имѣя отъ роду своего двадцать три года, и дано было имя ему Сергій. Пробылъ этотъ священно-инокъ съ Сергіемъ нѣсколько дней и потомъ сказалъ ему: я, сынъ мой, ухожу въ путь свой, а тебя отдаю въ руки Божіи. И онъ предсказалъ, говоря: «распространитъ Богъ на мѣстѣ этомъ обитель великую и (пре)знаменитую». И, совершивъ молитву, ушёлъ. А святый Сергій на мѣстѣ томъ остался, и трудился, умерщвляя плоть свою бодрствованіемъ, постомъ, и многоразличными трудами. Въ зимнее время, когда разсѣдалась земля отъ мороза, онъ въ одной одеждѣ терпѣлъ (стужу), какъ-бы безплотнымъ оказываясь.

Когда это такъ было, слухъ о нёмъ началъ проходить всюду, и приходили къ нему многіе изъ близлежащихъ городовъ и мѣстъ ради пользы (душевной), а

жити, и наставлѧтисѧ ѿ него на пѹть спасенїѧ. Онъ же любезнѡ прїемлѧше приходѧщыѧ къ немѹ. И созда первѣе малѹ церковь, ѩже повелѣнїемъ тогда бывшагѡ архїерea Ѳеогноста ѡсвѧтисѧ во имѧ пресвѧтыѧ Троицы: таже и монастырь честенъ воздвиже, иже есть и до нынѣ благодатїю Христовою. Ѹмоленъ же бывъ ѿ братїи, прїѧ свѧщенство рѹкоположенїемъ Аѳанасїѧ епископа, и пасѧше добрѣ ввѣренное себѣ словесное стадо, наставлѧѧ е на пажити дѹховныѧ.

ные желая съ нимъ жить и научиться отъ него пути спасенія. Онъ же съ любовію принималъ приходящихъ къ нему. И построилъ сперва малую церковь, которая по повелѣнію тогда бывшаго архіерея Ѳеогноста освящена во имя Пресвятой Троицы; также и монастырь честной воздвигъ, который существуетъ и до-нынѣ по благодати Христовой. Упрошенъ бывъ братіею, принялъ священство чрезъ рукоположеніе Аѳанасія епископа, и пасъ усердно ввѣренное ему словесное стадо, указывая ему пастбище духовное.

Проходѧщѹ же слѹхѹ ѡ немъ всюдѹ, и многимъ ѿ окрестныхъ странъ собирающымсѧ, прїиде нѣкїй архїмандритъ ѿ Смоленска, именемъ Сїмонъ, той многаѧ имѣнїѧ принесъ, даде въ рѹцѣ свѧтагѡ, да бо́льшѹю церковь созиждетъ, самъ же себе вдаде въ повиновенїе свѧтомѹ.

Когда слухъ о нёмъ сталъ проникать всюду, и многіе изъ близлежащихъ мѣстъ собирались (къ нему), пришёлъ одинъ архимандритъ изъ Смоленска, по имени Симонъ; онъ, принёсши большое имущество, отдалъ его въ руки святаго, чтобы онъ бо́льшую церковь построилъ, а самого себя от-

далъ подъ начало святому.

И помогающꙋ Богꙋ, преподобный Сергій вскорѣ тѣмъ имѣніемъ большꙋю церковь воздвиже, и монастырь распространи, и живяше ангельски якоже на небеси, съ ликомъ братій своихъ, днемъ и нощію славословя Бога. Случися же нѣкогда въ монастырѣ егѡ быти ѡскуденію брашна, и бяхꙋ братія въ скорби велицѣй, пребывше безъ пищи три дни. Уставъ же бѣ преподобнагѡ таковъ, да не исходятъ иноцы изъ монастыря, во еже просити у мірянъ хлѣба, но возлагати надежду на Бога питающаго всякое дыханіе, и ѿ тогѡ съ вѣрою просити потребная. Еще же тогда не у бѣ общее житіе въ монастырѣ преподобнагѡ.

И при помощи Божіей, преподобный Сергій скоро на это имѣніе большую церковь построилъ, и монастырь распространилъ, и жилъ подобно ангеламъ, какъ на небѣ, съ ликомъ братьевъ своихъ, день и ночь славословя Бога. Случилось однажды, что въ монастырѣ его не достало пищи, и братія была въ большомъ истощеніи, пробывъ безъ пищи три дня. Правило же было преподобнаго такое, чтобы не выходили монахи изъ монастыря просить у мірянъ хлѣба, но полагали бы надежду на Бога, питающаго всё, что дышетъ на свѣтѣ, и отъ него съ вѣрою просили бы необходимаго; а ещё тогда не было общежитія въ монастырѣ преподобнаго.

Братія же гладомъ утѣсняеми, начаша роптати на святаго, глаголюще: «доколѣ возбраняеши намъ ити въ

Братья же, голодомъ томимые, начали роптать на святаго, говоря: «до какихъ поръ станешь ты запрещать

мíръ, и просити іаже на потребу? но еще претерпимъ сію нощь, заутра же изыдемъ ѿ мѣста сегѡ, да не умремъ ѿ глада». Свѧтый же утѣшаше ихъ, сказуѧ имъ отецъ свѧтыхъ житіѧ, какѡ многіѧ скорби, гладъ, и жажду, и наготу Господа ради претерпѣша, и глаголаше имъ словеса Христова: «Воззрите на птицы небесныѧ, іако ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ небесный питаетъ ихъ: аще же птицы питаетъ, насъ ли не можетъ пропитати? Се нынѣ терпѣніѧ времѧ, мы же не терпѣливи іавихомсѧ, не хотѧще понести въ малѣ времени приключшагосѧ намъ искушеніѧ, еже аще съ благодареніемъ пріѧли бы, въ великую пользу вмѣнилосѧ бы намъ, безъ искушеніѧ бо злато не совершаетсѧ». И прорече глаголѧ: «нынѣ на мало времѧ прилучисѧ намъ ѡскуденіе, заутра же всѣхъ благъ изобиліе будетъ».

намъ идти въ міръ, и просить, что нужно? потерпимъ мы ещё эту ночь, а утромъ уйдёмъ отсюда, чтобъ не умереть съ голоду» Святой же утѣшалъ ихъ, разсказывая житія святыхъ отцовъ, какъ они многія скорби, голодъ, и жажду, и наготу терпѣли ради Господа, и говорилъ имъ слова Христовы. «Посмотрите на птицъ небесныхъ, какъ онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ закромы не собираютъ, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ; а если птицъ питаетъ, насъ-ли не можетъ пропитать? Вотъ нынѣ терпѣнія время, а мы не терпѣливыми оказались, не желая перенести короткое время случившагося намъ испытанія,—которое, ежели бы мы съ благодарностію приняли (его), въ великую пользу обратилось-бы намъ, ибо безъ испытанія золото не очищается»: И предсказалъ онъ (имъ), говоря: «нынѣ на малое время случился намъ

И сбыстсѧ прореченіе свѧтагѡ: во утрій бо день принесено бысть въ монастырь множество хлѣбѡвъ новопеченыхъ, и рыбъ многихъ, и иныхъ различныхъ новоуготованныхъ брашенъ ѿ нѣкоегѡ незнаема человѣка. Глаголаху бо принесшіи: «Онъ сей Христолюбецъ присла аввѣ Сергію и живущымъ съ нимъ братіѧмъ». Молѧху же братіѧ принесшихъ, да вкусѧтъ съ ними пищи, они же не восхотѣша, повѣдающе, ꙗкѡ повелѣно имъ есть скорѡ возвратитисѧ, и поспѣшшесѧ изыдоша изъ обители...

Бысть же брашна тогѡ довольнѡ на многи дни братіѧмъ, и глагола къ нимъ преподобный: «видите братіе и чудитесѧ, каково подаваетъ Богъ воздаѧніе терпѣнію, не забудетъ бо убогихъ своихъ до конца, и не иматъ никогда же презрѣти мѣста сегѡ свѧтагѡ, и живущихъ въ немъ рабѡвъ

недостатокъ, а утромъ всѣхъ благъ обиліе будетъ.

И сбылось пророчество святаго: ибо на другой день принесено было въ монастырь множество свѣжихъ хлѣбовъ, и рыбъ много и другихъ различныхъ вновь приготовленныхъ яствъ отъ одного неизвѣстнаго человѣка. Принёсшіе говорили: «онъ, этотъ христолюбецъ прислалъ (все это) отцу Сергію и живущимъ съ нимъ братьямъ». Просили же братья принёсшихъ вкусить съ ними пищи, но они не захотѣли, говоря, что велѣно имъ немедленно вернуться, и, поспѣшивъ, ушли изъ обители.

Было пищи той довольно на много дней братьямъ, и говорилъ имъ преподобный: «смотрите, братья, и удивляйтесь, какое подаётъ Богъ вознагражденіе терпѣнію, ибо не забудетъ бѣдныхъ своихъ до конца, и не оставитъ никогда въ пренебреженіи мѣста этого свя-

своихъ, и служащихъ ему день и нощь...

таго и живущихъ въ нёмъ рабовъ своихъ, служащихъ ему день и ночь.

Преподобный отецъ Сергій въ началѣ пришествія своегѡ въ пустыню вселися на мѣстѣ безводнѣмъ: сіе же на приложеніе труда, да ѿдалече приносящи воду, множае трудитъ свое тѣло. Егда же Богу изволившу, братія умножишася, и монастырь составися, бысть нужда велія воды ради, якѡ ѿдалече со многимъ трудомъ приношашеся. И тоя ради вины ропташа нѣцыи на святагѡ глаголюще: вскую не разсуждая сѣлъ еси на семъ мѣстѣ? вскую здѣ обитель устроилъ еси, водѣ близъ не сущей?

Преподобный отецъ Сергій въ началѣ пришествія своего въ пустыню поселился на мѣстѣ безводномъ; а (сдѣлалъ) это для увеличенія труда, чтобы, издалека принося воду, больше утруждать своё тѣло. Когда же, по Божіей волѣ, братья умножились, и монастырь составился, была нужда большая въ водѣ, потому что издалека со многимъ трудомъ приносилась она, и по этой причинѣ роптали нѣкоторые на святаго, говоря: зачѣмъ не подумавъ поселился на этомъ мѣстѣ? зачѣмъ здѣсь обитель основалъ, тогда какъ воды близко нѣтъ?

Святый же ѿвѣщаваше: азъ братіе единъ на мѣстѣ семъ безмолвствовати хотѣхъ, а понеже благоизволи Богъ толикой обители воздвигнутися, то силенъ есть и воду неѡскудну подати, точію не

Святой же отвѣчалъ: я, братья, одинъ на мѣстѣ этомъ намѣренъ былъ безмолствовать, а такъ какъ благоизволилъ Богъ такой обители устроиться, то силенъ онъ и воду достаточ-

пренемогайте, но молитесѧ съ вѣрою. Аще бо людемъ непокоривымъ источи водꙋ ѿ камене въ пꙋстыни, кольми паче васъ работающихъ емꙋ не презритъ. Единою же поемъ нѣкоего съ собою брата отай, сниде въ дебрь, иже подъ монастыремъ: не бѣ же въ дебри той воды текꙋщїѧ никогдаже, ꙗкоже древнїи человѣцы ꙗвѣ извѣствовахꙋ. Свѧтый же ѡбрѣтъ въ единомъ рвѣ малѡ воды ѿ наводненїѧ дождевнагѡ, преклони колѣна, и помолисѧ прилѣжнѡ къ Богꙋ, и внезапꙋ источникъ велїй ꙗвисѧ, иже и до нынѣ всѣми видимь есть, и черплютъ ѿ негѡ на всѧкꙋ потребꙋ монастырскꙋю.

ную подать, только не ослабѣвайте, но молитесь съ вѣрою! Ибо если людямъ непокорнымъ извёлъ воду изъ камня въ пустынѣ, то тѣмъ болѣе васъ, трудящихся Ему, не пренебрежётъ. И однажды, взявъ тайно съ собою одного брата, пошёлъ онъ въ лѣсъ, который былъ близъ монастыря; не было же въ лѣсу томъ воды текущей никогда, какъ старожилы прямо говорили. Святой же, нашедши въ одномъ рву немного воды (оставшейся) отъ новодненія дождеваго, преклонилъ колѣна и помолился усердно Богу, и неожиданно явился большой источникъ, который и доселѣ всѣмъ видимъ, и черпаютъ изъ него на всякую нужду монастырскую.

Поселѧнинъ нѣкїй, земледѣлецъ ѿ далечайшїѧ страны, слышавъ многаѧ ѡ свѧтомъ Сергїи, восхотѣ видѣти его: и пришедъ во обитель преподобнагѡ, вопрошаше ѡ немъ, гдѣ есть? Слꙋчисѧ же тогда

Поселянинъ нѣкоторый, земледѣлецъ изъ дальняго мѣста, слышавъ многое о святомъ Сергіи, захотѣлъ видѣть его, и, пріидя въ обитель преподобнаго, сталъ спрашивать о нёмъ.

преподобному въ вертоградѣ копати землю, и повѣдано бысть ѡ семъ человѣку тому. Шедъ же поселѧнинъ въ вертоградъ, видѣ свѧтаго въ худѣй одеждѣ, раздраннѣй и многошвеннѣй, землю копающа, и мнѧше, ꙗкѡ поругашасѧ ему повѣдавшїи, надѣѧшесѧ бо въ велицѣй славѣ видѣти свѧтаго, и возвратившисѧ въ монастырь, паки вопрошаше, глаголѧ: «гдѣ есть свѧтый Сергїй? покажите ми, ꙗкѡ ѿдалече прїидохъ видѣти егѡ». Они же глаголаху: воистинну той есть, егоже видѣлъ еси.

гдѣ онъ находится? Случилось же тогда преподобному копать землю въ огородѣ, и сказано было объ этомъ человѣку тому. Но войдя въ огородъ, увидѣлъ поселянинъ святаго въ худой одеждѣ, разодранной и во многихъ мѣстахъ зашитой, копающаго землю, и думалъ, что посмѣялись ему сказавшие; ибо предполагалъ въ большой славѣ видѣть святаго. И возвратившись въ монастырь, опять спросилъ, говоря: «гдѣ находится святой Сергій? покажите мнѣ, потому что я издалека пришёлъ повидать его». Они же отвѣчали: истинно онъ тотъ, котораго ты видѣлъ.

Посемъ изшедшу свѧтому изъ вертограда, видѣ его поселѧнинъ, и возгнушавсѧ имъ ѿврати лице свое ѿ негѡ, и не хотѣ ни воззрѣти на блаженнаго. Поношаше же въ себѣ глаголѧ: «ѽ коликъ трудъ подъѧхъ всуе! азъ прїидохъ видѣти великаго пророка, ѡ

Потомъ по выходѣ святаго изъ огорода, увидѣлъ его поселянинъ, съ пренебреженьемъ взглянулъ на него, отвернулъ лицо своё отъ него и смотрѣть не хотѣлъ на блаженнаго. И бранился про себя, говоря: «Сколько труда я принялъ напрасно!

немже слыиахъ, и надѣѧхсѧ оузрѣти его въ велицѣй славѣ и чести, и се нынѣ вижду единаго нища и нечестнаго старца». Свѧтый же разумѣвъ помышленіѧ егѡ, ѕѣлѡ благодари его: ꙗкоже бо гордый ѡ похваленіи и почитаніи, такѡ смиренномудрый ѡ безчестіи и уничиженіи своемъ радуетсѧ. И поемши поселѧнина того къ себѣ, постави ему транезу и любезнѡ учреди егѡ.

Посемъ рече ему: «не скорби человѣче; ибо егоже видѣти желаеши, вскорѣ узриши». Еще же свѧтому глаголющу, се вѣстникъ пріиде, возвѣщаѧ пришествіе кнѧзѧ нѣкоегѡ велика въ монастырь, и воставъ свѧтый изыде въ срѣтеніе кнѧзю, иже со множествомъ слугъ своихъ грѧдѧше. Узрѣвъ же кнѧзь свѧтагѡ, потщавсѧ притече къ нему, и предваривъ своимъ поклоненіемъ до земли, просѧше благословеніѧ ѿ преподобна-

Я пришёлъ видѣть великаго пророка, о которомъ слышалъ, и надѣялся увидѣть его въ большой славѣ и чести, а тутъ вотъ вижу какого-то нищаго, невзрачнаго монаха» Святой же, понявъ его мысли, весьма благодарилъ его, ибо какъ гордый похвалѣ и почести, такъ смиренномудрый безчестію и униженію своему радуется; и взявши поселянина этого къ себѣ, приготовилъ ему обѣдъ, и съ любовію угостилъ его.

Послѣ того сказалъ ему «не печалься (добрый) человѣкъ! Ибо, кого ты хочешь видѣть, того вскорѣ увидишь!» Ещё святый говорилъ, какъ вотъ явился вѣстникъ, объявляя о прибытіи въ монастырь одного знатнаго князя, и святой вставъ вышелъ на встрѣчу князю, который шёлъ со множествомъ слугъ своихъ. Увидя же князь святаго, поспѣшивъ подошёлъ къ нему, и предупредивъ своимъ по-

гѡ Онъ же благословивъ егѡ, введе егѡ̀ въ Обитель съ подобающею честїю: и сѣдше оба вкупѣ, старецъ и князь, бесѣдоваша, прочїе же вси предстояху. А поселянинъ оный далече нѣгдѣ ѿ предстоящихъ слугъ ѿриновенъ бысть, и егоже гнушашеся старца, тогѡ ѿдалече приникнувши оузрѣти желаше, и не можаше. Вопроси же нѣкоего ѿ предстоящихъ, тайнѡ глаголя: «кто есть, господине, старецъ оный сѣдяй съ княземъ?» И сказа ему той, ꙗкѡ святый Сергїй есть.

клономъ до земли, просилъ благословенія отъ преподобнаго. Онъ же, благословивъ его, ввёлъ его въ обитель съ надлежащею честью, и, сѣвши оба вмѣстѣ, старецъ и князь, бесѣдовали, прочіе же всѣ стояли вокругъ. А поселянинъ тотъ далеко куда-то оттѣснёнъ былъ стоявшими кругомъ слугами, и старца, котораго онъ гнушался, того (хоть) издалека, (какъ-нибудь) изогнувшись, увидѣть хотѣлъ онъ, и не могъ. И спросилъ онъ одного изъ присутствующихъ, шёпотомъ говоря ему: кто, господинъ, этотъ монахъ, сидящій съ княземъ? И сказалъ ему тотъ, что это святой Сергій.

Нача же поселянинъ поношати и укоряти себе, глаголющи: «вскую ѡслѣпохъ, и не вѣровахъ показующымъ ми Отца святаго, и не воздахъ достойныя ему чести. Вправду имя наше поселянинъ и невѣжда, какѡ ꙗвлюся лицу святагѡ студомъ одержимый.

Началъ же поселянинъ бранить и укорять себя, говоря: «какъ это я ослѣпъ и не вѣрилъ указывавшимъ мнѣ святаго отца и невоздалъ ему достойной чести! недаромъ зовутъ насъ поселянинъ и невѣжда! какъ покажусь теперь передъ свя-

Ѿшедшꙋ же кнѧзю ѿ обители, поселѧнинъ притече къ преподобномꙋ, и стыдѧсѧ на лице егѡ воззрѣти, припаде къ ногамъ егѡ прощенїѧ просѧ, ꙗкѡ ѿ неразꙋмїѧ согрѣши. Свѧтый же любезнѡ утѣши его, глаголѧ: «не скорби чадо, понеже ты единъ истинствовалъ еси ѡ мнѣ, глаголѧ быти мѧ ничтоже сꙋща: прочїи же вси соблазнишасѧ, мнѧще мѧ быти велика».

Нѣкогда блаженный по обычаю своемꙋ въ вечеръ глꙋбокъ на правилѣ стоѧщїй и ѡ ученицѣхъ своихъ прилѣжнѡ къ Богꙋ молѧщїйсѧ, слыша гласъ глаголющъ: Сергїе. Онъ же удивлсѧ ѡ необычномъ въ нощи званїи, сотвори молитвꙋ, и ѿверзе оконце келлїи, хотѧ увидѣти, кто есть зовый его. И се узрѣ свѣтъ велїй сїѧющъ, ꙗкѡ просвѣтитисѧ нощи той паче свѣтлагѡ дне. Прїиде же къ немꙋ вторицею гласъ,

тымъ, стыдомъ одержимый!» Когда ушёлъ князь изъ обители, поселянинъ подошёлъ къ преподобному и, стыдясь взглянуть ему въ лицо, упалъ къ ногамъ его, прося прощенія, что отъ неразумія согрѣшилъ. Святой же съ любовію утѣшилъ его, говоря: «не печалься, сынъ мой, такъ какъ ты одинъ былъ правъ относительно меня, считая меня за ничто; остальные же всѣ заблуждаются, думая, что я нѣчто важное».

Нѣкогда блаженный, по обычаю своему въ вечеръ глубокій на правилѣ стоя и объ ученикахъ своихъ прилежно Богу молясь, услышалъ голосъ, говорящій: Сергій! Онъ же, удивившись необыкновенному въ ночи зову, сотворилъ молитву, и отворилъ окно кельи, желая увидѣть, кто зовётъ его. И вотъ увидѣлъ онъ свѣтъ большой, съ неба сіяющій, такъ что освѣтилась ночь та лучше бѣ-

глаголѧ: «Сергіє, молишисѧ ѡ чадѣхъ твоихъ, и пріѧто єсть моленіє твоє, смотри же и виждь число инокѡвъ во имѧ свѧтыѧ Троицы собирающихсѧ въ твою паствꙋ». Свѧтый же воззрѣвъ, видѣ множество многое птицъ прекрасныхъ, не точію въ монастырѣ, но и окрестъ монастырѧ сѣдѧщихъ, и поющихъ пѣсни ангельскіѧ съ несказанною сладостію.

лаго дня. Дошёлъ до него другой разъ голосъ, говорящій: «Сергій! ты молишься о дѣтяхъ твоихъ, и принята молитва твоя! смотри и види число монаховъ во имя Святой Троицы собирающихся въ твою паству» Святой же взглянувъ увидѣлъ великое множество птицъ прекрасныхъ, нетолько въ монастырѣ, но и около монастыря сидящихъ и поющихъ пѣсни ангельскія съ невыразимою пріятностію.

И паки слышашесѧ гласъ глаголющъ: «имже образомъ зриши птицы сіѧ, такѡ умножитсѧ стадо ученикъ твоихъ, и по тебѣ не ѡскꙋдѣетъ, и такѡ чꙋднѡ и различнѡ украшени бꙋдꙋтъ по добродѣтелемъ ихъ послѣдовати хотѧщіи стопамъ твоимъ». Свѧтый же зрѧ, удивлѧшесѧ чудномꙋ томꙋ видѣнію. Хотѧщи же общника и свидѣтелѧ видѣніѧ тогѡ имѣти, возгласивъ призва прежде реченнаго Сїмона, ꙗкѡ близъ бывша. Сїмонъ же удивла-

И опять слышенъ былъ голосъ, говорящій: «какъ видишь ты птицъ этихъ, такъ увеличится собраніе учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не уменьшится, и такъ дивно и различно украшены будутъ по своимъ добродѣтелямъ желающіе слѣдовать по стопамъ твоимъ!» Святой же видя удивлялся чудному тому явленію. Желая имѣть участника и свидѣтеля этого явленія, крикнувъ призвалъ онъ прежде-назван-

сѧ необычномꙋ старцевꙋ позванїю, скорѡ притече къ немꙋ, но не сподобисѧ всегѡ видѣнїѧ видѣти, точїю часть нѣкꙋю небеснагѡ онаго свѣта узрѣ. Исповѣда же емꙋ свѧтый всѧ, ꙗже видѣ, и ꙗже слыша, и радовахꙋсѧ оба вкꙋпѣ прославлѧюще Бога.

Посихъ во единъ ѿ дней прїидоша Греки ѿ Константїнѧ града, прислани къ свѧтомꙋ ѿ свѧтѣйшагѡ патрїарха Филоѳеа, и вдаша емꙋ ѿ патрїарха благословенїе и дары: крестъ, и параманъ, и схимꙋ, и писанїе, имꙋще написано въ себѣ сице:

Милостїю Божїею архїепископъ Константїнѧ града, вселенскїй патрїархъ. Кνръ Филоѳей, ѡ свѧтомъ Дꙋсѣ сынꙋ и сослꙋжебникꙋ нашегѡ смиренїѧ Сергїю, благодать, и миръ, и наше благослове-

наго Симона, какъ по близости случившагося. Симонъ, удивясь необычному зову старца, немедля явился къ нему, но не удостоился всего явленія видѣть, только часть нѣкоторую того небеснаго свѣта усмотрѣлъ; открылъ же ему святой все, что видѣлъ и что слышалъ, и радовались они оба, вмѣстѣ прославляя Бога.

Послѣ сего въ одинъ день пришли Греки изъ Константинополя, присланные къ святому отъ святѣйшаго патріарха Филофея, и передали ему отъ патріарха благословеніе и дары: крестъ, поясъ (парамандъ), одежду и писаніе, имѣющее написаннымъ въ себѣ слѣдующее:

Милостію Божіею архіепископъ Константина-града вселенскій патріархъ Киръ Филоѳей, о Святомъ Духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія Сергію!—благодать и миръ и наше бла-

ніе да бꙋдетъ съ вами. Слышахомъ еже по Бозѣ житіе ваше добродѣтельно ѕѣло, и похвалихомъ и прославихомъ Бога: обаче едина главизна еще не достаточествꙋетъ, яко не обще житіе стяжасте. Но понеже вѣси преподобне, яко и самый Богоотецъ пророкъ Давидъ, иже вся обязавый разꙋмомъ, ничтоже ино возможе тако похвалити, точію: «Се нынѣ что добро? или что красно? но еже жити братіи вкꙋпѣ». Потомꙋже и мы совѣтъ благъ даемъ вамъ, яко да составите обще житіе, и милость Божія и наше благословеніе да бꙋдетъ съ вами.

Сіе патріаршее посланіе преподобный пріемъ, пойде къ преосвященномꙋ всея Россіи митрополітꙋ блаженномꙋ Алеѯію, и показавъ емꙋ посланіе, вопрошаше его, глаголя: «ты святый владыко како повелѣваеши?»

гословеніе да будетъ съ вами! Слышали мы по Богѣ жизнь вашу весьма добродѣтельную, и похвалили и прославили Бога; впрочемъ одной стороны ещё недостаетъ, что общежитія не устроили у себя. И, поскольку знаешь, преподобный, что и самый Богоотецъ Пророкъ Давидъ, который всё обнялъ умомъ, ничего другого не могъ такъ похвалить, какъ (слѣдующее) только: «Что же есть теперь добраго?—или что прекраснаго?—конечно, жить братьямъ вмѣстѣ!»—то и мы совѣтъ добрый даёмъ вамъ, чтобы вы установили общежитіе; и милость Божія и наше благословеніе да будетъ съ вами.

Это, патріаршее посланіе преподобный принявъ, пошёлъ къ преосвященному всей Россіи митрополиту блаженному Алексѣю, и показавъ ему посланіе, спросилъ его, говоря: «ты, святой владыка, какъ велишь?»

Митрополітъ же ѿвѣща старцꙋ рекъ: «понеже преподобне толика блага сподобилсѧ еси, прославлѧющꙋ Богꙋ славѧщихъ его, ꙗкѡ и въ далекіѧ страны достиже слꙋхъ ѡ имене и житіѧ твоегѡ, и такѡ великій вселенскій патріархъ совѣтꙋетъ ти на пользꙋ, то и мы тожде совѣтꙋемъ и похвалѧемъ». Ѿ тогѡ ꙋбѡ времене преподобный Сергій устави общее житіе въ своей обители, повелѣвъ твердѡ блюсти общежительныѧ ѹставы, ничтоже себѣ ради комꙋ стѧжавати, ни своимъ что звати, но всѧ обща имѣти по заповѣдемъ отецъ свѧтыхъ.

Митрополитъ, отвѣчая старцу, сказалъ: «поелику ты, преподобный, такого блага удостоился отъ Бога, прославляющаго славящихъ Его, что и въ далёкія страны прошёлъ слухъ объ имени и жизни твоей, и какъ великій вселенскій патріархъ совѣтуетъ тебѣ на пользу, то и мы также совѣтуемъ и одобряемъ». Итакъ съ того времени преподобный Сергій установилъ общежитіе въ своей обители, приказавъ твердо исполнять общежительныя постановленія, ничего для себя никому не пріобрѣтать, ни своимъ что-нибудь называть, но всё общимъ имѣть—по заповѣдямъ святыхъ отцовъ.

По уставленіи же общагѡ житіѧ восхотѣ бѣжати славы человѣческіѧ, и въ незнаемѣмъ вселшисѧ мѣстѣ, безмолвнѡ наединѣ работати Богꙋ. Обрѣтъ ꙋбѡ времѧ удобно, изыде тайно изъ обители своеѧ никомꙋже вѣдꙋщꙋ, и устремисѧ въ пꙋстыню:

По установленіи же общежитія, захотѣлъ онъ удалиться отъ славы человѣческой, и, въ неизвѣстномъ поселившись мѣстѣ, въ безмолвіи на единѣ служить Богу. Итакъ, нашедши время удобное, вышелъ тайно изъ обители своей, такъ

шедъ же ꙗкѡ четыредесѧть поприщъ, ѡбрѣте благоѹгодное себѣ мѣсто близъ рѣки зовомой, Киржачъ, и тамо вселивсѧ живѧше. Братїѧ же видѣвше себе ѿ отца ѡставленныхъ, быша въ велицѣй скорби и смѹщенїи, ꙗко овцы безъ пастырѧ, и прилѣжнѡ егѡ искахѹ всюдѹ. Времени же нѣкоемѹ минѹвшѹ, ѹвѣданъ бысть ѿ братїй, и пришедше молѧхѹ свѧтаго со слезами, да возвратитсѧ во обитель, но онъ не хотѧше, любѧ безмолвїе и уединенїе: тогѡ ради мнози ѿ ученикъ егѡ ѡставивше лаврѹ, съ нимъ въ пѹстыни той водворишасѧ, и по времени монастырь и церковь во имѧ пресвѧтыѧ Богородицы воздвигоша.

что никто не зналъ о томъ. и пошёлъ въ пустыню; прошедши же около сорока вёрстъ, нашёлъ благопріятное себѣ мѣсто близъ рѣки, называемой Киржачъ, и тамъ поселившись жилъ. Братья, видя себя оставленными отцомъ, находились въ большой печали и безпокойствѣ, какъ овцы безъ пастуха, и усердно его искали вездѣ. Черезъ нѣсколько времени однакожъ братья узнали, гдѣ онъ; и они пришедши просили святаго со слезами, чтобы онъ возвратился въ обитель, но онъ нехотѣлъ, любя молчаніе и уединеніе: поэтому многіе изъ учениковъ его оставили лавру, поселились съ пустынѣ той, и со временемъ монастырь и храмъ во имя Пресвятой Богородицы построили.

Но братїѧ великїѧ лавры безъ отца своего жити не терпѧще, и ѹмолити его, да возвратитсѧ къ нимъ, не могѹще, идоша къ преосвѧщен-

Но братья великой лавры, не будучи въ состояніи жить безъ отца своего, и не имѣя возможности упросить его возвратиться къ

ному митрополиту Алеѯїю, просѧще, да онъ послетъ къ преподобному, повелѣвающи на первое мѣсто ему возвратитисѧ. Блаженный же Алеѯїй посла два нѣкїѧ архїмандрита, молѧ, да послушаетъ и утѣшитъ братїю свою возвращенїемъ своимъ къ нимъ, да не когда стуживши безъ негѡ, разыдутсѧ, и мѣсто свѧтое ѡпустѣетъ. Преподобный же Сергїй не могїй преслушати архїерея, возвратисѧ въ лавру на первое свое пребыванїе, и утѣшишасѧ братїѧ ѕѣлѡ.

Епископъ Пермскїй свѧтый Стефанъ велїю къ преподобному любовь имѣѧй, нѣкогда ѿ епископїи своея въ градъ Москву идѧше путемъ, иже ѿстоитъ ѿ Сергїева монастырѧ ꙗкѡ пѧть поприщъ или вѧщше: скорѡ же спѣшащи ко граду, умысли тогда не быти во обители свѧтагѡ, но возвратив-

нимъ, пошли къ преосвященному митрополиту Алексѣю, прося, чтобы онъ послалъ къ преподобному, повелѣвая ему возвратиться на прежнее мѣсто. Блаженный же Алексѣй послалъ двухъ архимандритовъ, прося, чтобы онъ послушалъ и утѣшилъ братію свою возвращеніемъ своимъ къ нимъ, чтобы они, печалясь безъ него, не разошлись, и мѣсто святое не опустѣло. Преподобный Сергій, не могши ослушаться архіерея, возвратился въ лавру на прежнее свое пребываніе, и утѣшились братья весьма.

Епископъ Пермскій святой Стефанъ великую къ преподобному любовь имѣя, нѣкогда изъ епархіи своей въ городъ Москву слѣдовалъ дорогою, которая отстоитъ отъ Сергіева монастыря около пяти вёрстъ или больше; поспѣшая въ городъ, рѣшился не быть тогда въ обители святаго,

шисѧ во своѧ, прїити къ преподобномȣ. Пышȣ же ємȣ противȣ монастырѧ, воста съ колесницы своеѧ, и прочетъ: «Достоино єсть», и ѡбычнȣю молитвȣ сотворивъ, поклонисѧ Сергїю преподбномȣ, сице рекъ: «миръ тебѣ дȣховный брате».

Слȣчисѧ же тогда Сергїю блаженномȣ на трапезѣ ꙗсти. Разȣмѣвъ же дȣхомъ поклоненїє єпископово, воста въ тойже часъ ѿ трапезы, и малѡ постоѧвъ, и молитвȣ сотворивъ, поклонисѧ такожде єпископȣ далече ѿ обители ѿстоѧщемȣ, рекъ: «радȣйсѧ и ты пастырю Христова стада, и миръ Божїй да пребываетъ съ тобою». Братїѧ же удивишасѧ ѡ необычномъ томъ дѣлѣ, и разȣмѣша нѣцыи, ꙗкѡ видѣнїє видитъ преподобный.

Но скончанїи же трапезы вопросиша єгѡ ѡ бывшемъ, онъ же исповѣда имъ, глаголѧ: «въ

но, возвращаясь домой, заѣхать къ преподобному. Когда былъ онъ противъ монастыря, онъ всталъ съ повозки своей и прочитавъ: «Достоино есть», и обыкновенную молитву совершивъ, поклонился Сергію преподобному, сказавъ слѣдующее: «миръ тебѣ, духовный братъ!»

Случилось тогда Сергію блаженному ѣсть въ трапезѣ; узнавъ духомъ поклонъ епископа, всталъ онъ тотчасъ же изъ за стола, и немного постоявши и молитву совершивши, поклонился также епископу, находившемуся далеко отъ обители, сказавъ: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да будетъ съ тобой!» Братья удивились необыкновенному этому случаю, и поняли нѣкоторые, что видѣніе видитъ преподобный.

По окончаніи же стола спросили его о бывшемъ. Онъ же открылъ имъ, го-

той часъ епископъ Стефанъ грѧдый пꙋтемъ ко градꙋ Москвѣ, ста противꙋ монастырѧ нашегѡ, и поклонисѧ свѧтѣй Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благослови». Послѣди же нѣцыи ѿ ученикъ егѡ извѣстнѡ ꙋвѣдаша истиннѡ бывшꙋю вещь, и дивлѧхꙋсѧ ѡ прозорливомъ дарѣ отцꙋ ихъ ѿ Бога даннѣмъ.

Цвѣтѧше же обитель преподобнагѡ ѕѣлѡ добродѣтельными мꙋжи, и мнози ѿ нихъ великихъ ради добродѣтелей ихъ взѧти быша во иныѧ монастыри на игꙋменства, инїи же и на свѧтительскїѧ престолы возведени.

По сихъ блаженный Алеѯїй митрополїтъ старостїю изнемогаѧй, видѣвъ себе къ концꙋ приближающасѧ, призва къ себѣ Сергїа преподобнагѡ, и вземъ крестъ свой архїерейскїй, егоже на персехъ ношаше, златомъ и каменїемъ

воря: «въ этотъ часъ епископъ Стефанъ, слѣдуя дорогою къ городу Москвѣ, сталъ противъ монастыря нашего, и поклонился Святой Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благословилъ». Впослѣдствіи нѣкоторые изъ учениковъ его ясно узнали дѣйствительно бывшее событіе, и удивлялись дару прозорливости, отцу ихъ отъ Бога данному.

Процвѣтала же обитель преподобнаго весьма добродѣтельными мужами, и многіе изъ нихъ, великихъ ради добродѣтелей ихъ, взяты были въ другіе монастыри въ настоятели, другіе же и на святительскіе престолы возведены.

Послѣ сего блаженный Алексѣй митрополитъ, одряхлѣвъ отъ старости и видя себя къ смерти приближающимся, призвалъ къ себѣ Сергія преподобнаго, и взявши крестъ свой архіерейскій, который на груди носилъ, золотомъ и ка-

украшенный, дадѧше преподобномꙋ.

Ѻнъ же со смиренїемъ поклоньшисѧ, глагола: «прости мѧ владыко, ꙗкѡ ѿ юности не быхъ златоносецъ, въ старости же наипаче хощꙋ въ нищетѣ пребывати». Архїерей же рече: «вѣмъ возлюбленне ꙗкѡ сїѧ исправилъ еси, но сотвори послꙋшанїе, и прїими ѿ насъ подаваемое тебѣ благословенїе». И такѡ своими рꙋками крестъ на свѧтаго ꙗкѡ нѣкое обрꙋченїе возложи.

Таже нача глаголати: «вѣдый бꙋди блаженне, чесѡ ради призвахъ тѧ, и что хощꙋ ѡ тебѣ устроити: се азъ Богꙋ ми врꙋчившꙋ, содержахъ Россїйскꙋю митрополїю, єликѡ Онъ хотѧше: нынѣ же виждꙋ себе къ концꙋ приближившасѧ, токмѡ не вѣмъ дне скончанїѧ моегѡ, и желаю въ животѣ моемъ ѡбрѣсти мꙋжа, могꙋща по мнѣ пасти стадо Христово: не

меньями украшенный, подалъ его преподобному.

Онъ же, со смиреніемъ поклонившись, сказалъ: «прости мнѣ, владыко! отъ юности не былъ златоносцемъ, въ старости же въ особенности желаю въ нищетѣ пребывать». Архіерей же сказалъ: «знаю, возлюбленный, что это ты исполнилъ, но послушайся и прими отъ насъ подаваемое тебѣ благословеніе!» И такимъ образомъ онъ своими руками крестъ на святаго, какъ нѣкоторое обрученіе, возложилъ.

Затѣмъ началъ онъ говорить: «узнай, блаженный, для чего призвалъ я тебя, и что хочу съ тобою устроить! Вотъ я, по Божію мнѣ врученію, правилъ Русскою Митрополіею, сколько времени Ему угодно было; а теперь вижу себя къ концу приблизившимся, только не знаю дня конца моего, и желаю при жизни моей найти мужа, могущаго по-

ѡбрѣтаю же таковагѡ кромѣ тебе единагѡ. Вѣмъ же извѣстнѡ, ıакѡ и великодержавнїи князи, и вси людїе мїрстїи и дѹховнїи, даже до последнѧгѡ, возлюбѧтъ тѧ, и не инагѡ когѡ, точїю тебе на престолъ той требовати бѹдѹтъ, ıакѡ достойна сѹща. Нынѣ убо преподобне, прїими санъ епископства, по моемъ же исходѣ престолъ мой воспрїимеши».

Преподобный же сїѧ глаголы слышавъ, ѡскорбисѧ ѕѣлѡ, недостойна бо толикагѡ сана вмѣни себе быти. Ко архїерею же ѿвѣща: «прости мѧ владыко, ıакѡ выше моеѧ мѣры хощеши ми наложити бремѧ, но семѹ невозможно быти никогдаже: кто бо есмь азъ грѣшный и хѹдѣйшїй паче всѣхъ человѣкъ, да такова сана дерзнѹ коснѹтисѧ?» Блаженный же Алеѯїй мнѡга изрече словеса къ свѧтомѹ ѿ Божествен-

слѣ меня пасти стадо Христово; не нахожу же такого человѣка, кромѣ тебя одного. Знаю же достовѣрно, что и великодержавные князья, и всѣ люди мірскіе и духовные, даже до послѣдняго человѣка, полюбятъ тебя, и не другаго кого, а только тебя на престолъ этотъ требовать будутъ, какъ достойнаго. Итакъ теперь, преподобный, прими санъ епископскій, по моей же смерти престолъ мой примешь».

Преподобный же эти слова услышавъ, опечалился весьма, ибо недостойнымъ такого сана считалъ себя. Архіерею же отвѣчалъ: «прости мнѣ, владыко! ты сверхъ моей силы хочешь на меня наложить тяжесть, но этому нельзя быть никогда: ибо кто я, грѣшный и худшій изъ всѣхъ людей, чтобы я осмѣлился коснуться такого сана?» Блаженный же Алексѣй много сказалъ словъ святому

ныхъ писаній, преклонѧѧ єгѡ къ воли своей: но смиреніѧ любитель не преклонисѧ никакоже. Наконецъ ѿвѣща, глаголющи:

Владыко свѧтый, аще не хощеши ѿгнати хꙋдость мою ѿ предѣлъ сихъ, и ѿ слышаніѧ твоегѡ, то не приложи прочее глаголати ѡ семъ ко мнѣ, ниже иномꙋ комꙋ попꙋсти, да стꙋжаетъ ми таковыми словесы, понеже никтоже возможетъ ѡбрѣсти во мнѣ на то изволеніѧ.

Архїерей же видѣвъ свѧтаго непреклонна, преста глаголати емꙋ ѡ томъ, боѧсѧ, да не когда, стꙋживъ си преподобный, ѿидетъ въ далечайшыѧ страны и пꙋстыни, и лишитсѧ Москва таковагѡ свѣтильника: ѹтѣшивъ же его словесы дꙋховными, ѿпꙋсти съ миромъ въ монастырь. Не по мнозѣмъ же времени иже во свѧтыхъ Алезїй митрополїтъ ѿ житїѧ ѿиде, и паки блаженный Сергїй принꙋждаемь бѣ моленїемъ ѿ великодержав-

изъ Божественныхъ писаній, склоняя ото къ волѣ своей, но смиренія любитель не склонился никакъ; наконецъ отвѣчалъ, говоря:

Владыко Святой, если не хочешь удалить недостойность мою изъ предѣловъ этихъ, и отъ словъ твоихъ, то не продолжай болѣе говорить объ этомъ мнѣ, ни другому кому не допусти, чтобы онъ печалилъ меня такими словами, поелику никто не можетъ найти во мнѣ на то согласія.

Архіерей же, видѣвъ святаго непреклоннымъ, пересталъ говорить ему о томъ, опасаясь, чтобы преподобный опечалясь не ушёлъ какъ-нибудь въ дальнѣйшія страны и пустыни, и не потеряла бы Москва такого свѣтильника. Утѣшивши же его словами духовными, отпустилъ съ миромъ въ монастырь. Черезъ нѣкоторое же время, причисленный къ лику святыхъ Алексѣй митрополитъ

ныхъ кнѧзей и ѿ всѣхъ людей, да воспріиметъ престолъ митрополіи Россійскїѧ: свѧтый же аки твердый адамантъ непреклоненъ пребысть...

отошёлъ отъ міра сего, и опять блаженный Сергій былъ убѣждаемъ просьбами великодержавныхъ князей и всѣхъ людей, чтобы принялъ престолъ митрополіи Русской, Святой же какъ твердый алмазъ, остался непреклоненъ.

Въ та лѣта Божіимъ за грѣхи нашѧ попущеніемъ, бысть нашествіе нечестивагѡ Мамаѧ царѧ татарскагѡ на Россійскꙋю землю, ѡ чесомъ великомꙋ кнѧзю Димитрію скорбѧщꙋ, свѧтый Сергій молитвою его вооружи, и ѡ побѣдѣ пророчествова, глаголѧ: «изыди противꙋ варваръ, всѧкое сумнѣніе ѿвергши ѿ себе, и Богꙋ помогающꙋ ти, враги побѣдиши, и здравъ во отечество свое возвратишисѧ».

Въ тѣ года Божіимъ за грѣхи наши попущеніемъ было нашествіе нечестиваго Мамая, царя Татарскаго, на Русскую землю, о чёмъ когда великій князь Димитрій скорбѣлъ, святой Сергій молитвою его вооружилъ, и о побѣдѣ предсказывалъ, говоря: «выди противъ варваровъ, всякое сомнѣніе отбросивши отъ себя, и съ Божіей помощью ты враговъ побѣдишь и въ отечество своё воротишься невредимымъ».

Великій же кнѧзь, на помощь Божію, и на молитвы свѧтагѡ надѣѧвсѧ, пойде, и сотворивъ брань съ татары, побѣди ихъ, ꙗкѡ едва съ малою дружиною Мамай убѣ-

Великій же князь, на помощь Божію и на молитвы святаго надѣясь, пошёлъ и, сразившись съ Татарами, побѣдилъ ихъ, такъ что едва съ малою дружиною

жа. Преподобный же прозорливъ сый, видѧше далече бывающаѧ ꙗкѡ близъ сꙋщаѧ, и стоѧ съ братїею на молитвѣ во Обители своей, внегда брань бысть междꙋ христїаны и татары, возвѣсти, ꙗкѡ въ то времѧ великїй кнѧзь Димитрїй татаръ побѣди: и которїи ѿ христїанъ храбрїи воини на брани ꙋбїени быша, по имени сказа, и приношенїе ѡ нихъ Богꙋ принесе: ѡ всемъ бо емꙋ ѿкровено бѣ ѿ Бога.

Мамай убѣжалъ. Преподобный же, прозорливъ будучи, видѣлъ вдали происходящее, какъ будто вблизи находящееся, и, стоя съ братіею на молитвѣ въ обители своей, когда происходила битва между Христіанами и татарами, объявилъ, что въ это время великій князь Димитрій татаръ побѣдилъ, и, которые изъ Христіанъ храбрые воины въ битвѣ убиты были, тѣхъ поимённо назвалъ, и даръ за нихъ Богу принёсъ: ибо обо всёмъ ему открыто было отъ Бога.

Кнѧзь же съ торжествомъ ѿ брани возвратисѧ, во Обитель къ преподобномꙋ прїиде, и многѡ благодари свѧтаго, ꙗкѡ поможе емꙋ своими къ Богꙋ прилѣжными молитвами...

Князь же, съ торжествомъ съ войны возвратившись, въ обитель къ преподобному пришёлъ, и много благодарилъ святаго, что помогъ ему своими къ Богу прилежными молитвами.

Живъ же преподобный лѣта довольна въ велицѣмъ воздержанїи и трꙋдѣхъ, и многаѧ чꙋдеса содѣлавъ, въ старость глꙋбокꙋ прїиде: бѧше бо уже емꙋ лѣтъ ѿ рожде-

Живши же преподобный года многіе въ большомъ воздержаніи и трудахъ, и многія чудеса совершивъ, въ старость глубокую пришёлъ, ибо было уже ему

нїѧ седмьдесѧтъ осмь. Провидѣвъ же прежде шести мѣсѧцевъ свое къ Богꙋ преставленїе, призва братїю и врꙋчи старѣйшинство ученикꙋ своемꙋ именемъ Нїкѡнꙋ, иже аще и младъ бѣ лѣты, но ꙋмъ егѡ сѣдинами цвѣтѧше, и во всемъ житїи подражаше ꙋчителю и наставникꙋ своемꙋ Сергїю преподобномꙋ.

Того ꙋбѡ Нїкѡна Сергїй игꙋмномъ поставивъ, самъ безмолвствовати нача: Септемврїа же мѣсѧца въ недꙋгъ тѣлесный впаде, и разꙋмѣвъ конечное свое къ Богꙋ ѿшествїе, призва и поꙋчи братїю довольнѡ. Благословенїе же и прощенїе имъ подавъ, въ самый часъ исхода пречистыхъ таинъ причастисѧ, и такѡ свѧтꙋю дꙋшꙋ предаде въ рꙋцѣ Божїи.

Бѣ же лице егѡ свѣтло, не ꙗкѡ мертва, но ꙗкѡ спѧ

отъ роду семьдесятъ восемь лѣтъ. Предусмотрѣвъ же за шесть мѣсяцевъ своё къ Богу отшествіе, призвалъ братію и передалъ начальство ученику своему, именемъ Никону, который хотя и молодъ былъ годами, но умъ его сѣдинами процвѣталъ, и во всей жизни подражалъ учителю и наставнику своему Сергію преподобному.

Итакъ этого Никона Сергій игуменомъ поставилъ, самъ же началъ безмолвствовать. Сентября же мѣсяца въ болѣзнь тѣлесную впалъ, и, уразумѣвъ окончательное своё къ Богу отшествіе, призвалъ и долго поучалъ братію. Благословивъ же ихъ и простившись съ ними, въ самый часъ смерти пречистыхъ таинъ пріобщился, и такимъ образомъ святую свою душу предалъ въ руки Божіи.

Было лицо его свѣтло, не какъ у мёртваго, но

ща человѣка, еже бѣ извѣстнымъ знаменіемъ свѣтлости єгѡ дꙋшевныѧ и мздовоздаѧніѧ ѿ Бога. И положено бысть честное єгѡ тѣло во обители, въ нейже добрѣ подвизасѧ. По тридесѧти же лѣтѣхъ ѡбрѣтены быша свѧтыѧ єгѡ мощи цѣлы и нетлѣнны, и ниже одеждамъ єгѡ прикоснꙋсѧ истлѣніе, благоꙋханіе же неизреченное исхождаше, и многаѧ исцѣленіѧ болѧщымъ подавахꙋсѧ.

Но и до нынѣ ѿ честнагѡ єгѡ ковчега, аки ѿ источника истекаютъ цѣлбы всѣмъ съ вѣрою притекающымъ: ꙗкоже бо въ животѣ своемъ, такѡ и по преставленіи великій той чꙋдотворецъ великаѧ и неисчетнаѧ творитъ чꙋдеса, въ славꙋ Христа Бога нашего, емꙋже честь и благодареніе во вѣки, аминь.

какъ у спящаго человѣка, что было явнымъ знакомъ чистоты его душевной и воздаянія отъ Бога. И положено было честное тѣло его въ обители, въ которой онъ доблестно подвизался. Послѣ тридцати лѣтъ найдены были святыя его мощи цѣлыми и нетлѣнными, и даже къ одеждамъ его не прикоснулось тлѣніе, благоуханіе же несказанное исходило отъ него, и многія исцѣленія больнымъ подавались.

Но и до сего дня отъ честной его гробницы, какъ отъ источника истекаютъ исцѣленія всѣмъ съ вѣрою приходящимъ; ибо какъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ великій этотъ чудотворецъ великія и несчётныя творитъ чудеса во славу Христа Бога нашего, которому честь и благодареніе во вѣки, аминь.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА II.

в҃. И соверши́ Бг҃ъ въ де́нь шесты́й дѣла̀ своѧ҆̀, ꙗ҆̀же сотвори́: и҆ почи́ въ де́нь седмы́й ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆̀же сотвори́.

г҃. И блгⷭ҇ви́ Бг҃ъ де́нь седмы́й, и҆ ѡ҆сщ҃ѝ є҆гѡ̀; ꙗ҆́кѡ въ то́й почѝ ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆̀же нача̀тъ Бг҃ъ твори́ти.

д҃. Сїѧ̀ кни́га бытїѧ̀ нбⷭ҇е и҆ землѝ, є҆гда̀ бы́сть, въ ѻ҆́ньже де́нь сотворѝ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ не́бо и҆ зе́млю,

є҃. И всѧ́кїй ѕла́къ се́лный, пре́жде да́же бы́ти на землѝ, и҆ всѧ́кꙋю траву̀ се́лнꙋю, пре́жде да́же прозѧбнꙋ́ти: не

2. И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла̀ Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ.

3. И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ.

4. Вотъ происхожденіе неба и земли, при сотвореніи ихъ, въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо,

5. И всякій полевый кустарникъ, котораго ещё не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая

во҆ ѿдожди́ Гдⷭ҇ь Бгъ на зе́млю, и҆ чл҃вѣкъ не бѧ́ше дѣла́ти ю҆.

ѕ҃. Исто́чникъ же и҆схожда́ше и҆з земли́, и҆ напаѧ́ше все̑ лице̑ земли́.

з҃. И҆ созда̀ Бгъ чл҃ка, пе́рсть [взе́мъ] ѿ земли́, и҆ вдꙋнꙋ въ лице̑ є҆гѡ дыха́нїе жи́зни: и҆ бы́сть чл҃къ въ дꙋ́шꙋ жи́вꙋ.

и҃. И҆ насадѝ Гдⷭ҇ь Бгъ ра́й во Е҆де́мѣ на восто́цѣхъ, и҆ введѐ та́мѡ чл҃ка, є҆го́же созда̀.

ѳ҃. И҆ прозѧбѐ Бгъ є҆щѐ ѿ землѝ всѧ́кое дре́во кра́сное въ ви́дѣнїе, и҆ до́брое въ снѣ́дь: и҆ дре́во жи́зни посредѣ̀ раѧ̀, и҆ дре́во, є҆́же вѣ́дѣти разꙋмѣ́тельное до́брагѡ и҆ лꙋка́вагѡ.

ѕі. И҆ заповѣ́да Гдⷭ҇ь Бгъ А҆да́мꙋ, гл҃ѧ: ѿ всѧ́кагѡ дре́ва, є҆́же въ ра́и, снѣ́дїю снѣ́си:

зі. Ѿ дре́ва же, є҆́же разꙋмѣ́ти до́брое и҆ лꙋка́вое, не снѣ́сте ѿ негѡ̀: а҆ въ ѻ҆́нь-

ещё не росла; ибо Господь Богъ не посылалъ дождя на землю, и не было человѣка для воздѣлыванія земли.

6. Но паръ поднимался съ земли, и орошалъ всё лицо земли.

7. И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душёю живою.

8. И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.

9. И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла.

16. И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть;

17. А отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ

же а҆́ще де́нь снѣ́сте ѿ негѡ̀, сме́ртїю оу҆мре́те.

и҃і. И҆ речѐ Гдь Бгъ: не добро̀ бы́ти чл҃вѣ́кꙋ є҆ди́номꙋ: сотвори́мъ є҆мꙋ̀ помо́щника по немꙋ̀.

ѳ҃і. И҆ созда̀ Бгъ є҆щѐ ѿ землѝ всѧ̑ ѕвѣ́ри се́лныѧ и҆ всѧ̑ пти́цы нбныѧ, и҆ приведѐ ѧ҆̀ ко А҆да́мꙋ, ви́дѣти, что̀ нарече́тъ ѧ҆̀: и҆ всѧ́ко є҆́же а҆́ще наречѐ А҆да́мъ дꙋ́шꙋ живꙋ̀, сїѐ и҆́мѧ є҆мꙋ̀.

к҃. И҆ наречѐ А҆да́мъ и҆мена̀ всѣ̑мъ скотѡ́мъ, и҆ всѣ̑мъ пти́цамъ нбнымъ, и҆ всѣ̑мъ ѕвѣре́мъ земны́мъ: А҆да́мꙋ же не ѡ҆брѣ́тесѧ помо́щникъ подо́бный є҆мꙋ̀.

к҃а. И҆ наложѝ Бгъ и҆зстꙋпле́нїе на А҆да́ма, и҆ оу҆спѐ: и҆ взѧ̀ є҆ди́но ѿ ре́бръ є҆гѡ̀, и҆ и҆спо́лни пло́тїю вмѣ́стѡ є҆гѡ̀.

к҃в. И҆ созда̀ Гдь Бгъ ребро̀, є҆́же взѧ̀ ѿ А҆да́ма, въ женꙋ̀, и приведѐ ю҆̀ ко А҆да́мꙋ.

который ты вкусишь отъ него, смертію умрёшь.

18. И сказалъ Господь Богъ: не хорошо человѣку быть одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему.

19. Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ, и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привёлъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назовётъ ихъ, и чтобы, какъ наречётъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей.

20. И нарёкъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ; но для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему.

21. И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ рёберъ его, и закрылъ то мѣсто плотію.

22. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привёлъ

её къ человѣку.

кг. И рече Адамъ: се нынѣ кость ѿ костей моихъ, и плоть ѿ плоти моеѧ: сїѧ наречется жена, ꙗкѡ ѿ мꙋжа своегѡ взѧта бысть сїѧ.

23. И сказалъ человѣкъ: это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа (своего).

ГЛАВА III.

Ѕмїй же бѣ мꙋдрѣйшїй всѣхъ звѣрей сꙋщихъ на земли, ихже сотвори Гдь Бгъ. И рече ѕмїй женѣ: что ꙗкѡ рече Бгъ: да не ꙗсте ѿ всѧкагѡ древа райскагѡ;

Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: подлинно ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю?

в. И рече жена ѕмїю: ѿ всѧкагѡ древа райскагѡ ꙗсти бꙋдемъ:

2. И сказала жена змѣю: плоды съ деревъ мы можемъ ѣсть,

г. Ѿ плода же древа, еже есть посредѣ раѧ, рече Бгъ: да не ꙗсте ѿ негѡ, ниже прикоснетесѧ емꙋ, да не ѹмрете.

3. Только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ, не ѣшьте ихъ, и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть.

д. И рече ѕмїй женѣ: не смертїю ѹмрете.

4. И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ, не умрёте;

е. Вѣдѧше бо Бгъ, ꙗкѡ въ ѻньже аще день снѣсте ѿ негѡ, ѿверзꙋтсѧ ѻчи ваши, и бꙋдете ꙗкѡ бози, вѣ-

5. Но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете,

дѣюще до́брое и҆ лꙋка́вое.

ѕ҃. И҆ ви́дѣ жена̀, ꙗ҆́кѡ до́бро дре́во въ снѣ́дь, и҆ ꙗ҆́кѡ оу҆го́дно ѻ҆чи́ма ви́дѣти, и҆ кра́сно є҆́сть є҆́же разꙋмѣ́ти: и҆ взе́мши ѿ плода̀ є҆гѡ̀, ꙗ҆дѐ: и҆ дадѐ мꙋ́жꙋ свое́мꙋ съ собо́ю, и҆ ꙗ҆до́ста.

з҃. И҆ ѿверзо́шасѧ ѻ҆́чи ѻ҆́бѣма, и҆ разꙋмѣ́ша, ꙗ҆́кѡ на́зи бѣ́ша: и҆ сши́ста ли́ствїе смоко́вное и҆ сотвори́ста себѣ̀ препоѧса́нїѧ.

и҃. И҆ оу҆слы́шаста гла́съ Гдⷭ҇а Бг҃а ходѧ́ща въ ра́й по полꙋ́дни: и҆ скры́стасѧ А҆да́мъ же и҆ жена̀ є҆гѡ̀ ѿ лица̀ Гдⷭ҇а Бг҃а посредѣ̀ дре́ва ра́йскагѡ.

ѳ҃. И҆ призва̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ А҆да́ма, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: А҆да́ме, гдѣ̀ є҆сѝ;

і҃. И҆ речѐ є҆мꙋ̀: гла́съ слы́шахъ тебѐ ходѧ́ща въ ра́й и҆ оу҆боѧ́хсѧ, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆́смь, и҆ скры́хсѧ.

а҃і. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ Бг҃ъ: кто̀ возвѣстѝ тебѣ̀, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆сѝ, а҆́ще не бы̀ ѿ дре́ва, є҆гѡ́же

какъ Боги, знающіе добро и зло.

6. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождѣленно, потому что даётъ знаніе; и взяла плодовъ его, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ.

7. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія.

8. И услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дня; и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая.

9. И воззвалъ Господь Богъ къ Адаму, и сказалъ ему: (Адамъ,) гдѣ ты?

10. Онъ сказалъ: голосъ Твой я услышалъ въ раю, и убоялся, потому что я нагъ, и скрылся.

11. И сказалъ (Богъ): кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? не ѣлъ ли ты отъ

заповѣ́дахъ тебѣ̀ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀ ꙗ҆́лъ є҆сѝ;

в҃і. И҆ речѐ А҆да́мъ: жена̀ ю҆́же да́лъ є҆сѝ со мно́ю, та̀ мѝ дадѐ ѿ дре́ва, и҆ ꙗ҆до́хъ.

г҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ женѣ̀: что̀ сїѐ сотвори́ла є҆сѝ; и҆ речѐ жена̀: ѕмі́й прельстѝ мѧ̀, и҆ ꙗ҆до́хъ.

д҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ѕмі́ю: ꙗ҆́кѡ сотвори́лъ є҆сѝ сїѐ, про́клѧтъ ты̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ, и҆ ѿ всѣ́хъ ѕвѣре́й земны́хъ: на пе́рсѣхъ твои́хъ и҆ чре́вѣ ходи́ти бꙋ́деши, и҆ зе́млю снѣ́си всѧ̑ дни̑ живота̀ твоегѡ̀.

ѕ҃і. И҆ женѣ̀ речѐ: ᲂу҆множа́ѧ ᲂу҆мно́жꙋ печа́ли твоѧ̑, и҆ воздыха́нїѧ твоѧ̑: въ болѣ́знехъ роди́ши ча̑да...

з҃і И҆ А҆да́мꙋ речѐ: ꙗ҆́кѡ послꙋ́шалъ є҆сѝ гла́са жены̀ твоеѧ̀, и҆ ꙗ҆́лъ є҆сѝ ѿ дре́ва, є҆гѡ́же заповѣ́дахъ тебѣ̀ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀

дерева, съ котораго Я запретилъ тебѣ ѣсть?

12. Адамъ сказалъ: жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева, и я ѣлъ.

13. И сказалъ Господь Богъ женѣ: что̀ ты это сдѣлала? Жена сказала: змѣй обольстилъ меня, и я ѣла.

14. И сказалъ Господь Богъ змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклятъ ты предъ всѣми скотами, и предъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить на чревѣ твоёмъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей.

16. Женѣ сказалъ: умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ болѣзни будешь раждать дѣтей...

17. Адаму же сказалъ: за то, что ты послушалъ голоса жены твоей, и ѣлъ отъ дерева, о которомъ Я заповѣдалъ тебѣ, сказавъ:

гала єси: проклѧта землѧ въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалехъ снѣси тѹю всѧ дни живота твоегѡ:

не ѣшь отъ него, проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей.

ӥі. Тернїѧ и волчцы возраститъ тебѣ, и снѣси травѹ сельнѹю.

18. Терніе и волчцы произраститъ она тебѣ; и будешь питаться полевою травою.

ѳі. Въ потѣ лица твоегѡ снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишисѧ въ землю, ѿ неѧже взѧтъ єси: ѩкѡ землѧ єси, и въ землю ѿидеши.

19. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ.

ГЛАВА XV.

аі. Рече же Іисъ: человѣкъ нѣкій имѣ два сына:

11. Еще сказалъ Іисусъ: у нѣкотораго человѣка было два сына;

ві. И рече юнѣйшій ѿ нихъ отцѹ: Отче, даждь ми достойнѹю часть имѣнїѧ. И раздѣли имъ имѣнїе.

12. И сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія. И *отецъ* раздѣлилъ имъ имѣніе.

гі. И не по мнозѣхъ днехъ собравъ все мнїй сынъ, ѿиде на странѹ далече, и тѹ

13. По прошествіи немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ всё, пошёлъ въ

расточѝ и҆мѣ́нїе своѐ, живы́й блꙋ́днѡ.

ді. И҆зжи́вшꙋ же є҆мꙋ̀ всѐ, бы́сть гла́дъ крѣ́покъ на странѣ̀ то́й, и҆ то́й нача́тъ лиша́тисѧ.

єі. И҆ ше́дъ прилѣпи́сѧ є҆ди́номꙋ ѿ жи́тель тоѧ̀ страны̀. И҆ посла̀ є҆го̀ на се́ла своѧ̑ пастѝ свинїѧ̀.

ѕі. И҆ жела́ше насы́тити чре́во своѐ ѿ роже́цъ, ꙗ҆̀же ꙗ҆дѧ́хꙋ свинїѧ̀: и҆ никто́же дадѧ́ше є҆мꙋ̀.

зі. Въ себѐ же прише́дъ, речѐ: коли́кѡ нае́мникѡмъ ѻ҆тца̀ моегѡ̀ и҆збыва́ютъ хлѣ́бъ, а҆́зъ же гла́домъ ги́блю;

иі. Воста́въ и҆дꙋ̀ ко ѻ҆тцꙋ̀ моемꙋ̀, и҆ рекꙋ̀ є҆мꙋ̀: ѻ҆́тче, согрѣши́хъ на не́бо и҆ пред тобо́ю.

ѳі. И҆ ѹ҆жѐ нѣ́смь досто́инъ нарещи́сѧ сы́нъ тво́й: сотвори́ мѧ ꙗ҆́кѡ є҆ди́нагѡ ѿ нае́мникъ твои́хъ.

к. И҆ воста́въ и҆́де ко ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀. Є҆ще́ же є҆мꙋ̀ дале́че

дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе своё, живя распутно.

14. Когда же онъ прожилъ всё, насталъ великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться.

15. И пошёлъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней.

16. И онъ радъ былъ наполнить чрево своё рожками, которые ѣли свиньи; но никто не давалъ ему.

17 Пришёдши же въ себя, сказалъ: сколько наёмниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода!

18. Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою.

19 И уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наёмниковъ твоихъ

20. Всталъ, и пошёлъ къ отцу своему. И когда

сѹщѹ, оѹзрѣ̀ его̀ ѻ҆тецъ єгѡ̀: и҆ млⷭ҇въ є҆мѹ̀ бы́сть, и҆ те́къ нападѐ на вы́ю єгѡ̀, и҆ ѡ҆блобыза̀ є҆го̀.

онъ былъ ещё далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалился; и побѣжавъ палъ ему на шею, и цѣловалъ его.

к҃а. Рече́ же є҆мѹ̀ сы́нъ: ѻ҆́тче, согрѣши́хъ на нб҃о и҆ пред̾ тобо́ю, и҆ оѹжѐ нѣ́смь досто́инъ нарещи́сѧ сы́нъ тво́й.

21. Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ.

к҃в. Речѐ же ѻ҆те́цъ къ рабѡ́мъ свои̑мъ: и҆знеси́те ѻ҆де́ждѹ пе́рвѹю, и҆ ѡ҆блецы́те є҆го̀, и҆ дади́те пе́рстень на рѹ́кѹ є҆гѡ̀, и҆ сапоги̑ на но́зѣ:

22. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги.

к҃г. И҆ приве́дше теле́цъ оѹпита́нный заколи́те, и҆ ꙗ҆́дше весели́мсѧ:

23. И приведите откормленнаго телёнка, и заколите; станемъ ѣсть, и веселиться!

к҃д. Ꙗ҆́кѡ сы́нъ мо́й се́й ме́ртвъ бѣ̀, и҆ ѡ҆живѐ: и҆ и҆згы́блъ бѣ̀, и҆ ѡ҆брѣ́тесѧ. И҆ нача́ша весели́тисѧ.

24. Ибо сей сынъ мой былъ мёртвъ, и ожилъ; пропадалъ и нашёлся. И начали веселиться.

к҃є. Бѣ̀ же сы́нъ є҆гѡ̀ ста́рѣй на селѣ̀: и҆ ꙗ҆́кѡ грѧды́й прибли́жисѧ къ до́мѹ, слы́ша пѣ́нїе и҆ ли́ки:

25. Старшій же сынъ его былъ на полѣ; и, возвращаясь, когда приблизился къ дому, услышалъ пѣніе и ликованіе.

к҃ѕ. И҆ призва́въ є҆ди́нагѡ ѿ ѻ҆трѡ́къ, вопроша́ше: что̀ оубо сїа̀ сѹ́ть;

26. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: что̀ это такое?

кз҃. Ѻ҆́нъ же речѐ є҆мꙋ̀, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й пріи́де: и҆ закла̀ ѻ҆́ц҃ъ тво́й телца̀ ѹ҆пита́нна, ꙗ҆́кѡ здра́ва є҆го̀ пріѧ́тъ.

27. Онъ сказалъ ему: братъ твой пришёлъ; и отецъ твой заколол откормленнаго телёнка, потому что принялъ его здоровымъ.

кі҃. Разгнѣ́вавсѧ же, и҆ не хотѧ́ше вни́ти: ѻ҆́ц҃ъ же є҆гѡ̀ и҆зше́дъ молѧ́ше є҆го̀.

28. Онъ осердился, и не хотѣлъ войти. Отецъ же его вышедши, звалъ его.

кѳ҃. Ѻ҆́нъ же ѿвѣща́въ речѐ ѻ҆́ц҃ꙋ: сѐ толи́кѡ лѣ́тъ рабо́таю тебѣ̀, и҆ николи́же за́повѣди твоѧ̀ престꙋпи́хъ, и҆ мнѣ̀ николи́же да́лъ є҆сѝ козлѧ́те, да со дрꙋ̑гі свои́ми возвесели́лсѧ бы́хъ.

29. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: вотъ я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего: но ты никогда не далъ мнѣ и козлёнка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими.

л҃. Є҆гда̀ же сы́нъ тво́й се́й, и҆з̾ѧды́й твоѐ и҆мѣ́ніе съ любодѣ́йцами, пріи́де, закла́лъ є҆сѝ є҆мꙋ̀ телца̀ пито́маго.

30. А когда этотъ сынъ твой, расточившій имѣніе твоё съ блудницами, пришёлъ; ты заколол для него откормленнаго телёнка.

ла҃. Ѻ҆́нъ же речѐ є҆мꙋ̀: ча́до, ты̀ всегда̀ со мно́ю є҆сѝ, и҆ всѧ̑ моѧ̑ твоѧ̑ сꙋ́ть:

31. Онъ же сказалъ ему: сынъ мой, ты всегда со мною, и всё моё твоё.

лв҃. Возвесели́тиже сѧ и҆ возра́довати подоба́ше, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й се́й ме́ртвъ бѣ̀, и҆ ѡ҆живѐ: и҆ и҆зги́блъ бѣ̀, и҆ ѡ҆брѣ́тесѧ.

32. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мёртвъ и ожилъ: пропадалъ и нашёлся.

ПСАЛОМЪ XXXVI.

Псаломъ Давида.

Не ревнꙋй лꙋкавнꙋющымъ, ниже завиди творѧщымъ беззаконїе.

в҃. Занѐ ꙗкѡ трава̀ скорѡ изсшꙋтъ, и ꙗкѡ ѕелїе ѕла́ка скорѡ ѿпадꙋтъ.

г҃. Оуповай на Гд҃а, и твори бл҃гостыню: и насели землю, и оупасешисѧ въ богатствѣ єѧ.

д҃. Насладисѧ Гд҃еви, и дастъ ти прошенїѧ сердца твоегѡ.

є҃. Ѿкрый ко Гд҃ꙋ пꙋть твой, и оуповай на него, и той сотворитъ.

ѕ҃. И изведетъ ꙗкѡ свѣтъ правдꙋ твою, и сꙋдьбꙋ твою ꙗкѡ полꙋдне.

з҃. Повинисѧ Гд҃еви, и

Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе.

2. Ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены, и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ.

3. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на землѣ, и храни истину.

4. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желанія сердца твоего.

5. Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Онъ совершитъ

6. И выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень

7. Покорись Господу и

оумоли́ егѡ̀. Не ревнѹ́й спѣ́ющемѹ въ пѹтѝ свое́мъ, человѣ́кѹ творѧ́щемѹ законопреступле́нїе.

и҃. Преста́ни ѿ гнѣ́ва, и҆ ѡ҆ста́ви ꙗ҆́рость: нѐ ревнѹ́й, є҆́же лѹка́вновати.

ѳ҃. Занѐ лѹка́внѹющїи потребѧ́тсѧ: терпѧ́щїи же Гд҃а тı́и наслѣ́дѧтъ зе́млю.

і҃. И҆ є҆щѐ ма́лѡ, и҆ нѐ бѹ́детъ грѣ́шника: и҆ взы́щеши мѣ́сто є҆гѡ̀, и҆ не ѡ҆брѧ́щеши.

а҃і. Кро́тцыи же наслѣ́дѧтъ зе́млю, и҆ наслади́тсѧ ѡ҆ мно́жествѣ ми́ра.

в҃і. Назира́етъ грѣ́шный пра́веднаго, и҆ поскреже́щетъ на́нь зѹ́бы свои́ми:

г҃і. Гдь же посмѣ́етсѧ є҆мѹ̀, занѐ прозира́етъ, ꙗ҆́кѡ прїи́детъ де́нь є҆гѡ̀.

д҃і. Ме́чь и҆звлеко́ша грѣ́шницы, напрѧго́ша лѹ́къ сво́й, низложи́ти оу҆бо́га и҆ ни́ща, закла́ти пра́выѧ се́рдцемъ.

надѣйся на Него. Не ревнуй успѣвающему въ пути своёмъ, человѣку лукавнующему.

8. Перестань гнѣваться, и оставь ярость; не ревнуй до того, чтобы дѣлать зло.

9. Ибо дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа наслѣдуютъ землю.

10. Ещё не много, и не станетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто, и нѣтъ его.

11. А кроткіе наслѣдуютъ землю, и насладятся множествомъ мира.

12. Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника, и скрежещетъ на него зубами своими:

13. Господь же посмѣвается надъ нимъ: ибо видитъ, что приходитъ день его.

14. Нечестивые обнажаютъ мечъ, и натягиваютъ лукъ свой, чтобы низложить бѣднаго и нищаго, чтобы пронзить *идущихъ* прямымъ путёмъ.

є҃і. Ме́чь и҆́хъ да вни́детъ въ сердца̀ и҆́хъ, и҆ лꙋ́цы и҆́хъ да сокрꙋша́тсѧ.

ѕ҃і. Лꙋ́чше ма́лое пра́ведникꙋ, па́че бога́тства гре́шныхъ мно́га.

з҃і. Занѐ мы́шцы гре́шныхъ сокрꙋша́тсѧ, ꙋ҆твержда́етъ же пра́ведныѧ Гдь.

и҃і. Вѣ́стъ Гдь пꙋти̑ непоро́чныхъ, и҆ достоѧ́нїе и҆́хъ въ вѣ́къ бꙋ́детъ.

ѳ҃і. Не постыдѧ́тсѧ во вре́мѧ лю́тое, и҆ во дне́хъ гла́да насы́тѧтсѧ.

к҃. Ꙗ҆́кѡ грѣ́шницы поги́бнꙋтъ, вразѝ же Гдни ꙗ҆́кѡ прославитисѧ и҆́мъ и вознести́сѧ, и҆счеза́юще ꙗ҆́кѡ ды́мъ и҆счезо́ша.

к҃а. Зае́млетъ грѣ́шный, и҆ не возврати́тъ, пра́ведный же щедри́тъ, и҆ дае́тъ.

к҃в. Ꙗ҆́кѡ благословѧ́щїи є҆гѡ̀ наслѣ́дѧтъ зе́млю, кленꙋ́щїи же є҆гѡ̀ потребѧ́тсѧ.

к҃г. Ѿ Гда стѡпы̀ человѣ́кꙋ и҆справлѧ́ютсѧ, и҆ пꙋтѝ є҆гѡ̀ восхо́щетъ ѕѣлѡ̀.

15. Мечъ ихъ войдётъ въ ихъ же сердце, и луки ихъ сокрушатся.

16. Малое у праведника лучше богатства многихъ нечестивыхъ

17. Ибо мышцы нечестивыхъ сокрушатся, а праведниковъ подкрѣпляетъ Господь.

18. Господь знаетъ дни непорочныхъ, и достоянiе ихъ пребудетъ вовѣкъ.

19. Не будутъ они постыжены во время лютое, и во дни голода будутъ сыты.

20. А нечестивые погибнутъ, и враги Господни, какъ тукъ агнцевъ, исчезнутъ, въ дымѣ исчезнутъ.

21. Нечестивый берётъ взаймы, и не отдаётъ; а праведникъ милуетъ и даётъ.

22. Ибо благословенные Имъ наслѣдуютъ землю, а проклятые Имъ истребятся.

23. Господомъ утверждаются стопы *такого* человѣка, и Онъ благоволитъ къ пути его.

к҃д. Є҆гда̀ паде́тъ, не разбїе́тсѧ, ꙗ҆́кѡ Гд҇ь подкрѣплѧ́етъ ру́кꙋ є҆гѡ̀.

24. Когда онъ будетъ падать, не упадётъ; ибо Господь поддерживаетъ его за руку.

к҃е. Ю҆нѣ́йшїй бы́хъ, и҆́бо состарѣ́хсѧ, и҆ не ви́дѣхъ пра́ведника ѡ҆ста́влена, нижѐ сѣ́мене є҆гѡ̀ просѧ́ща хлѣ́бы.

25. Я былъ молодъ, и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба.

к҃ѕ. Ве́сь де́нь ми́луетъ, и҆ взаи́мъ дае́тъ пра́ведный, и҆ сѣ́мѧ є҆гѡ̀ во бл҃гослове́нїе бꙋ́детъ.

26. Онъ всякой день милуетъ и взаймы даётъ, и потомство его въ благословеніе будетъ.

к҃з. Ѹ҆клони́сѧ ѿ ѕла̀, и҆ сотворѝ бла́го, и всели́сѧ въ вѣ́къ вѣ́ка.

27 Уклоняйся отъ зла; и дѣлай добро, и будешь жить вовѣкъ.

к҃и. Ꙗ҆́кѡ Гд҇ь лю́битъ сꙋ́дъ, и҆ не ѡ҆ста́витъ прп҇бныхъ свои́хъ, во вѣ́къ сохранѧ́тсѧ: беззако́нницы же изженꙋ́тсѧ, и҆ сѣ́мѧ нечести́выхъ потреби́тсѧ

28. Ибо Господь любитъ правду, и не оставляетъ святыхъ Своихъ; вовѣкъ сохранятся они: (а беззаконные будутъ извержены), и потомство нечестивыхъ истребится

к҃ѳ. Прв҇дницы же наслѣ́дѧтъ зе́млю, и҆ всел́ѧтсѧ въ вѣ́къ вѣ́ка на не́й.

29. Праведники наслѣдуютъ землю, и будутъ жить на ней вовѣкъ.

л҃. Ѹ҆ста̀ прв҇днагѡ поꙋча́тсѧ прем҇дрости, и҆ ѧ҆зы́къ є҆гѡ̀ возглаго́летъ сꙋ́дъ.

30. Уста праведника изрекаютъ премудрость, и языкъ его произноситъ правду

л҃а. Зако́нъ Бг҇а є҆гѡ̀ въ

31. Законъ Бога его въ

сє́рдцѣ є҆гѡ̀, и҆ не запнꙋ́тсѧ стѡ́пы є҆гѡ̀.

л҃в. Смотрѧ́етъ грѣ́шный пра́веднаго, и҆ и҆́щетъ є҆́же оу҆мертви́ти є҆гѡ̀.

л҃г. Гдь же не ѡ҆ста́витъ є҆гѡ̀ въ рꙋ́кꙋ є҆гѡ̀, нижѐ ѡ҆сꙋ́дитъ є҆го̀, є҆гда̀ сꙋ́дитъ є҆мꙋ̀.

л҃д. Потерпи̑ Гда, и҆ сохрани̑ пꙋ́ть є҆гѡ̀, и вознесе́тъ тѧ̀ є҆́же наслѣ́дити зе́млю. внегда̀ потреблѧ́тисѧ грѣ́шникѡмъ, оу҆́зриши.

л҃є. Ви́дѣхъ нечести́ваго превозносѧ́щасѧ, и҆ высѧ́щасѧ ꙗ҆́кѡ ке́дры Лїва́нскїѧ:

л҃ѕ. И҆ мимѡ и҆до́хъ, и҆ сѐ не бѣ̀, и взыска́хъ є҆гѡ̀, и не ѡ҆брѣ́тесѧ мѣ́сто є҆гѡ̀.

л҃з. Храни̑ незло́бїе, и҆ ви́ждь пра́вотꙋ, ꙗ҆́кѡ є҆́сть ѡ҆ста́нокъ человѣ́кꙋ ми́рнꙋ.

л҃и. Беззако́нницы же потребѧ́тсѧ вкꙋ́пѣ; ѡ҆ста́нцы же нечести́выхъ потребѧ́тсѧ.

л҃ѳ. Спасе́нїе же пра́вед-

сердцѣ у него; не поколеблются стопы его.

32. Нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ. и ищетъ умертвить его

33. Но Господь не отдастъ его въ руки его, и не допуститъ обвинить его, когда онъ будетъ судимъ.

34. Уповай на Господа, и держись пути Его; и Онъ вознесётъ тебя, чтобы ты наслѣдовалъ землю; и когда будутъ истребляемы нечестивые, ты увидишь.

35. Видѣлъ я нечестивца грознаго, разширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву;

36. Но онъ прошёлъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его, и не нахожу.

37. Наблюдай за непорочнымъ и смотри на праведнаго ибо будущность *такого* человѣка есть миръ.

38. А беззаконники всѣ истребятся; будущность нечестивыхъ погибнетъ.

39. Отъ Господа спасе-

ны́хъ ѿ Гд҃а, и҆ защи́титель
и҆́хъ є҆́сть во вре́мѧ ско́рби.
м҃. И҆ помо́жетъ и҆̀мъ Гдь,
и҆ изба́витъ и҆̀хъ, и҆ и҆зме́тъ ѿ
грѣ́шникъ, и҆ спасе́тъ и҆̀хъ,
ꙗ҆́кѡ ᲂу҆пова́ша на него̀.

ніе праведникамъ; Онъ защита ихъ во время скорби.
40. И поможетъ имъ Господь и избавитъ ихъ; избавитъ ихъ отъ нечестивыхъ, и спасётъ ихъ, ибо они на Него уповаютъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

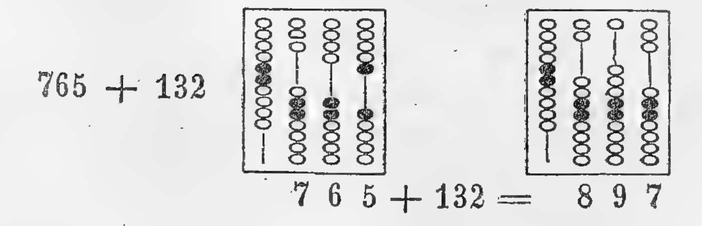
СЧЕТЪ.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ.

Если считаешь такъ: два и три будетъ пять, 2+3=5; четыре и шесть будетъ десять, 4+6=10; сто тридцать два и двѣсти тридцать семь будетъ триста шестьдесятъ девять, 132 + 237 = 369,—то дѣлаешь *сложеніе*.

Если считаешь такъ: пять безъ двухъ останется три, 5 — 2 = 3; десять безъ шести останется четыре, 10 — 6 = 4; триста шестьдесятъ девять безъ ста тридцати двухъ останется двѣсти тридцать семь, 369—132=237,—то дѣлаешь *вычитаніе*.

Сложить:



Вычесть:

897—132. Положи на счёты восемь сотенъ, девять десятковъ, семь простыхъ.

8 9 7

Скидывай со счётовъ 1 изъ сотенъ, 3 изъ десятковъ, 2 изъ простыхъ. Осталось

897—132 = 7 6 5

Сложить:

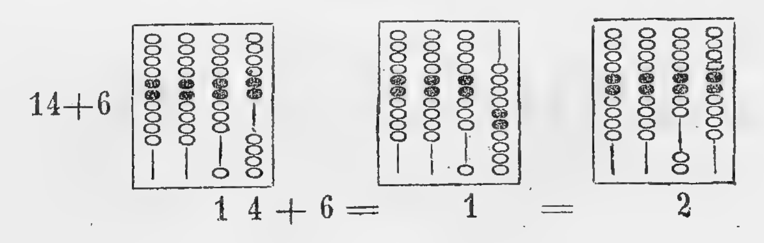
3331 + 2348. 45 + 21. 6084 + 1311. 56 + 43.
47821 + 2147.

Вычесть:

5679 — 2348. 5679 — 3331. 67 — 21. 67 — 45.
7395 — 6084. 7395 — 1311. 99 — 56. 99 — 43.
49969 — 47821. 39969 — 2147.

Сложить:

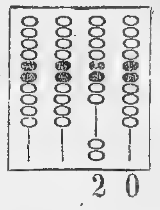
14+6



1 4 + 6 = 1 = 2

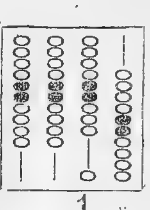
Вычесть:

20—6. Положи на счёты два десятка.



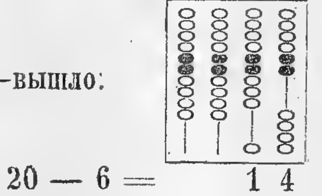
2 0

Скидывай шесть простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ; положи два десятка такъ, чтобы были простыя



1

Изъ простыхъ скинь шесть,—вышло:



20 — 6 = 1 4

Сложить:

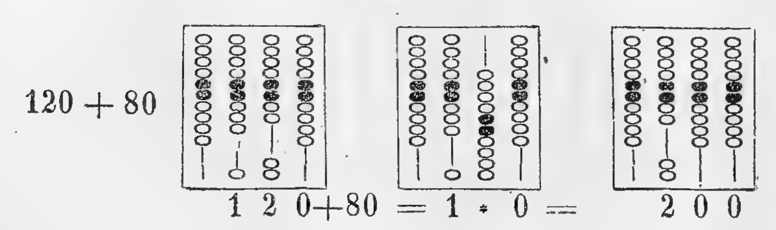
15 + 5. 38 + 12. 49 + 31. 89 + 1.

Вычесть:

20 — 5. 20 — 15. 50 — 38. 50 — 12. 80 — 31.
81 — 49. 90 — 89. 90 — 1.

Сложить:

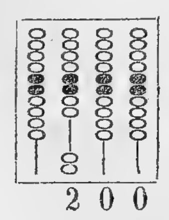
120 + 80



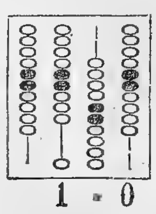
1 2 0+80 = 1 • 0 = 2 0 0

Вычесть:

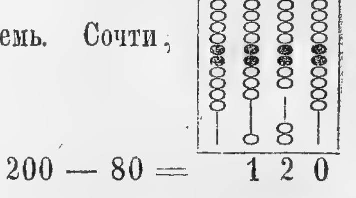
200—80. Положи на счёты двѣ сотни.



Скидывай восемь десятковъ изъ десятковъ. Десятковъ нѣтъ. Положи двѣ сотни такъ, чтобы были десятки.



Изъ десятковъ скинь восемь. Сочти, сколько осталось.



Сложить:

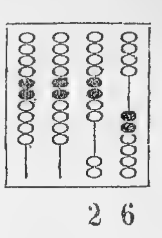
110+90 220+80. 330+70. 440+60. 550+50.
770 + 30. 890 + 10.

Вычесть:

200—90. 200—110. 300—80. 300—220. 500—60.
500—440. 600—50. 600—550. 800—30. 800—770.
900 — 10. 900 — 890.

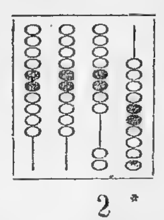
Сложить:

26+7. Положи на счётахъ два десятка и шесть простыхъ.



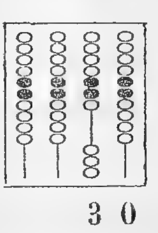
2 6

Прикладывай семь простыхъ къ простымъ. Приложишь четыре—будетъ десять простыхъ, и трёхъ недостанетъ.



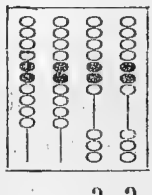
2 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



3 0

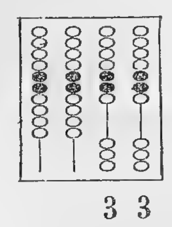
Приложи три простыхъ. Вышло три десятка и три простыхъ



26 + 7 = 3 3

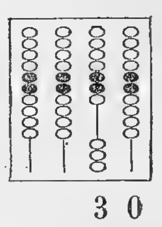
Вычесть:

33—7. Положи на счётахъ три десятка и три простыхъ.



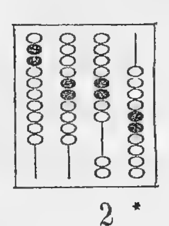
3 3

Скидывай семь простыхъ изъ простыхъ. Три скинешь, четырёхъ не достанетъ.



3 0

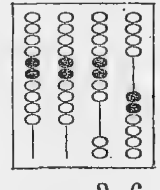
Переложи изъ трёхъ десятковъ одинъ на десять простыхъ.



2 *

Теперь скинь то, что́ не достало,— четыре простыхъ.

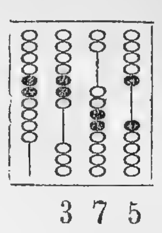
Останется два десятка и шесть простыхъ.



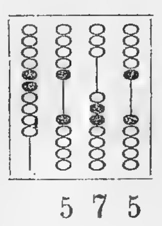
33 — 7 = 2 6

Сложить:

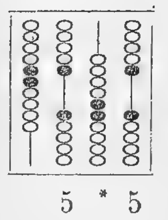
375 + 246. Положи на счёты три сотни, семь десятковъ и пять простыхъ



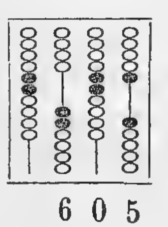
Прикладывай двѣ сотни къ трёмъ сотнямъ,—будетъ пять сотенъ.



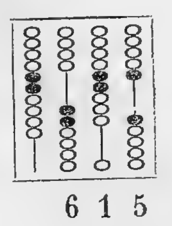
Прикладывай четыре десятка къ семи десяткамъ Приложишь три,—будетъ десять десятковъ, а одного недостанетъ.



Переложи десять десятковъ на одну сотню.

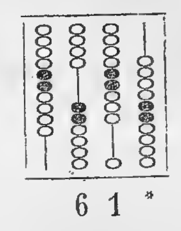


Теперь приложи то, что́ недостало— один десятокъ.



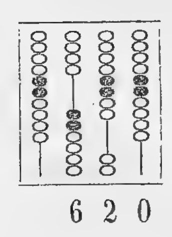
6 1 5

Прикладывай шесть простыхъ къ пяти простымъ. Приложишь пять простыхъ,— будетъ десять, а одной недостанетъ.



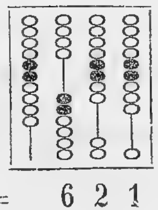
6 1 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



6 2 0

Приложи то, что́ недостало,—одну простую. Вышло



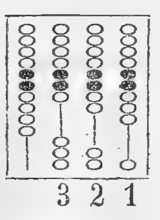
375+246= 6 2 1

Вычесть:

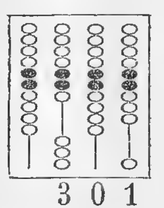
621—375. Положи на счёты шесть сотенъ, два десятка, одну простую.

6 2 1

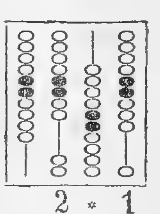
Скидывай изъ шести сотенъ три сотни; останется:



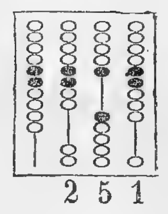
Изъ двухъ десятковъ скидывай семь; два скинешь, пяти недостанетъ; останется:



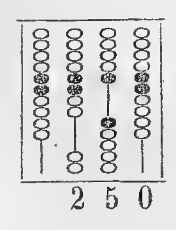
Переложи изъ трёхъ сотенъ одну такъ, чтобъ были десятки.



Скидывай то, что́ недостало, — пять десятковъ; останется:



Скидывай пять простыхъ изъ одной простой. Скинешь одну,—четырёхъ не достанетъ.

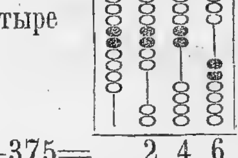


2 5 0

Переложи пять десятковъ такъ, чтобы было десять простыхъ.

2 4 *

Скидывай сколько недостало,—четыре простыхъ; останется:



621—375= 2 4 6

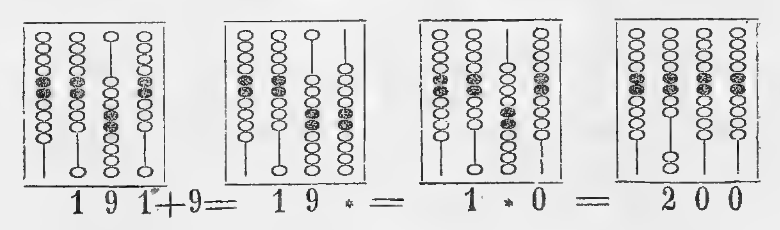
Сложить:

397+145. 428+387. 613+298.

Вычесть:

542 — 397. 542 — 145. 815 — 357. 911 — 613. 911 — 298.

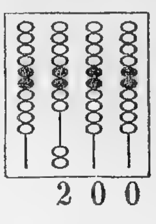
Сложить: 191 + 9.



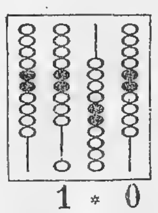
1 9 1+9= 1 9 * = 1 * 0 = 2 0 0

Вычесть:

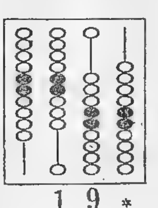
200—9. Положи на счёты двѣ сотни.



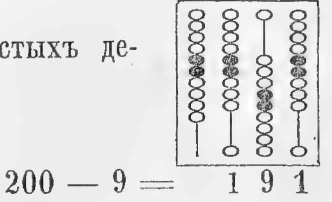
Скидывай девять простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ, и десятковъ нѣтъ. Переложи сотню на десять десятковъ.



Переложи десять десятковъ, такъ чтобы были простыя.



Скидывай изъ десяти простыхъ девять простыхъ, останется:



200 — 9 = 191

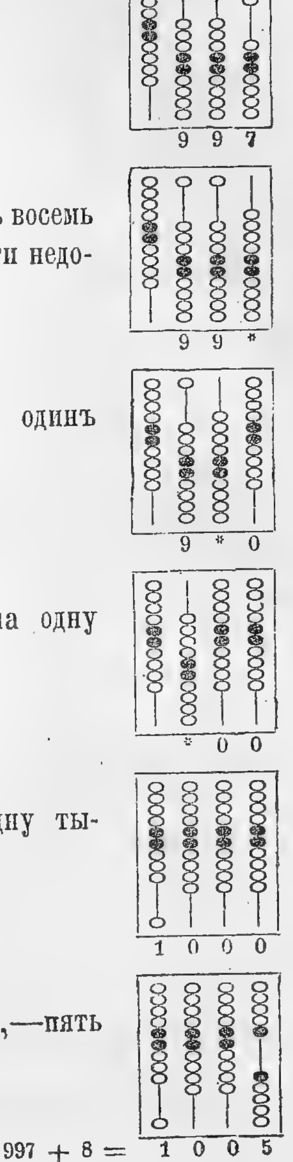
Сложить:

293 + 7. 496 + 4 792 + 8. 985 + 15. 1837 + 163. 3799 + 1.

Вычесть:

300 — 7. 300 — 293. 500 — 4. 500 — 496. 800 — 8. 800 — 792. 1000 — 15. 1000 — 985. 2000 — 163. 2000 — 1837. 4000 — 3799. 4000 — 1.

Сложить:



997+8. Положи 997.

Прикладывай къ семи простымъ восемь простыхъ. Приложишь три, а пяти недостанетъ. Выйдетъ:

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ,—будетъ:

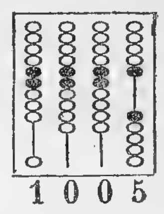
Переложи десять десятковъ на одну сотню,—будетъ:

Переложи десять сотенъ на одну тысячу,—будетъ:

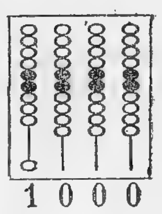
Приложи теперь, что́ недостало,—пять простыхъ, будетъ:

997 + 8 = 1005

Вычесть:

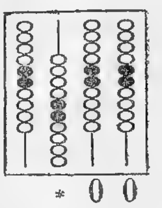


1005—8. Положи на счёты одну тысячу и пять простыхъ.

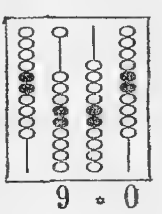


Скидывай изъ пяти простыхъ восемь.

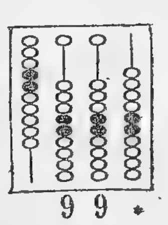
Пять скинешь, трёхъ не достанетъ.



Простыхъ нѣтъ, десятковъ нѣтъ, сотенъ нѣтъ; положи тысячу на десять сотенъ.



Изъ десяти сотенъ одну положи такъ, чтобы были десятки.



Изъ десяти десятковъ положи одинъ такъ, чтобы были простыя.

Изъ десяти скинь, что̀ не достало,— три простыхъ. Осталось:

1005—8 = 9 9 7

Сложить:

999+1. 3992+8. 998+7. 6000 + 4000.

9800+200. 9950 + 50. 9993 + 7. 100097+1498.

9999 + 30005.

Вычесть:

1000 — 1. 1000 — 999. 4000 — 8. 4000 — 3992.

1005—998. 1005—7. 10000—4000. 10000—6000.

10000 — 50. 10000 — 9950. 10000 — 9993.

10000 — 7. 101595 — 100097. 101595 — 1498.

40004 — 9999. 40004 — 30005.

БЕЗЪ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛѢВА

Сложить: 565 + 839

Сочти сколько сотенъ и запиши... 1300, тринадцать сотенъ,

а 5 и 8 сотенъ зачеркни . . . 565 + 839.

Сочти, сколько десятковъ и запиши подъ 13 сотнями 1300
90 девять десятковъ.

а 6 и 3 десятка зачеркни . . . 565 + 839.

Сочти простыя и запиши подъ 9 десятками 1300
90
14 простыхъ.

а 9 и 5 зачеркни . . . . . . 565+839.

Сочти, сколько сотенъ, десятковъ и простыхъ . . . . 13*4.

Десять десятковъ—все равно, что одна сотня; вышло . . . . . . 1404.

987 + 654 =	876 + 329 =
1500	1100
130	90
11	15
1641	11*5 1205

Вычесть: 1404 — 565.

1) Скидывай сотни изъ сотенъ. Не достанетъ. Разложи одну тысячу на сотни и запиши такъ. $\overset{*}{4}04$

Изъ 14 сотенъ скинь 5 сотенъ . . . $\overset{*}{4}04$ — 500

Останется 9 сотенъ; запиши. . . . 904

2) Скидывай десятки отъ десятковъ . . 904 — 60

Десятковъ нѣтъ. Разложи 9 сотенъ такъ, чтобы были десятки . . . . 904 — $8\overset{*}{0}4$

Скинь 6 десятковъ изъ 10, останется 844.

3) Скидывай простыя изъ простыхъ. Не достанетъ. Разложи 4 десятка такъ, чтобы были простыя . . . . 844 = 834

Скинь 5 простыхъ; останется . . . 839

1404 — 839.	1741 — 987
1404 (=$\overset{*}{4}04$)—800=604	1641 (=$\overset{*}{6}41$)—900=741
604 (=$5\overset{*}{0}4$)— 30=574	741 (=$6\overset{*}{4}1$)— 80=661
574 (=$56\overset{*}{4}$)— 9=565.	661 (=$65\overset{*}{1}$)— 7=654.

1205 — 876.	1205 — 329.
1205 (=$\overset{*}{2}05$)—800=405	1205 (=$\overset{*}{2}05$)—300=905
405 (=$3\overset{*}{0}5$)— 70=335	905 (=$8\overset{*}{0}5$)— 20=885
335 (=$32\overset{*}{5}$)— 6=329.	885 (=$87\overset{*}{5}$)— 9=876

Сложить:

8248 + 735. 2981 + 19. 8736 + 3574.

Вычесть:

8983—8248. 8983—735. 3000—19. 3000—2981.
12310 — 8736. 12310 — 3574.

СЧИТАТЬ СПРАВА

Сложить: 789 + 693

Напиши оба числа одно подъ другимъ, — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями 789
693

Сочти простыя и подпиши; зачеркни 9 и 3 789
693
12

Сочти десятки и подпиши; зачеркни 8, 9 и 1. 789
693
12
180

Сочти сотни и подпиши; зачеркни 7, 6 и 1. 789
693
12
180
1400

Прочти все, что вышло 1482

Сложить 9873 + 3657.

```
 9873
 3657
   10
  130
 1500
13000
─────
13530
```

Вычесть 1482 — 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ,— простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями.

```
1482
 693
────
```

1) Вычитай простыя изъ простыхъ. Простыхъ недостанетъ Переложи восемь десятковъ на семь десятковъ и десять простыхъ.

```
   *
1472
 693
────
```

Вычитай 3 изъ 12,—останется 9; напиши 9, и зачеркни простыя.

```
   *
1472
 693
────
   9
```

2) Вычитай десятки изъ десятковъ. Десятковъ недостанетъ. Переложи 4 сотни на 3 сотни и 10 десятковъ 9 изъ 17 будетъ 8. Напиши 8, и зачеркни десятки.

```
  **
1372
 693
────
  89
```

3) Вычитай сотни изъ сотенъ. Сотенъ не достанетъ. Разложи тысячу на 10 сотенъ. Будетъ 13 сотенъ. 6 изъ 13 будетъ 7 Напиши 7, и зачеркни сотни.

```
 ***
 372
 693
────
 789
```

1482 — 789.

**
37*
1482
789
693

13530—9873.

***
242*
13530
9873
3657

13530—3657.

***
242*
13530
3657
9873

Сложить:

736 + 2453 + 196 + 9 + 38.

Напиши всѣ числа—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и тысячи подъ тысячами, и складывай такъ же, какъ два числа.

736
2453
196
9
38
32 простыхъ.
230 десятковъ.
1400 сотенъ.
3000 тысячъ.
3432

Сложить:

7893 + 3657 + 85 + 10 + 11 + 20056

5005 + 5050. 7896 + 3659. 6701 + 8928.

Вычесть:

9009—190. 5689—657. 10101—9876. 8765—3298.

560751 — 98765.

ЗАДАЧИ

I

1) Нынче 1872 годъ. Мнѣ 43 года отъ роду, а дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ. Въ какомъ году родился дѣдъ?

Дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ, а мнѣ 43 года; сколько же дѣду лѣтъ? 43 да 48 будетъ 91. Значитъ онъ 91 годъ тому назадъ родился. Какой былъ годъ 91 годъ тому назадъ? Надо вычесть 91 изъ 1872.

Если мнѣ въ 1872 году 43 года, то значитъ я 43 года тому назадъ родился. Надо вычесть 43 изъ 1872; узнаешь, въ которомъ году я родился,—въ 1829. А когда я родился, дѣду ужъ было 48 лѣтъ. Стало быть онъ родился 48 лѣтъ прежде 1829 года. Надо вычесть 48 изъ 1829.

---

2) Купецъ пріѣхалъ на ярмарку и купилъ сукна на 5687 рублей, да бархату на 6898 рублей, и хотѣлъ ещё купить ситцу на 365 рублей, да недостало у него на ситецъ 58 рублей. Сколько у купца было денегъ?

У купца достало денегъ на сукно—5687 рублей, и на бархатъ — 6898, (сложить)—всего 12585; да на ситецъ достало 365 безъ 58. Вычесть 58 изъ 365,—узнаешь. сколько достало на ситецъ; а приложить къ 12585,— узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

Если бы достало купцу денегъ на всё, то вышло бы всѣхъ денегъ 5687 + 6898 + 365. Сложи всё вмѣстѣ и вычти сколько недостало; узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

ЗАДАЧИ

II.

1) Отецъ оставилъ въ наслѣдство трёмъ дѣтямъ 59075 рублей: старшему сыну 20000, дочери 13289 р. а другому сыну остальное.

На сколько сестра получила меньше противъ старшаго и противъ младшаго брата?

2) Трёмъ нищимъ дали вмѣстѣ 7 копѣекъ: одному 1 копейку, другому 4, а третьему остальныя.

Насколько первому дали меньше противъ другихъ?

ЗАДАЧИ

III.

1) У двухъ мужиковъ 35 овецъ. У одного на 9 овецъ больше, чѣмъ у другаго. Сколько у каждаго овецъ?

2) У одного мужика 23 овцы, а у другаго на 7 овецъ больше. Сколько у нихъ овецъ вмѣстѣ?

3) У одного мужика 26 овецъ, а у другаго на 5 овецъ меньше. Сколько у нихъ вмѣстѣ овецъ?

5) У двухъ мужиковъ 40 овецъ, а у одного меньше противъ другаго на 6 овецъ. Сколько у каждаго?

5) У двухъ мужиковъ 50 овецъ, а у одного 15. Насколько овецъ у него меньше противъ другаго?

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержанie басни, но и тотъ общiй выводъ, который по ихъ понятiямъ вытекаетъ изъ нея.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 13—30), нужно стараться, чтобы ученики при описанiяхъ и разсказахъ передавали подробности разсказа или описанiя.

(Описанiя и разсказы должны служить ученикамъ образцами для сочиненiй.)

А при сказкахъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложенiя хода дѣла.

Въ четвертомъ и пятомъ отдѣлахъ (IѴ, Ѵ, стр. 41—74) болѣе всего обращайте вниманiе ученика на тѣ свѣденiя, которыя передаются въ статьяхъ этихъ отдѣловъ.

Большая часть этихъ статей назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанiя. Отвѣты зависятъ отъ свѣденiй и умѣнья учителя.

Въ шестомъ отдѣлѣ (ѴI, стр. 75) болѣе всего обращайте вниманiе на ударенiя, и если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенiя, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Общее правило для стиха былинъ состоитъ въ томъ, что удареніе находится на 3-мъ слогѣ и съ конца и съ начала, напр

Илья Му̀ромецъ, сынъ Ива̀новичъ

Во всѣхъ русскихъ статьяхъ второй книги поставлено ѣ особаго шрифта въ корняхъ словъ, и кромѣ того крупнымъ шрифтомъ обозначены слѣдующія грамматическія формы:

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—12) тѣ падежи единственнаго числа существительныхъ, въ которыхъ употребляется буква *ѣ*.

Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ бы были существительныя въ предложномъ и дательномъ падежахъ съ окончаніями на *ѣ*. Или предлагайте ему изреченія въ другихъ падежахъ, а его заставляйте передѣлывать такъ, чтобы были употреблены дательный или предложный; напримѣръ: *Я держу палку рукой. У меня палка въ......* и т. п

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 13—30) поставлено крупное *ѣ* въ окончаніяхъ мѣстоименій, и въ числительныхъ *однѣ, двѣ*. Заставляйте ученика составлять изреченія съ мѣстоименіями, имѣющими *ѣ* въ окончаніяхъ падежей.

Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 31—40) обозначено *ѣ* въ окончаніяхъ глаголовъ. Заставляйте ученика находить неокончательное наклоненіе такихъ глаголовъ и называть ихъ въ разныхъ формахъ, имѣющихъ *ѣ*; напр. *хотѣть*, онъ *хотѣлъ, хотѣвшій*

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 41—60) обозначено *ѣ* въ сравнительныхъ и превосходныхъ степеняхъ нарѣчій и прилагательныхъ. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы сравнительная и превосходная степень

Въ пятомъ отдѣлѣ (стр. 61—74) всѣ упражненія на букву *ѣ* соединены вмѣстѣ. Спрашивайте ученика, почему

въ такомъ и такомъ мѣстѣ поставлено *ъ* крупнымъ шрифтомъ.

Къ стихамъ и къ славянскому относится тоже, что сказано въ первой книгѣ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Вычитаніе и сложеніе заставляйте дѣлать на счетахъ, записывая то, что выходитъ, на разграфленной бумагѣ.

Безъ счетовъ заставляйте ученика первое время писать на разграфленной бумагѣ по разрядамъ чиселъ.

Пройдите всѣ упражненія болѣе или менѣе подробно, смотря по способности ученика, но всегда заставляйте дѣлать одновременно сложеніе и вычитаніе изъ суммы слагаемыхъ.

На сложеніи съ большихъ разрядовъ и безъ подписыванія слагаемыхъ чиселъ одного подъ другимъ упражняйте ученика какъ можно дольше. Оно яснѣе и полезнѣе для ученика, чѣмъ сложеніе съ меньшихъ разрядовъ: естественнѣе прежде узнать сколько тысячъ, а потомъ сколько единицъ.

Пройдя сложеніе цифрами обратите вниманіе ученика на значеніе * и на возможность съ помощію этого знака цифрами такъ же, какъ счетами, различно изображать числа, имѣющія нули.

Вычитаніе не-механическое есть одно изъ самыхъ трудныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, и для того, чтобы дальнѣйшіе успѣхи были легки, не торопитесь вычитаніемъ и не жалѣйте мѣлу или карандаша, а заставляйте по нѣскольку разъ переписывать то число, изъ котораго вычитается,—какъ показано въ упражненіяхъ

Обратите вниманіе ученика на то, что, вычитая многоразрядное число; онъ всякій разъ разбиваетъ его на разряды, и вычитаетъ отдѣльно сотни; десятки и единицы.

Вычитаніе точно также естественнѣе съ большихъ разрядовъ, и потому долѣе упражняйте въ немъ ученика.

Не говорите правила о числѣ въ умѣ, приписываемомъ въ сложеніи; а главное, не говорите правила о заниманіи, и о томъ, что нуль, черезъ который перескочили, становится 9-ю. Ученикъ самъ пускай выведетъ эти правила.

Объясненіе задачъ возможно тремя способами:

1) Разъясненіе самой задачи, какъ въ задачахъ № I.

2) Составленіе точно такой же задачи съ самыми малыми числами, такъ чтобы ученикъ тотчасъ же въ умѣ дѣлалъ ее, — какъ въ задачахъ № II.

3) Перестановка неизвѣстнаго въ той же задачѣ, какъ въ задачахъ № III. Полезно заставлять ученика дѣлать тоже самое хотя съ самыми легкими задачами.

Составляйте сами такого рода задачи и задавайте ученику.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строк.	Напеч.	Читай.
1	3 сн.	засѣнялся	засмѣялся.
19	10 сн.	окрытъ	открытъ.
20	6 св.	Дужокъ	Дружокъ.
25	5 св.	живчикъ	Живчикъ.
37	5 св.	Уралскими	Уральскими.
58	8 сн.	они	онѣ.
59	9 св.	палобу	палубу.
68	9 сн.	завязь	завязь.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33
1872.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-ЕЙ КНИГИ.

Часть первая.

Стран.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

ЛИСИЦА.

Попалась лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобы отрубили хвосты. — «Хвостъ», говоритъ, «совсѣмъ не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ.» — Одна лисица и говоритъ: — «Охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая.»

Куцая лисица смолчала и ушла.

ДИКІЙ И РУЧНОЙ ОСЕЛЪ.

Дикій осёлъ увидалъ — ручнаго осла, подошёлъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, до какъ сзади сталъ погонщикъ подгонять его дубиной, дикій осёлъ и говоритъ: «нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твоё житьё тебѣ сокомъ достаётся.»

Азбука. Кн. 3.

ОЛЕНЬ.

Олень подошёлъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «только ноги мои плохи и жидки.» Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришёлъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говоритъ: «то-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ.»

СОБАКА И ВОЛКЪ.

Собака заснула за дворомъ. Голодный волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть её. Собака и говоритъ: «Волкъ! подожди меня ѣсть,—теперь я костлява, худа. А вотъ дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть; тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю,—лучше тогда меня съѣсть». Волкъ повѣрилъ и ушёлъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ—собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: «чтожъ,—была сватьба?» А собака говоритъ: «вотъ что, волкъ: коли другой разъ застанешь меня сонную передъ дворомъ, не дожидайся больше сватьбы.»

II.

СЛѢПОЙ И МОЛОКО.

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго: Какого цвѣта молоко?

Зрячій сказалъ: «цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, этотъ цвѣтъ также шуршитъ подъ руками, какъ бумага?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, онъ такой-же мягкій и сыпучій, какъ мука?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ.»

Слѣпой спросилъ: «что-же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ.»

Слѣпой спросилъ: «что-же, онъ холодный, какъ снѣгъ?»

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять—какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

ВОЛКЪ И ЛУКЪ.

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошёлъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понёсъ её. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, спородъ его до смерти, да и самъ тутъже издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришёлъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и подумалъ: «Теперь я буду долго сытъ; только я не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ, что́ пожёстче, а потомъ закушу тѣмъ, что́ помягче и послаще.

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: «это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ; а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукѣ.» И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ волка по брюху. Волкъ тутъ-же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка, и козу, и кабана, и волка.

КОМАРЪ И ЛЕВЪ.

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: «ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ-бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызёшь зубами;—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щёки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь всё лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дряннаго паука погибаю.»

III.

ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была

рада, но у горшечника ещё больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевенномъ дворѣ конины шкуры, она и завыла: «охъ горе мнѣ бѣдной! лучшебъ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

СТАРИКЪ И СМЕРТЬ.

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понёсъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: «эхъ, хоть-бы смерть пришла!»—Смерть пришла и говоритъ: «вотъ я, чего тебѣ надо?»—Старикъ испугался и говоритъ: «мнѣ вязанку поднять».

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростію жить: зашёлъ онъ въ пещеру, лёгъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: «что левъ, какъ можешь?»

Левъ говоритъ: «плохо,—да ты отчегожь не входишь?»

А лисица говоритъ: «оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу—входовъ много, а выходовъ нѣтъ».

IV.

ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИКЪ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями?»—выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

ТОПОРЪ И ПИЛА.

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другаго пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ—надо дерево срубить, а другой говоритъ—надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: «я сейчасъ помирю васъ; если топоръ востёръ, то лучше рубить, а если пила ещё вострѣе, то лучше пилить». Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу; пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: «вы подождите спорить; топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужь спорьте». Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другаго пила тупая; и они стали драться.

КОТЪ И МЫШИ.

Завелось въ одномъ домѣ много мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить мышей. Увидали мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: «давайте, мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ коту не добраться!» Какъ перестали мыши сходить внизъ, котъ и задумалъ, какъ-бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одной лапкой за потолокъ, свѣсился и притворился мёртвымъ. Одна мышь выглянула на него, да и говоритъ: «Нѣтъ, братъ! хошь мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду.»

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА.

Мужики косили луга, а въ лугу подъ кочкой было перепелиное гнѣздо.

Перепёлка съ кормомъ прилетѣла къ гнѣзду и увидала, что кругомъ всё обкошено. Она и говоритъ перепелятамъ: «ну дѣти,—бѣда пришла! Теперь молчите и не шевилитесь, а то пропадёте; вечеромъ переведу васъ.» А перепелята радовались, что въ лугу свѣтлѣе стало, и говорили: «мать—старая, оттого и не хочетъ, чтобы мы веселились»; и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикамъ на покосъ обѣдать, услыхали перепелятъ и порвали имъ головы.

ПТИЦЫ ВЪ СѢТИ.

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли

съ ней. Охотникъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: «и куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?» Охотникъ сказалъ: «Кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню».

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришёлъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ каждая въ свою сторону: одна къ лѣсу, другая къ болоту, третья въ поле; и всё съ сѣтью упали на землю и охотникъ взялъ ихъ.

СОБАКА И ПОВАРЪ.

Поваръ готовилъ обѣдъ; собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ телёнка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: «поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ».

Немного погодя, поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ, и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорятъ: «испортился нашъ поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится».

Но поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не собаки.

V.

ВОЛКЪ И КОЗА.

Волкъ видитъ—коза пасётся на каменной горѣ, и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: «пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе и трава тебѣ для корма много слаще».

А коза говоритъ: «не затѣмъ ты, волкъ, меня внизъ зовёшь: ты не объ **моёмъ**, а о **своёмъ** кормѣ хлопочешь.»

ЦАРЬ И СОКОЛЪ.

Одинъ царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ царь нашёлъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, царь поднялъ её ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ соколъ встрепенулся на рукѣ у царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберётся вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить её ко рту, соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ царь набралъ полную чашу и сталъ подносить её къ губамъ, соколъ опять разлилъ её. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принёсъ воды; онъ вернулся съ пустой чашкой и сказалъ: «ту воду нельзя пить; въ родникѣ змѣя и она выпустула свой ядъ въ воду. Хорошо, что соколъ разлилъ воду. Еслибы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ».

Царь сказалъ: «дурно же я отплатилъ соколу—онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его».

ГАЛЧЁНОКЪ.

Пустынникъ увидалъ разъ въ лѣсу сокола. Соколъ принёсъ въ гнѣздо кусокъ мяса, разорвалъ мясо на маленькіе куски и сталъ кормить галчёнка.

Пустынникъ удивился, какъ такъ соколъ кормитъ галчёнка, и подумалъ: «галчёнокъ, и тотъ у Бога не пропадётъ: и научилъ же Богъ этого сокола кормить чужаго сироту. Видно Богъ всѣхъ тварей кормитъ, а мы всё о себѣ думаемъ. Перестану я о себѣ заботиться, не буду себѣ припасать пищи. Богъ всѣхъ тварей не оставляетъ, и меня не оставитъ».

Такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ лѣсу и не вставалъ съ мѣста, а только молился Богу. Три дня и три ночи онъ пробылъ безъ питья и ѣды. На третій день пустынникъ такъ ослабѣлъ, что ужъ не могъ поднять руки. Отъ слабости онъ заснулъ. И приснился ему старецъ. Старецъ будто подошёлъ къ нему и говоритъ: «ты зачѣмъ себѣ пищи не припасаешь? Ты думаешь Богу угодить, а ты грѣшишь. Богъ такъ міръ устроилъ, чтобъ каждая тварь добывала себѣ нужное. Богъ велѣлъ соколу кормить галчёнка потому, что галчёнокъ пропалъ бы безъ сокола; а ты можешь самъ работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грѣхъ. Проснись и работай по прежнему». Пустынникъ проснулся и сталъ жить по прежнему.

VI.

ЦАРСКІЙ СЫНЪ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

У Царя было два сына. Царь любилъ старшаго и отдалъ ему всё царство. Мать жалѣла меньшаго сы-

на и спорила съ Царёмъ. Царь на неё за то сердился, и каждый день была у нихъ изъ за этого ссора. Меньшій Царевичъ и подумалъ «лучше мнѣ уйти куда-нибудь»,—простился съ отцомъ и матерью, одѣлся въ простое платье и пошёлъ странствовать.

На пути сошёлся онъ съ купцомъ. Купецъ разсказалъ Царевичу, что былъ онъ прежде богатъ, но что всѣ его товары потонули въ морѣ, и что онъ идётъ теперь въ чужіе края поискать счастья.

Они пошли вмѣстѣ. На третій день сошелся съ ними ещё товарищъ. Они разговорились и новый товарищъ разсказалъ, что онъ мужикъ; былъ у него домъ и земля, но что была война, поля его стоптали и дворъ его сожгли; не при чёмъ ему стало жить, и что идётъ онъ теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли всѣ вмѣстѣ. Подошли они къ большому городу, и сѣли отдохнуть. Вотъ мужикъ и говоритъ: «ну, братцы, будетъ намъ гулять, теперь мы пришли къ городу, надо намъ за работу приниматься, кто какую умѣетъ.

Купецъ говоритъ. «я умѣю торговать. Если бы у меня было хоть немного денегъ, я бы много наторговалъ.» А Царевичъ говоритъ — «а я не умѣю ни работать, ни торговать; я только умѣю царствовать. Еслибъ было у меня царство, я бы хорошо царствовалъ.»—А мужикъ говоритъ — «а мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали,—я проживу и васъ ещё прокормлю. А то вы, пока кто денегъ, а кто царства дожидаетесь, съ голоду помрёте.» А Царевичъ говоритъ:

«Купцу деньги нужны, мнѣ царство нужно, тебѣ сила нужна, чтобъ работать; а и деньги, и царство, и сила намъ отъ Бога. Захочетъ Богъ, и мнѣ царство дастъ, и тебѣ силу; а не захочетъ ни тебѣ силы, ни мнѣ царства не дастъ.»

Мужикъ не сталъ слушать, а пошёлъ въ городъ. Въ городѣ онъ нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Онъ ихъ принёсъ товарищамъ и говоритъ: «Вы покуда собираетесь царствовать, а я ужь заработалъ.»

На другой день купецъ выпросилъ денегъ у мужика и пошёлъ въ городъ.

На торгу купецъ узналъ, что въ городѣ мало масла и каждый день ждутъ новаго привоза. Купецъ пошёлъ на пристань и сталъ высматривать корабли. При немъ пришёлъ корабль съ масломъ. Купецъ прежде всѣхъ вошёлъ на корабль, отъискалъ хозяина, купилъ всё масло и далъ задатокъ. Потомъ купецъ побѣжалъ въ городъ; перепродалъ масло и за свои хлопоты заработалъ денегъ въ 10 разъ больше противъ мужика и принёсъ товарищамъ.

Царевичъ и говоритъ: «Ну, теперь мой черёдъ идти въ городъ. Вамъ обоимъ посчастливилось, можетъ и мнѣ тоже будетъ. Для Бога ничего не трудно,—что́ тебѣ мужику дать работу, что́ купцу барыши, что́ Царевичу царство».

Входитъ Царевичъ въ городъ, видитъ онъ,—народъ ходитъ по улицамъ и плачетъ. Царевичъ сталъ спрашивать, о чёмъ плачутъ. Ему говорятъ: «развѣ не знаешь, нынче въ ночь нашъ царь умеръ, и другаго царя намъ такого не найти?» — «Отчего же онъ

умеръ»?—«Да должно быть злодѣи наши отравили». Царевичъ разсмѣялся и говоритъ: «Это не можетъ быть».

Вдругъ одинъ человѣкъ присмотрѣлся къ Царевичу, примѣтилъ, что онъ говоритъ нечисто по ихнему и одѣтъ не такъ, какъ всѣ въ городѣ, и крикнулъ:

— «Ребята! этотъ человѣкъ подосланъ къ намъ отъ нашихъ злодѣевъ разузнавать про нашъ городъ. Можетъ онъ самый отравилъ Царя. Видите, онъ и говоритъ не по нашему и смѣется, когда мы всѣ плачемъ. Хватайте его, ведите въ тюрьму!»

Царевича схватили, отвели въ тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третій день пришли за Царевичемъ и повели его на судъ. Народа собралось много слушать, какъ будутъ судить Царевича.

На судѣ Царевича спросили, кто онъ и зачѣмъ пришёлъ въ ихъ городъ? Царевичъ сказалъ:—«Я царскій сынъ. Мой отецъ отдалъ всё царство старшему брату, а мать за меня заступалась и изъ за меня отецъ съ матерью ссорились. Я этого не захотѣлъ; простился съ отцомъ и матерью и ушёлъ странствовать. По дорогѣ встрѣтилъ я двухъ товарищей: купца и мужика и съ ними подошёлъ къ вашему городу. Когда мы сидѣли отдыхали за городомъ, мужикъ сказалъ, что надо теперь работать, кто что́ умѣетъ; купецъ сказалъ, что онъ умѣетъ торговать, но что у него денегъ нѣтъ; а я сказалъ, что я умѣю только царствовать, да у меня царства нѣтъ. Мужикъ сказалъ, что мы съ голоду помрёмъ, дожидаючи денегъ да царства, а что у него есть сила въ рукахъ, и что онъ и себя, и насъ прокормитъ. И онъ пошёлъ въ городъ, заработалъ деньги и принёсъ намъ. Купецъ на

эти деньги пошёлъ и наторговалъ вдесятеро; а я пошёлъ въ городъ нынче, и вотъ меня взяли и понапрасну посадили въ тюрьму и два дня не давали ѣсть, и теперь хотятъ казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что всё отъ Бога, и захочетъ Богъ, такъ вы меня казните понапрасну, а захочетъ, такъ вы меня царёмъ сдѣлаете.»

Когда онъ всё это сказалъ, судья замолчалъ и не зналъ, что говорить. Вдругъ одинъ человѣкъ изъ народа закричалъ:

— «Намъ Богъ послалъ этого Царевича. Мы не найдёмъ себѣ лучше царя! Выбирайте его въ цари!»

И всѣ выбрали его царёмъ.

Когда его выбрали царёмъ, Царевичъ послалъ за городъ привести къ себѣ своихъ товарищей. Когда имъ сказали, что ихъ требуетъ Царь—они испугались: думали, что они сдѣлали какую нибудь вину въ городѣ. Но имъ нельзя было убѣжать и ихъ привели къ Царю. Они упали ему въ ноги, но Царь велѣлъ встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь разсказалъ имъ всё, что съ нимъ было, и сказалъ имъ:—«Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе—всё отъ Бога. И Богу не труднѣе дать царство Царевичу, чѣмъ купцу барышъ, а мужику работу.»

Онъ наградилъ ихъ и оставилъ жить въ своёмъ Царствѣ.

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ.

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать,—правду-ли ему говорили, что въ одномъ изъ

его городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаётъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ неможетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У въѣзда въ городъ къ Бауакасу подошёлъ калѣка и сталъ просить милостыню. Бауакасъ подалъ ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. «Что тебѣ нужно?» спросилъ Бауакасъ; «развѣ я не далъ тебѣ милостыни?»—«Милостыню ты далъ», сказалъ калѣка, «но ещё сдѣлай милость, довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ-бы не раздавили меня». Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя, и довёзъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но нищій не слѣзалъ. Бауакасъ сказалъ: «что-жь сидишь, слѣзай, мы пріѣхали!» А нищій сказалъ: «зачѣмъ слѣзать,—лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдёмъ къ судьѣ.» Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ, какъ они спорили; всё закричали: «ступайте къ судьѣ, онъ васъ разсудитъ.»

Бауакасъ съ калѣкой пошли къ судьѣ. Въ судѣ былъ народъ и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судилъ. Прежде чѣмъ черёдъ дошёлъ до Бауакаса, судья вызвалъ учёнаго и мужика: они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а учёный говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ: «Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра»

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ держалъ въ рукѣ деньги, масленникъ руку

мясника. Мясникъ сказалъ: «Я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелёкъ, чтобы расплатиться: а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ,—я держу въ рукѣ кошелёкъ, а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ—воръ».

А масленникъ сказалъ: «Это неправда. Мясникъ пришёлъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ, онъ просилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привёлъ сюда» Судья помолчалъ и сказалъ: «оставьте деньги здѣсь и приходите завтра.»

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ разсказалъ какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: «это всё неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довёзъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзать и сказалъ, что лошадь его. Это неправда»

Судья подумалъ и сказалъ: «оставьте лошадь у меня и приходите завтра.»

На другой день собралось много народу слушать, какъ разсудитъ судья?

Первые подошли учёный и мужикъ.

«Возьми свою жену», сказалъ судья учёному, «а мужику дать 50 палокъ». Учёный взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

«Деньги твои», сказалъ онъ мяснику; потомъ онъ

указалъ на масленника и сказалъ: «а ему дать 50 палокъ.»

Тогда позвали Бауакаса и калѣку. «Узнаешь-ты свою лошадь изъ двадцати другихъ?» спросилъ судья Бауакаса.

— «Узнаю.»

— «А ты?»

— «И я узнаю», сказалъ калѣка.

— «Иди за мною», сказалъ судья Бауакасу.

Они вошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ-же промежъ другихъ двадцати лошадей показалъ на свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ её. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу:

— «Лошадь твоя; возьми её. А калѣкѣ дать 50 палокъ».

Послѣ суда, судья пошёлъ домой; а Бауакасъ пошёлъ за нимъ.

«Что-же ты, или не доволенъ моимъ рѣшеніемъ?». спросилъ судья.

«Нѣтъ, я доволенъ,» сказалъ Бауакасъ. «Только хотѣлось-бы мнѣ знать—почёмъ ты узналъ, что жена была учёнаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищаго?»

«Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ её утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернила въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла её скоро и ловко и налила чернила. Стало быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не

съумѣла-бы это сдѣлать. Выходитъ, что учёный былъ правъ. Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ— всплыло-ли на водѣ масло. Если-бы деньги были масленниковы, то онѣ были бы запачканы его масляными руками. На водѣ масла не было, стало быть мясникъ говоритъ правду.»

«Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка такъже, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть, узнаете-ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть — кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошёлъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ её, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади.

Тогда Бауакасъ сказалъ:

«Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть — правда-ли то, что́ говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня чего хочешь, я награжу тебя.»

Судья сказалъ: Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь мой похвалилъ меня.»

КАКЪ МУЖИКЪ ГУСЕЙ ДѢЛИЛЪ.

У одного бѣднаго мужика не стало хлѣба. Вотъ онъ и задумалъ попросить хлѣба у барина. Чтобы было съ чѣмъ идти къ барину, онъ поймалъ гуся, изжарилъ его и понёсъ. Баринъ принялъ гуся и говоритъ мужику: «спасибо, мужикъ, тебѣ за гуся; только не знаю, какъ мы твоего гуся дѣлить будемъ. Вотъ

у меня жена, два сына, да двѣ дочери. Какъ бы намъ раздѣлить гуся безъ обиды?» Мужикъ говоритъ: я раздѣлю. Взялъ ножикъ, отрѣзалъ голову и говоритъ барину: «ты всему дому голова, тебѣ голову». Потомъ отрѣзалъ задокъ, подаётъ барынѣ: «тебѣ, говоритъ, дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, тебѣ задокъ» Потомъ отрѣзалъ лапки и подаётъ сыновьямъ «Вамъ», говоритъ, «ножки — топтать отцовскія дорожки» А дочерямъ далъ крылья. «Вы», говоритъ, «скоро изъ дома улетите, вотъ вамъ по крылышку А остаточки себѣ возьму!»—и взялъ себѣ всего гуся.

Баринъ посмѣялся, далъ мужику хлѣба и денегъ

Услыхалъ богатый мужикъ, что баринъ за гуся наградилъ бѣднаго мужика хлѣбомъ и деньгами, зажарилъ пять гусей и понёсъ къ барину

Баринъ говоритъ: «спасибо за гусей, да вотъ у меня жена, два сына, двѣ дочери — всѣхъ шестеро; какъ бы намъ поровну раздѣлить твоихъ гусей?»—Сталъ богатый мужикъ думать и ничего не придумалъ.

Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ и велѣлъ дѣлить. Бѣдный мужикъ взялъ—одного гуся далъ барину съ барыней и говоритъ: «вотъ васъ трое съ гусемъ»; одного далъ сыновьямъ—«и васъ», говоритъ, «трое»; одного далъ дочерямъ—«и васъ трое»; а себѣ взялъ двухъ гусей. «Вотъ», говоритъ, «и насъ трое съ гусями,—всё поровну».

Баринъ посмѣялся и далъ бѣдному мужику ещё денегъ и хлѣба, а богатаго прогналъ.

СТРОГОЕ НАКАЗАНІЕ.

Одинъ человѣкъ пошёлъ на торгъ и купилъ говяди-

ны. На торгу его обманули—дали дурной говядины, да еще обвѣсили.

Вотъ онъ идётъ домой съ говядиной и бранится. Встрѣчается ему царь и спрашиваетъ; кого ты бранишь? А онъ говоритъ: «я браню того, кто меня обманулъ. Я заплатилъ за три фунта, а мнѣ дали только два, и то дурную говядину. Царь и говоритъ: «Пойдёмъ назадъ на торгъ; покажи того, кто тебя обманулъ». Человѣкъ пошёлъ назадъ и показалъ купца. Царь свѣсилъ при себѣ мясо: видитъ, точно обманули; царь и говоритъ: «Ну, какъ ты хочешь, чтобъ я наказалъ купца?» Тотъ говоритъ: «вели вырѣзать изъ его спины столько мяса, насколько онъ обманулъ меня.»

Царь и говоритъ: «Хорошо; возьми ножъ и вырѣжь изъ купца фунтъ мяса; только смотри—чтобы у тебя вѣсъ былъ-бы вѣренъ, а если вырѣжешь больше или меньше фунта, ты виноватъ останешься.

Человѣкъ смолчалъ и ушёлъ домой.

ЦАРСКІЕ БРАТЬЯ.

Одинъ Царь шёлъ по улицѣ. Нищій подошёлъ къ нему и сталъ просить милостыню.

Царь не далъ ничего. Нищій сказалъ: «Царь, ты видно забылъ, что Богъ всѣмъ одинъ Отецъ, мы всѣ братья и намъ всѣмъ дѣлиться надо». Тогда Царь остановился и сказалъ: «ты правду говоришь, мы братья и намъ дѣлиться надо», и далъ нищему золотую деньгу. Нищій взялъ золотую деньгу и сказалъ: «Ты мало далъ; развѣ такъ дѣлятся съ братьями? Надо дѣлить поровну. У тебя милліонъ денегъ, а ты мнѣ далъ одну.» Тогда Царь сказалъ: «то правда, что

у меня милліонъ денегъ, а я тебѣ далъ одну; но у меня и братьевъ столько же, сколько денегъ».

VII.

КАКЪ Я ВЫУЧИЛСЯ ѢЗДИТЬ ВЕРХОМЪ.

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: «надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ». Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: «А мнѣ можно учиться?» Батюшка сказалъ:—«ты упадёшь». Я сталъ просить его, чтобъ меня тоже учили и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: «ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадётъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить».

Когда пришла середа, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большаго крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни, и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было несовсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей, и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: «вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ». Берейторъ сказалъ: «хорошо».

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «этотъ малъ очень». А дядька сказалъ: «онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадётъ». Берейторъ засмѣялся и ушёлъ.

Потомъ привели трёхъ осѣдланныхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду *), а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Её звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «ну, кавалеръ, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: «не тяжёлъ баринъ,—фунта два, больше не будетъ»

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: «а не боитесь?» Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше отъ того. что Червончикъ всё поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: «ну, смотрите-жъ не падайте!» и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: «ну что, утвердились?» Я ему сказалъ. «утвердился». «Ну, теперь рысцой!» и берейторъ защёлкалъ языкомъ.

*) Корда—веревка для того, чтобы по кругу гонять лошадей.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью и меня стало подкидывать. Но я всё молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: «Ай да кавалеръ, хорошо!» Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошёлъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ; но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: «молодецъ кавалеръ». Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: «вотъ-те на! свалился кавалеръ мой», и подошёлъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: дѣтское тѣло мягкое. А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили; и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо, и ничего не боялся

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЕ.

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой панёвѣ, а голову завязывала какой-то ветошкой, и подъ горломъ у ней висѣлъ мѣшочекъ. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери. Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много пилъ и за то его отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню—онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лазилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая, кособокая лошадёнка; коровы у насъ не было, были двѣ плохенькія овчёнки и одинъ ягнёнокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягнёнкомъ. Ѣли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ было некому, мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я—мать стала больнѣе и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у сосѣда крупицъ и послала дядю Нефеда за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разставлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водой. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда пріѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться. Потомъ вынули мальчика и священникъ взялъ его и опустилъ въ воду. Я испугался и закричалъ: «дай мальчика сюда!» Но бабушка разсердилась на меня и сказала: «молчи, а то побью»

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ тёткѣ Акулинѣ. Тётка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло и подала народу. Когда всѣ наѣлись,—вылѣзли изъ за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёлъ къ матери и говорю:

— «Ма, какъ его зовутъ?» Мать говоритъ: «также, какъ тебя»

Мальчикъ былъ худой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ всё кричалъ. Когда ни проснёшься ночью, онъ всё кричитъ, а мамушка всё баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кряхтитъ, а всё поётъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся и слышу—мать плачетъ. Бабушка встала и говоритъ: «чтó ты, Христосъ съ тобой!» Мать говоритъ: «мальчикъ померъ» Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку подпоясала и положила подъ святое. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефеда. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ

дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище и положилъ мальчика туда. Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голосомъ стала причитать и завыла. Потомъ дядя Нефедъ взялъ гробикъ подъ мышку и понёсъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Пріѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собой ковригу хлѣба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и подалъ ей. Я стоялъ подлѣ стола и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: «что онъ? хлѣбца?» и отрѣзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушёлъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: «что̀ тамъ мужики говорятъ?» Я сказалъ: «вино пьютъ». Она засмѣялась и говоритъ: «это они меня сватаютъ за Кондрашку».

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло къ намъ много народу,—полная изба

Потомъ подъѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ телѣги и пошёлъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели её къ жениху. Посадили жениха съ невѣстой за столъ и бабы стали ихъ ве-

личать. Потомъ вылѣзли изъ за стола, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца, я поѣлъ, да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: «ѣдутъ»! дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народа, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкою; онъ подошёлъ ко мнѣ и говоритъ: «вылѣзай». Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: «ты покажи скалку и скажи: а это что?» Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подалъ мнѣ. Я взялъ стаканъ и подалъ бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: «что-то вино горько». Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣсни и плясали, а потомъ всѣ ушли и Кондрашка повёлъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали ещё бѣднѣе жить. Продали лошадь и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила горькую горемычную? на кого покинула свое дитятко безсчастное? гдѣ я ума-разума возьму?

какъ мнѣ вѣкъ прожить?» И такъ она долго плакала и причитала.

Одинъ разъ пошёлъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу—идётъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошёлъ къ ребятамъ и говоритъ: «Вы изъ какой деревни, ребята?» «Мы—говоримъ—изъ Никольскаго».—«А что, живётъ у васъ солдатка Матрёна?» А я говорю: «жива, она мнѣ матушка». Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: «а отца своего видалъ?» Я говорю: «онъ въ солдатахъ, не видалъ». Солдатъ и говоритъ: «ну, пойдёмъ, проводи меня къ Матрёнѣ, я ей письмо отъ отца привёзъ». Я говорю: какое письмо? А онъ говоритъ: вотъ пойдёмъ, увидишь.

«Ну чтожъ, пойдёмъ».

Солдатъ пошёлъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: «здравствуйте!» Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу, и говоритъ: «чтожъ, у васъ семьи только-то?» Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотритъ на солдата. Онъ и говоритъ: «гдѣжъ матушка?—а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и стала его цѣловать. И я тоже влѣзъ къ нему на колѣни и сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришёлъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и разсказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Какъ пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: «это чья же молодая бабочка?» А мать засмѣялась и говоритъ:

«свою дочь не узналъ». Отецъ позвалъ её ещё къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ? Потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофикъ заткнутъ бумажкой и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: «это что?» А мать говоритъ: «тебѣ вина». А онъ говоритъ: «нѣтъ, ужъ пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!» Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: «кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принёсъ,—а теперь слава Богу». Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ лёгъ спать на задней лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: «охъ, дровъ-то нѣтъ у меня!» А отецъ говоритъ: «топоръ есть?»—«Есть, да щербатый, плохой». Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣжалъ за нимъ.

Отецъ сдёрнулъ съ крыши жердь, положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ и принёсъ въ избу, и говоритъ: «ну вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду прiищу купить избу, да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо». Мать говоритъ:

«Охъ, денегъ много на всё надо».

А отецъ говоритъ: «а работать будемъ. Вонъ мужикъ-то растётъ!» Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣбца, одѣлся и

говоритъ матери: «а есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду». И пошёлъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошёлъ въ избу и говоритъ: «о чёмъ плачешь?» Я говорю: «я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня не пустила, да ещё побила», и ещё пуще заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошёлъ къ матери и сталъ её бить нарочно, а самъ приговариваетъ: «не бей Ѳедьку, не бей Ѳедьку!» Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: «вотъ вы съ Ѳедькой какіе на слёзы слабые, сейчасъ и плакать». Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: «ну, теперь давай намъ, мать, съ Ѳедюшкой обѣдать; мы ѣсть хотимъ».

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: «ну что-же,—иструбъ?» А отецъ говоритъ: «купилъ, 80 цѣлковыхъ, липовый, бѣлый, какъ стекло. Вотъ дай срокъ, мужикамъ купимъ винца, они мнѣ и свезутъ воскреснымъ дѣломъ».

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

VIII.

БУЛЬКА.

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Буль-

ки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ бывало уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на нёмъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его, и ушёлъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то чёрное и блестящее. Это былъ Булька въ своёмъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ ра-

му и выскочилъ изъ окна, и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ, и проскакалъ такъ вёрстъ 20-ть въ самый жаръ.

БУЛЬКА И КАБАНЪ.

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только-что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограду, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновнику. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ— кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то они лаютъ, какъ на человѣка, и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана. Мнѣ уже слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по

лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ—зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ видно потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и, также какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видна только была его чёрная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шёлъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ черезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трёхъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ; я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Буль-

ка. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ—захрипѣлъ, пошатался и всей тушей тяжело хлопнулся на земь.

Когда я подошёлъ, кабанъ уже былъ мёртвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подёргивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошёлъ его искать. Онъ ползъ мнѣ на встрѣчу и стоналъ. Я подошёлъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоронъ животъ, и цѣлый комокъ кишокъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ всё лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобъ вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь, и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть, и выздоровѣлъ.

ФАЗАНЫ.

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что онѣ тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *съ кобылкой*, *съ подсаду* и *изъ*

подъ собаки. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину. А въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этой кобылкой и съ ружьёмъ, на зарѣ выходятъ въ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собою и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зарямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ—наседка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружьё въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачёнку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдётъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ влетитъ на дерево и тогда собачёнка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, еслибы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея; сидитъ на сучкѣ и ещё пѣтушится на неё и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на своё лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьёмъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ лягавую собаку и ходятъ за ней по лѣсу. Собака чутьёмъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдётъ послѣдній слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдётъ до того мѣста, гдѣ днёмъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдётъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ, прямо передъ ней, и она всё будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдётъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

МИЛЬТОНЪ И БУЛЬКА.

Я завёлъ себѣ для фазановъ лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ; она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами; и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ бывало только покажетъ свои зубы, и собаки поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но

никакъ не могъ. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошёлъ дальше: но только что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился вперёдъ, и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутьё у него плохое и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шёлъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ вперёдъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался вперёдъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему вперёдъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернётъ въ другую сторону и протворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнётъ хвостомъ и пойдётъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ вперёдъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведётъ меня прямо. Такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

ЧЕРЕПАХА.

Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружьё

и пошёлъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошёлъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шёлъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что́ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; чернаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ её и сталъ грызть; но не могъ прокусить её, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то чёрное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошёлъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ её оставить, а нёсъ въ зубахъ за мною. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на неё за это, что сталъ лаять и опять схватилъ её и понесъ за мною. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землёю.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей они выводятъ яицами, и яица кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яица сами, какъ рыбья икра, лопаются—и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладётъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи—это ея рёбра. Только у людей и у другихъ животныхъ рёбра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи рёбра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ рёбра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи рёбра сверху, а мясо подъ ними.

БУЛЬКА И ВОЛКЪ.

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда ещё тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ, и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришёлъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы передъ моей хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросёнокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: «это волкъ душитъ поросёнка!»

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружьё и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросёнокъ и кричали мнѣ

«сюда!» Мильтонъ бросился за мной,—вѣрно думалъ, что я на охоту иду съ ружьёмъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться. Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружьё. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружьё сдѣлало: «чикъ» и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но видно боялся схватить его; а Булька какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ—не могъ поспѣть. Мы бѣжали, что̀ было силы, за волкомъ, но и волкъ и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы на углу станицы мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой,—онъ видно хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана Онъ видно догналъ волка передъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговари-

вали о томъ, что̀ случилось. Я досадовалъ на то, что ружьё моё осѣклось и всё думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, еслибъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма, и что она заколдовала моё ружьё. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на серединѣ улицы передъ нами опять того же волка; но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма; а я подумалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ послѣ того, какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажёгъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану затѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюню, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюня и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдётся по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ БУЛЬКОЙ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ, и тамъ пробылъ два мѣсяца.

Мильтона я подарилъ казаку охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-Тау. А Бешъ по татарски значитъ пять, Тау—гора. Изъ этой горы течётъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идётъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Всё мѣсто, гдѣ стоитъ городъ—очень весёлое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течётъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія, Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лѣчиться и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка и народъ пьётъ воду, или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчёлы, не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчёлы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчёлъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и они его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофій въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать се-

бѣ за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчёлъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ всё ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: «что это такое?» Она сказала: «это колодники изъ острога ходятъ собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу»

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадётся?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники подошли ужъ къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Передъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачёнку, притянулъ её на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить её дубиной. Собачёнка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачён-

ку и, когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючёкъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли ещё собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника и закричалъ: «Булька, назадъ», и кричалъ колодникамъ, чтобы они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляшку. Булька бросился прочь; но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: «бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляшкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красной раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючёкъ.

КОНЕЦЪ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА.

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и тоже время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ туже осень сѣкачъ [1]) кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже недолго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать всё, что ему попадалось. Онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ какъ прежде, когда ла-

[1]) Сѣкачъ—двухгодовалый кабанъ съ острымъ, незагнутымъ клыкомъ.

скался. Онъ лизалъ долго, и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола, и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ; а случилось это съ нимъ 6 недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ Стало быть волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушёлъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что называется по охотничьи—стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округѣ и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ онъ издохъ. Если бы онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умной собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, валяется по росамъ и сама лѣчится. Видно Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

РУСАКЪ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія, яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шёлъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошёлъ къ гумну. Собачёнка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на

заднихъ лапахъ и потихоньку пошёлъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошёлъ дальше. На деревнѣ было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ, да трескъ мороза въ брёвнахъ избъ. Заяцъ прошёлъ на гумно и тамъ нашёлъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ занесённой снѣгомъ на овинъ и черезъ плетень пошёлъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и ещё гуще морозный паръ подымался надъ землёю. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ ещё больше шло обозовъ и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошёлъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, лёгъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

IX.

ОСНОВАНІЕ РИМА.

Былъ одинъ Царь, и у него было два сына: Нумиторъ и Амулій. Когда онъ умиралъ, онъ сказалъ сыновьямъ: «какъ вы хотите раздѣлиться между собою? Кто возьмётъ себѣ царство, а кто всѣ мои богатства?» Нумиторъ взялъ царство, а Амулій взялъ богатства. Когда Амулій взялъ богатства, ему стало завидно, что

братъ его царёмъ, и онъ сталъ дарить солдатъ и уговаривать, чтобы они прогнали Нумитора, а его бы поставили царёмъ. Солдаты такъ и сдѣлали, и Амулій сталъ царёмъ. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня—два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулій боялся, чтобы народъ не полюбилъ этихъ близнецовъ, когда они выростутъ, и не выбралъ-бы ихъ царями. Онъ позвалъ своего слугу Фаустина и сказалъ ему: «возьми этихъ двухъ мальчиковъ и брось ихъ въ рѣку»

Рѣка называлась Тибръ.

Фаустинъ положилъ дѣтей въ зыбку, отнёсъ на берегъ и положилъ тамъ. Фаустинъ думалъ, что они помрутъ сами. Но Тибръ разлился до берега, поднялъ колыбелку, понёсъ её и поставилъ у высокаго дерева. Ночью пришла волчица и стала своимъ молокомъ кормить близнецовъ.

Мальчики выросли большіе и стали красивые и сильные. Они жили въ лѣсу недалеко отъ того города, гдѣ жилъ Амулій, научились бить звѣрей и тѣмъ кормились. Народъ узналъ ихъ и полюбилъ за ихъ красоту. Большаго прозвали Ромуломъ, а меньшаго Ремомъ. Одинъ разъ пастухи Нумитора и Амулія стерегли скотину недалеко отъ лѣса и поссорились, Амуліевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидали это и побѣжали за пастухами, догнали ихъ и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецовъ, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели въ городъ къ Нумитору и говорятъ: «Прояви

лись въ лѣсу два брата, отбиваютъ скотину и разбойничаютъ. Вотъ мы одного поймали и привели». Нумиторъ велѣлъ отвести Рема къ Царю Амулію. Амулій сказалъ: «Они обидѣли братниныхъ пастуховъ. Пускай братъ ихъ и судитъ». Рема опять привели къ Нумитору. Нумиторъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: «Откуда ты, и кто ты такой?» Ремъ сказалъ:

«Насъ два брата; когда мы были маленькіе, насъ принесло въ колыбелкѣ къ дереву на берегу Тибра, и тамъ насъ кормили дикіе звѣри и птицы. И тамъ мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такіе,—у насъ осталась наша зыбка. На ней мѣдныя полоски. И на полоскахъ что-то написано».

Нумиторъ удивился и подумалъ: не его ли это внуки? Онъ оставилъ у себя Рема и послалъ за Фаустиномъ, чтобы спросить его.

Между тѣмъ Ромулъ искалъ брата и нигдѣ не могъ найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели въ городъ,—онъ взялъ съ собой зыбку и пошёлъ за нимъ. Фаустинъ сейчасъ узналъ зыбку и сказалъ народу, что это внуки Нумитора, что Амулій хотѣлъ утопить ихъ. Тогда народъ озлобился на Амулія и убилъ его, а Ромула и Рема выбралъ Царями. Но Ромулъ и Ремъ не захотѣли жить въ этомъ городѣ, а оставили тутъ царствовать своего дѣда Нумитора. А сами пошли назадъ къ тому мѣсту подъ деревомъ, гдѣ ихъ выкормила волчица подлѣ рѣки Тибра, и построили тамъ новый городъ, — Римъ.

КАКЪ ГУСИ РИМЪ СПАСЛИ.

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ кремлѣ. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались только въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только кремль Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкою полѣзли изъ подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копья и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались ни обрывъ: ни одна собака не услыхала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, какъ вдругъ гуси почуяли народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ Римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбилъ подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать брёвна и каменья подъ обрывъ, и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму, и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу, одинъ изъ нихъ несётъ гуся, а за ними на верёвкѣ тащатъ собаку И народъ подходитъ къ гусю и кла-

няется ему и жрецу; для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

ПОЛИКРАТЪ САМОССКІЙ.

Былъ одинъ греческій Царь Поликратъ. Онъ во всёмъ былъ счастливъ. Онъ завоевалъ много городовъ и сталъ очень богатъ. Поликратъ и описалъ въ письмѣ всю свою счастливую жизнь, и послалъ это письмо своему другу царю Амазису въ Египетъ. Амазисъ прочёлъ письмо, и написалъ Поликрату отвѣтъ. Онъ писалъ такъ: «Пріятно бываетъ знать друга въ удачѣ. Но мнѣ твоё счастье не нравится. По моему, лучше бываетъ, когда человѣку въ одномъ дѣлѣ удача, а въ другомъ нѣтъ,—чтобы было въ перемежку. Послушай меня и сдѣлай вотъ что: чтó есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда нибудь въ такое мѣсто, чтобы не попалось людямъ. И тогда у тебя будетъ счастье въ перемежку съ несчастьемъ».

Поликратъ прочёлъ это и послушался своего друга Онъ сдѣлалъ вотъ что: былъ у него дорогой перстень, взялъ онъ этотъ перстень, собралъ много народа, и сѣлъ со всѣмъ народомъ въ лодку. Потóмъ велѣлъ ѣхать въ море. И когда выѣхалъ далеко за острова, тогда при всёмъ народѣ бросилъ перстень въ море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотѣлъ онъ подарить её Царю. Вотъ пришёлъ онъ къ Поликрату на дворъ, и когда Поликратъ вышелъ къ нему, рыбакъ сказалъ: Царь, я поймалъ эту рыбу и принёсъ тебѣ, потому

что такую прекрасную рыбу только Царю кушать». Поликратъ поблагодарилъ рыбака и позвалъ его къ себѣ обѣдать. Рыбакъ отдалъ рыбу и пошёлъ къ Царю, а повара́ разрѣзали рыбу и нашли въ ней тотъ самый перстень, что́ Поликратъ бросилъ въ море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и разсказали, какъ они нашли его,—Поликратъ написалъ другое письмо въ Египетъ къ своему другу Амазису и описалъ, какъ онъ бросилъ перстень и какъ онъ нашёлся. Амазисъ прочёлъ письмо и подумалъ: это не къ добру,—видно нельзя уйти отъ судьбы. А лучше мнѣ разойтись съ своимъ другомъ, чтобы потомъ не жалѣть его; и онъ послалъ сказать Поликрату, что ихъ дружбѣ конецъ.

Въ то время былъ одинъ человѣкъ Оройтесъ. Этотъ Оройтесъ былъ сердитъ на Поликрата, и хотѣлъ погубить его. Вотъ Оройтесъ придумалъ какую хитрость. Написалъ онъ Поликрату, что будто Персидскій царь Камбизъ обидѣлъ его и хотѣлъ убить, и что онъ будто ушёлъ отъ него. Оройтесъ такъ писалъ Поликрату: «У меня много богатствъ, но я не знаю, гдѣ мнѣ жить. Прими ты меня къ себѣ съ моими богатствами, и тогда мы съ тобой сдѣлаемся самые сильные цари. А если ты не вѣришь, что у меня много богатствъ, такъ пришли кого-нибудь посмотрѣть.

Поликратъ и послалъ своего слугу посмотрѣть, правда ли, что Оройтесъ привёзъ столько богатствъ. Когда слуга пріѣхалъ смотрѣть богатства, Оройтесъ такъ обманулъ его: онъ взялъ много лодокъ и во всѣ наложилъ камни; а сверхъ камней до краевъ заложилъ золотомъ.

Когда слуга Поликрата увидѣлъ эти лодки, онъ повѣрилъ, что лодки всё по края были полны золотомъ, и такъ и разсказалъ Поликрату.

Тогда Поликратъ захотѣлъ самъ ѣхать къ Оройтесу смотрѣть его богатства. Въ эту самую ночь дочь Поликрата увидала во снѣ, что онъ будто виситъ на воздухѣ. Дочь и стала просить отца, чтобъ онъ не ѣздилъ къ Оройтесу; но отецъ разсердился и сказалъ, что онъ её не отдастъ замужъ, если она не замолчитъ сейчасъ. А дочь сказала: «Я рада никогда не идти замужъ, только не ѣзди ты къ Оройтесу; я боюсь, что съ тобой случится бѣда».

Отецъ не послушался ея и поѣхалъ. Когда онъ пріѣхалъ, Оройтесъ схватилъ его и повѣсилъ до смерти. Такъ-то сонъ дочери и совершился.

Такъ и случилось, какъ угадалъ Амазисъ, что большое счастье Поликрата кончилось большимъ несчастьемъ.

БОГЪ ПРАВДУ ВИДИТЪ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТЪ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксёновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксёновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молоду Аксёновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксёновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьёй, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксёновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты всё боишься, какъ-бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно в дѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри,—какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьёй и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксёновъ не любилъ долго спать, онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ чёрную избу, расчёлся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши вёрстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ, и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксёнову и спрашиваетъ: кто? откуда? Аксёновъ всё разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ всё пристаётъ съ распросами: «Гдѣ ночевалъ

прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца по утру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?»— Аксёновъ удивился, зачѣмъ его обо всёмъ спрашиваютъ; всё разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «Что-жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я ни воръ, ни разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ, и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ, и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксёновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксёновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постелѣ. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его, и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксёновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8.000, что ножикъ не

его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. **Когда** его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксёновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксёнова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксёновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксёновъ съ молоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что́ думать. Дѣти ея ещё всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, **гдѣ** ея мужъ содержался въ острогѣ. **Сначала** ея не пускали, но **потомъ** она упросила начальниковъ, и её привели къ мужу. **Когда** она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками,—она ударилась о землю и долго не могла очнуться. **Потомъ** она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про всё, что́ съ нимъ случилось. Онъ всё разсказалъ ей. Она сказала:

—Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

—Надо просить Царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она **уже** подавала прошеніе Царю, но что прошеніе не дошло. Аксёновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужь и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксёновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!»— закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришёлъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксёновъ въ послѣдній разъ простился съ семьёй.

Когда жена ушла, Аксёновъ сталъ вспоминать, что́ говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждалъ милости». И съ тѣхъ поръ Аксёновъ перестадъ подавать прошенія, перестадъ надѣяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся весёлость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксёновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ

ихъ, **когда** былъ свѣтъ въ острогѣ, а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ,—голосъ у него всё **еще** былъ хорошъ. Начальство любило Аксёнова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи **всегда** Аксёнова посылали просить начальство, и **когда** промежь каторжныхъ были ссоры, то они **всегда** къ Аксёнову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксёнову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксёновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что̀ разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженой бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю?—Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что̀ и **гдѣ** укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало **сюда** попасть, да не могли уличить, а **теперь** не по закону **сюда** загнали. Да врёшь,—былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ...

— А ты **откуда** будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семёновичемъ.

Аксёновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семёнычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксёновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы—даромъ, что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксёновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксёновъ сказалъ: «стало-быть стоилъ того», и не хотѣлъ больше разсказывать; но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксёновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксёнову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семёновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксёнова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся, и гдѣ онъ видѣлъ Аксёнова; но Макаръ Семёновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксёнову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— «Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужь дѣло было; что́ и слыхалъ, то забылъ», сказалъ Макаръ Семёновъ.

— «Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ?» спросилъ Аксёновъ.

Макаръ Семёновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашёлся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксёновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошёлъ прочь. Всю эту ночь Аксёновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представлятся: то представлялась ему его жена, такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ её, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—весёлымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дво́рѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти-лѣтнюю осторожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука

нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить

— И всё отъ того злодѣя!.. думалъ Аксёновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семёнова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днёмъ онъ не подходилъ къ Макару Семёнову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксёновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошёлъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семёновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксёнова. Аксёновъ хотѣлъ пройти, чтобъ не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами, и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ,—я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксёновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего,—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду, или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семёновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ прiѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ до-

прашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семёнова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксёнову Онъ зналъ, что Аксёновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ,—скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семёновъ стоялъ какъ ни въ чёмъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за моё мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да и что-жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ: «ну, что-жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?»

Аксёновъ поглядѣлъ на Макара Семёнова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксёновъ лёгъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошёлъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксёновъ сказалъ:

— Чего тебѣ ещё отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семёновъ молчалъ. Аксёновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семёновъ нагнулся близко къ Аксёнову и шёпотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксёновъ сказалъ: «за что тебя прощать?»

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко. Аксёновъ молчалъ и не зналъ, что́ сказать. Макаръ Семёновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернёшься.

Аксёновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла; дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семёновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— «Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть.... А ты ещё пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!»—И онъ зарыдалъ.

Когда Аксёновъ услыхалъ, что Макаръ Семёновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— «Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!» И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семёновъ не послушался Аксёнова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксёнову разрѣшеніе вернуться,—Аксёновъ уже умеръ.

X.

ЯБЛОНИ.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь, и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму завёртывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвёртый годъ, когда сошёлъ снѣгъ, я пошёлъ смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землёю, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину — какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню,—и на другой было тоже самое. Изъ двухъсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ-же спали. Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ

полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то всё дикіе.

Кора у деревьевъ—тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку,—и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить; но если кора пропадётъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умрётъ, во первыхъ потому, что кровь вытечетъ, а во вторыхъ потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и берёза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

КЛОПЫ.

Я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Прежде чѣмъ ложиться спать, я взялъ свѣчу и посмотрѣлъ углы кровати и стѣнъ, и когда увидалъ, что во всѣхъ углахъ были клопы, сталъ придумывать—какъ-бы устроиться на ночь такъ, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я зналъ, что поставь я её и посрединѣ комнаты, клопы сползутъ со стѣнъ на полъ, и съ полу по ножкамъ кровати добе-

рутся и до меня; а потому я попросилъ у хозяина четыре деревянныя чашки, налилъ въ чашки воды и каждую ножку кровати поставилъ въ чашку съ водой. Я лёгъ, поставилъ свѣчу на полъ и сталъ смотрѣть— что будутъ дѣлать клопы. Клоповъ было много и они уже чуяли меня: я видѣлъ, какъ они ползли по полу, влѣзали на край чашки и одни падали въ воду, другіе ворочались назадъ. «Перехитрилъ я васъ», подумалъ я, «теперь не доберётесь» — и хотѣлъ уже тушить свѣчу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кусаетъ что-то. Осматриваюсь: клопъ. Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Не прошло минуты, я нашёлъ другаго; я сталъ оглядываться и допытываться — какъ до меня они добрались?

Долго я не могъ понять, но наконецъ взглянулъ на потолокъ и увидалъ—клопъ ползъ по потолку; какъ только онъ доползъ вровень съ кроватью, онъ отцѣпился отъ потолка и упалъ на меня. «Нѣтъ», подумалъ я, «васъ не перехитришь», надѣлъ шубу и вышелъ на дворъ.

ЗАЯЦЪ И ГОНЧАЯ СОБАКА.

Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если-бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ; и онъ забѣгаетъ съ ружьёмъ намъ на встрѣчу, убиваетъ насъ, и ничего не даётъ тебѣ».

Собака сказала: «я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь,

и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая.

ЗАЙЦЫ И ВОЛКИ.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые—озимями и травой, гуменники—хлѣбными зёрнами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость,—и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Ещё услышитъ что-нибудь и со всего размаха прыгнётъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь, опять заяцъ повернётся назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далёкимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

ЧУТЬЕ.

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другаго хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ У одного чутье сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ, издалека, а другой и нюхаетъ гнилое яицо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнàетъ всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнàетъ, не разберётъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возмётъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберётъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутьё сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ когда захочетъ узнать вещь—посмотритъ её, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего её пощупать.

А для звѣрей почти для всѣхъ нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока её не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина—испугается, не узнàетъ и начнётъ лаять, до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнàетъ, что то, чтó ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и всё не понимаютъ, чтó такое

дѣлается. Но стóитъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ поймётъ, начнётъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошёлъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20 Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнётъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберётъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ тоже, чтó мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдёмъ, и тогда издали только разберёмъ, что говорятъ. Или, когда слишкомъ близко отъ насъ то, чтó мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутьё у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползётъ къ своему листу, клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъже малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутьё насѣкомыхъ!

ОТЪ ЧЕГО ВЪ МОРОЗЫ ТРЕЩАТЪ ДЕРЕВЬЯ?

Отъ того, что въ деревьяхъ есть сырость, и сырость эта замерзаетъ, какъ вода. Когда вода замёрзнетъ, она раздаётся, а когда ей нѣтъ мѣста раздаться—она разрываетъ деревья.

Если налить воды въ бутылку и поставить на морозъ, вода замёрзнетъ и разорвётъ бутылку.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, то во льду этомъ такая сила, что, если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдомъ разорвётъ её.

Отъ чего вода не сжимается, какъ желѣзо, отъ холода,—а раздаётся, когда замёзнетъ?

Отъ того, что когда вода замёрзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому, и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнетъ?

Для того, чтобы вода въ рѣкахъ и озёрахъ не замёрзла до дна.

Лёдъ раздаётся отъ мороза, отъ того дѣлается легче воды и плаваетъ на водѣ, и только снизу подмерзаетъ и дѣлается толще и толще, но никогда не намерзаетъ до дна. А если-бы вода сжималась отъ мороза, какъ сжимается желѣзо, то верхняя вода замерзала бы на рѣкѣ и тонула-бы, потому что лёдъ былъбы тяжелѣе воды. Потомъ опять бы замерзала верхняя

вода и тонула-бы—и такъ замёрзли бы озёра и рѣки отъ дна и до верху.

СЫРОСТЬ.

I.

Отъ чего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода; если паукъ сидитъ забившись въ серединѣ паутины и не выходитъ—это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины,—то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнётъ только собираться сырость, и мы этой сырости не слышимъ, и для насъ погода еще ясная—для паука уже идётъ дождь.

Точно такъ же, какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идётъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

СЫРОСТЬ.

II.

Отъ чего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Отъ того, что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопрётъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ и оно съёжится.

Отъ чего слабое дерево,—осина, больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Отъ того, что въ крѣпкомъ деревѣ,—дубѣ, пустаго мѣста меньше и водѣ некуда набраться; а въ слабомъ деревѣ,—осинѣ, пустаго мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустаго мѣста и отъ того гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчёлъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилаго дерева: самые лучшие улья бываютъ изъ гнилой лозины. Отъ чего это? Отъ того, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчёлъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отъ чего доски коробятся?

Отъ того, что неровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одной стороной къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмётся съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода,—и вся доска погнётся.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски, и куски эти вываривають въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

РАЗНАЯ СВЯЗЬ ЧАСТИЦЪ.

Отъ чего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колёса точатъ не изъ дуба, а изъ берёзы?

Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже берёзы. Отъ того, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Отъ того, что дубъ, хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ берёза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а берёза не расходится.

Отъ чего колёса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ берёзы и липы?

Отъ того, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а берёза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Всё отъ того-же, что частицы дерева въ дубѣ и берёзѣ иначе связаны.

ЛЕДЪ, ВОДА И ПАРЪ.

Лёдъ бываетъ крѣпкій, какъ камень. Если во льдѣ вмёрзнетъ палка, то палку эту не выломаешь изо льда, пока не оттаешь. Когда лёдъ холоденъ, то по нёмъ воза̀ ѣздятъ и не проваливаются, и брось на него 10 пудовъ желѣза, лёдъ не провалится.

Чѣмъ холоднѣе лёдъ, тѣмъ онъ крѣпче. Какъ согрѣется лёдъ—такъ онъ ослабнетъ, сдѣлается какъ каша; что́ въ нёмъ вмёрзло—рукой можно вынуть; онъ проваливается подъ ногами и не удержитъ и фунта желѣза. Когда лёдъ ещё больше согрѣется, то онъ станетъ водой. Изъ воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держитъ кромѣ дерева. Если ещё станешь согрѣвать воду, она ещё меньше станетъ держать. Въ холодной водѣ легче плавать, чѣмъ въ тёплой. А въ горячей водѣ и дерево тонетъ.

Если ещё согрѣть воду, она и вовсе разойдётся па́ромъ; и паръ ужъ ничего не держитъ, а самъ идётъ во всѣ стороны.

Если кипятить воду подъ крышкой, то вода испарится и сядетъ каплями подъ крышкой, стечётъ внизъ и опять станетъ вода. Собрать эту воду и выставить на морозъ—опять станетъ лёдъ.

Согрѣй воду—будетъ паръ; застуди воду—будетъ лёдъ. Всё таже вода бываетъ летучая, когда согрѣется, и крѣпкая, когда остынетъ.

Во льду нѣтъ тепла, въ водѣ есть немного, а въ парѣ очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согрѣется и не похолодѣетъ.

А если польёшь воды на лёдъ, то лёдъ потеплѣетъ, а вода похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, если воды много, и вода замёрзнетъ, если льду много.

А если на лёдъ пустить паръ, то лёдъ потеплѣетъ, а паръ похолодѣетъ: лёдъ растаетъ, станетъ водой, а паръ охолодѣетъ и тоже станетъ водой.

Если вода холодная и воздухъ холодный, то ни вода не согрѣется, ни воздухъ не похолодѣетъ. Но если воздухъ тёплый, а вода холодная, что́ будетъ? Изъ воздуха тепло будетъ переходить въ воду, вода станетъ всё теплѣе, а воздухъ всё холоднѣе, до тѣхъ поръ, пока они сравняются.

Если воздухъ теплѣе воды, то вода согрѣется, а воздухъ остынетъ; а если вода теплѣе, то воздухъ согрѣется, а вода остынетъ.

Если на воздухѣ изъ жидкой воды дѣлается мёрз-

лая вода, то значитъ вода теплѣе воздуха,—она будетъ холодѣть, а воздухъ теплѣть.

Ели на воздухѣ летучая вода дѣлается жидкой водой,—значитъ воздухъ холоднѣе летучей воды, и вода будетъ стыть, а воздухъ грѣться.

Если изъ крѣпкой воды дѣлается на воздухѣ жидкая вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, крѣпнуть, а лёдъ грѣться.

Если на воздухѣ изъ воды дѣлается паръ, высыхаетъ вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, а вода грѣться.

Льдомъ нельзя грѣть, а водой и паромъ можно грѣть. Водой можно вотъ какъ грѣть: провести въ холодный домъ воду. Какъ вода замёрзнетъ, такъ лёдъ выносить вонъ; опять замёрзнетъ,—опять выносить вонъ. И въ домѣ всё будетъ теплѣе, и такъ станетъ тепло, что вода, не станетъ ужъ мёрзнуть. Отъ чего это такъ будетъ? Отъ того, что, какъ вода замёрзнетъ, такъ она выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ, и до тѣхъ поръ будетъ выпускать, пока воздухъ согрѣется и вода перестанетъ мёрзнуть.

Паромъ грѣютъ вотъ какъ: напустятъ пару въ холодный домъ. Паръ станетъ охолаживаться, каплями потечётъ книзу и станетъ водой. Воду эту выносятъ и въ домѣ становится тепло.

Отъ чего это такъ будетъ? Отътого, что какъ только паръ станетъ водой, онъ изъ себя выпуститъ лишнее тепло въ воздухъ.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, а изъ пара дѣлается вода, то въ воздухъ выходитъ тепло изъ воды и изъ пара, и воздухъ становится теплѣе. А когда изъ

льда дѣлается вода, а изъ воды дѣлается паръ, то тепло изъ воздуха выходитъ въ воду и въ паръ, и воздухъ становится холоднѣе.

Если хочешь остудить тёплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отъ чего станетъ холоднѣе? Отъ того что лёдъ, чтобъ ему сдѣлаться водой, заберётъ въ себя тепло изъ воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отъ чего такъ будетъ? Отъ того, что изъ воды сдѣлается паръ. А чтобы изъ воды сдѣлаться паромъ, она заберётъ много тепла изъ воздуха.

Отъ этого бываетъ холоднѣе, когда идётъ дождь, и теплѣе, когда собирается дождь. Когда идётъ дождь, то вода сохнетъ, испаряется и забираетъ въ себя тепло. А когда собирается дождь, то въ воздухѣ ходятъ пары и охлаждаются въ тучи; отъ нихъ-то и тепло.

Такъ и говорятъ, что па̀ритъ.

КРИСТАЛЛЫ.

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдётся въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать ещё и ещё соли, то подъ конецъ соль ужъ перестанетъ распускаться, а сколько ты её ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше ужъ принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ ещё; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если ещё насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдётъ па̀ромъ, и соли ещё больше останет-

ся. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но всё же—какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдётъ па́ромъ

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать ещё селитры лишней, всё согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберётся вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тёпломъ мѣстѣ, то вода уйдётъ па́ромъ, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и также дать уйти водѣ па́ромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, и сложатся каждая по сво́ему — селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду извёсткой, или другой солью, или ещё чѣмъ нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ па́ромъ, сложится по своему. Какая въ трехгранные столбики, какая въ восьмигранные, какая кирпичиками, какая звѣздочками — каждая по своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберёшь ихъ; но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на тоже мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть,—шестигранными столбиками. Тоже самое и съ солью и со всякой другой вещью. Всѣ маленькія порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзаетъ лёдъ, то дѣлается тоже самое.

Летитъ снѣжинка—въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь тёмное и холодное, на сукно, на мѣхъ,—въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку, или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что такое лёдъ? Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. Тоже самое дѣлается съ селитрой; когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. Тоже съ солью, тоже съ плавленымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкой, изъ нея выходитъ тепло и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленаго желѣза и дай ему остывать: принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извёстки гашеной и дай ей остывать,—будетъ тепло.

Принеси льду и тай его — станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай её въ водѣ, — станетъ холодно. Чтобъ заморозить мороженое — сыплютъ соль въ воду.

X.

ВОЛЬГА БОГАТЫРЬ.

Что не мелки часты звѣздочки
Разсажалися подъ небесью,
Что не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ
Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ,—
Освѣтило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушкѣ
Народился удалъ молодецъ,
Свѣтъ Вольга—сударь Буслаевичъ.
Отъ рожденья богатырскаго
Потряслася мать сыра земля,
Море сине всколыбалося,
Рыбы въ глубь моря забилися,
Звѣри въ чащи схоронилися,
Потряслось царство Турецкое.
Выросталъ Вольга семи годовъ—
Захотѣлъ онъ много мудрости,
Къ мудрецамъ задался въ выучку,
И въ наукъ пошло ученіе.
Понималъ Вольга всѣ мудрости:
Обучился первой мудрости—
Оборачиваться птицею;

Обучился другой мудрости—
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости—
Сѣрымъ волкомъ ся обёртывать.
Какъ и сталъ Вольга̀ въ пятнадцать лѣтъ,
Подбиралъ Вольга̀ дружинушку,
И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ,
Удалыхъ-ли добрыхъ мо́лодцевъ,—
Тридцать братьевъ безъ единаго,
Становился самъ въ тридцатыихъ.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,—
«Вы большàго брата слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:
«Повяжите сѣти щёлковы,
«Опускайте въ море синее»
Тутъ Вольгу̀ дружина слушалась,
Повязала сѣти шёлковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обёртывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокіе,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во часты̀ сѣти.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:

«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга я во тридцатыихъ,
«Брата бóльшаго вы слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:—
«Вейте шёлковы верёвочки,
«Разстанавливайте по лѣсу,
«На звѣриныхъ-ли на тропочкахъ»
Тутъ Вольгу дружина слушалась—
Вила шёлковы верёвочки,
Разстанавливала по лѣсу.
Звѣремъ Вольга ся обёртывалъ
Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,
Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухи ломы, во чащицы,
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во петельки.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною,
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:
«Половили мы всю рыбушку
«Изъ синя моря глубокаго,
«Половили звѣря куннаго
«Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ;
«А и будетъ-ли тотъ молодецъ,
«Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое
«Ко Царю Салтанъ-Бекетычу,
«Свѣдать думу его Царскую»
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что за меньшаго,—

А ответа нѣтъ отъ меньшаго.
Говоритъ Вольга Буслаевичъ:
«Вольгѣ будетъ самому идти».
Птицей Вольга ся обёртывалъ,
Высоко взвился подъ нѐбесью;
Прилеталъ въ Царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ Царь Салтанъ Бекетовичъ
Со Царицею Давыдьевной,—
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говоритъ Салтанъ Бекетовичъ:
«Ты жена моя возлюбленна,
«Молода-ли свѣтъ-Давыдьевна,
«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынамъ, по русскому;
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».
Взговоритъ ему Давыдьевна:
— «Гой ты, Царь Салтанъ Бекетовичъ!
«Ты напрасно снаряжаешься
«Воевать на землю русскую;
«Али ты того не вѣдаешь—
«На Руси всё не по старому,
«Освѣтило красно солнышко
«Славну землю Святорусскую:
«Народился удалъ-молодецъ
«Богатырь Вольга Буслаевичъ;
«Онъ теперь, Вольга Буслаевичъ,
«На окнѣ сидитъ и слушаетъ

«Наши рѣчи съ тобой тайныя.
«Не возмёшь ты славный Кіевъ-градъ,
«Не подаришь ты по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«А пропасть твоей головушкѣ
«Отъ того Вольги Бусла(е)вича».
Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ,
На Царицу Царь прогнѣвался—
По лицу ударилъ бѣлому,
Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догадался Вольгъ Буслаевичъ,
Горностаемъ ся обёртывалъ,
Въ погреба бѣжалъ глубокіе—
Онъ тетивочки шелковыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повынималъ—закапывалъ,
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинушку,
Подходилъ къ Царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою,
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золочёныя,—
А засовы—крюки мѣдные,
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудрёнымъ мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору-ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:

«Какъ пройти намъ стѣны каменны,
«Погубить-ли добрымъ молодцамъ
«Намъ головушки напрасныя?».
Догадался Вольгъ Буслаевичъ.
Мурашомъ себя обёртывалъ,
Добрыхъ молодцевъ мурашками,—
Пролѣзалъ съ своей дружиною
Въ подворотню зуба рыбьяго;
За стѣной Вольга Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ—
Молодцами съ сбруей ратною.
Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Вы большаго брата слушайте,
«Повелёно дѣло дѣлайте:
«Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
«Вырубайте старъ и малаго,
«Изведите всѣхъ до кореня;
«Оставляйте только лучшіихъ
«Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ»
Тутъ Вольгу дружина слушалась—
Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
Вырубала старъ и малаго,
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшіихъ
Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга Царя отыскивалъ,
Во палатахъ его каменныхъ—
Двери заперты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкіе.
Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:

«Хоть нога сломать, а выставить!»
Пнулъ ногой двери желѣзныя,
Поломалъ засовы крѣпкiе;
Царя славнаго Турецкаго
Бралъ Вольга за ручки бѣлыя.
Говорилъ Вольга Буслаевичъ:
«А не бьютъ Царей, ни казнятъ васъ»—
Царя хлопнулъ о кирпищатъ полъ,
И расшибъ Салтана въ дребезги.
Тутъ дружину свою храбрую
Вольга поровну одѣливалъ.
Табуновъ коней по тысячѣ,
По бочёнку красна золота,
Да по дѣвушкѣ на мо́лодца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

ПОХОДЫ ИГОРЯ НА ГРЕКОВЪ.

Въ лѣто ҂ѕу҃ка. Поча кнѧжити Игорь по Ользѣ.

Въ 6421 году, началъ царствовать Игорь послѣ Олега.

Въ лѣто ҂ѕу҃кв. Иде Игорь на Древлѧны, и побѣдивъ ѧ, и взложи на нѧ дань большю Ольговы.

Въ 6422 году пошёлъ Игорь на Древлянъ, и, побѣдивъ ихъ, наложилъ на нихъ дань бо́льшую, (чѣмъ) Олегова.

Въ лѣто ҂ѕу҃мѳ. Иде Игорь на Греки; ꙗкѡ послаша Болгаре вѣсть ко царю, ꙗкѡ идѹть Рѹсь на Царьградъ скедій ӏ҃ тысѧщь. Иже поидоша и приплѹша, и почаша воевати Виѳаньскіѧ страны, и воевахѹ по Понтѹ до Иракліѧ и до Фафлогоньски земли, и всю странѹ Никомидійскую

Въ 6449 году пошёлъ Игорь на Грековъ. И послали Болгаре извѣстіе къ Царю, что идутъ Русскіе на Царьградъ лодокъ 10 тысячъ, которые пошли и приплыли и начали воевать Виѳанскія земли, и воевали въ Понтійской области до (города) Ираклiи и Пафла-

поплѣнивше, и Сѹдъ весь пожьгоша. Ихъ же емше, овѣхъ растинахѹ, дрѹгіѧ аки странь поставлѧюще и стрѣлѧхѹ въ нѧ, изимахѹть, опаки рѹцѣ съвѧзывахѹть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахѹть имъ; много же свѧтыхъ церквій огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣньѧ не малѡ отъ обою странѹ взѧша.

гонской земли, и ограбивъ всю окрестность Никомидіи, гавань всю сожгли. Какихъ забирали, однихъ разрубали, другихъ ставя какъ цѣль, стрѣляли въ нихъ, (а то) брали, на спинѣ руки связывали и гвозди желѣзные вбивали посреди головы имъ. Много святыхъ церквей огню предали, монастыри и сёла пожгли, и добра не мало въ обѣихъ земляхъ взяли.

Потомъ же пришедъшемъ воемъ отъ въстока, Памъфиръ деместикъ съ м҃-ми тысѧщь, Фока же патрекій съ Макидоны, Ѳедоръ же стратилатъ съ Ѳраки, съ ними же и сановьници боѧрьстіи ѡбидоша Рѹсь около. Съвѣщаша Рѹсь, изидоша въорѹжившесѧ на Греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша Грьци; Рѹсь же възратишасѧ къ дрѹжинѣ своей къ вечерѹ, на ночь влѣзоша въ лодьи и отбѣгоша. Ѳеофанъ же устрѣте ѧ въ лѧдехъ со огнемъ, и пѹщати

Потомъ же, когда пришли воины съ востока, Памфиръ Деместикъ съ 40 тысячами, Ѳока Патрицій съ Македонцами, и Ѳёдоръ Стратилатъ съ Ѳракійцами, съ ними ещё люди сана боярскаго, (то) обошли Русскихъ кругомъ. Держали совѣтъ Русскіе, и вышли построившись на Грековъ, и послѣ жестокаго боя между ними, едва одолѣли Греки. Русскіе же возвратившись къ дружинѣ своей къ вечеру, къ ночи вошли въ лодки и отплыли. Ѳео-

нача трꙋбами огнь на лодьѣ Рꙋскїѧ, и бысть видѣти страшно чюдо.

Рꙋсь же видѧщи пламѧнь, вметахꙋсѧ въ водꙋ морьскꙋю хотѧще убрести, и тако прочїи възвратишасѧ въсвоѧси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдахꙋ кождо своимъ ѡ бывшемъ и ѡ лѧдьнѣмь огни: «ꙗкоже молоньѧ», рече, «иже на небесѣхъ, Грьци имꙋть у собе, и сїю пꙋщающе жежахꙋ насъ; сегѡ ради не ѡдолѣхомъ имъ».

Игорь же пришедъ нача совкꙋплѧти воѣ многи, и посла по Варѧги многи за море, вабѧ е на Греки, паки хотѣ поити на нѧ.

Въ лѣто ҂ѕуnв. Игорь же совкꙋпивъ вои многи, Варѧги, Русь, и Полѧны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги, и тали у

фанъ же встрѣтилъ ихъ въ корабляхъ съ огнёмъ, и пускать началъ трубами огонь на лодки Русскія, и было видѣть страшно (это) диво.

Русскіе, видя пламень, бросались въ воду морскую, чтобы уйти, и такъ остальные возвратились во-свояси. Когда они пришли въ землю свою, они разсказывали каждый своимъ о томъ, что было, и о корабельномъ огнѣ: «какъ молнія», говорили, «что на небѣ, (такая) есть у Грековъ, и эту (-то) пускаючи жгли насъ; отъ этого мы и не одолѣли ихъ»

Игорь же, возвратившись, началъ собирать воиновъ много, и послалъ за большимъ числомъ Варяговъ за море, набирая ихъ на Грековъ,—опять хотѣлъ идти на нихъ.

Въ 6452 году Игорь, собравъ воиновъ много, Варяговъ, Руси, и Полянъ, Славянъ, и Кривичей, и Тиверцовъ, и Печенѣговъ (и за-

нихъ поѧ, поиде на Греки въ лодьѧхъ и на конихъ, хотѧ мьстити себе.

Се слышавше Корсунци, послаша къ Роману, глаголюще: «се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли». Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «идуть Русь, и наѧли суть къ собѣ Печенѣги».

Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучіе боѧре, молѧ и глаголѧ: «не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще къ той дани». Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато многѡ. Игорь же дошедъ Дунаѧ, созва дружину, и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву.

Рѣша же дружина Игорева: «да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ болѣ того, не бившесѧ имати злато, и сребро, и паволоки? еда кто вѣсть, кто ѡдолѣетъ, мы ли,

ложниковъ у нихъ взялъ), пошёлъ на Грековъ въ лодкахъ и на лошадяхъ, желая мстить (за) себя.

Это услышавши, Корсунцы послали къ Роману, говоря: «вотъ идутъ Русскіе, безъ числа кораблей — покрыли море корабли». Также и Болгаре послали извѣстіе, говоря: «идутъ Русскіе, и наняли себѣ Печенѣговъ».

Это услышавши, Царь послалъ къ Игорю знатнѣйшихъ бояръ, прося и говоря: «не ходи, а возьми дань, которую бралъ Олегъ; я прибавлю и ещё къ той дани». Также и Печенѣгамъ послалъ парчи и золота много. Игорь же, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ совѣтъ держать и передалъ имъ слова Царя.

Сказала дружина Игоря: «а если такъ говоритъ Царь, то чего хотѣть больше этого: не бившись получить золото, и серебро, и парчи? Развѣ кто знаетъ, кто одо-

онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глꙋбинѣ морьстѣй»...

Послꙋша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьскꙋ землю, а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на всѧ воѧ, и възратисѧ въспѧть, и приде къ Кіевꙋ въсвоѧси.

лѣетъ,—мы-ли, они-ли? или съ моремъ кто друженъ? вѣдь не по землѣ ходимъ мы, а по глубинѣ морской».

Послушалъ ихъ Игорь, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ взялъ у Грековъ, золото, и парчи, и (дани) на всѣхъ воиновъ, и вернулся назадъ и пришёлъ къ Кіеву во свояси.

СМЕРТЬ ИГОРЯ.

Въ лѣто ҂ѕунг. Въ се же лѣто рекоша дрꙋжина Игореви: «отроци Свѣньлжи изодѣлисѧ сꙋть орꙋжьемъ и порты, а мы нази; поиди, кнѧже, съ нами въ дань, да и ты добꙋдеши и мы». Послꙋша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышлѧше къ первой дани, насилѧше имъ; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой.

Идꙋщю же емꙋ въспѧть, размысливъ рече дрꙋжинѣ

Годъ 6453. Въ этомъ году сказала дружина Игорю: люди Свѣнельдовы (вдоволь) одѣлися оружіемъ и одёжей, а мы голы; поди, князь, съ нами за данью, чтобъ и тебѣ раздобыться и намъ. Послушалъ ихъ Игорь, пошёлъ въ Дерева за данью и набавлялъ къ прежней дани, вымогалъ у нихъ; понабравъ дани, пошёлъ въ городъ свой.

Когда же онъ возвращался, раздумавъ сказалъ дружинѣ

своѥй: «идите съ данью домови, а ꙗ возъвращюсѧ, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желаѧ больша имѣньѧ. Слышавше же Деревлѧне, ꙗко опѧть идетъ, сдумавше со кнѧземъ своимъ Маломъ: «аще сѧ въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють ѥго; тако и се, аще не убьемъ ѥго, то всѧ ны погубить»; и послаша къ нему, глаголюще: «почто идеши опѧть? поималъ ѥси всю дань».

И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣнѧ Деревлѧне убиша Игорѧ и дружину ѥго; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; и ѥсть могила ѥго у Искоръстѣнѧ града въ Деревѣхъ и до сего дне.

своей: «идите съ данью домой, а я вернусь, похожу ещё». Отпустилъ свою дружину домой, а съ малой (частью) дружины вернулся, желая большаго сбора. Услышали Древляне, что онъ опять идётъ и рѣшили съ княземъ своимъ Маломъ: «Если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ всё стадо, если не убьютъ его. Также и теперь, если не убьемъ его, то онъ всѣхъ насъ въ конецъ разоритъ». И послали къ нему, говоря: «зачѣмъ идёшь опять? ты взялъ уже всю дань».

И не послушалъ ихъ Игорь, и вышедши изъ города Искоростеня, Древляне убили Игоря и дружину его; потому что было ихъ мало. И похоронёнъ былъ Игорь, и есть могила его у Искоростеня въ Деревахъ и до сего дня.

МЕСТЬ ОЛЬГИ ЗА ИГОРЯ.

Вольга же бѧше въ Кіевѣ съ сыномъ съ дѣтьскомъ Свѧтославомъ, и кормилецъ єго Асмѹдъ, и воєвода бѣ Свѣнелдъ..

Рѣша же Деревлѧне: «се кнѧзѧ убихомъ Рѹскаго; поимемъ женѹ его Вольгѹ за кнѧзь свой Малъ, и Свѧтослава, и сотворимъ ємѹ, ꙗкоже хощемъ». И послаша Деревлѧне лѹчьшіє мѹжи, числомъ к҃, въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи...

И повѣдаша Ользѣ, ꙗко Деревлѧне придоша, и возва ѧ Ольга къ собѣ: «добри гостье придоша»; и рѣша Деревлѧне: «придохомъ, кнѧгине». И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо?» Рѣша же Древлѧне «посла ны Деревьска землѧ, рекѹщи сице: мѹжа твоєгѡ убихомъ, бѧше бо мѹжъ твой аки волкъ восхищаѧ и грабѧ,

Ольга же была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ ребёнкомъ Святославомъ, и воспитатель его Асмудъ; а воевода былъ Свѣнельдъ.

И сказали Древляне: «вотъ мы Князя убили Русскаго; возьмёмъ жену его Ольгу за Князя своего Мала, и Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, чтó хотимъ». И послали Древляне знатнѣйшихъ людей, числомъ 20, въ лодкѣ къ Ольгѣ. И пристали они подъ Боричевымъ въ лодкѣ.

И сказали Ольгѣ, что приплыли Древляне; и позвала ихъ Ольга къ себѣ: «добрые (молъ) гости пришли». И сказали Древляне: «мы пришли, Княгиня». И сказала имъ Ольга: «такъ говорите, для чего пришли сюда». И сказали Древляне: «послала насъ Древлянская земля, говоря такъ: мужа твоего убили мы, потому

а наши кнѧзи добри сꙋть; да пойди за кнѧзь нашь за Малъ»; бѣ бо имѧ емꙋ Малъ, кнѧзю Деревьскꙋ.

что былъ твой мужъ какъ волкъ хватающій и грабящій, а наши князья добрые; такъ иди за князя нашего за Мала». Потому что было имя ему Малъ, князю Древлянскому.

Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мꙋжа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрїѧ предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лѧзите въ лодьи величающесѧ; азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесꙋть вы въ лодьи»; и отпꙋсти ѧ въ лодью.

И сказала имъ Ольга: «пріятна мнѣ рѣчь ваша; ужъ мнѣ мужа своего не воскресить; а хочу почтить васъ на утро передъ народомъ своимъ; такъ теперь идите въ лодку свою, и лягьте въ лодкѣ, величаючись; я утромъ пошлю за вами, вы же скажите: не поѣдемъ на лошадяхъ, ни пѣши не пойдёмъ, а несите насъ въ лодкѣ,—и взнесутъ васъ въ лодкѣ». И отпустила ихъ въ лодку.

Ольга же повелѣ ископати ꙗмꙋ великꙋ и глꙋбокꙋ на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Вольга, сѣдѧщи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ, глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь великꙋ». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конихъ, ни на во-

А Ольга велѣла выкопать яму большую и глубокую на дворѣ (своего) терема, за городомъ. И наутро Ольга, сидя въ теремѣ, послала за гостями. И пришли къ нимъ говоря: «зовётъ васъ Ольга на чествованіе большое». Они же сказали: «не поѣ-

зѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи». Рѣша же Кїѧне: «намъ неволѧ; кнѧзь нашь убьенъ, а кнѧгини наша хочетъ за вашъ кнѧзь»; и понесоша ѧ въ лодьи. Они же сѣдѧху гордѧщесѧ; и принесоша ѧ на дворъ къ Ользѣ, и вринуша е въ ѧму и съ лодьею.

демъ на лошадяхъ, ни на телѣгахъ, ни пѣшіе (не) пойдёмъ,—несите насъ въ лодкѣ». И сказали Кіевляне: «намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня наша хочетъ за вашего Князя». И понесли ихъ въ лодкѣ. Они же сидѣли, гордяся. И принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и бросили ихъ въ яму и съ лодкою

Приникъши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь?» они же рѣша: «пуще ны Игоревы смерти»; и повелѣ засыпати ѧ живы, и посыпаша ѧ.

Нагнувшись, Ольга сказала имъ: «хорошъ ли вамъ почётъ?» Они же сказали: «хуже (онъ) намъ Игоревой смерти». И велѣла она засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Пославши Ольга къ Деревлѧномъ, рече имъ: «да аще мѧ просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь кнѧзь, еда не пустѧть мене людье Кїевьстїи». Се слышавше Деревлѧне, избраша лучьшїе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню.

Пославши Ольга къ Древлянамъ, сказала имъ: «если меня просите вправду, то пришлите людей отборныхъ, чтобы въ большомъ почётѣ явилась я (идти) за вашего Князя, а то какъ бы не удержали меня люди Кіевскіе». Это услышавши, Древляне выбрали знатнѣйшихъ людей, которые правили

Деревлѧномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «измывшесѧ придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревлѧне, и начаша сѧ мыти; и запроша о нихъ истопъку, и повелѣ зажечи ѧ ѿ дверій, ту изгорѣша вси.

И посла къ Деревлѧномъ, рькущи сице: «се уже иду къ вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачусѧ надъ гробомъ его; и створю трызну мужю своему». Они же то слышавше, съвезоша меды многи ѕѣло, и възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакасѧ по мужи своемъ. и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, и ꙗко соспоша, и повелѣ трызну творити.

Древлянскою землёю, и послали за нею.

Когда Древляне пришли, велѣла Ольга баню сготовить, говоря такъ: «вымывшись, приходите ко мнѣ». Они истопили избу, и вошли Древляне, и начали мыться; и заперли вкругъ нихъ (кругомъ) избу, и велѣла зажечь ихъ съ дверей; тутъ (и) сгорѣли всѣ.

И послала она къ Древлянамъ, говоря такъ: «вотъ уже иду я къ вамъ; такъ приготовьте медовъ больше въ городѣ, гдѣ вы убили мужа моего, чтобы поплакать мнѣ надъ могилой его, и сдѣлать поминки (по) своему мужу» Они, услышавъ это, свезли медовъ очень много, и заварили. Ольга-же, взявъ немного дружины, на легкѣ идя, пришла къ могилѣ его, и плакалась по мужѣ своёмъ. И велѣла людямъ своимъ насыпать могильный холмъ большой; и когда насыпали, велѣла поминки дѣлать.

Посемъ сѣдоша Деревлѧне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ слꙋжити предъ ними. И рѣша Деревлѧне къ Ользѣ: «кдѣ сꙋть дрꙋжина наша, ихъ же послахомъ по тѧ?» она же рече: «идꙋть по мнѣ съ дрꙋжиною мꙋжа моего». И ꙗко упишасѧ Деревлѧне, отъиде кромѣ, и повелѣ дрꙋжинѣ своей сѣчи Деревлѧны; и исѣкоша ихъ ҂е. А Ольга возвратитсѧ Кіевꙋ.

Послѣ того сѣли Древляне пить, и велѣла Ольга людямъ своимъ прислуживать имъ. И сказали Древляне Ольгѣ: „где—дружина наша, которую мы послали за тобой?» Она сказала: «идутъ за мной съ дружиною мужа моего». Когда напились Древляне, она отошла прочь, и велѣла дружинѣ своей рубить Древлянъ; и порубили ихъ 5000. А Ольга воротилась въ Кіевъ.

Въ лѣто ҂ѕунд. Ольга съ сыномъ своимъ Свѧтославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьскꙋ землю. Изидоша Деревлѧне противꙋ, и съшемъшемъсѧ обѣма полкома на скупь, сꙋнꙋ копьемъ Свѧтославъ на Деревлѧны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнельдъ и Асмольдъ: «кнѧзь уже почалъ; потѧгнѣте, дрꙋжина, по кнѧзѣ». И побѣдиша Деревлѧны. Деревлѧне же по-

Въ 6454 году. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собрала войско большое и храброе, и пошла на Древлянскую землю. Вышли Древляне на встрѣчу, и, когда сошлись оба войска въ схваткѣ, бросилъ Святославъ копьёмъ въ Древлянъ, и копьё пролетѣло промежъ ушей коня и упало у ногъ лошади, потому что онъ былъ ребёнокъ. И сказали Свѣнельдъ и Асмольдъ: «князь уже началъ; впередъ, дружина, за кня-

бѣгоша и затворишасѧ въ градѣхъ своихъ.

земъ!» И побѣдили Древлянъ, и Древляне побѣжали и заперлись въ городахъ своихъ.

Ольга же устремисѧ съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, ꙗко тѣ бѧхѹ убили мѹжа еѧ, и ста около града съ сыномъ своимъ. И Деревлѧне затворишасѧ въ градѣ и борѧхѹсѧ крѣпко изъ града, вѣдѣхѹ бо, ꙗко сами убили кнѧзѧ и на что сѧ предати. И стоѧ Ольга лѣто, и не можаше взѧти града, и умысли сице: посла ко градѹ глаголющи: «что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашасѧ мнѣ, и ꙗлисѧ по дань, и дѣлають нивы своѧ и землѣ своѧ; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имѹчесѧ по дань».

Ольга же двинулась съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, такъ какъ они убили мужа ея, и стала около города съ сыномъ своимъ. А Древляне заперлись въ городѣ и оборонялись крѣпко изъ города; потому что знали они, что сами же убили Князя и (знали,) на что себя предадутъ. И стояла Ольга годъ, не могла взять города, и придумала такъ: послала къ городу, говоря: «чего вы хотите досидѣться? Вѣдь всѣ города ваши отдались мнѣ, и взялись (платить) дань, и обрабатываютъ нивы и земли свои; а вы хотите вымѣреть голодомъ, не хотя платить дань.

Деревлѧне же рекоша: «ради сѧ быхомъ ꙗли по дань, но хощеши мьщати мѹжа своего». Рече же имъ Ольга: «ꙗко азъ мьстила уже обидѹ мужа своего, когда придоша

Древляне же сказали: «рады бы были мы взяться (платить) дань; да вѣдь ты хочешь всё мстить за мужа своего». Сказала имъ Ольга: «я отомстила уже обиду мужа

Кіевȣ, и когда творихъ трызнȣ мȣжеви своемȣ; а уже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалȣ, и смирившисѧ съ вами поидȣ опѧть»

своего, когда приходили ваши въ Кіевъ, и когда дѣлала поминки мужу своему; то ужъ не хочу мстить, но хочу брать дань понемногу, и замирившись съ вами, уйду назадъ».

Рекоша же Деревлѧне: «што хощеши у насъ? ради даемъ медомь и скорою». Она же рече имъ: «нынѣ у васъ нѣсть медȣ, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми отъ двора по г҃ голȣби да по г҃ воробьи: азъ бо не хощю тѧжьки дани възложити, ꙗкоже и мȣжь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошю мала». Деревлѧне же раде бывше, и собраша отъ двора по г҃ голȣби и по г҃ воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ.

И сказали Древляне: «чего хочешь отъ насъ? Мы готовы давать дань мёдомъ и шкурами». Она же сказала имъ: «теперь у васъ нѣтъ ни мёду, ни шкуръ, а я малаго у васъ прошу: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; потому что я не хочу тяжёлой дани налагать, какъ мужъ мой; прошу у васъ этого малаго, потому что вы изнемогли въ осадѣ; такъ вотъ у васъ прошу этого малаго». Древляне же обрадовались, собрали отъ двора по три голубя и по три воробья, и послали къ Ольгѣ съ поклономъ

Вольга же рече имъ: «се уже есть покорилисѧ мнѣ и моемȣ дѣтѧти, а идѣте въ градъ, а ꙗ заȣтра отстȣплю

Ольга же сказала имъ: «вотъ уже вы покорились мнѣ и моему дитяти; такъ идите въ городъ, а я завтра

отъ града и поидꙋ въ свой градъ». Деревлѧне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашасѧ людье въ градѣ. Вольга же раздаѧ воемъ по голꙋби комꙋждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемꙋждо голꙋби и къ воробьеви привѧзывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемꙋждо ихъ; и повелѣ Ольга, ꙗко смерчесѧ, пꙋстити голꙋби и воробьи воемъ своимъ.

Голꙋби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своѧ, голꙋби въ голꙋбники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахꙋсѧ голꙋбьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идѣже не горѧше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшасѧ. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати ѧ; ꙗко взѧ градъ и пожьже и; старѣишины же града изънима, и про-

отступлю отъ города и пойду въ свой городъ». Древляне же обрадовавшись вошли въ городъ и разсказали народу, и обрадовался народъ въ городѣ. И Ольга раздала воинамъ по голубю каждому, а другимъ по воробью, и велѣла къ каждому голубю и воробью привязать сѣрнички, завёртывая въ лоскутья небольшіе, и ниткою наматывая каждому изъ нихъ; и велѣла Ольга, когда смерклось, пустить воробьевъ и голубей воинамъ своимъ.

И голуби и воробьи полетѣли въ гнѣзда свои, голуби въ голубятни, воробьи же подъ застрѣхи. И такъ стали загораться голубятни, (а) гдѣ клѣти, гдѣ вышки, гдѣ и избы; и не было двора, гдѣ бы не горѣло, и нельзя было гасить, потому что всѣ дворы загорѣлись. И побѣжалъ народъ изъ города, и велѣла Ольга воинамъ своимъ хватать ихъ; и такъ взяла она городъ и

чл҃ѧ люди овыхъ изби, а дрꙋгїѧ работѣ предасть мꙋжемъ своимъ, а прокъ ихъ ѡстави платити дань. И възложи на нѧ дань тѧжькꙋ, в҃ части дани идета Кїевꙋ, а третьѧ Вышегородꙋ къ Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ...

сожгла его; старшинъ же города перехватала, и прочихъ людей,—какихъ перебила, а другихъ въ работу отдала людямъ своимъ, а остатокъ ихъ оставила платить дань. И наложила на нихъ дань тяжелую: двѣ части дани идутъ въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ, Ольгѣ; потому что Вышгородъ былъ городъ Ольгинъ.

КРЕЩЕНІЕ ОЛЬГИ.

Въ лѣто ҂ѕуѯг. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгородꙋ. Бѣ тогда царь имѧнемъ Костѧнтинъ; приде къ немꙋ Ольга, и видѣвъ ю добрꙋ сꙋщю ѕѣло лицемъ и смысленꙋ, удививъсѧ царь разꙋму еѧ, бесѣдова къ ней и рекъ ей: «подобна еси царствовати въ градѣ съ нами».

Въ году 6463 пошла Ольга въ греческую (землю), и пришла (въ) Царьградъ. Былъ тогда Царь именемъ Константинъ; и пришла къ нему Ольга, и, увидѣвши, что она хороша очень лицомъ и умна, удивившись разуму ея, Царь говорилъ съ ней и сказалъ ей: «тебѣ бы царствовать въ (нашемъ) городѣ съ нами».

Она же разꙋмѣвши рече къ царю: «азъ погана есмь, да аще мѧ хощеши крестити,

Она, понявши, (къ чему клонится рѣчь) — сказала Царю: «я не христіанка;

то крести мѧ самъ: аще ли ни, то не крещюсѧ»; и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашесѧ дꙋшею и тѣломъ; и поꙋчи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: «благословенна ты въ женахъ Рꙋскихъ, ꙗко возлюби свѣтъ, а тьмꙋ ѡстави; благословити тѧ хотѧть сынове Рꙋстіи въ послѣдній родъ внꙋкъ твоихъ».

такъ если ты меня хочешь крестить, то крести меня ты самъ; если же нѣтъ, то не крещусь». И крестилъ её Царь съ Патріархомъ. Просвѣтившись же, она радовалась душою и тѣломъ. И наставилъ её патріархъ въ вѣрѣ, и сказалъ ей: «благословенна ты между женщинами Русскими, такъ какъ полюбила свѣтъ, а тьму оставила; благословлять тебя будутъ сыны Русскіе до послѣдняго рода потомковъ твоихъ».

И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главꙋ, стоѧше аки гꙋба напаѧема, внимающи ученьѧ; и поклонившисѧ патреархꙋ, глаголющи: «молитвами твоими, владыко, да схранена бꙋдꙋ отъ сѣти непріѧзньны». Бѣ же наречено имѧ ей во крещеньи Олена, ꙗкоже и древнѧѧ царица, мати великаго Констан-

И далъ ей наставленіе о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милосердіи и о соблюденіи тѣлесной чистоты. Она же, наклонивши голову, стояла, какъ губка напитывающаяся (водою), внимая поученію; и поклонившися патріарху, она сказала: «молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣтей лукаваго». И было наречено имя ей въ крещеніи Елена, какъ звалась

тина. И благослови ю патреархъ и ѡтпусти ю.

И по крещеньи возва ю царь и рече ей: «хощю тѧ поѧти собѣ женѣ». Она же рече: «какѡ хочеши мѧ поѧти, крестивъ мѧ самъ и нарекъ мѧ дъщерею? а въ хрестьѩнехъ тогѡ нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «переклюкала мѧ еси, Ольга»; и дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныѩ, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ.

и древняя Царица, мать великаго Константина. И благословилъ её патріархъ и отпустилъ её.

И послѣ крещенія пригласилъ её Царь и сказалъ ей: «хочу тебя взять себѣ въ жёны». Она же сказала: «какъ же хочешь меня взять (замужъ), крестивши меня самъ и назвавши меня дочерью? Вѣдь у христіанъ такого нѣтъ закона, и ты самъ (это) знаешь». И сказалъ Царь: «перехитрила меня ты, Ольга». И далъ ей подарковъ много, золота и серебра, парчей и утвари всякой, и отпустилъ её, назвавъ её дочерью себѣ.

СВЯТОСЛАВЪ.

Въ лѣто ҂ѕуоб. Кнѧзю Свѧтославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкуплѧти многи и храбры, и легко ходѧ, аки пардусъ, войны многи творѧше. Ходѧ возъ по собѣ не возѧше, ни

Въ году 6472. Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, началъ онъ воиновъ собирать многочисленныхъ и храбрыхъ, и легко ходя, какъ барсъ, войны частыя велъ. Дѣлая походы,

котьла, ни мѧсъ варѧ, но потонкꙋ изрѣзавъ конинꙋ ли, ѕвѣринꙋ ли, или говѧдинꙋ, на углехъ испекъ гадѧше, ни шатра имѧше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бѧхꙋ. И посылаше къ странамъ глаголѧ: «хочю на вы ити».

повозокъ за собою онъ не возилъ, ни котловъ, и мяса не варилъ, но, тонко изрѣзавши, конину ли, дичину ли, или говядину, на угляхъ изжаривши, ѣлъ. И шатра не имѣлъ, но (спалъ), потникъ разославъ и сѣдло (положивъ) подъ голову. Такіе-же и прочіе воины его всѣ были. Онъ посылалъ въ (другія) земли, говоря: «хочу на васъ идти»

И иде на Окꙋ рѣкꙋ и на Волгꙋ, и налѣзе Вѧтичи, и рече Вѧтичемъ: «комꙋ дань даете?» они же рѣша: «Козаромъ по щьлѧгꙋ ѿ рала даемъ».

И пошёлъ онъ на Оку рѣку и на Волгу, и встрѣтилъ Вятичей и сказалъ Вятичамъ: «кому дань даёте?» И они сказали: «Козарамъ по деньгѣ съ плуга даёмъ».

Въ лѣто ҂ѕуог. Иде Свѧтославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противꙋ съ княземъ своимъ Каганомъ, и състꙋпишасѧ бити; и бывши брани, одолѣ Свѧтославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлꙋ Вѣжю взѧ. И Ясы побѣди и Касогы.

Въ 6473 году пошёлъ Святославъ на Козаръ. И услышавши Козары вышли навстрѣчу съ княземъ своимъ Каганомъ, и сошлися биться. И была битва, и одолѣлъ Святославъ Козаръ и городъ ихъ Бѣлую Вѣжу взялъ. И Ясовъ побѣдилъ онъ и Косоговъ.

Въ лѣто ҂ѕуод. Вѧтичи

Въ 6474 году Вятичей

побѣди Свѧтославъ, и дань на нихъ възложи.

Въ лѣто ҂ѕуое. Иде Свѧтославъ на Дунай на Болгары. И бившемъсѧ обоимъ, одолѣ Свѧтославъ Болгаромъ, и взѧ городъ п҃ по Дунаеви; сѣде княжа, ту въ Переѧславци, емлѧ дань на Грьцѣхъ.

побѣдилъ Святославъ, и дань на нихъ наложилъ.

Въ 6475 году пошёлъ Святославъ на Дунай на Болгаръ. И бились съ той и другой стороны—одолѣлъ Святославъ Болгаръ и взялъ 80 городовъ по Дунаю; и сѣлъ онъ княжа тамъ въ Переяславцѣ, собирая дань съ Грековъ

СМЕРТЬ ОЛЬГИ.

Въ лѣто ҂ѕуоѳ. Рече Свѧтославъ къ матери своей и къ болѧромъ своимъ: «нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переѧславци на Дунай, ѩко то есть середа въ земли моей, ѩко ту вся благая сходятся: ѿ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныѧ, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челѧдь»

Рече ему Вольга: «видиши

Въ 6479 году сказалъ Святославъ матери своей и боярамъ своимъ: «не любо мнѣ въ Кіевѣ быть, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ это середина земли моей, (и) такъ какъ тамъ всё хорошее сходится: отъ Грековъ золото, шёлковыя ткани, вина, овощи всякія, отъ Чеховъ же и отъ Угровъ серебро и лошади, а отъ Русскихъ мѣха и воскъ, медъ и слуги».

Сказала ему Ольга: «ты

мѧ болное сꙋщю, камо хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣласѧ уже; рече же емꙋ: «погребъ мѧ, иди таможе хочеши». По трехъ днехъ умре Ольга, и плакасѧ по ней сынъ еѧ, и внꙋци еѧ, и людье вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имꙋщи презвꙋтеръ, сей похорони блаженꙋю Ольгꙋ...

видишь, что я больна; куда (же) хочешь отъ меня идти?» а была она уже при смерти. И сказала она ему: «похоронивъ меня, иди, куда ты желаешь» Черезъ три дня умерла Ольга, и плакался по ней сынъ ея и внуки ея и люди всѣ плачемъ великимъ, и снесли и похоронили её; а завѣщала Ольга не дѣлать тризны надъ собой, потому что былъ у ней священникъ, онъ похоронилъ блаженную Ольгу.

ПОХОДЪ СВЯТОСЛАВА НА ГРЕКОВЪ.

Въ лѣто ҂ѕуоѳ. Приде Свѧтославъ къ Переѧславцю, и затворишасѧ Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противꙋ Свѧтославꙋ, и и бысть сѣча велика, и одолѧхꙋ Болгаре; и рече Свѧтославъ воемъ своимъ: «уже намъ сдѣ пасти; потѧгнемъ мꙋжьски, братьѧ и дрꙋжино!» И къ вечерꙋ одолѣ Свѧтославъ, и взѧ градъ копь-

Въ 6479 году пришёлъ Святославъ къ Переяславцу, и заперлись Болгаре въ городѣ. И вышли Болгаре на битву противъ Святослава, и была битва большая, и стали одолѣвать Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: «уже (видно) намъ здѣсь пасть; давайте-жъ биться какъ слѣдуетъ мужамъ, братья и дружи-

ѥмъ, и посла къ Грекомъ, глаголѧ: «хочю на вы ити, взѧти градъ вашь, ѧко и сей».

на!» И къ вечеру побѣдилъ Святославъ, и взялъ городъ приступомъ, и послалъ къ Грекамъ, говоря: «хочу на васъ идти, взять городъ вашъ, какъ и этотъ».

И рѣша Грьци: «мы недȣжи противȣ вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дрȣжинȣ свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числȣ на главы». Се же рѣша Грьци, льстѧче подъ Рȣсью; сȣть бо Греци лстиви и до сего дни. И рече имъ Свѧтославъ: «есть насъ к҃ тысѧщь», и прирече ӏ҃ тысѧщь, бе бо Рȣси ӏ҃ тысѧщь только.

И сказали Греки: «мы не можемъ противъ васъ бороться; а возьми дань съ насъ, и на дружину свою (возьми); и скажите намъ, сколько васъ, чтобъ мы выдали по числу человѣкъ!» Это же сказали Греки, обманывая Русскихъ: ибо хитры Греки и до сего дня. И сказалъ имъ Святославъ: «насъ двадцать тысячъ», и присказалъ десять тысячъ, потому что было Русскихъ десять тысячъ только.

И пристроиша Грьци р҃ тысѧщь на Свѧтослава, и не даша дани; и поиде Свѧтославъ на Греки, и изидоша противȣ Рȣси. Видѣвше же Рȣсь ȣбоѧшасѧ ѕѣло множьства вой, и рече Свѧтославъ: «ȣже намъ нѣкамо сѧ дѣти, волею и неволею стати противȣ; да не посра-

И снарядили Греки сто тысячъ (войска) на Святослава, и не дали дани; и пошёлъ Святославъ на Грековъ, и вышли они на встрѣчу Русскимъ. И увидѣвши Русскіе очень устрашились множества воиновъ, и сказалъ Святославъ: «Ужъ намъ некуда дѣться, волею

лимъ землѣ Рꙋскіѣ, но лѧжемъ костьми тꙋ, мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поидꙋ: аще моѧ глава лѧжетъ, то промыслите собою»; и рѣша вои: «идѣже глава твоѧ, тꙋ и свои главы сложимъ»

или неволей (надо) стать противъ (нихъ): такъ не осрамимъ земли Русской, ляжемъ тутъ костьми! потому что мертвымъ намъ не будетъ срама, если-жъ побѣжимъ, срамъ намъ будетъ; да и не убѣжать намъ; такъ постоимъ же крѣпко, я же впереди васъ пойду: если моя голова ляжетъ, то (ужъ) позаботьтесь сами о себѣ» И сказали воины: «гдѣ голова твоя, тамъ и мы свои головы положимъ».

И исполчишасѧ Рꙋсь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Свѧтославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Свѧтославъ ко градꙋ, воюѧ и грады разбиваѧ.

И построились Русскіе, и была битва большая, и одолѣлъ Святославъ, и побѣжали Греки; и пошёлъ Святославъ къ городу, (всё) опустошая и города разоряя.

И созва царь болѧре своѧ въ полатꙋ, и рече имъ: «что створимъ, ꙗко не можемъ противꙋ емꙋ стати?» И рѣша емꙋ болѧре: «посли къ немꙋ дары, искꙋсимъ и, любезнивъ ли есть златꙋ, ли паволокамъ?» И посла къ немꙋ злато, и паволоки, и

И созвалъ Царь (греческій) бояръ своихъ во дворецъ и сказалъ имъ: «что дѣлать намъ, вѣдь мы не можемъ противъ него устоять?» И сказали ему бояре: «пошли къ нему подарки; испытаемъ его, охотникъ ли онъ (до) золота

мѹжа мѹдра; рѣша емѹ: «глѧдай взора, и лица его, и смысла его»; онъ же вземъ дары, приде къ Свѧтославѹ. Повѣдаша Свѧтославѹ, ѩко придоша Грьци съ поклономъ, и рече: «въведѣте ѩ сѣмо». Придоша и поклонишасѧ емѹ, положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Свѧтославъ, кромѣ зрѧ, отрокомъ своимъ: «схороните».

или (до) дорогихъ тканей». И послали къ нему золота и тканей, и человѣка умнаго, сказавъ ему: «примѣчай осанку и лицо его, и нравъ его»; онъ же, взявъ дары, пришёлъ къ Святославу. Сказали Святославу, что пришли Греки съ поклономъ, и сказалъ онъ: «введите ихъ сюда. Пришли они и поклонились ему; положили передъ нимъ золото и ткани; и сказалъ Святославъ, въ сторону глядя, людямъ своимъ: «спрячьте».

Они же придоша ко царю, и созва царь болѧры, рѣша же посланiи: «ѩко придохомъ къ нему и вдахомъ дары, и не возрѣ на нѧ, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «искѹси и еще, посли емѹ орѹжье». Они же послѹшаша его, и послаша емѹ мечь и ино орѹжье, и принесоша къ немѹ; онъ же прiимъ, нача хвалити и любити, и цѣловати царѧ.

Тѣ вернулись къ Царю, и созвалъ Царь бояръ, и сказали посланные: «пришли мы къ нему и поднесли подарки, а онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, и велѣлъ спрятать». И сказалъ одинъ: «испытай его ещё,— пошли ему оружiе. И послушали его, и послали ему мечъ и другое оружiе, и принесли ему ихъ; но онъ, принявъ, началъ хвалить и любоваться, и посылатi привѣты Царю.

Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша бояре: «лютъ се мужь хощетъ быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть; имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя: «яко родъ его возметь». Взя же и дары многы, и взвратися въ Переяславець съ похвалою великою.

Вернулись опять къ Царю и расказали ему всё, что было. И сказали бояре: «лютъ этотъ человѣкъ долженъ быть, такъ какъ добромъ пренебрегаетъ, а оружіе берётъ; возьмись (платить) дань». И послалъ Царь, говоря такъ: «не ходи къ городу, возьми дань, какую хочешь»; потому что малымъ чѣмъ онъ не дошёлъ (до) Царьграда. И выдали ему дань; бралъ же онъ и на убитыхъ, говоря: «родные его получатъ». Взялъ и подарковъ много, и возвратился въ Переяславецъ со славою большою.

Видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ: «еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку; и рече: «поиду въ Русь, приведу болѣ дружины». И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бѣ бо ту царь, рька сице: «хочу имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь».

Видя же мало дружины своей, сказалъ онъ самъ себѣ: «какъ бы, схитривши, не перебили дружину мою и меня», потому что много погибло въ битвахъ; и сказалъ: «пойду въ Русь, приведу больше дружины» И послалъ пословъ къ Царю въ Доростолъ (Силистрію), потому что тамъ былъ Царь,

Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ немꙋ дары больша первыхъ...

говоря такъ: «хочу имѣть миръ съ тобой твердый и дружбу» Это услышавъ, Царь обрадовался и послалъ ему подарки больше первыхъ.

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА.

Створивъ же миръ Свѧтославъ съ Греки, поиде въ лодьѧхъ къ порогомъ, и рече емꙋ воевода отень Свѣналдъ: «поиди, княже, на конихъ около, стоѧть бо Печенѣзи въ порозѣхъ». И не послꙋша его, поиде въ лодьѧхъ, и послаша Переѧславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: «се идеть вы Свѧтославъ въ Рꙋсь, вземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ безчисленъ, съ маломъ дрꙋжины»

И заключивъ миръ съ Греками, Святославъ поплылъ въ лодкахъ къ порогамъ. И сказалъ ему воевода отцовскій Свѣнельдъ: «иди, князь, на лошадяхъ обходомъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ». И не послушалъ онъ его, поплылъ на лодкахъ, и послали Переяславцы къ Печенѣгамъ, говоря: «вотъ вамъ идётъ Святославъ въ Русь, взявши добра много у Грековъ и добычи безъ числа, съ малой дружиной».

Слышавше же се Печенизи, застꙋпиша пороги, и приде Свѧтославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ пройти порогъ; и ста зимовати въ

И услышавши это, Печенѣги заняли пороги; и пришёлъ Святославъ къ порогамъ, и нельзя было пройти пороги; и остался онъ зи-

Бѣлобережьи. И не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, тако по полугривнѣ главл конѧча, и зимова Свѧтославъ ту

мовать въ Бѣлобережьи. И не было у нихъ ѣды уже, и былъ голодъ большой такъ что по полугривнѣ (продавалась) голова лошадиная, и зимовалъ Святославъ тамъ.

Веснѣ же приспѣвъши, въ лѣто ҂ѕуп, поиде Свѧтославъ въ пороги, и нападе на нь Курѧ, кнѧзь Печенѣжьскій, и убиша Свѧтослава. И взѧша главу его и во лбѣ его сдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьѧху изъ него. Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ кнѧженьѧ Свѧтославлѧ лѣтъ к҃ и и҃.

Когда же весна пришла, въ 6480-мъ году пошёлъ Святославъ къ порогамъ, и напалъ на него Куря, князь Печенѣжскій; и убили Святослава. И взяли голову его, и изъ черепа его сдѣлали чашу; оковавши черепъ его, пили изъ него. Свѣнельдъ же пришёлъ въ Кіевъ къ Ярополку. А всѣхъ лѣтъ княженія Святослава — 28.

ЧУДО СИМЕОНА СТОЛПНИКА СЪ РАЗБОЙНИКОМЪ.

Разбойникъ етеръ бѣ въ Сиріи именемъ Антиохъ, словѧше же повсему миру; тѣмже и многажды посылаху воѧ и снузници, да быша привели въ Антиохію, и не можаху его ѩти, великіѧ ради крѣпости его. Уготоваша же

Разбойникъ одинъ былъ въ Сиріи по имени Антіохъ,— слухъ о нёмъ шёлъ во всёмъ народѣ; почему и не-разъ посылали воиновъ и поимщиковъ, чтобы привели въ Антіохію, и не могли его взять по причинѣ большой

сѧ вои въ Антиохїи, и вси граждане изыдоша, да и быша ꙗли; и обрѣтоша и въ етерѣ веси корчму пьюще, и ѡбидоша корчемницю воини.

силы его. Снарядились же воины въ Антіохіи, и всѣ граждане вышли, чтобы его взять. И нашли его въ одной деревнѣ вино пьющаго, и обошли корчму воины.

Ѹвидѣвъ же ѧ онъ, начатъ пѣти козлогласованїѧ. Рѣка же идѧше мимо весь тꙋ; кобылꙋ же имѧше разбойникъ той, и заповѣдаше ей ꙗко человѣкꙋ, и послꙋшаше его. Воставъ же, возложи ризы своѧ на ню и рече къ ней: «пойди и пожди мене на рѣцѣ». Иде кобыла грызающи и прꙋщи и подожда его на рѣцѣ; изъиде же разбойникъ исъ корчемницы, ѡбнажь мечь свой, възпїа и глаголѧ: «бѣжите, да не кто умреть»; и никтоже не смѣ ꙗти его

Увидѣвъ же ихъ, онъ началъ пѣть заклятія. Рѣка же шла мимо деревни той, и кобылу имѣлъ разбойникъ тотъ, и сказалъ ей, какъ человѣку, и она послушала его. Поднявшись, онъ положилъ платье своё на неё и сказалъ ей: «иди и подожди меня у рѣки». Пошла кобыла, огрызаясь и бросаясь, и подождала его у рѣки; вышелъ и разбойникъ изъ корчмы, обнаживъ мечъ свой, крича и говоря: «бѣгите, не-то смерть (чтобы никто не погибъ)». И никто не смѣлъ схватить его.

Текь же всѣде на кобылꙋ, и приѣхавъ ꙗтсѧ за столпъ свѧтаго Сѵмеона, възпїа и глаголѧ: «спаси дꙋшꙋ гыбнꙋщꙋ». Свѧтый же рече: «что хощеши, человѣче?» Онъ же

И побѣжавъ сѣлъ на кобылу, и пріѣхавъ схватился за столпъ святаго Симеона, крича и говоря: «спаси душу гибнущую». Святой же сказалъ: «чего хочешь, чело-

рече къ немꙋ: разбойникъ есмь и прибѣгохъ сѣмо, спасенїѧ хотѧ». Рече же къ немꙋ свѧтый Симеонъ: «можеши ли сѧ покаѧти отъ злыхъ дѣлъ твоихъ?» Онъ же рече: «того бо ради и прїидохъ сѣмо, владыко». Еще же емꙋ глаголющꙋ, прїидоша посланїи воини изъ града, глаголюще праведномꙋ: «нѣсть никако потаити сего мꙋжа, многа бо молва бысть его ради; посли и, да прїиметь противу дѣломъ своимъ»

Рече праведный къ нимъ: «ни, чадца моѧ; азъ не приведохъ его сѣмо, ни его могꙋ отпꙋстити; но вѣдый волю его и дѣла, той можеть и спасти, тацѣхъ бо есть царство небесное: съ Богомъ нашимъ Іисꙋсъ Христомь два разбойника пропѧта быста; единъ же ею прїѧтъ противꙋ дѣломъ своимъ, а другый наслѣдоваше царство небесное. Оже ли есть силнїй пославшаго и сѣмо, тогдо отторгнетъ и от-

вѣкъ?» Онъ же сказалъ ему: Я разбойникъ, и прибѣжалъ сюда, желая спасенія. И сказалъ ему святой Симеонъ: «можешь ли покаяться въ злыхъ дѣлахъ твоихъ?» Онъ же сказалъ: «затѣмъ и пришёлъ я сюда, владыко» Не успѣлъ онъ ещё сказать, какъ пришли посланные воины изъ города, говоря праведному: «Нельзя никакъ скрыть этого человѣка, потому что большая молва идётъ объ нёмъ; выдай его, пусть онъ получитъ по дѣламъ своимъ».

Сказалъ праведный имъ: «нѣтъ, дѣти мои; я не приводилъ его сюда, и не могу его отпустить; но знающій желаніе его и дѣла, тотъ можетъ его спасти, потому что таковыхъ есть царство небесное: съ Богомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ два разбойника распяты были; одинъ (только) изъ нихъ двоихъ принялъ по дѣламъ своимъ, а другой наслѣдовалъ царство небес-

сюдѣ; мене же не оклеветайте трꙋжьд агосѧ вельми многихъ ради грѣхъ моихъ». И сіѧ рекъ, отпꙋсти.

ное. Если кто есть сильнѣе пославшаго его сюда, то онъ оторвётъ его отсюда; и не взведите клеветы на меня, много принявшаго трудовъ за многіе мои грѣхи». И сказавъ это, простился съ ними.

Тѣмъ же отшедшимъ, рече разбойникъ къ немꙋ: «господи мой, и азъ отъидꙋ». Рече же свѧтый къ немꙋ «на тожде ли злое отъидеши дѣло?» И рече разбойникъ: «ни, человѣче Божій, но Господь Богъ зоветь мѧ». Въздѣвъ же рꙋцѣ на небо, ничесогоже иного не глагола, но токмо: «Сыне Божій, пріими въ миръ дꙋшю мою». Плака же сѧ двѣ годинѣ; и свѧтый плакасѧ, зрѧ его, и вси людіе его. Легь же предъ столпомъ, предасть дꙋшю; и стрѣбльше и, погребоша и внѣ ограды.

Когда тѣ ушли, сказалъ разбойникъ ему: «господинъ мой, и я уйду». И сказалъ святой ему: «на то же ли злое пойдёшь (опять) дѣло?» И сказалъ разбойникъ: «нѣтъ, человѣкъ Божій, а Господь Богъ призываетъ меня». И, воздѣвъ руки на небо, ничего другаго не говорилъ, какъ только: «сыне Божій, пріими въ покой душу мою». И плакался два часа, и святой плакался, глядя на него, и всѣ люди его. И, легши передъ столпомъ, отдалъ душу; и вынесши его, похоронили за оградой.

Въ дрꙋгій же день пріиде тꙋ боле ста мꙋжь, хотѧще и восхитити, вопіюще. Рече же къ нимъ свѧтый: «братіѧ, иже и посла сѣмо, крѣплѧй

На другой же день пришло туда болѣе ста человѣкъ, хотѣвшихъ схватить его и кричавшихъ. Сказалъ же имъ святой: «Братья,

васъ єсть, требѣ бо ємꙋ быть; и той посла два воина страшна и вооружена, и поꙗста и. Азъ же окаѧнный, видѣвъ страшный образъ єю, не смѣхъ противитисѧ има, да мене не убіета, ꙗко противѧщасѧ Богу». Слышавше же се мужи тѣ отъ свѧтаго, съ какою похвалою предасть дꙋхъ свой, славѧще Бога отъидоша въ Антиохію.

тотъ, кто его послалъ сюда, сильнѣе васъ; нуженъ видно онъ былъ ему; и онъ послалъ двухъ воиновъ страшныхъ и вооруженныхъ, и они взяли его. Я же грѣшный, видя страшный образъ ихъ (обоихъ), не смѣлъ противиться имъ, чтобы меня они не убили, какъ противящагося Богу». Услышавъ же это люди тѣ отъ святаго, въ какомъ просвѣтленіи предалъ духъ свой, прославляя Бога вернулись въ Антіохію.

КНИГА БЫТІЯ

ГЛАВА VI.

Ноє человѣкъ праведенъ, совершенъ сый въ родѣ своємъ, Бгу оугоди Ноє.

і. Роди же Ноє три сыны, Сима, Хама, Іафеѳа.

аі. Растлѣсѧ же землѧ пред Бгомъ, и наполнисѧ землѧ неправды.

9. Ной былъ человѣкъ праведный и непорочный въ родѣ своемъ; Ной ходилъ предъ Богомъ.

10. Ной родилъ трёхъ сыновъ: Сима, Хама и Іафета.

11. Но земля растлилась предъ лицемъ Божіимъ, и наполнилась земля злодѣяніями.

в҃і. И҆ ви́дѣ Гдь Бг҃ъ зе́млю, и҆ бѣ̀ растлѣ́нна: ꙗ҆́кѡ растлѝ всѧ́ка пло́ть пꙋ́ть сво́й на землѝ.

г҃і. И҆ речѐ Гдь Бг҃ъ Нѡ́ю: вре́мѧ всѧ́кагѡ человѣ́ка прі-и́де пред мѧ̀, ꙗ҆́кѡ и҆спо́лни-сѧ землѧ̀ непра́вды ѿ ни́хъ: и҆ сѐ а҆́зъ погꙋблю̀ и҆́хъ и҆ зе́млю.

д҃і. Сотворѝ ᲂу҆̀бо себѣ̀ ков-че́гъ ѿ дре́въ (негнію́щихъ) четвероꙋго́лныхъ: гнѣ́зда со-твори́ши въ ковче́зѣ, и҆ по-смоли́ши є҆го̀ внꙋ́трьꙋдꙋ и҆ внѣ́ꙋдꙋ смоло́ю.

є҃і. И҆ та́кѡ сотвори́ши ков-че́гъ: тре́хъ сѡ́тъ лакте́й дол-гота̀ ковче́га, и҆ пѧтидесѧ́ти лакте́й широта̀, и҆ тридесѧ́ти лакте́й высота̀ є҆гѡ̀.

ѕ҃і. Собира́ѧ сво́домъ со-твори́ши ковче́гъ, и҆ въ ла́-коть сверши́ши є҆го̀ свы́ше: две́рь же ковче́га сотвори́ши ѿ страны̀: ѡ҆битѧ̑лища дво-крѡ́вна и҆ трекрѡ́вна сотвори́-ши въ не́мъ.

з҃і. А҆́зъ же сѐ наведꙋ̀ по-

12. И воззрѣлъ Господь Богъ на землю, и вотъ, она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ.

13. И сказалъ Господь Богъ Ною: конецъ всякой плоти пришёлъ предъ лице Моё, ибо земля наполнилась отъ нихъ злодѣяніями. И вотъ, Я истреблю ихъ съ земли.

14. Сдѣлай себѣ ковчегъ изъ дерева гоферъ; отдѣленія сдѣлай въ ковчегѣ, и осмоли его смолою внутри и снаружи.

15. И сдѣлай его такъ: длина ковчега триста локтей; широта его пятьдесятъ локтей, а высота его тридцать локтей.

16. И сдѣлай отверстіе въ ковчегѣ, и въ локоть сведи его вверху, и дверь въ ковчегъ сдѣлай съ боку его; устрой въ нёмъ нижнее, второе и третье жильё.

17. И вотъ, Я наведу на

то́пъ, во́дꙋ на зе́млю, погꙋби́ти всѧ́кꙋ пло́ть, въ не́йже є҆́сть дꙋ́хъ жи́зни под̾ небесе́мъ: и҆ є҆ли̑ка сꙋ́ть на землѝ, сконча́ютсѧ.

землю потопъ водный, чтобъ истребить всякую плоть, въ которой есть духъ жизни, подъ небесами; всё, что́ есть на землѣ, лишится жизни.

и҃і. И҆ поста́влю завѣ́тъ мо́й съ тобо́ю: вни́деши же въ ковче́гъ ты̀, и҆ сы́нове твоѝ, и҆ жена̀ твоѧ̀, и҆ жены̀ сынѡ́въ твои́хъ съ тобо́ю.

18. Но съ тобою Я поставлю завѣтъ Мой: и войдёшь въ ковчегъ ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

ѳ҃і. И҆ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ, и҆ ѿ всѣ́хъ га́дъ, и҆ ѿ всѣ́хъ ѕвѣре́й, и҆ ѿ всѧ́кїѧ пло́ти, два̀ два̀ ѿ всѣ́хъ введе́ши въ ковче́гъ, да пита́еши съ собо́ю: мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй бꙋ́дꙋтъ.

19. Введи также въ ковчегъ (изъ всякаго скота, и изъ всѣхъ гадовъ, и) изъ всѣхъ животныхъ, и отъ всякой плоти по парѣ, чтобъ они остались съ тобою въ живыхъ; мужескаго пола и женскаго пусть они будутъ.

к҃а. Ты́ же возмѝ себѣ̀ ѿ всѣ́хъ бра́шенъ, ꙗ҆̀же и҆́мате ꙗ҆́сти, и҆ собере́ши къ себѣ̀, и҆ бꙋ́дꙋтъ тебѣ̀ и҆ ѡ҆́нымъ бра́шно.

21. Ты же возьми себѣ всякой пищи, какою питаются, и собери къ себѣ; и будетъ она для тебя и для нихъ пищею.

ГЛАВА VII.

в҃. Ѿ скотѡ́въ же чи́стыхъ введи къ себѣ̀ се́дмь се́дмь, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй: ѿ скотѡ́въ же нечис-

2. И всякаго скота чистаго возьми по семи, мужескаго пола и женскаго, а изъ скота нечистаго по

тыхъ два̀ два̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй.

г҃. И҆ ѿ пти́цъ небе́сныхъ чи́стыхъ се́дмь се́дмь, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй: и҆ ѿ всѣ́хъ пти́цъ нечи́стыхъ двѣ̀ двѣ̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй, препита́ти сѣ́мѧ по все́й землѝ.

д҃. Є҆щѐ бо дне́й се́дмь, а҆́зъ наведꙋ̀ до́ждь на зе́млю четы́редесѧть дне́й и҆ четы́редесѧть нощей: и҆ потреблю̀ всѧ́кое воста́нїе, є҆́же сотвори́хъ, ѿ лица̀ всеѧ̀ землѝ.

є҃. И҆ сотворѝ Нѡ́е всѧ̀, є҆ли̑ка заповѣ́да є҆мꙋ̀ Гдь Бг҃ъ.

ї҃. И҆ бы́сть по седмѝ дне́хъ, и҆ вода̀ пото́пнаѧ бы́сть на землѝ.

а҃і. Въ шестьсо́тное лѣ́то въ житїѝ Нѡ́евѣ, втора́гѡ мц҃а, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а, въ де́нь то́й развερзо́шасѧ всѝ и҆сто́чницы бе́здны, и҆ хлѧ́бїи небе́сныѧ ѿверзо́шасѧ.

в҃і. И҆ бы́сть до́ждь на зе-

два, мужескаго пола и женскаго.

3. Также и изъ птицъ небесныхъ чистыхъ по семи, мужескаго пола и женскаго, и изъ всѣхъ птицъ нечистыхъ по двѣ, мужескаго пола и женскаго, чтобы сохранить племя для всей земли.

4 Ибо чрезъ семь дней Я буду изливать дождь на землю сорокъ дней и сорокъ ночей; и истреблю всё существующее, что̀ Я создалъ, съ лица земли.

5. Ной сдѣлалъ всё, что̀ Господь Богъ повелѣлъ ему.

10. Спустя семь дней, воды потопа пришли на землю.

11. Въ шестисотый годъ жизни Ноевой, во вторый мѣсяцъ, въ семнадцатый день (27) мѣсяца, въ сей день разверзлись всѣ источники великой бездны, и окна небесныя отворились;

12. И лился на землю

млю четы́редесѧть дне́й, и҆ четы́редесѧть нощей.

г҃і. Въ де́нь то́й вни́де Нѡ́е, Си́мъ, Ха́мъ, І҆а́феѳъ сы́нове Нѡ́евы, и҆ жена̀ Нѡ́ева, и҆ три̑ жены̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ съ ни́мъ въ ковче́гъ:

д҃і. И҆ всѧ̑ ѕвѣ́рїе зе́мнїи по ро́дꙋ, и҆ всѧ̑ ско́ти по ро́дꙋ, и҆ всѧ́кїй га́дъ движꙋ́щїйсѧ на земли̑ по ро́дꙋ, и҆ всѧ́каѧ пти́ца перна́таѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀.

є҃і. Внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ два̀ два̀, мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй, ѿ всѧ́кїѧ пло́ти, въ не́йже є҆́сть дꙋ́хъ живо́тный.

ѕ҃і. И҆ входѧ́щаѧ мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй ѿ всѧ́кїѧ пло́ти внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ, ꙗ҆́коже заповѣ́да Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́ю: и҆ затвори̑ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ковче́гъ ѿвнѣ̀ є҆гѡ̀.

з҃і. И҆ бы́сть пото́пъ четы́редесѧть дне́й, и҆ четы́редесѧть нощей на земли̑, и҆ ᲂу҆мно́жисѧ вода̀, и҆ взѧ̀ ков-

дождь сорокъ дней и сорокъ ночей.

13. Въ сей самый день вошёлъ въ ковчегъ Ной, и Симъ, Хамъ и Іафетъ, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сыновъ его съ ними.

14. Они, и всѣ звѣри земли по роду ихъ, и всякій скотъ по роду его, и всѣ гады, пресмыкающіеся по землѣ, по роду ихъ, и всѣ летающія по роду ихъ, всѣ птицы, всѣ крылатыя.

15. И вошли къ Ною въ ковчегъ по парѣ мужескаго пола и женскаго отъ всякой плоти, въ которой есть духъ жизни.

16. И вошедшіе къ Ною въ ковчегъ мужескій и женскій полъ всякой плоти вошли, какъ повелѣлъ ему Господь Богъ. И затворилъ Господь Богъ за нимъ ковчегъ.

17. И продолжалось на землѣ наводненіе сорокъ дней и сорокъ ночей, и умножилась вода, и подняла ков-

чегъ, и҆ возвы́сися ѿ землѝ:	чегъ, и онъ возвысился надъ землёю.
ѳі҃. И҆ возмога́ше вода̀, и҆ оу҆множа́шесѧ ѕѣлѡ̀ на землѝ, и҆ ноша́шесѧ ковче́гъ верхꙋ̀ воды̀	18. Вода же усиливалась и весьма умножалась на землѣ; и ковчегъ плавалъ по поверхности водъ.
ѳі҃. Вода̀ же возмога́ше ѕѣлѡ̀ ѕѣлѡ̀ на землѝ: и҆ покры̀ всѧ̑ го́ры высѡ́кїѧ, ꙗ҆̀же бѧ́хꙋ под̾ небесе́мъ:	19. И усилилась вода на землѣ чрезвычайно, такъ что покрылись всѣ высокія горы, какія есть подъ всѣмъ небомъ.
к҃. Пѧтьна́десѧть лакте́й горѣ̀ возвы́сисѧ вода̀, и҆ покры̀ всѧ̑ го́ры высѡ́кїѧ.	20. На пятнадцать локтей поднялась надъ ними вода, и покрылись всѣ высокія горы.
к҃а. И҆ оу҆мрѐ всѧ́каѧ пло́ть движꙋ́щаѧсѧ по землѝ, пти́цъ и҆ скотѡ́въ, и҆ ѕвѣре́й, и҆ всѧ́кїй га́дъ движꙋ́щїйсѧ на землѝ, и҆ всѧ́кїй чл҃вѣ́къ.	21. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по землѣ, и птицы, и скоты, и звѣри, и всѣ гады, ползающіе по землѣ, и всѣ люди.
к҃в. И҆ всѧ̑ є҆ли̑ка и҆мꙋ́тъ дыха́нїе жи́зни, и҆ все̑, є҆̀же бѣ̀ на сꙋ́ши, оу҆мрѐ.	22. Все, что̀ имѣло дыханіе духа жизни въ ноздряхъ своихъ на сушѣ, умерло.
к҃г. И҆ потреби́сѧ всѧ́кое воста́нїе, є҆̀же бѧ́ше на лицѝ всеѧ̀ землѝ, ѿ чл҃вѣ́ка да́же до скота̀, и҆ гадѡ́въ, и҆ пти́цъ небе́сныхъ, и҆ потреби́шасѧ ѿ землѝ: и҆ ѡ҆ста̀ Нѡ́е є҆ди́нъ,	23. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли; отъ человѣка до скота, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, всё истребилось съ земли:

и҆ и҆̀же съ ни́мъ въ ковче́зѣ.

осталоя только Ной, и что́ *было* съ нимъ въ ковчегѣ.

к҃д. И҆ возвы́сисѧ вода̀ на́дъ землéю дней сто̀ пѧтьдесѧ́тъ.

24. Вода же усиливалась на землѣ сто пятьдесятъ дней.

ГЛАВА VIII

а҃. И҆ помѧнꙋ̀ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ всѧ̑ ѕвѣ́ри, и҆ всѧ̑ скоты̀, и҆ всѧ̑ пти́цы, и҆ всѧ̑ га́ды пресмыка́ющыѧсѧ, є҆ли̑ка бѣ́хꙋ съ ни́мъ въ ковче́зѣ: и҆ наведѐ Бг҃ъ дꙋ́хъ на зе́млю, и҆ преста̀ вода̀.

И вспомнилъ Богъ о Ноѣ, и о всѣхъ звѣряхъ, и о всѣхъ скотахъ, и о всѣхъ птицахъ, и о всѣхъ гадахъ пресмыкающихся, бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ; и навёлъ Богъ вѣтеръ на землю, и воды остановились.

в҃. И҆ заключи́шасѧ и҆сто́чницы бе́здны, и҆ хлѧ̑би небе́сныѧ: и҆ ѹ҆держа́сѧ до́ждь ѿ нб҃сѐ:

2. И закрылись источники бездны и окна небесныя, и пересталъ дождь съ неба.

г҃. И҆ вспѧ́ть по́йде вода̀ и҆дꙋ́щаѧ ѿ земли̑: и҆ ѹ҆мала́шесѧ вода̀ по ст҃ѣ̀ пѧти́десѧтихъ дне́хъ.

3. Вода же постепенно возвращалась съ земли, и стала убывать вода по окончаніи ста пятидесяти дней.

д҃. И҆ сѣ́де ковче́гъ въ мцⷭ҇ъ седмы́й в҃ два́десѧть седмы́й де́нь мцⷭ҇а, на гора́хъ А҆ра́ратскихъ.

4. И остановился ковчегъ въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ семнадцатый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ.

є҃. Вода̀ же ѹ҆ходѧ́щи ѹ҆мала́шесѧ да́же до десѧ́тагѡ мцⷭ҇а: и҆ въ десѧтый

5. Вода постоянно убывала до десятаго мѣсяца; въ первый день десятаго

мц҃ъ, въ пе́рвый де́нь мц҃а ꙗ҆ви́шасѧ ве́рси гѡ́ръ.

ѕ҃. И҆ бы́сть по четы́редесѧтихъ дне́хъ ѿве́рзе Нѡ́е ѻ҆ко́нце ковче́га є҆́же сотвори̑:

з҃. И҆ посла̀ вра́на (ви́дѣти, а҆́ще ᲂу҆сту́пила вода̀ ѿ лица̀ земли̑,) и҆ и҆зше́дъ не возврати́сѧ, до́ндеже и҆зсѧ́че вода̀ ѿ земли̑.

и҃. И҆ посла̀ голꙋби́цꙋ по не́мъ ви́дѣти, а҆́ще ᲂу҆стꙋпи́ла вода̀ ѿ лица̀ земли̑.

ѳ҃. И҆ не ѡ҆брѣ́тши голꙋби́ца поко́ѧ нога́ма свои́ма, возврати́сѧ къ немꙋ̀ въ ковче́гъ, ꙗ҆́ко вода̀ бѧ́ше по всемꙋ̀ лицꙋ̀ всеѧ̀ земли̑: и҆ просте́ръ рꙋ́кꙋ свою̀, прїѧ́тъ ю҆̀, и҆ внесѐ ю҆̀ къ себѣ̀ въ ковче́гъ.

і҃. И҆ преме́дливъ є҆щѐ се́дмь дне́й, па́ки посла̀ голꙋби́цꙋ и҆з ковче́га.

а҃і. И҆ возврати́сѧ къ немꙋ̀ голꙋби́ца къ ве́черꙋ, и҆ и҆мѣ́ѧше сꙋ́чецъ ма́сличенъ

мѣсяца показались верхи горъ.

6. По прошествіи сорока дней Ной открылъ сдѣланное имъ окно ковчега.

7. И выпустилъ ворона, (чтобы видѣть, убыла ли вода съ земли,) который, вылетѣвъ, отлеталъ и прилеталъ, пока осушилась земля отъ воды.

8. Потомъ выпустилъ отъ себя голубя, чтобы видѣть, сошла ли вода съ лица земли.

9. Но голубь не нашёлъ мѣста покоя для ногъ своихъ, и возвратился къ нему въ ковчегъ; ибо вода была ещё на поверхности всей земли: и онъ простёръ руку свою, и взялъ его, и принялъ къ себѣ въ ковчегъ.

10. И помедлилъ ещё семь дней другихъ; и опять выпустилъ голубя изъ ковчега.

11. Голубь возвратился къ нему въ вечернее время; и вотъ, свѣжій мас-

съ листвїемъ во оустѣхъ свои́хъ: и҆ позна̀ Нѡ́е, ꙗ҆́ко оу҆сту́пи вода̀ ѿ лица̀ землѝ.

в҃і. И҆ преме́дливъ є҆щѐ се́дмь дне́й дру́гихъ, па́ки посла̀ голꙋби́цꙋ, и҆ не приложѝ возврати́тисѧ къ немꙋ̀ пото́мъ.

г҃і. И҆ бы́сть въ пе́рвое и҆ шестьсо́тное лѣ́то житїѧ̀ Нѡ́ева, въ пе́рвый де́нь пе́рваго мц҃а, и҆зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ землѝ: и҆ ѿкры̀ Нѡ́е покро́въ ковче́га, є҆го́же сотворѝ, и҆ ви́дѣ ꙗ҆́кѡ и҆зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ землѝ.

д҃і. Въ мц҃ъ же вторы́й, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а и҆зсше землѧ̀.

є҃і. И҆ речѐ Гдь Бгъ Нѡ́еви, гл҃ѧ:

ѕ҃і. И҆зы́ди и҆з ковче́га ты̀, и҆ жена̀ твоѧ̀, и҆ сы́нове твоѝ, и҆ жены̀ сынѡ́въ твои́хъ съ тобо́ю.

з҃і. И҆ всѧ̀ ѕвѣ́ри є҆́лицы сꙋ́ть съ тобо́ю, и҆ всѧ́кꙋ пло́ть ѿ пти́цъ да́же до скотѡ́въ, и҆ всѧ́къ га́дъ движꙋ́щі́йсѧ по землѝ и҆зведѝ съ собо́ю: и҆ расти́тесѧ и҆ мно-

личный листъ во рту у него: и Ной узналъ, что вода сошла съ земли.

12. Онъ помедлилъ ещё семь дней другихъ, и опять выпустилъ голубя; и онъ уже не возвратился къ нему.

13. Шесть сотъ перваго года жизни Ноевой къ первому дню перваго мѣсяца изсякла вода на землѣ; и открылъ Ной кровлю ковчега, и посмотрѣлъ, и вотъ, обсохла поверхность земли.

14. И во второмъ мѣсяцѣ, къ двадцать седьмому дню мѣсяца, земля высохла.

15. И сказалъ Господь Богъ Ною:

16. Выйди изъ ковчега ты, жена твоя, и сыновья твои, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

17. Выведи съ собою всѣхъ животныхъ, которыя съ тобою, отъ всякой плоти, изъ птицъ, и скотовъ, и всѣхъ гадовъ пресмыкающихся по землѣ: пусть разойдутся

жи́тесѧ на землѝ.

и҃і. И҆ и҆зы́де Нѡ́е, и҆ жена̀ є҆гѡ̀, и҆ сы́нове є҆гѡ̀, и҆ жєны̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ съ ни́мъ:

ѳ҃і. И҆ всѧ̑ ѕвѣ́рїє, и҆ всѧ̑ ско́ти, и҆ всѧ̑ пти̑цы, и҆ всѧ̑ га́ды движꙋ́щыѧсѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀ на землѝ, и҆зыдо́ша и҆з̾ ковче́га.

к҃. И҆ созда̀ Нѡ́е же́ртвенникъ Гдⷭ҇ви: и҆ взѧ̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ чи́стыхъ, и҆ ѿ всѣ́хъ пти́цъ чи́стыхъ, и҆ вознесѐ во всесожже́нїе на же́ртвенникъ.

к҃а. И҆ ѡ҆бонѧ̀ Гдⷭ҇ь во́нѭ благоꙋха́нїѧ, и҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, размы́сливъ: не приложꙋ̀ ктомꙋ̀ проклѧ́ти зе́млю за дѣла̀ чл҃ческаѧ: занѐ прилежи́тъ помышле́нїе чл҃кꙋ прилѣ́жнѡ на ѕла̑ѧ ѿ ю҆́ности є҆гѡ̀: не приложꙋ̀ ᲂу҆̀бо ктомꙋ̀ порази́ти всѧ́кꙋю пло́ть живꙋ́щꙋю, ꙗ҆́коже сотвори́хъ.

к҃в. Во всѧ̑ дни̑ землѝ сѣ́ѧтва и҆ жа́тва, зима̀ и҆ зно́й, лѣ́то и҆ весна̀, де́нь и҆ но́щь не преста́нꙋтъ.

они по землѣ, и пусть плодятся и размножаются на землѣ.

18. И вышелъ Ной, и сыновья его, и жена его, и жёны сыновъ его съ нимъ.

19. Всѣ звѣри, и весь скотъ, и всѣ гады, и всѣ птицы, всё движущееся по землѣ, по родамъ своимъ, вышли изъ ковчега.

20. И устроилъ Ной жертвенникъ Господу; и взялъ изъ всякаго скота чистаго, и изъ всѣхъ птицъ чистыхъ, и принёсъ во всесожженіе на жертвенникѣ.

21. И обонялъ Господь пріятное благоуханіе, и сказалъ Господь Богъ въ сердцѣ Своёмъ: не буду больше проклинать землю за человѣка, потому что помышленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности его; и не буду больше поражать всего живущаго, какъ Я сдѣлалъ.

22. Впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся.

ГЛАВА IX.

а҃. И҆ бл҃гослови́ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ сы́ны є҆гѡ̀, и҆ речѐ и҆̀мъ: расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ ѡ҆блада́йте є҆̀ю.

И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.

в҃. И҆ стра́хъ и҆ тре́петъ ва́шъ бꙋ́детъ на всѣ́хъ ѕвѣ́рехъ земны́хъ, (и҆ на всѣ́хъ скотѣ́хъ земны́хъ), на всѣ́хъ пти́цахъ небе́сныхъ, и҆ на всѣ́хъ движꙋ́щихсѧ по земли̑, и҆ на всѣ́хъ ры́бахъ морски́хъ: въ рꙋ́цѣ ва́ши вда́хъ (ѧ҆̀).

2. Да страшатся и да трепещутъ васъ всѣ звѣри земные, (и весь скотъ земный) и всѣ птицы небесныя, всё, что̀ движется на землѣ, и всѣ рыбы морскія: въ ваши руки отданы они.

г҃. И҆ всѧ́кое движꙋ́щеесѧ є҆́же є҆́сть жи́во, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь: ꙗ҆́кѡ ѕе́лїе травно́е да́хъ ва́мъ всѐ.

3. Всё движущееся, что̀ живётъ, будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную даю вамъ всё.

д҃. То́чїю мѧ́са въ кро́ви дꙋши̑ да не снѣ́сте.

4. Только плоти съ душёю ея, съ кровію ея, не ѣшьте.

є҃. Кро́ви бо ва́шей, дꙋ́шъ ва́шихъ, ѿ рꙋки̑ всѧ́кагѡ ѕвѣ́рѧ и҆зыщꙋ̀ (є҆̀ѧ): и҆ ѿ рꙋки̑ человѣ́ка бра́та и҆зыщꙋ̀ є҆̀ѧ.

5. Я взыщу и вашу кровь, *въ которой* жизнь ваша, взыщу её отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его.

ѕ҃. Пролива́ѧй кро́вь че-

6. Кто прольётъ кровь

ловѣ́чꙋ, въ є҆гѡ̀ мѣ́стѡ є҆гѡ̀ пролїе́тсѧ: ꙗ҆́кѡ во ѻ҆́бразъ Бж҃їй сотворихъ чл҃вѣка.

з҃. Вы́ же расти́тесѧ и҆ мнѡ́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ мнѡ́житесѧ на не́й.

и҃. И҆ речѐ Бг҃ъ Нѡ́еви, и҆ сынѡ́мъ є҆гѡ̀ съ ни́мъ, глаго́лѧ:

ѳ҃. Сѐ а҆́зъ поставлѧ́ю завѣ́тъ мо́й ва́мъ, и҆ сѣ́мени ва́шемꙋ по ва́съ.

і҃. И҆ всѧ́кой дꙋшѝ живꙋ́щей съ ва́ми ѿ пти́цъ, и҆ ѿ скѡ́тъ, и҆ всѣ́мъ ѕвѣре́мъ земны́мъ, є҆ли̑ка съ ва́ми (сꙋ́ть) ѿ всѣ́хъ и҆зше́дшихъ и҆з̾ ковче́га.

а҃і. И҆ поста́влю завѣ́тъ мо́й съ ва́ми: и҆ не ᲂу҆́мретъ всѧ́ка пло́ть ктомꙋ̀ ѿ воды̀ пото́пныѧ, и҆ ктомꙋ̀ не бꙋ́детъ пото́пъ во́дный, є҆́же и҆стли́ти всю̀ зе́млю.

в҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́еви: сїѐ зна́менїе завѣ́та, є҆́же а҆́зъ даю̀ междꙋ̀ мно́ю

человѣческую, того кровь прольётся рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію:

7. Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по землѣ, и умножайтесь на ней.

8. И сказалъ Богъ Ною и сынамъ его съ нимъ:

9. Вотъ Я поставляю завѣтъ Мой съ вами, и съ потомствомъ послѣ васъ,

10. И со всякою душёю живою, которая съ вами, съ птицами и со скотами, и со всѣми звѣрями земными, которые у васъ, со всѣми вышедшими изъ ковчега, со всѣми животными земными;

11. Поставляю завѣтъ Мой съ вами, что не будетъ болѣе истреблена всякая плоть водами потопа, и не будетъ уже потопа на опустошеніе земли.

12. И сказалъ Господь Богъ: вотъ знаменіе завѣта, который Я поставляю

и҆ ва́ми, и҆ междꙋ̀ всѧ́кою дꙋше́ю живо́ю, ꙗ҆̀же є҆́сть съ ва́ми, въ ро́ды вѣ́чныѧ:

г҃і. Дꙋгꙋ̀ мою̀ полага́ю во ѡ҆́блацѣ, и҆ бꙋ́детъ въ зна́менїе завѣ́та (вѣ́чнагѡ) междꙋ̀ мно́ю и҆ земле́ю.

д҃і. И҆ бꙋ́детъ є҆гда̀ наведꙋ̀ ѡ҆́блаки на зе́млю, ꙗ҆ви́тсѧ дꙋга̀ моѧ̀ во ѡ҆́блацѣ:

є҃і. И҆ помѧнꙋ̀ завѣ́тъ мо́й, и҆̀же є҆́сть междꙋ̀ мно́ю и҆ ва́ми, и҆ междꙋ̀ всѧ́кою дꙋше́ю живꙋ́щею во всѧ́кой пло́ти, и҆ не бꙋ́детъ ктомꙋ̀ вода̀ въ пото́пъ, ꙗ҆́кѡ потреби́ти всѧ́кꙋ пло́ть.

ѕ҃і. И҆ бꙋ́детъ дꙋга̀ моѧ̀ во ѡ҆́блацѣ: и҆ ᲂу҆зрю̀ ю҆̀, є҆́же помѧнꙋ́ти завѣ́тъ вѣ́чный междꙋ̀ мно́ю и҆ земле́ю: и҆ междꙋ̀ всѧ́кою дꙋше́ю живꙋ́щею во всѧ́кой пло́ти, ꙗ҆́же є҆́сть на землѝ.

з҃і. И҆ речѐ Бг҃ъ Нѡ́еви: сїѐ зна́менїе завѣ́та, є҆́гоже положи́хъ междꙋ̀ мно́ю, и҆ междꙋ̀ всѧ́кою пло́тїю, ꙗ҆́же

между Мною, и между вами, и между всякою душёю живою, которая съ вами, въ роды навсегда:

13. Я полагаю радугу Мою въ облакѣ, чтобы она была знаменіемъ (вѣчнаго) завѣта между Мною и между землёю.

14. И будетъ, когда Я наведу облако на землю: то явится радуга Моя въ облакѣ;

15. И Я вспомню завѣтъ Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душёю живою во всякой плоти; и не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти.

16. И будетъ радуга Моя въ облакѣ; и Я увижу её, и вспомню завѣтъ вѣчный между Богомъ, и между землёю, и между всякою душёю живою во всякой плоти, которая на землѣ.

17. И сказалъ Богъ Ною: вотъ знаменіе завѣта, который Я постановилъ между Мною и между вся-

є҆́сть на земли́.

и҃і. Бы́ша же сы́нове Нѡ́евы и҆зше́дшїи и҆з̾ ковче́га, Си́мъ, Ха́мъ, І҆а́феѳъ: Ха́мъ же бѧ́ше ѻ҆ц҃ъ Хана́ань.

ѳ҃і. Трїѐ сі́и сꙋ́ть сы́нове Нѡ́евы: ѿ си́хъ разсѣ́ѧшасѧ по все́й земли̑.

к҃. И҆ нача́тъ Нѡ́е чл҃вѣ́къ дѣ́латель (бы́ти) земли̑, и҆ насади̑ вїногра́дъ:

к҃а. И҆ и҆спи̑ ѿ вїна̀, и҆ ѹ҆пи́сѧ, и҆ ѡ҆бнажи́сѧ въ домꙋ̀ свое́мъ.

к҃в. И҆ ви́дѣ Ха́мъ ѻ҆ц҃ъ Хана́ань наготꙋ̀ ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀, и҆ и҆зше́дъ во́нъ повѣ́да ѻ҆бѣ́ма бра́тома свои́ма.

к҃г. И҆ взе́мше Си́мъ и҆ І҆а́феѳъ ри́зꙋ, возложи́ша (ю҆) на ѻ҆бѣ̀ ра́мѣ свои̑, и҆ и҆до́ша вспѧ́ть зрѧ́ще, и҆ покры́ша наготꙋ̀ ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀; и҆ лицѐ и҆́хъ вспѧ́ть зрѧ̀, и҆ наготы̀ ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀ не ви́дѣша.

к҃д. И҆стрезви́сѧ же Нѡ́е ѿ вїна̀, и҆ разꙋмѣ̀ є҆́лика со-

кою плотію, которая на землѣ.

18. Сыновья Ноя, вышедшіе изъ ковчега, были: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Хамъ же былъ отецъ Ханаана.

19. Сіи трое были сыновья Ноевы, и отъ нихъ населилась вся земля.

20. Ной началъ воздѣлывать землю, и насадилъ виноградникъ.

21 И выпилъ онъ вина, и опьянѣлъ, и *лежалъ* обнажённымъ въ шатрѣ своёмъ.

22. И увидѣлъ Хамъ, отецъ Ханаана, наготу отца своего, и, вышедши разсказалъ двумъ братьямъ своимъ.

23 Симъ же и Іафетъ взяли одежду и, положивъ её на плеча свои, пошли задомъ, и покрыли наготу отца своего; лица ихъ были обращены назадъ, и они не видали наготы отца своего.

24. Ной проспался отъ вина своего, и узналъ, что

творѝ є҆мꙋ̀ сы́нъ є҆гѡ̀ ю҆нѣ́й-
шій.

ке҃. И҆ речѐ: про́клѧтъ (бꙋ́ди) Хана́анъ ѻ҆́трокъ: ра́бъ бꙋ́детъ бра́тїѧмъ свои̑мъ.

кѕ҃. И҆ речѐ: блгослове́нъ Гдь Бг҃ъ Си́мовъ: и҆ бꙋ́детъ Хана́анъ ѻ҆́трокъ ра́бъ є҆мꙋ̀.

кз҃. Да распространи́тъ Бг҃ъ І҆а́феѳа, и҆ да всели́тсѧ въ селе́нїихъ Си́мовыхъ, и҆ да бꙋ́детъ Хана́анъ ра́бъ є҆мꙋ̀.

ки҃. Поживѐ же Нѡ́е по потѡ́пѣ лѣ́тъ три́ста пѧтьдесѧ́тъ:

кѳ҃. И҆ бы́ша всѝ дні́е Нѡ́евы, лѣ́тъ де́вѧть сѡ́тъ пѧтьдесѧ́тъ, и҆ ᲂу҆́мре.

сдѣлалъ надъ нимъ меньшій сынъ его;

25. И сказалъ: проклятъ Ханаанъ, рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ.

26. Потомъ сказалъ: благословенъ Господь Богъ Симовъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

27. Да распространитъ Богъ Іафета; и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

28. И жилъ Ной послѣ потопа триста пятьдесятъ лѣтъ.

29. Всѣхъ же дней Ноевыхъ было девять сотъ пятьдесятъ лѣтъ; и онъ умеръ.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XIII.

а҃. Въ де́нь же то́й и҆зше́дъ І҆и҃съ и҆з̾ домꙋ̀, сѣдѧ́ше при мо́ри:

в҃. И҆ собра́шасѧ къ немꙋ̀ наро́ди мно́зи, ꙗ҆́коже є҆мꙋ̀ въ кора́бль влѣ́зти и҆ сѣ́сти:

Вышедши же въ день тотъ изъ дома, Іисусъ сѣлъ у моря.

2. И собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ вошёлъ въ лодку, и

и҆ ве́сь наро́дъ на бре́зѣ стоѧ́ше.

г҃. И҆ глаго́ла и҆̀мъ при́тчами мно́гѡ, глаго́лѧ: Сѐ и҆зы́де сѣ́ѧй, да сѣ́етъ.

д҃. И҆ сѣ́ющꙋ є҆мꙋ̀, ѻ҆́ва падо́ша при пꙋтѝ: и҆ прїидо́ша пти́цы, и҆ позоба́ша ѧ҆̀.

є҃. Дрꙋга́ѧ же падо́ша на ка́менныхъ, и҆дѣ́же не и҆мѣ́ѧхꙋ землѝ мно́ги: и҆ а҆́бїе прозѧбо́ша, занѐ не и҆мѣ́ѧхꙋ глꙋбины̀ землѝ:

ѕ҃. Сл҃нцꙋ же возсїѧ́вшꙋ присвѧ́нꙋша: и҆ занѐ не и҆мѣ́ѧхꙋ коре́нїѧ, и҆зсхо́ша:

з҃. Дрꙋга́ѧ же падо́ша въ те́рнїи, и҆ взы́де те́рнїе, и҆ подавѝ и҆̀хъ.

и҃. Дрꙋга́ѧ же падо́ша на землѝ до́брѣй, и҆ дая́хꙋ пло́дъ, ѻ҆во оу҆бѡ сто̀, ѻ҆́во же шестьдеся́тъ, ѻ҆́во же три́десять.

ѳ҃. И҆мѣ́ѧй оу҆́шы слы́шати, да слы́шитъ.

и҃і. Вы́ же оу҆слы́шите при́тчꙋ сѣ́ющагѡ:

ѳ҃і. Всѧ́комꙋ слы́шащемꙋ сло́во црⷭ҇твїѧ и҆ не разꙋмѣ́-

сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу.

3. И поучалъ ихъ много притчами, говоря: вотъ вышелъ сѣятель сѣять.

4. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ; и налетѣли птицы, и поклевали то.

5. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока;

6. Когда же взошло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло;

7. Иное упало въ терніе, и выросло терніе, и заглушило его:

8. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать.

9. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

18. Вы же выслушайте *значеніе* притчи о сѣятелѣ.

19. Ко всякому, слушающему слово о царствіи и

вающꙋ, приходитъ лꙋкавый, и восхищаетъ всѣѧнное въ срцѣ егѡ: сїе есть, (еже) при пꙋти сѣѧнное

неразумѣющему, приходитъ лукавый, и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его: вотъ, кого означаетъ посѣянное при дорогѣ.

к. А на камени сѣѧнное, сїе есть, слышай слово, и абїе съ радостїю прїемлетъ е:

20. А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его;

ка. Не имать же корене въ себѣ, но привремененъ есть: бывши же печали, или гоненїю словесе ради, абїе соблажнѧетсѧ.

21. Но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ: когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется.

кв. А сѣѧнное въ тернїи, се есть, слышай слово, и печаль вѣка сегѡ, и лесть богатства подавлѧетъ слово, и безъ плода бываетъ.

22. А посѣянное въ терніи означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ безплодно

кг. А сѣѧнное на добрѣй земли, се есть, слышай слово и разꙋмѣваѧ: иже оубѡ плодъ приноситъ, и творитъ ѻво сто, ѻво же шестьдесѧтъ, ѻво тридесѧтъ.

23. Посѣянное же на доброй землѣ означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной въ тридцать.

ГЛАВА XVIII.

а҃. Въ то́й ча́съ пристꙋпи́ша оу҆чн҃цы̀ ко І҆и҃сꙋ, глаго́люще: кто̀ оу҆́бѡ бо́лїй є҆́сть въ ца́рствїи н҃бнѣмъ;

в҃. И҆ призва́въ І҆и҃съ ѻ҆́троча̀, поста́ви є҆̀ посредѣ̀ и҆́хъ

г҃. И҆ речѐ: а҆ми́нь гл҃ю ва́мъ, а҆ще не ѡ҆брати́тесѧ, и҆ бꙋ́дете ꙗ҆́кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ црⷭ҇тво н҃бное.

д҃. И҆́же оу҆бо смири́тсѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆́троча̀ сїѐ, то́й є҆́сть бо́лїй во црⷭ҇твїи н҃бнѣмъ.

є҃. И҆ и҆́же а҆́ще прїи́метъ ѻ҆́троча та́ково̀ во и҆́мѧ моѐ, менѐ прїе́млетъ:

ѕ҃. И҆ и҆́же а҆́ще соблазни́тъ є҆ди́наго ма́лыхъ си́хъ вѣ́рꙋющихъ въ мѧ̀, оу҆́нѣе є҆́сть є҆мꙋ̀, да ѡ҆бѣ́ситсѧ жє́рновъ ѻ҆се́лскїй на вы́и є҆гѡ̀, и҆ пото́нетъ въ пꙋчи́нѣ морстѣ́й.

з҃. Го́ре мі́рꙋ ѿ собла́знъ: нꙋ́жда бо є҆́сть прїитѝ собла́знѡмъ: ѻ҆ба́че го́ре человѣ́кꙋ

Въ то время ученики приступили къ Іисусу, и сказали: кто больше въ царствѣ небесномъ?

2. Іисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ,

3. И сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не войдёте въ царство небесное.

4. И такъ, кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ.

5. И кто приметъ одно такое дитя во имя Моё; тотъ Меня принимаетъ;

6. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жёрновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской.

7. Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому

то́мꙋ, и҆́мже соблазнъ прихо́дитъ.

и҃. А҆́ще ли рꙋка̀ твоѧ̀ и҆лѝ нога̀ твоѧ̀ соблажнѧ́етъ тѧ̀, ѿсѣцы̀ ю҆̀, и҆ ве́рзи ѿ себѐ: добрѣ́йше ти є҆́сть вни́ти въ живо́тъ хромꙋ̀ и҆лѝ безъ рꙋкѝ, не́жели двѣ̀ рꙋцѣ̀, и҆ двѣ̀ нозѣ̀ и҆мꙋ́щꙋ, вве́рженꙋ бы́ти во ѻ҆́гнь вѣ́чный.

ѳ҃. И҆ а҆́ще ѻ҆́ко твоѐ соблажнѧ́етъ тѧ̀, и҆зми̂ є҆̀, и҆ ве́рзи ѿ себѐ: добрѣ́йше ти є҆́сть со є҆ди́нѣмъ ѻ҆́комъ въ живо́тъ вни́ти, не́же двѣ̀ ѻ҆́цѣ и҆мꙋ́щꙋ вве́рженꙋ бы́ти въ гее́ннꙋ ѻ҆́гненнꙋю.

і҃. Блюди́те, да не пре́зрите є҆ди́наго (ѿ) ма́лыхъ си́хъ: гл҃ю бо ва́мъ, ꙗ҆́кѡ А҆́гг҃ли и҆́хъ на нб҃сѣ́хъ вы́нꙋ ви́дѧтъ лицѐ Ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀ нб҃нагѡ.

а҃і. Прїи́де бо Сн҃ъ человѣ́ческїй взыска́ти и҆ спастѝ поги́бшаго.

в҃і. Что̀ ва́мъ мни́тсѧ; а҆́ще бꙋ́детъ нѣ́коемꙋ человѣ́кꙋ сто̀ ѻ҆ве́цъ, и҆ заблꙋ́дитъ є҆ди́на ѿ ни́хъ: не ѡ҆ста́витъ

человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.

8. Если же рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тебя; отсѣки ихъ, и брось отъ себя: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки, или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный

9. И если глазъ твой соблазняетъ тебя; вырви его, и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенну огненную.

11 Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго

11 Ибо Сынъ человѣческій пришёлъ взыскать и спасти погибшее

12. Какъ вамъ кажется? Если бы у кого было сто овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась; то не оставитъ

ли дєвѧтьдєсѧтъ и҆ дєвѧть въ гора́хъ, и҆ шє́дъ и҆́щетъ заблꙋ́ждшїѧ;

ГІ. И҆ а҆́ще бꙋ́детъ ѡ҆брѣстѝ ю҆̀, а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ, ꙗ҆́кѡ ра́дꙋетсѧ ѡ҆ не́й па́че, не́же ѡ҆ дєвѧтидєсѧтихъ и҆ дєвѧтѝ не заблꙋ́ждшихъ.

ДІ. Та́кѡ нѣ́сть во́лѧ пре́дъ Ѻ҆ц҃е́мъ ва́шимъ н҃бнымъ, да поги́бнетъ є҆ди́нъ ѿ ма́лыхъ си́хъ.

ЕІ. А҆́ще же согрѣши́тъ къ тебѣ̀ бра́тъ тво́й, и҆дѝ и҆ ѡ҆бличѝ є҆го̀ междꙋ̀ тобо́ю и҆ тѣ́мъ є҆ди́нѣмъ: а҆́ще тебѐ послꙋ́шаетъ, прїѡбрѣ́лъ є҆сѝ бра́та твоего̀.

ЅІ. А҆́ще ли тебѐ не послꙋ́шаетъ, поимѝ съ собо́ю є҆щѐ є҆ди́наго и҆лѝ два̀: да при ꙋ҆стѣ́хъ двою̀, и҆лѝ трїе́хъ свидѣ́телей ста́нетъ всѧ́къ глаго́лъ.

ЗІ. А҆́ще же не послꙋ́шаетъ и҆́хъ, повѣ́ждь цр҃кви: а҆́ще же и҆ цр҃ковь преслꙋ́шаетъ, бꙋ́ди тебѣ̀ ꙗ҆́коже ꙗ҆зы́чникъ и҆ мытарь.

ИІ. А҆ми́нь бо глаго́лю ва́мъ:

ли девяносто девять въ горахъ, и не пойдётъ ли искать заблудившуюся?

13. И если случится найти её; то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о девяносто девяти незаблудившихся.

14. Такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ.

15. Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой; пойди, и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата своего.

16. Если же не послушаетъ; возьми съ собою ещё одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трёхъ свидѣтелей потвердилось всякое слово.

17. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь.

18. Истинно говорю вамъ:

є҆ли̑ка а҆́ще свѧ́жете на землѝ, бꙋ́дꙋтъ свѧ̑зана на нб҃сѝ: и҆ є҆ли̑ка а҆́ще разрѣши́те на землѝ, бꙋ́дꙋтъ разрѣше́на на нб҃сѣ́хъ.

ѳ҃і. Па́ки, а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ: ꙗ҆́кѡ а҆́ще два̀ ѿ ва́съ совѣща́ета на землѝ ѡ҆ всѧ́кой ве́щи, є҆ѧ́же а҆́ще про́сита, бꙋ́детъ и҆́ма ѿ Ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀, и҆́же на нб҃сѣ́хъ.

к҃. И҆дѣ́же бо̀ є҆ста̀ два̀ и҆лѝ трїѐ со́брани во и҆́мѧ моѐ, тꙋ̀ є҆́смь посредѣ̀ и҆́хъ.

к҃а. Тогда̀ приствꙋ́пль къ немꙋ̀ Пе́тръ речѐ: Г҃ди, коль-кра́ты а҆́ще согрѣши́тъ въ мѧ̀ бра́тъ мо́й, и҆ ѿпꙋщꙋ̀ ли є҆мꙋ̀ до се́дмь кра́тъ;

к҃в. Глаго́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: не гл҃ю тебѣ̀, до се́дмь кра́тъ, но до се́дмьдесѧтъ кра́тъ седмери́цею.

что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ.

19. Истинно также говорю вамъ, что, если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ; то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго.

20. Ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Моё: тамъ Я посреди ихъ.

21. Тогда Петръ приступилъ къ Нему, и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?

22. Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седьмижды семидесяти разъ.

ПСАЛОМЪ LXXXIX.

в҃. Г҃и, прибѣ́жище бы́лъ є҆сѝ на́мъ в̾ ро́дъ и҆ ро́дъ.

г҃. Пре́жде да́же гора́мъ не бы́ти и҆ созда́тисѧ землѝ и҆ вселе́ннѣй, и҆ ѿ вѣ́ка и҆ до вѣ́ка ты̀ є҆сѝ.

д҃. Не ѿвратѝ человѣ́ка во смире́нїе, и҆ ре́клъ є҆сѝ: ѡ҆брати́тесѧ, сы́нове человѣ́честїи.

є҃. Ꙗ҆́кѡ ты́сѧща лѣ́тъ пред̾ ѻ҆чи́ма твои́ма, Г҃и, ꙗ҆́кѡ де́нь вчера́шнїй, и҆́же мимои҆́де, и҆ стра́жа нощна́ѧ.

ѕ҃. Ѹ҆ничиже̑нїѧ и҆̀хъ лѣ̑та бꙋ̑дꙋтъ: ѹ҆́трѡ ꙗ҆́кѡ трава̀ мимои҆́детъ, ѹ҆́трѡ процвѣте́тъ и҆ пре́йдетъ: на ве́черъ ѿпаде́тъ, ѡ҆жесте́етъ и҆ и҆зсхне́тъ.

з҃. Ꙗ҆́кѡ и҆счезо́хомъ гнѣ́вомъ твои́мъ, и҆ ꙗ҆́ростїю твое́ю смѧто́хомсѧ.

и҃. Положи́лъ є҆сѝ беззакѡ́нїѧ на̑ша пред̾ тобо́ю: вѣ́къ

Господи! Ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ.

3. Прежде нежели родились горы, и ты образовалъ землю и вселенную, и отъ вѣка и до вѣка Ты — Богъ.

4. Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе, и говоришь: возвратитесь, сыны человѣческіе!

5. Ибо предъ очами Твоими тысяча лѣтъ, *какъ* день вчерашній, когда онъ прошёлъ, и *какъ* стража въ ночи.

6. Ты *какъ* наводненіемъ уносишь ихъ; они, *какъ* сонъ, — какъ трава, которая утромъ выростаетъ, утромъ цвѣтётъ и зеленѣетъ, вечеромъ подсѣкается и засыхаетъ:

7. Ибо мы исчезаемъ отъ гнѣва Твоего, и отъ ярости Твоей мы въ смятеніи.

8. Ты положилъ беззаконія наши предъ Тобою, и

на́шъ въ просвѣще́нїе лица̀ твоегѡ̀.

ѳ҃. Ꙗ҆́кѡ всѝ днїе на́ши ѡ҆скꙋдѣ́ша, и҆ гнѣ́вомъ твои́мъ и҆счезо́хомъ:

і҃. Лѣ́та на̑ша ꙗ҆́кѡ паꙋчи́на поꙋча́хꙋсѧ: днїе лѣ́тъ на́шихъ, въ ни́хже се́дмьдесѧтъ лѣ́тъ, а҆́ще же въ си́лахъ, ѻ҆́смьдесѧтъ лѣ́тъ, и҆ мно́жае и҆́хъ трꙋ́дъ и҆ болѣ́знь: ꙗ҆́кѡ прїи́де кро́тость на ны̀, и҆ нака́жемсѧ.

а҃і. Кто̀ вѣ́сть держа́вꙋ гнѣ́ва твоегѡ̀; и҆ ѿ стра́ха твоегѡ̀ ꙗ҆́рость твою̀ и҆счестѝ;

в҃і. Десни́цꙋ твою̀ та́кѡ ска́жи мѝ, и҆ нака́занныѧ се́рдцемъ въ мꙋ́дрости.

г҃і. Ѡ҆брати́сѧ, Гдⷭ҇и, доко́лѣ; и҆ ᲂу҆моле́нъ бꙋ́ди на рабы̑ твоѧ̑.

д҃і. И҆спо́лнихомсѧ заꙋ́тра млⷭ҇ти твоеѧ̀ Гдⷭ҇и, и҆ возра́довахомсѧ и҆ возвесели́хомсѧ:

є҃і. Во всѧ̑ дни̑ на̑шѧ возвесели́хомсѧ, за дни̑ въ

тайное наше предъ свѣтомъ лица Твоего.

9. Всѣ дни наши прошли во гнѣвѣ Твоёмъ; мы теряемъ лѣта наши, какъ звукъ

10. Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, а при большей крѣпости—восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь, ибо проходятъ быстро, и мы летимъ.

11. Кто знаетъ силу гнѣва Твоего, и ярость Твою по мѣрѣ страха твоего?

12. Научи насъ такъ счислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое.

13. Обратись, Господи! Доколѣ? Умилосердись надъ рабами Твоими.

14. Рано насыти насъ милостію Твоею, и мы будемъ радоваться и веселиться во всѣ дни наши.

15. Возвесели насъ за дни, *въ которые* Ты пора-

ꙗ҆̀же смири́лъ ны̀ є҆сѝ, лѣ́та въ нѧ́же ви́дѣхомъ ѕла҄ѧ.

ѕ҃і. И҆ при́зри на рабы̑ твоѧ̑, и҆ на дѣла̀ твоѧ̑, и҆ наста́ви сы́ны и҆́хъ.

з҃і И҆ бꙋ́ди свѣ́тлость Гд҃а Бг҃а на́шегѡ на на́съ, и҆ дѣ́ла рꙋ́къ на́шихъ и҆спра́ви на на́съ, и҆ дѣ́ло рꙋ́къ на́шихъ и҆спра́ви.

жалъ насъ, за лѣта, *въ которыя* мы видѣли бѣдствіе.

16. Да явится на рабахъ Твоихъ дѣло Твоё, и на сынахъ ихъ—слава Твоя;

17 И да будетъ благоволеніе Господа Бога нашего на насъ, и въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй намъ, въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЕТЪ.

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ.

Если считать такъ: 5+3=8; это—*сложеніе*. Если считать такъ: 8—5=3; это—*вычитаніе*. Если считать такъ: пять троекъ сколько будетъ? — пятнадцать (3×5=15); это—*умноженіе*. Если считать такъ: три пятка сколько будетъ?—пятнадцать (5×3=15); это тоже—умноженіе

Если считать такъ: въ пятнадцати сколько будетъ троекъ?—пять (15:3=5); это—*дѣленіе*. Если считать такъ: въ пятнадцати чего будетъ три?—три пятка; это тоже—дѣленіе.

Умноженіе.

Три раза два (три пары) сколько будетъ?

2×3=6

Два раза три (двѣ тройки) сколько будетъ?

3×2=6

Восемь разъ пять (восемь пятковъ)?

5×8=40

Пять разъ восемь (пять восьмериковъ)?

8×5=40

Семь разъ двѣнадцать (семь дюжинъ)?

12×7=84

Двѣнадцать разъ семь (двѣнадцать семериковъ)?

$7 \times 12 = 84$.

Шесть разъ пятьдесятъ (шесть полусотенъ)?

$50 \times 6 = 300$.

Пятьдесятъ разъ шесть (пятьдесятъ шестериковъ)?

$6 \times 50 = 300$.

Три раза сорокъ (три сорока) сколько будетъ?

$40 \times 3 = 120$

Сорокъ разъ три (сорокъ троекъ)?

$3 \times 40 = 120$

Дѣленіе.

Въ шести сколько разъ два?
(Въ шести сколько паръ?)
Въ шести по скольку будетъ два раза?
(Въ шести чего будетъ два?)

$6 : 2 = 3$

Въ сорока сколько разъ будетъ восемь?
(Въ сорока сколько восьмериковъ?)
Въ сорока по скольку будетъ восемь разъ?
(Въ сорока чего будетъ восемь?)

$40 : 8 = 5$

Въ восьмидесяти четырёхъ сколько разъ будетъ двѣнадцать?

(Въ восьмидесяти четырёхъ сколько дюжинъ?)

Въ восьмидесяти четырёхъ по скольку будетъ двѣнадцать разъ?

(Въ восьмидесяти четырёхъ чего будетъ двѣнадцать?)

$84 : 12 = 7$

Въ трехъ стахъ сколько разъ будетъ пятьдесятъ? (Въ трехъ стахъ сколько полусотенъ?).
Въ трехъ стахъ по скольку будетъ пятьдесятъ разъ? (Въ трехъ стахъ чего будетъ пятьдесятъ?).

300:50=6

Въ ста двадцати сколько разъ будетъ сорокъ? (Въ ста двадцати сколько будетъ сороковъ)?
Въ ста двадцати по скольку будетъ сорокъ разъ? (Въ ста двадцати чего будетъ сорокъ?)

120:40=3

Умноженiе.

4×8. Значитъ узнать: восемь четвериковъ (восемь разъ четыре)—сколько будетъ? Или узнать: четыре восьмерика (четыре раза по восьми)—сколько будетъ?

Чтобы узнать, надо 4 сложить 8 разъ, или 8 сложить 4 раза.

4 сложить 8 разъ:

1-й разъ 4= 4.
2-й разъ 4+ 4= 8.
3-й разъ 4+ 8=12.
4-й разъ 4+12=16.
5-й разъ 4+16=20.
6-й разъ 4+20=24.
7-й разъ 4+24=28.
8-й разъ 4+28=32.

8-мь разъ 4=32.
4×8=32.

8 сложить 4 раза:

1-й разъ 8= 8.

2-й разъ 8+ 8=16.

3-й разъ 8+16=24.

4-й разъ 8+24=32.

4-ре раза 8=32.

8×4=32.

Помножить: 7×5, 9×2, 6×7, 5×4, 7×8, 6×5, 7×6, 3×9, 4×5, 8×7, 5×6.

Дѣленіе.

32:4. Значитъ—узнать: въ 32-хъ сколько будетъ четвериковъ? (сколько разъ по четыре?). Или узнать: въ 32-хъ чего будетъ четыре? (четыре раза по скольку?).

Чтобы узнать сколько будетъ четвериковъ въ 32-хъ, надо изъ 32-хъ вычитать по одному четверику, и счесть, сколько разъ вычтется.

1-й разъ 32—4=28.

2-й разъ 28—4=24.

3-й разъ 24—4=20.

4-й разъ 20—4=16.

5-й разъ 16—4=12.

6-й разъ 12—4= 8.

7-й разъ 8 —4= 4.

8-й разъ 4 —4= 0.

8-мь разъ изъ 32-хъ вычесть 4—ничего не останется.

Стало быть изъ 32-хъ 4 вычтется ровно 8 разъ

32:4=8.

Чтобы узнать въ 32-хъ по скольку будетъ 4 раза, надо раздѣлить 32 на 4 равныя части. Сколько будетъ въ каждой части, по стольку и будетъ 4 раза въ 32-хъ.

	32
	8
Изъ 32-хъ разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	24
	24
	8
Изъ 24-хъ разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	16
	16
	8
Изъ 16-ти разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 7$), вычти 8, останется:	8
	8
	8
Изъ 8-ми разложи на 8 частей по 1 ($1 \times 8 = 8$), вычти 8, останется:	0

32 разложится на 8 частей по 4 ($4 \times 8 = 32$). и ничего не останется.
Стало быть въ 32-хъ будетъ 4 раза по восьми. $32 : 8 = 4$

Раздѣлить: 42:7, 20:4, 56:8, 35:7, 27:9, 42:6, 20:5, 56:7, 30:5.

Умноженіе.

2×50. Значитъ 2 сложить 50 разъ, или 50 сложить 2 раза,—будетъ 100.

3×80. Сложить 80 разъ 3, или 3 раза 80.

500×4. 138×2. 574×5. 898×6. 517×4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Дѣленіе.

100:2. Значитъ изъ 100 вычитать по 2 до тѣхъ поръ, пока ничего не останется. Или узнать, чего будетъ 2 въ 100-тѣ?

(Въ 100-тѣ 2 раза будетъ по скольку?)

Будетъ двѣ полусотни.

90:3. Вычитать по 3, или найти, чего будетъ 3 въ 90?

(Въ 90-тѣ 3 раза будетъ по скольку?)

2000:4. 800:2 500:5. 276:2. 936:3. 1000:4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Умноженіе.

9×8 Надо 9 сложить 8 разъ.

1-й разъ 9 = 9.
2-й разъ 9 + 9 = 18.
3-й разъ 9 + 18 = 27.
4-й разъ 9 + 27 = 36.
5-й разъ 9 + 36 = 45.
6-й разъ 9 + 45 = 54.
7-й разъ 9 + 54 = 63.
8-й разъ 9 + 63 = 72.

8-мь разъ 9 = 72. 9×8 = 72.

Вмѣсто того, чтобы складывать по одному разу 9, можно складывать по два и по четыре раза вмѣстѣ. Вотъ такъ:

2 раза 9=18.
2 раза 9=18.
4 раза 9=36

4 раза 9=36
4 раза 9=36
8 разъ 9=72.

Если сложить 8 девять разъ, то выйдетъ то же самое.

Помножить:

22×2, 10×8, 45×4, 33×8, 71×4.

Дѣленіе.

72:9 Надо 9 вычитать изъ 72-хъ, и счесть, сколько разъ вычтется; или узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ? (Въ 72-хъ 9 разъ будетъ по скольку?)

Вычитай 9 изъ 72-хъ.

1-й разъ 72—9=63.
2-й разъ 63—9=54.
3-й разъ 54—9=45.
4-й разъ 45—9=36.
5-й разъ 36—9=27.
6-й разъ 27—9=18.
7-й разъ 18—9= 9.
8-й разъ 9 —9= 0.

8-мь разъ изъ 72 вычесть 9,—ничего не останется.

Раздѣлить 72:9.

Узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ. (въ 72-хъ 9 разъ по скольку?).
Разложи 72 на 9 равныхъ частей.
Вмѣсто того, чтобы раскладывать по одной, раскладывай по двѣ и по четыре:

Изъ 72-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2\times9=18$), вычти 18, останется:

$$\begin{array}{r} 72 \\ 18 \\ \hline 54 \end{array}$$

Изъ 54-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2\times9=18$), вычти 18, останется:

$$\begin{array}{r} 54 \\ 18 \\ \hline 36 \end{array}$$

Изъ 36 разложи на 9 частей по 4 ($4\times9=36$), вычти 36, останется:

$$\begin{array}{r} 36 \\ 36 \\ \hline 00 \end{array}$$

72 разложится на 9 частей по 8 ($8\times9=72$), и ничего не останется.
Стало быть въ 72-хъ будетъ 8 разъ по 9 $72 : 8 = 9$.
Раздѣлить: 60:15, 44:11, 80:10, 180:45, 284:71, 3692:71

Умноженіе.

17×9. Надо 17 сложить 9 разъ или 9 сложить 17 разъ. 17 сложить 9 разъ:

17+17=34=2×17=34.
2 раза 17= 34.
2 раза 17= 34.
4 раза 17= 68

4 раза 17= 68.
4 раза 17= 68.
8 разъ 17=136.

8 разъ 17=136.
1 разъ 17= 17
9 разъ 17=153.

Если сложить 9-ть 17 разъ, то будетъ то же самое.

26×11. 26+26=52.
2 раза 26= 52.
2 раза 26= 52.
4 раза 26=104.

4 раза 26=104.
4 раза 26=104.
8 разъ 26=208

8 разъ 26=208
2 раза 26= 52.
10 разъ 26=260.

10 разъ 26=260.
1 разъ 26= 26.
11 разъ 26=286. 26×11=286.

26 разъ 11 будетъ то же самое.

35×12 1 разъ 35= 35.
1 разъ 35= 35.

2 раза 35= 70.
2 раза 35= 70.

4 раза 35=140.
4 раза 35=140.

8 разъ 35=280.
4 раза 35=140.

12 разъ 35=420.

35×12=420.

35 сложить 12 разъ, будетъ то же самое

14×7. 1 разъ 14= 14.
1 разъ 14= 14.

2 раза 14= 28
2 раза 14= 28.

4 раза 14= 56
2 раза 14= 28.
1 разъ 14= 14.

7 разъ 14= 98.

Можно сдѣлать ещё такъ:

1 разъ 14= 14.
1 разъ 14= 14.

2 раза 14= 28
2 раза 14= 28.

4 раза 14= 56.
4 раза 14= 56.

8 разъ 14=112; вычесть 1 разъ 14,
1 разъ 14= 14.

7 разъ 14= 98. 14×7 98.

36×15. 1 разъ 36= 36
1 разъ 36= 36

2 раза 36= 72
2 раза 36= 72

4 раза 36=144
4 раза 36=144

8 разъ 36=288.
4 раза 36=144
2 раза 36= 72
1 разъ 36= 36.

15 разъ 36=540

Можно сдѣлать ещё такъ

1 разъ 36= 36
1 разъ 36= 36

2 раза 36= 72.
2 раза 36= 72.

4 раза 36=144
4 раза 36=144.

8 разъ 36=288
8 разъ 36=288.

16 разъ 36=576

16 разъ 36=576. **Вычесть 1 разъ 36**
1 разъ 36= 36

15 разъ 36=540
36×15=540

Помножить: 48 × 7 56 × 9, 73 × 15, 183 × 3, 35×31.

Дѣленіе.

153 : 9. Надо 9 вычитать изъ 153-хъ и считать сколько разъ вычтется, или узнать, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по скольку?

Разложи 153 на 9 равныхъ частей

	153
	18
Изъ 153-хъ разложи на 9 частей по 2 (2×9 18), вычти 18, останется	135
	135
	18
Изъ 135-ти разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, останется	117
	117
	36
Изъ 117-ти разложи на 9 частей по 4 (4×9=36): вычти 36, останется	81
	81
	72
Изъ 81-го разложи на 9 частей по 8 (8 × 9 = 72), вычти 72, останется	9
	9
	9
Изъ 9-ти разложи на 9 частей по 1 (1 × 9 = 9), вычти 9, останется.	0

153 разложится на 9 частей по 17 (9×17=153), и ничего не останется

Стало быть въ 153-хъ 9 разъ будетъ по 17   153 : 9 = 17

286 : 26 Вычитать 26 изъ 286 и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 286-ти 26 разъ будетъ по скольку?

	286
	52
Изъ 286-ти разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, останется:	234
	234
	52
Изъ 234-хъ разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, останется:	182
	182
	104
Изъ 182-хъ разложи на 26 частей по 4 (4×26=104), вычти 104, останется:	78
	78
	52
Изъ 78-ми разложи на 26 частей по 2 (2×26 = 52), вычти 52, останется:	26
	26
	26
Изъ 26-ти разложи на 26 частей по 1 (1 × 26 = 26) вычти 26, останется:	00

286-ть разложится па 26 частей по 11 (11 × 26 = 286), и ничего не останется.

Стало быть въ 286-ти 26 разъ будетъ по 11-ти. 286 : 26 = 11.

420 : 35. Вычитать 35 изъ 420, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать въ 420-ти 35 разъ будетъ по скольку?

	420
	70
Изъ 420-ти разложи на 35 частей по 2 ($2 \times 35 = 70$), вычти 70, останется:	350
	350
	70
Изъ 350-ти разложи на 35 частей по 2 ($2 \times 35 = 70$), вычти 70, останется:	280
	280
	140
Изъ 280-ти разложи на 35 частей по 4 ($4 \times 35 = 140$), вычти 140, останется:	140
	140
	140
Изъ 140-ка разложи на 35 частей по 4 ($4 \times 35 = 140$), вычти 140, останется:	000

240 разложится на 35 частей по 12 ($12 \times 35 = 420$), и ничего не останется

Стало быть въ 420-ти 35 разъ будетъ по 12-ти $430 : 35 = 12$

521

98 : 14. Вычитать 14 изъ 98-ми и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, чего будетъ 14 въ 98-ми,

	98
	28
Изъ 98-ми разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, останется:	70
	70
	28
Изъ 70-ти разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, останется:	42
	42
	28
Изъ 42-хъ разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, останется:	14
	14
	14
Изъ 14-ти разложи на 14 частей по 1 ($1 \times 14 = 14$), вычти 14, останется:	00

98 разложится на 14 частей по 7 ($7 \times 14 = 98$), и ничего не останется.

Стало быть въ 98-ми 14 семериковъ. $98 : 14 = 7$

Раздѣлить 64 9, 198 22, 2352 112, 5292 : 756 5796 9, 38142 3

Помножить

3 × 48 Сорокъ восемъ надо сложить три раза Вмѣсто того, чтобы складывать 48 и 48 складывай десятки особенно и простыя особенно, такъ три раза 4 десятка будетъ 12 десятковъ — 120 Три раза 8 будетъ 24 Сложи вмѣстѣ 120 + 24 = 144

$$\begin{array}{r} 3 \times 40 = 120 \\ 3 \times 8 = 24 \\ \hline 3 \times 48 = 144 \end{array}$$

Помножить: 63 × 5; 74 × 8, 36 × 4, 24 × 3; 5 × 49: 83 × 6

Раздѣлить:

144 : 3. Надо 3 вычитать изъ 144-хъ и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 144-хъ будетъ три раза по скольку?

Чтобы узнать, въ 144-хъ по скольку будетъ три раза, надо раздѣлить 144 на 3 части. Вмѣсто того, чтобы откладывать на каждую часть по одной и вдвое, можно откладывать сразу на часть по десятку и вдвое, пока выйдутъ всѣ десятки, а потомъ откладывать простыя, сколько останется.

	144
	30
Изъ 144-хъ разложи на 3 части по 10 ($3\times10=30$), вычти 30, останется:	114
	30
Изъ 114-ти разложи на 3 части по 10 ($3\times10=30$), вычти 30, останется:	84
	60
Изъ 84-хъ разложи на 3 части по 20 ($3\times20=60$), вычти 60, останется:	24

	24
	3
Изъ 24 разложи на 3 части по 1 (1×3=3). Изъ 24 вычесть 3, останется:	21
	6
Изъ 21 разложи на 3 части по 2 (2×3=6). Изъ 21 вычесть 6, останется:	15
	9
Изъ 15 разложи на 3 части по 3 (3×3=9). Изъ 15 вычесть 9, останется:	6
	6
Изъ 6 разложи на 3 части по 2 (2×3=6). Изъ 6 вычесть 6, останется:	0
	144
	120
Изъ 144 разложи на 3 части по 40 (40×3=120). Изъ 144 вычесть 120, остан.:	24
	24
Изъ 24 разложи на 3 части по 8 (8×3=24). Изъ 24 вычесть 24, остан.:	00

143 разложится на 3 части по 48 (3 × 48 144), и ничего не останется.
Въ 144 стало быть 3 раза будетъ по 48. 144 : 3 = 48.

Раздѣлить.

153 : 9. 284 : 4 378 : 7 180 : 6.
452 : 2. 100 : 5. 285 : 5. 177 : 3.

Помножить:

37 × 45. Надо помножить 30 на 40 и на 5, да 7 на 40 и на 5, и всё сложить.

30 × 40. Тридцать разъ четыре десятка будетъ 120 десятковъ	1200
30 × 5. Тридцать разъ пять будетъ	150
7 × 40. Семь разъ четыре десятка будетъ.	280
7 × 5. Семь разъ пять будетъ	35
Сложить.	1665.

Помножить:

49 × 72. 85 × 16 38 × 95. 49 × 25.
51 × 65.

Раздѣлить 1665 : 37.

1665
370
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 10 (10×37=370). Изъ 1665 вычти 370, остан. 1295
370
Изъ 1295 разложи на 37 ч. по 10 (10×37=370). Изъ 1295 вычти 370, остан. 925
740
Изъ 925 разложи на 37 ч. по 20 (20×37=740). Изъ 925 вычти 740, остан. 185
74
Изъ 185 разложи на 37 ч. по 2 (2×37=74). Изъ 185 вычти 74, остан. 111
74
Изъ 111 разложи на 37 ч. по 2 (2×37=74). Изъ 111 вычти 74, остан. 37
37
Изъ 37 разложи на 37 ч. по 1 (1×37=37). Изъ 37 вычти 37, остан. 00

1665
1480
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 40 (40×37=1480). Изъ 1665 вычти 1480, ост. 185
185
Изъ 185 разложи на 37 частей по 5 (5×37=185). Изъ 185 вычти 185, остан. 000
1665 разложится на 37 частей по 45 (45 × 37 = 1665), и ничего не останется.

Раздѣлить.

3528 : 72. 3528 : 49. 1360 : 16. 1360 : 85. 3315 : 51. 3315 : 65.

Помножить 352×674.

Надо помножить 300 на 600, на 70 и на 4; 50 помножить на 600, на 70 и на 4; 2 помножить на 600, на 70 и на 4.

300×600. Триста разъ шесть простыхъ будетъ тысяча восемьсотъ простыхъ; триста разъ шестьсотъ будетъ тысяча восемьсотъ сотенъ 180000

300×70. Триста разъ семь простыхъ будетъ двѣ тысячи сто простыхъ; триста разъ семь десятковъ будетъ двѣ тысячи сто десятковъ. 21000

300×4. Триста разъ четыре будетъ . . 1200

50×600. Пятьдесятъ разъ шесть будетъ триста; пятьдесятъ разъ шестьсотъ будетъ триста сотенъ. 30000

50×70. Пятьдесятъ разъ семь будетъ триста пятьдесятъ; пятьдесятъ разъ семь десятковъ будетъ триста пятьдесятъ десятковъ. . 3500

50×4. Пятьдесятъ разъ четыре будетъ . 200

2×600. Два раза шестьсотъ будетъ двѣнадцать сотъ 1200

2×70. Два раза семь десятковъ будетъ четырнадцать десятковъ. 140

2×4 Два раза четыре 8

Сложить, выйдетъ . . 237248

Помножить:

156×382. 595×435. 898×111. 205×178.

Раздѣлить: 237248 : 674.

Въ 237248-ми 674 раза по скольку?

Вмѣсто того, чтобы класть по 10-ти на часть, можно раскладывать по 100, по 1000 и больше.

Въ 237248 много ли десятковъ? 23724. Можно класть десятками.

Въ 237248 много ли сотенъ? 2372. Можно класть сотнями.

Въ 237248 много ли тысячь? 237. По тысячѣ нельзя положить; потому что, если положить по 1000 на 674 части, то всѣхъ выйдетъ 674000. А 674000 больше, чѣмъ 237248. Стало быть надо класть сперва сотнями, потомъ десятками, а потомъ простыми.

Изъ 237248 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400);

изъ 237248 вычти 67400, останется

$$\begin{array}{r} 237248 \\ 67400 \\ \hline 169848 \end{array}$$

Изъ 169848 разложи на 674 части по 100 (100 × 674 = 67400);

изъ 169848 вычти 67400, останется

$$\begin{array}{r} 67400 \\ \hline 102448 \end{array}$$

	102448
Изъ 102448 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400);	67400
изъ 102448 вычти 67400, останется	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 35048 вычти 6740, останется	28308
Изъ 28308 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 28308 вычти 6740, останется	21568
Изъ 21568 разложи на 674 части по 20, (20 × 674 = 13480);	13480
изъ 21568 вычти 13480, останется	8088
Изъ 8088 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740);	6740
изъ 8088 вычти 6740, останется	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674);	674
изъ 1348 вычти 674, останется	674
Изъ 674 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674);	674
изъ 674 вычти 664, останется	000

Изъ 237248 разложи на 674 части по 300 ($300 \times 674 = 202200$);	
	237248
изъ 237248 вычти 202200, останется	202200
	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 50 ($50 \times 674 = 33700$);	
	35048
изъ 35048 вычти 33700, останется	33700
	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 2 ($2 \times 674 = 1358$);	
	1348
изъ 1348 вычти 1348, останется	1348
	0000

237248 разложится на 674 части по 352 ($352 \times 674 = 237248$), и ничего не останется.
Стало быть въ 237248-ми 674 раза по 352. $237258 : 674 = 352$.

Раздѣлить 468750 : 5. Въ 468750-ти 5 разъ по скольку? Десятковъ будетъ 46875; сотенъ будетъ 4687; тысячъ 468; десятковъ тысячъ 46. Сотенъ тысячъ 4. Сотнями тысячъ нельзя класть; по 100000 на 5 частей вышло бы 500000, — лишнее. Стало быть надо класть десятками тысячъ.

Изъ 468750 разложи на 5 частей по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$);	
	468750
изъ 468750 вычти 50000, останется.	50000
	418750
	50000
Изъ 418750 разл. на 5 ч. по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$); вычти, остан.	368750
	100000
Изъ 368750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан.	268750
	100000
Изъ 268750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан	168750
	100000
Изъ 168750 разл. на 5 ч. по 20000 ($5 \times 20000 = 100000$); вычти, остан.	68750
	50000
Изъ 68750 разл на 5 ч. по 10000 ($5 \times 10000 = 50000$); вычти, остан.	18750
	5000
Изъ 18750 разложи на 5 ч. по 1000 ($5 \times 1000 = 5000$); вычти, остан.	13750

	13750
	10000
Изъ 13750 разложи на 5 ч. по 2000 ($5 \times 2000 = 10000$); вычти; остан	3750
	500
Изъ 3750 разложи на 5 частей по 100 ($5 \times 100 = 500$); вычти, остан.	3250
	1000
Изъ 3250 разложи на 5 частей по 200 ($5 \times 200 = 1000$); вычти, остан.	2250
	1000
Изъ 2250 разложи на 5 частей по 200 ($5 \times 200 = 1000$); вычти, останется	1250
	1000
Изъ 1250 разложи на 5 частей по 200 ($5 \times 200 = 1000$); вычти, останется	250
	100
Изъ 250 разложи на 5 частей по 20 ($5 \times 20 = 100$); вычти, останется	150
	100
Изъ 150 разложи на 5 частей по 20 ($5 \times 20 = 100$); вычти, останется	50
	50
Изъ 50 разложи на 5 частей по 10 ($5 \times 10 = 50$); вычти, останется	00

468750 разложится на 5 частей по 93750, и ничего не останется.

Стало быть въ 468750-ти 5 разъ по 93750. 468750 : 5=93750,

Раздѣлить:

809712 : 815. 68950 : 45. 56709 : 23. 608121 : 9.
308924 : 826 308924 : 374. 578034564 : 3.

Умножить:

48×37.

Можно множить сначала десятки, а потомъ простыя:

40 па 30 и на 7, и
8 на 30 и на 7.

$40 \times 30 = 1200$
$40 \times 7 = 280$
$8 \times 30 = 240$
$8 \times 7 = 56$

1776.

А можно множить сначала простыя, а потомъ десятки:

7 па 8 и на 40, и
30 па 8 и на 40.

$7 \times 8 = 56$
$7 \times 40 = 280$
$30 \times 8 = 240$
$30 \times 40 = 1200$

1776.

Чтобы дѣлать скорѣе умноженіе, надо сначала множить простыя, а потомъ десятки, и писать такъ:

48
37

Семь разъ восемь — пять десятковъ и шесть простыхъ.

Пиши подъ простыми 6, и помни, что къ десяткамъ надо приложить 5,0.

```
 48
 37
 ──
  6
```

Семь разъ чтыре десятка—двѣ сотни и восемь десятковъ, и еще пять десятковъ,—вышло: три сотни, три десятка.

```
 48
 37
───
336
```

Тридцать разъ восемь—двѣ сотни, четыре десятка и ни одной простой. Пиши подъ простыми 0, подъ десятками четыре, и помни, что къ сотнямъ надо приложить 2,00

```
 48
 37
───
336
 40
```

Тридцать разъ сорокъ—одна тысяча и двѣ сотни. Приложи двѣ сотни. Пиши: одна тысяча и четыре сотни.

```
  48
  37
 ───
 336
1440
```

Сложи все вмѣстѣ:

```
   48
   37
  336
 1440
-----
 1776
```

```
687 × 325 =     687
                325
             ------
               3435
              13740
             206100
             ------
             223275
```

```
715 × 201 =     715
                201
             ------
                715
             143000
             ------
             143715
```

```
702 × 204 =     702
                204
             ------
               2808
             140400
             ------
             143208
```

Помножить.

735×48. 561×798. 615×105. 281×107.

Раздѣлить:

1680 : 35.

Чтобы дѣлать скорѣе дѣленіе, надо раскладывать не по одному десятку, а сразу столько десятковъ, сколько выйдетъ; потомъ вычесть десятки изъ десятковъ и раскладывать не по одной простой, а сразу столько, сколько выйдетъ, и писать такъ:

```
1680|35
    |----
    |
```

Изъ ста шестидесяти восьми десятковъ разложи на 35 частей по 4 десятка. Пиши 40 подъ чертой:

```
1680|35
    |----
    |40
```

Помножить тридцать пять на четыре десятка—выйдетъ 1400. Подпиши 1400 подъ 1680.

```
1680|35
1400|----
    |40
```

Вычти 1400 изъ 1680, и подпиши что̀ остается:

```
1680|35
1400|----
----|40
 280
```

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по восьми простыхъ. Пиши 8 подъ 40.

```
1680 35
1400 40
 280  8
```

Помножь 35 на 8,—выйдетъ 280. Подпиши 280 подъ 280.

```
1680 35
1400 40
 280  8
 280
```

Вычти 280 изъ 280, и подпиши что останется. Сложи 40 и 8, будетъ 48.

```
1680 35
1400 40
 280  8
 280 48
 000
```

1680 : 35 = 48.

837 : 75.

Разложи по 10 на 75 частей.
Помножить 10 на 75, выйдетъ 750.
Вычти 750 изъ 837, останется 87.

```
837 75
750 10
 87
```

Разложи по 1 на 75 частей
Помножь 1 на 75, выйдетъ 75.

Вычти 75 изъ 87, останется 12.
Сложи 10 и 1, выйдетъ 11, и осталось 12.

837 : 75=11. Осталось 12.

```
5145 | 49
4900 | 100
 245 |   5
 245 | 105
 000
```

5145 : 49=105.

```
817263 | 839
755100 | 900
 62163 |  70
 58730 |   4
  3433 | 974
  3356
    77
```

817263 : 839=974. Осталось 77.

Раздѣлить:

5101:25. 382:16. 641:52. 21078:516.

Задачи.

I.

1) Купецъ купилъ лѣсъ за 3700 рублей. Срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 531 сажень дровъ.

Купецъ продалъ дрова по 8 рублей за сажень. Получилъ ли купецъ барышъ, или убытокъ, и сколько барыша или убытка?

Сколько купецъ выручилъ за всѣ 531 сажень дровъ по 8 рублей?

$$531 \times 8 = 4248.$$

А сколько онъ заплатилъ? — 3700.

Что́ больше, 3700, или 4248? — 4248.

На сколько больше?

4248 — 3700 = 548. На 548 рублей.

2) Купецъ купилъ лѣсъ за 8650 рублей. Онъ срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 796 саженъ дровъ.

Купецъ продалъ дрова всѣ по одной цѣнѣ, получилъ на лѣсѣ барыша 106 рублей.

По чёмъ купецъ продавалъ дрова за каждую сажень?

Купецъ выручилъ за дрова свои деньги 8650, да ещё 106 рублей. Стало быть всѣхъ 8756 рублей. 8756 рублей онъ получилъ за 796 саженъ. По чёмъ продавалъ за сажень? 8756 : 796.

3) Купецъ купилъ лѣсъ, заплатилъ 10000, срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, продавалъ дрова по 11 рублей за сажень и получилъ барыша 1000 рублей.

Сколько было саженъ дровъ? Купецъ выручилъ всѣхъ 11000 за дрова по 11 рублей за сажень. Сколько было саженъ? 11000 : 11 = 1000.

3) Купецъ купилъ лѣсъ. Срѣзалъ весь въ дрова. Вышло 693 сажени дровъ. Продавалъ дрова по 17 рублей и получилъ убытку 86 рублей. За сколько онъ купилъ лѣсъ?

За дрова купецъ выручилъ 693 × 17 = 11781.

А заплатилъ купецъ за лѣсъ 86-ю рублями больше. Стало быть онъ заплатилъ 11781+86=11867 рублей.

ЗАДАЧИ

II.

1) На два человѣка на три дни давали 18 фунтовъ хлѣба. Прибавилось два человѣка. На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно хлѣба?

18 фунтовъ давали на двухъ на три дня. На одного человѣка на три дня много ли? 18 : 2 = 9.

Девять фунтовъ давали на одного человѣка на три дня. На день сколько? 9 : 3 = 3. Три фунта на день на человѣка.

На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно? На каждаго человѣка на день 3 фунта; на 6 дней, 3×6=18 фунтовъ на человѣка. На 5 человѣкъ на каждаго по 18 фунтовъ, 5×18=90, девяносто фунтовъ. Изъ сорока фунтовъ выходитъ пудъ, — много ли пудовъ? 90 : 40 = 2 пуда и 10 фунтовъ.

2) На 62 человѣка выдавали по 43 пуда и по 16 фунтовъ хлѣба. Прибавилось ещё 15 человѣкъ; сколько на всѣхъ нужно хлѣба на годъ?

На 62 человѣка въ недѣлю выходило по 43 пуда и 16 фунтовъ. (Сколько фунтовъ въ 43-хъ пудахъ 16 фунтахъ? 43 × 40 = 1720. Приложи 16. Выйдетъ 1736 фунтовъ). На одинъ день на 62 человѣка много ли нужно хлѣба?

(Въ недѣлѣ 7 дней). 1736 : 7 = 248.

На одного человѣка на одинъ день много ли нужно хлѣба? 248 : 62 = 4.

Прибавилось 15 человѣкъ къ 62-мъ. Всѣхъ стало: 15 + 62 = 77.

Много ли на день нужно хлѣба 77 человѣкамъ? 77 × 4 = 308.

77 человѣкамъ на день нужно 308 фунтовъ. Много-ли нужно въ годъ? (Въ году 365 дней)

308 × 356 = 109648 фунтовъ. Много ли тутъ пудовъ? 109648 : 40 = 2741 пудъ и 8 фунтовъ.

ЗАДАЧИ

III.

1) Пять братьевъ раздѣлили послѣ отца наслѣдство поровну. Въ наслѣдствѣ было три дома. Три дома нельзя было дѣлить, ихъ взяли старшіе три брата. А меньшимъ за то выдѣлили деньги. Каждый изъ старшихъ заплатилъ по 800 рублей меньшимъ.

Меньшіе раздѣлили эти деньги между собою и тогда у всѣхъ 5 братьевъ стало поровну. Много ли стоили дома?

Три старшіе брата дали двумъ меньшимъ три раза по восьмисотъ 3 × 800 = 2400. Меньшіе раздѣлили 2400 на 2 части 2400 : 2 = 1200 и у всѣхъ стало по ровну, по 1200.

Стало быть дома стоили по 2000 рублей. А всего наслѣдства было на 6000 въ домахъ.

2) Мужикъ вышелъ пѣшкомъ изъ Тулы въ Москву въ 5 часовъ утра. Въ 12 часовъ выѣхалъ баринъ изъ Тулы въ Москву. Мужикъ идётъ 5 вёрстъ въ каждый

часъ, а баринъ ѣдетъ 11 вёрстъ въ каждый часъ. На какой верстѣ баринъ догонитъ мужика?

До тѣхъ поръ, пока баринъ выѣхалъ изъ Тулы, сколько мужикъ ушёлъ? Когда баринъ выѣхалъ и мужикъ шёлъ Сколько баринъ въ часъ навёрстывалъ на мужикѣ? На сколько онъ приближался къ мужику въ каждый часъ?

Въ сколько-жъ часовъ баринъ нагонитъ мужика? Когда узнаешь въ сколько часовъ нагонитъ, тогда сочти, сколько часовъ ѣхалъ баринъ по 11 вёрстъ въ часъ.

ЗАДАЧИ.

IV

1) Одинъ мужикъ нанялъ 70 десятинъ земли, заплатилъ по 8 рублей за десятину помѣщику, и посѣялъ пшеницы всѣ 70 десятинъ. За сѣмяна заплатилъ по 1 р. 30 к. за пудъ, сѣялъ на десятину по 9 пудовъ. За работу заплатилъ по 8 рублей за десятину Родилось пшеницы по 13 копёнъ на десятинѣ. Изъ каждой копны вымолотилъ по 6 пудовъ пшеницы. За молотьбу по 7 копѣекъ съ пуда. За провозъ въ городъ заплатилъ по 11 копѣекъ съ пуда.

Продалъ пшеницу по 1 р. 40 копѣекъ за пудъ. Много ли мужикъ получилъ барыша, или убытку?

Выдалъ мужикъ за землю 70 × 8 = 560,00.
Сѣмянъ высѣялъ мужикъ по 9 пудовъ на десятину, на 70 десятинъ 70×9=630 пудовъ. Покупалъ за пудъ по 1 р. 30 к За 630 пудовъ по 1 р. 30 копѣекъ 630×130= 819,00.

итого 1379,00

Получилъ мужикъ 13 копёнъ на десятинѣ; на 70 десятинахъ 70×13=910. Изъ копны вышло по 6-ти пудовъ; изъ 910-ти копёнъ 910×6=5460 пудовъ. Продалъ 5460 пудовъ по 1 руб. 40 копѣекъ за пудъ. Получилъ всѣхъ денегъ . . . . . . 5460×140= 7644,00

За молотьбу мужикъ заплатилъ по 7 копѣекъ за пудъ, за 5460 пудовъ 5460×7= 38220 382,20

За провозъ въ городъ по 11 копѣекъ за пудъ, за 5460 пудовъ 5460 × 11 = 600,60

итого ещё расхода . .	982,80
прежняго расхода. .	1379,00
	2361,80
Всего прихода. .	7644,00
Всего расхода. .	2361,80
Барыша. .	5282,20

2) Одинъ купецъ далъ работнику 1000 рублей и велѣлъ купить на всѣ деньги сто скотинъ, и чтобы платить за телушекъ по 5 рублей, за быковъ по 100 рублей, а за коровъ по 50 рублей. Работникъ купилъ 90 телушекъ, 9 коровъ и одного быка.

V

Одинъ человѣкъ выдумалъ игру въ шашки, сдѣлалъ хорошія шашки и шашешницу, и подарилъ Царю. Царю полюбилась игра, и онъ спросилъ, чѣмъ его наградить? Человѣкъ сказалъ: на одну клѣтку вели положить зернушко пшеницы, а на другую два, а на третью 4,

а на 4-ую вдвое, и опять вдвое, и такъ всѣ клѣтки уложить пшеницей, и мнѣ отдать ту пшеницу. Царь посмѣялся, что человѣкъ такъ мало проситъ; а какъ стали считать, такъ у Царя пшеницы не достало. Клѣтокъ въ шашечницѣ 8 съ одной стороны и 8 съ другой: 8 рядовъ по 8-ми = 64.

на	1-ую	1	на	24-ую	8.388,608
»	2	2	»	25	16.777,216
»	3	4	»	26	33.554,432
»	4	8	»	27	67.108,864
»	5	16	»	28	134.217,728
»	6	32	»	29	268.435,456
»	7	64	»	30	536.870,912
»	8	128	»	31	1.073.741,824
»	9	256	»	32	2.147.483,648
»	10	512	»	33	4.294.967,296
»	11	1,024	»	34	8.589.934,592
»	12	2,048	»	35	17.179.869,184
»	13	4,096	»	36	34.359.738,368
»	14	8,192	»	37	68.719.476,736
»	15	16,384	»	38	137.438.953,472
»	16	32,768	»	39	274.877.906,944
»	17	65,536	»	40	549.755.813,888
»	18	131,072	»	41	1.099.511.627,776
»	19	262,144	»	42	2.199.023.255,552
»	20	524,288	»	43	4.398.046.511,104
»	21	1.048,576	»	44	8.796.093.022,208
»	22	2.097,152	»	45	17.592.186.044,416
»	23	4.194,304	»	46	35.184.372.088,832

на 47-ую	70.368.744.177,664
» 48	140.737.488.355,328
» 49	281.474.976.710,656
» 50	562.949.953.421,312
» 51	1.125.899.906.842,624
» 52	2.251.799.813.685,248
» 53	4.503.599.627.370,496
» 54	9.007.199.254.740,992
» 55	18.014.398.509.481,984
» 56	36.028.797.018.963,968
» 57	72.057.594.037.927,936
» 58	144.115.188.075.855,872
» 59	288.230.376.151.711,744
» 60	576.460.752.303.423,488
» 61	1.152.921.504.606.846,976
» 62	2.305.843.009.213.693,952
» 63	4.611.686 018.427.387,904
» 64	9.223.372.036 854.775,808

Если 40,000 зёренъ въ одномъ пудѣ, то на одной послѣдней клѣткѣ вышло 230.584.300.921.369 пудовъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

—

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія здѣсь расположены въ такомъ порядкѣ:

Въ первомъ отдѣлѣ (I, стр. 1—2) обозначены особымъ шрифтомъ окончанія *винительнаго* падежа, когда онъ отличается отъ именительнаго

Во второмъ (II, стр. 2—4)—*родительнаго*

Въ третьемъ (III, стр 4—6)—*дательнаго*

Въ четвертомъ (IV, стр 6—8)—*творительнаго*

Въ пятомъ (V, стр. 8—10)—*предложнаго*.

Въ шестомъ (VI, стр. 10—21) обозначены всѣ эти падежи

Упражненія должны состоять въ томъ, чтобы ученикъ составлялъ изреченія, въ которыхъ употребленъ тотъ или другой падежъ, и чтобы узнавалъ падежи при чтеніи.

Въ седьмомъ отдѣлѣ (VII, стр 21—30) обозначены окончанія *родовъ* прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій въ именительномъ падежѣ *единственнаго числа*, и тѣхъ существительныхъ, съ которыми они согласованы. На эти упражненія слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ у дѣтей и у народа часто вовсе не существуетъ понятія о *среднемъ* родѣ; часто говорятъ: *моя ружье*, *сухая сѣна* и т. п.

*

Въ восьмомъ отдѣлѣ (VIII,. стр. 30 — 47) такимъ же образомъ обозначены окончанія *родовъ множественнаго числа.*

Въ девятомъ отдѣлѣ (IX, стр. 47—64) обозначены тѣ слова, не имѣющія склоненія, которыя всего чаще употребляются какъ *нарѣчія.* Нарѣчія, которыхъ производство трудно, напр. *тамъ*, *когда*, и т. п. напечатаны цѣликомъ особымъ шрифтомъ; въ нарѣчіяхъ, которыхъ производство ясно, напечатаны особымъ шрифтомъ буквы, указывающія на это производство; напр. *такъ*, *пріятно*—отъ *такой*, *пріятный*; наза*дъ*, по*утру*,—отъ *на* и *задъ*, отъ *по* и *утро*; *рядо*мъ отъ *рядъ*, и т. д.

Упражненія должны состоять въ составленіи нарѣчій и въ узнаваніи ихъ при чтеніи.

Десятый отдѣлъ (X, стр. 64—79) назначенъ для упражненія въ узнаваніи всѣхъ формъ, указанныхъ въ предъидущихъ отдѣлахъ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Дѣленіе есть самое трудное изъ ариѳметическихъ дѣйствій Но тотъ ученикъ, который понялъ ясно дѣленіе, уже не найдетъ никакого затрудненія въ дробяхъ; для того же, который не понялъ дѣленія, дроби будутъ всегда непонятны.

Поэтому не торопитесь умноженіемъ, а старайтесь посредствомъ умноженія уяснить ученику дѣйствіе обратное умноженію дѣленіе.

Всякое умноженіе представляетъ два случая. $3 \times 5 =$ 1.) 3 раза 5, и 2.) 5 разъ 3. Точно также и дѣленіе всегда представляетъ два случая: $15:3=$ 1.) Сколько разъ 3 въ 15-ти, и 2.) какое число повторится 3 раза въ 15-ти. Если уче-

никъ привыкнетъ умножать, называя множителя тройками пятериками, восьмериками. и т. д., то и второй случай дѣленія,—какое число повторяется извѣстное число разъ въ дѣлимомъ,—можетъ быть выраженъ для ученика коротко и понятно. Если три пятка составляютъ 15, то ему понятенъ будетъ вопросъ; чего въ 15-ти три? т. е. пятковъ, или паръ, или четвериковъ?

Эта форма вопроса удобна потому, что она коротка и ясна для ученика (незнающаго еще дѣленія); въ особенности же потому, что только эта форма вопроса соотвѣтствуетъ дѣленію дробей: $^1/_3 : ^4/$ Нельзя сказать, сколько разъ $^4/_5$ въ $^1/_3$, ибо очевидно—ни разу. И нельзя сказать: раздѣлить $^4/_5$ на $^1/_3$ часть. Оба вопроса не имѣютъ смысла. Но какъ при 15 : 3 мы говоримъ: 15 есть три чего? или три какого числа?—такъ и при $^4/_5 : ^1/_3$ можно сказать: $^4/_5$ есть одна треть чего? или какого числа? Точно также и при помноженіи дроби на дробь, $^3/_5 \times ^2/_3$, нельзя сказать: повторить $^3/_5$ тыхъ $^2/_3$ раза и обратно; оба вопроса не имѣютъ смысла. Но, какъ при 5×3 мы говоримъ: три пятка или пять троекъ сколько будетъ?—такъ и при $^3/_5 \times ^2/_3$ можно сказать: двѣ трети трехъ пятыхъ сколько будетъ? Въ отдѣлѣ дробей объ этомъ говорено подробнѣе, теперь же упоминаю для того, чтобы учитель не прошелъ безъ вниманія принятую мною форму вопроса.

При умноженіи всегда два случая, и всегда предоставленъ выборъ брать тотъ или другой, смотря по удобству; точно также. и при дѣленіи. Положимъ задано: 50×2, или 100 : 2; всегда выбирается второй случай какъ при умноженіи, такъ и при дѣленіи, т. е. всегда берется два раза 50, а не 50 разъ два, и всегда отъискивается чего 2 въ 100, а не сколько разъ 2 въ 100.

Такъ точно и при дробяхъ, смотря по отношенію множителя и множимаго, и дѣлимаго и дѣлителя, избирается 1-й или 2-й случай. И ученикъ долженъ владѣть искусствомъ

выбирать тотъ или другой случай, и обращаться съ тѣмъ и съ другимъ.

Самое же дѣленіе, т. е. разложеніе числа на части, есть одинъ изъ пріемовъ совершать дѣйствіе отъисканія множителя, изображаемое знакомъ (:) и неточно называемое дѣленіемъ

Обыкновенно, при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, дѣленіемъ на части совершенно замѣняютъ дѣйствіе (:) отъисканія другаго множителя—когда данъ одинъ,—и тѣмъ правда облегчаютъ пониманіе дѣленія цѣлыхъ чиселъ, но совершенно уже лишаютъ ученика возможности понять сущность дѣйствія дѣленія при дробныхъ числахъ

Совѣтую не торопясь упражнять ученика всегда вмѣстѣ въ умноженіи и въ обратномъ дѣленіи небольшихъ чиселъ, называя множителя пятками, дюжинами, семериками,—хоть бы даже и восемнадцатериками и двадцатиодноориками.

Предоставляйте ученику при умноженіи выбирать, какого множителя онъ хочетъ повторять. И заставляйте потомъ повторять другаго множителя. Упражненія эти полезны для пріученія ученика къ быстрому счету.

Предоставляйте ученику точно также при дѣленіи избирать пріемъ вычитанія, или разложенія на части. И заставляйте повѣрять одинъ другимъ.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія дѣйствія умноженія и дѣленія посредствомъ удвоенія множителя и дѣлителя.

Изученіе таблицы умноженія я считаю нетолько безполезнымъ,—такъ какъ при частомъ упражненіи ученикъ скоро

составляетъ себѣ каждый свою таблицу, — но даже вреднымъ, потому что знаніе наизусть произведенія затемняетъ ходъ вычисленія.

При умноженіи показанъ пріемъ удвоенія лишній разъ и потомъ вычитаніе лишняго раза. Такой же обратный примѣръ можно показать и при дѣленіи.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія счета посредствомъ повторенія десятками, сотнями, тысячами и т. д.

При помноженіи и дѣленіи многоразрядныхъ чиселъ однихъ на другія не говорите ученику правила о прибавленіи нолей отъ множителя къ произведенію; но всякій разъ заставляйте его соображать, сколько выйдетъ какихъ разрядовъ при повтореніи однимъ числомъ другаго. При этомъ заставляйте его называть числа какъ ему удобнѣе: десятками, сотнями, тысячами, и ставить значекъ на томъ разрядѣ, который онъ называетъ

При такомъ пріемѣ умноженіе многоразрядныхъ чиселъ дѣлается легко.

Положимъ дано помножить:

376539 × 7815.

Ученикъ говоритъ: триста тысячъ разъ семь *чего-то* будетъ = два милліона сто тысячъ *чего-то* Чего было 7? Тысячъ. Стало быть два милліона сто тысячъ тысячъ 2.100.000,000.

При этомъ пріемѣ уничтожается одна изъ главныхъ трудностей при обученіи дѣленію, состоящая въ томъ, чтобы знать, *чѣмъ задаваться.*

837655 на 417

Ученикъ говоритъ: на 417 частей по скольку я положу на часть? По десятку ли, по сотнѣ ли, по тысячѣ ли? Онъ го-

воритъ: если положу по 10 на часть, достанетъ ли десятковъ? Сколько десятковъ въ дѣлимомъ? 83765 десятковъ. Достанетъ. Достанетъ ли сотенъ? Сотенъ 8376. Достанетъ. Достанетъ ли тысячъ? Тысячъ 837. Достанетъ. Онъ беретъ тысячи на часть. А потомъ уже соображаетъ, сколько тысячъ на часть.

Потомъ покажите ученику обыкновенно принятый прiемъ умноженiя и дѣленiя, и объясните ему выгоду, состоящую въ томъ, чтобы не переписывать два раза числа, которыя приходится складывать. Но въ умноженiи не показывайте ученику прiема пропусканiя нолей въ числахъ, происходящихъ отъ умноженiя чиселъ высшихъ разрядовъ, и въ дѣленiи не показывайте ученику прiема писанiя частнаго безъ нолей, а всегда заставляйте выписывать всѣ ноли при умноженiи, и частное заставляйте писать съ нолями и потомъ складывать.

Неясность пониманiя дѣйствiй умноженiя и дѣленiя много зависитъ отъ этихъ ускоренныхъ прiемовъ.

Таблица умноженiя и ускоренные прiемы придутъ сами собой и незамѣтно.

Задачи № I представляютъ измѣненiе неизвѣстнаго. Совѣтую по задачнику или изъ головы выбрать попонятнѣе задачи и самому измѣнять ихъ такимъ образомъ для учениковъ, а потомъ заставлять учениковъ самихъ составлять такiя же измѣненiя задачъ, начиная съ болѣе легкихъ. Напримѣръ. Отецъ втрое старѣе сына; сыну 13 лѣтъ; сколько отцу?

Составь такую задачу, чтобы узнать, во сколько разъ отецъ старше сына, и т. д.

Задача № II составлена на такъ-называемыя именованныя числа и на такъ-называемое тройное правило.

Совѣтую не заставлять учить ни именованныя числа—какъ особый отдѣлъ, ни тройное правило, — а прямо задавать задачи на именованныя числа и на тройное правило. Именованныя числа трудны только тогда (и безполезны), когда ученикъ при рѣшеніи задачъ въ первый разъ узнаетъ содержаніе мѣръ или вѣса одного въ другомъ; правила только тогда, когда отъ ученика требуется, чтобы онъ рѣшилъ задачу непремѣнно по указанному примѣру. Объясненіе этой задачи состоитъ въ томъ, что первая задача, точно такая же, составлена на цѣлыя числа, доступныя ученику для умственнаго вычисленія.

При задачахъ № III сдѣлано словесное объясненіе вопроса.

Совѣтую составлять такого рода задачи и объяснять ученикамъ. Прошу замѣтить, что трудность большей части задачъ въ задачникахъ состоитъ въ дурномъ языкѣ, которымъ изложены вопросы, и что для того, чтобы ясно изложить задачу, надо надъ ней подумать.

Задача о посѣвѣ (IV.) поставлена для объясненія цѣлаго ряда задачъ, въ особенности житейскихъ, гдѣ всѣ числа подраздѣляются на два разряда, имѣющіе быть сличены между собой. Кромѣ того, задачи этого рода подготовляютъ къ веденію книгъ, и потому совѣтую преимущественно выбирать изъ задачниковъ и составлять изъ головы задачи такого рода.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-ОЙ КНИГИ.

Часть первая.

Часть вторая.

Часть третья. Счетъ дробей.

Для учителя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

КАМЫШЪ И МАСЛИНА.

Маслина и камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышемъ за то, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря: камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра—и сломилась.

ДВА ТОВАРИЩА.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ.—Дѣлать ему было нѣчего—онъ упалъ на земь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и

Азбука. Кн. 4.

смѣется: «ну-что», говоритъ, «медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что—плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

ДУБЪ И ОРѢШНИКЪ.

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты-бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ»

«Я живу 200 лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько-же».

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся къ верху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Волкъ увидалъ,—ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось волку съѣсть ягнёнка, и сталъ онъ къ нему придираться. «Ты,» говоритъ, «мнѣ воду мутишь и пить не даешь.»

Ягненокъ говоритъ: «Ахъ волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ пью. А волкъ говоритъ: «Ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: «Да я, волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «Тебя не переговоришь. Такъ я на тощакъ; за то и съѣмъ тебя».

ЛЕВЪ, ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Старый, больной левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провѣдывать царя, только лисица не бывала. Вотъ волкъ обрадовался случаю и сталъ передъ львомъ оговаривать лисицу

— Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ, ни разу не зашла царя провѣдать.

На эти слова и прибѣги лисица. Она услыхала, что волкъ говорилъ, и думаетъ: «погоди-жъ, волкъ, я тебѣ вымещу»

Вотъ левъ зарычалъ на лисицу, а она говоритъ: — «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я отъ того не бывала, что не досугъ было. А не досугъ было отъ того, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала».

Левъ и говоритъ:

— Какое лѣкарство?

— А вотъ какое: если живаго волка обдерешь, да шкуру его тепленькую надѣнешь...

Какъ растянулъ левъ волка, лисица засмѣялась и говоритъ:

— Такъ-то, братъ; господъ не на зло, а на добро наводить надо.»

ЦАРЬ И СЛОНЫ.

Одинъ индѣйскій Царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ, и когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слѣпые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ ощупалъ—ногу, другой—хвостъ, третій—рѣпицу [1]), четвертый—брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, осьмой—хоботъ. Потомъ Царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: слоны твои похожи на столбы; этотъ слѣпой щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники; этотъ щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: они похожи на сучья; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: слоны похожи на кучу земли; тотъ что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на гору; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ, что они похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

НАСѢДКА И ЦЫПЛЯТА.

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «Полѣзайте опять въ скор-

[1]) Рѣпица—та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

лупу, когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ. Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ цыпленокъ сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты-бы лучше и не выводила насъ»

ЛЕВЪ, ОСЕЛЪ И ЛИСИЦА.

Левъ, оселъ и лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и левъ велѣлъ ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ по ровну на три части и говоритъ: «ну, теперь берите!» Левъ разсердился, съѣлъ осла и велѣлъ лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, умница! Кто-жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлить?»

Она говоритъ: «А съ осломъ-то что́ было?»

ДЕРГАЧЪ И ЕГО САМКА.

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо и въ покосъ еще самка сидѣла на яицахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, что́ дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю,—онъ обрадовался, прилетѣлъ къ дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ; они пришли рѣзать змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А дергачиха сказала: «Мужики рѣжутъ

траву, а съ травой рѣжутъ все, что́ ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце;—а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобъ не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

КОРОВА И КОЗЕЛЪ.

У старухи была корова и козелъ. Корова и козелъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ козелъ впередъ коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ; но козелъ стоялъ не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба коровѣ, чтобъ стояла смирно. Старуха видитъ, что козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды!» подумалъ козелъ. «Я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили»

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

МУЖИКЪ И ВОДЯНОЙ.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку; съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ· «твой это топоръ?»

Мужикъ говоритъ: «нѣтъ, не мой»

Водяной вынесъ другой, серебрянный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ—не мой топоръ.

Тогда водяной вынесъ настоящій топоръ.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ»

Водяной подарилъ мужику всѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры, и разсказалъ, что́ съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то-же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотаго топора, и его собственнаго назадъ не отдалъ,—за его неправду

ВОРОНЪ И ЛИСИЦА.

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось лисицѣ мясца. Она подошла и говоритъ

— Эхъ, воронъ, какъ посмотрю на тебя,—по твоему росту, да красотѣ, только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бы у тебя голосъ былъ.

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ, что́ было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила его и говоритъ:

— Ахъ воронъ! коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ.

II.

ЦАРЬ И РУБАШКА.

Одинъ Царь былъ боленъ и сказалъ: «половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ». Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ Царя вылѣчить. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что Царя можно вылѣчить. Онъ сказалъ: если найти счастливаго человѣка, снять съ него рубашку и надѣть на Царя,—Царь выздоровѣетъ. Царь и послалъ искать по своему царству счастливаго человѣка; но послы Царя долго ѣздили по всему царству и не могли найти счастливаго человѣка. Не было ни одного такого, чтобы всѣмъ былъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да бѣденъ, кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша; а у кого дѣти не хороши — всѣ на что-нибудь да жалуются. Одинъ разъ идетъ поздно вечеромъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему—кто-то говоритъ: «вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?» Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, а рубашку отнести къ Царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубаш-

ку; но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было рубашки.

ОТЧЕГО ЗЛО НА СВѢТѢ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать—отъ чего зло бываетъ на свѣтѣ?

Воронъ сказалъ: «Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь въ волю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь—все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается, такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живёмъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя—все объ ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ

пропадаешь—все думаешь: какъ бы ястребъ не унёсъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду,—либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «Нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы,—намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься,—тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь, да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Ужъ никого не жалѣешь—отца и мать закусаешь. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «Нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большаго уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрусни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь, что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется, или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь—звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки,—набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ раз-

маху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

— Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, — а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ.

ВОРОНЪ И ВОРОНЯТА.

Воронъ свилъ себѣ гнѣздо на островѣ, и когда воронята вывелись, онъ сталъ ихъ переносить съ острова на землю. Сперва онъ взялъ въ когти одного вороненка и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда старый воронъ вылетѣлъ на середину моря, онъ уморился, сталъ рѣже махать крыльями и подумалъ: теперь я силенъ, а онъ слабъ,—я перенесу его черезъ море; а когда онъ станетъ великъ и силенъ, а я стану слабъ отъ старости, вспомнитъ-ли онъ мои труды и будетъ-ли переносить меня съ мѣста на мѣсто? И старый воронъ спросилъ вороненка: «Когда я буду слабъ, а ты будешь силенъ, будешь-ли ты носить меня? Говори мнѣ правду!» Вороненокъ боялся, что отецъ броситъ его въ море, и сказалъ: «буду». Но старый воронъ не повѣрилъ сыну и выпустилъ вороненка изъ когтей. Ворони̂нокъ какъ комокъ упалъ книзу и потонулъ въ морѣ. Старый воронъ одинъ полетѣлъ черезъ море назадъ на свой островъ. Потомъ старый воронъ взялъ другаго вороненка и также понёсъ его черезъ море. Опять онъ уморился на серединѣ моря и спросилъ сына—будетъ-ли

онъ его въ старости переносить съ мѣста на мѣсто? Сынъ испугался, чтобы отецъ не бросилъ его, и сказалъ: «буду».

Отецъ не повѣрилъ и этому сыну, и бросилъ его въ море. Когда старый воронъ прилетѣлъ назадъ къ своему гнѣзду, у него оставался одинъ вороненокъ. Онъ взялъ послѣдняго сына и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда онъ вылетѣлъ на средину моря и уморился, онъ спросилъ: «будешь ли ты въ моей старости кормить меня и переносить съ мѣста на мѣсто?» Вороненокъ сказалъ: «нѣтъ, не буду». «Отъ чего?» спросилъ отецъ. «Когда ты будешь старъ, а я буду большой, у меня будетъ свое гнѣздо и свои воронята, и я буду кормить и носить своихъ дѣтей». Тогда старый воронъ подумалъ: онъ правду сказалъ; за то потружусь и перенесу его за море. И старый воронъ не выпустилъ вороненка, а изъ послѣднихъ силъ замахалъ крыльями и перенесъ его на землю, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтей.

ВОЛКЪ И МУЖИКЪ.

Гнались за волкомъ охотники. И набѣжалъ волкъ на мужика. Мужикъ шелъ съ гумна и несъ цѣпъ и мѣшокъ. Волкъ и говоритъ: «мужикъ, спрячь меня,—меня охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ волка, спряталъ его въ мѣшокъ и взвалилъ на плечи. Наѣзжаютъ охотники и спрашиваютъ мужика, не видалъ ли волка?

— «Нѣтъ, не видалъ».

Охотники уѣхали. Волкъ выскочилъ изъ мѣшка и бросился на мужика, хочетъ его съѣсть. Мужикъ и говоритъ:

— «Ахъ, волкъ, нѣтъ въ тебѣ совѣсти; я тебя спасъ, а ты жъ меня съѣсть хочешь». А волкъ говоритъ:

— «Старая хлѣбъ соль не помнится».

— «Нѣтъ, старая хлѣбъ-соль помнится; хоть у кого хочешь спроси,—всякій скажетъ, что помнится». Волкъ и говоритъ:

— «Давай, пойдемъ вмѣстѣ по дорогѣ. Кого перваго встрѣтимъ, спросимъ: забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится? Если скажутъ: помнится,—я пущу тебя, а скужутъ: забывается,—съѣмъ». Пошли они по дорогѣ, и повстрѣчалась имъ старая, слѣпая кобыла. Мужикъ и спрашиваетъ: «скажи, кобыла, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?»

Кобыла и говоритъ:

— «Да вотъ какъ: жила я у хозяина 12-ть лѣтъ, принесла ему 12-ть жеребятъ, и все то время пахала да возила, а прошлымъ годомъ ослѣпла и все работала на рушалкѣ; а вотъ намедни стало мнѣ не въ силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвостъ подъ кручь и бросили. Очнулась я, насилу выдралась, и куда иду—сама не знаю»

Волкъ говоритъ:

— «Мужикъ, видишь,—старая хлѣбъ-соль не помнится». Мужикъ говоритъ:

— «Погоди, еще спросимъ».

Пошли дальше. Встрѣчается имъ старая собака. Ползетъ, задъ волочетъ.

Мужикъ говоритъ:

— «Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится?»

— «А вотъ какъ: жила я у хозяина 15 лѣтъ, его домъ

стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вотъ состарѣлась, зубъ не стало,—меня со двора прогнали, да еще задъ оглоблею отбили. Вотъ и волочусь, сама не знаю куда, подальше отъ стараго хозяина».

Волкъ говоритъ:

— «Слышишь, чтó говоритъ».

А мужикъ говоритъ:

— «Погоди еще до третьей встрѣчи».

И встрѣчается имъ лисица. Мужикъ говоритъ: «скажи, лиса, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?»

А лисица говоритъ:

— «Тебѣ зачѣмъ знать?»

А мужикъ говоритъ:

— «Да вотъ бѣжалъ волкъ отъ охотниковъ, сталъ меня просить,—я и спряталъ его въ мѣшокъ; а теперь онъ меня съѣсть хочетъ».

Лисица и говоритъ:

— «Да развѣ можно большому волку въ такой мѣшокъ умѣститься? Кабы я видѣла, я бы васъ разсудила».

Мужикъ говоритъ:

— «Весь помѣстится, хоть у него сама спроси».

И волкъ сказалъ: правда.

Тогда лисица говоритъ:

— «Не повѣрю, пока не увижу. Покажи, какъ ты лазилъ».

Тогда волкъ всунулъ голову въ мѣшокъ и говоритъ: «вотъ такъ».

Лисица говоритъ:

— Ты весь влѣзь, а то я такъ не вижу.

Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ. Лисица и говоритъ мужику: теперь завяжи. Мужикъ завязалъ мѣшокъ. Лисица говоритъ:

— «Ну теперь покажи, мужикъ, какъ ты на току хлѣбъ молотишь». Мужикъ обрадовался и сталъ бить цѣпомъ по волку.

А потомъ говоритъ: «А посмотри лисица, какъ на току хлѣбъ отварачиваютъ»,—и ударилъ лисицу по головѣ и убилъ. А самъ говоритъ: «старая хлѣбъ соль не помнится!»

ЦАРСКОЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Одинъ Царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни объ чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему одинъ разъ два портные мастера и говорятъ: мы можемъ сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только если кто глупъ и къ своей должности не годится, тотъ платья нашего не можетъ видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ, тотъ рядомъ будетъ стоять и не увидитъ платья нашей работы. Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сшить на себя платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и дали имъ бархату, шолку, золота,—всего, чтó нужно было для платья. Когда прошла недѣля, Царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово и показали министру пустое мѣсто. Министръ зналъ, что если кто глупъ и къ своей должности не годится, то тотъ не можетъ видѣть платья; и онъ притворился,

что видитъ платье и похвалилъ. Царь велѣлъ себѣ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто; Царь тоже притворился, что онъ видитъ новое платье, снялъ свое старое платье и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда Царь пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу,—всѣ видѣли, что на Царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ платья, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только про себя, что онъ не видитъ, а думалъ, что другіе всѣ видятъ. Такъ Царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачекъ увидалъ Царя и закричалъ: «смотрите, Царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!» И Царю стало стыдно, что онъ не одѣтъ, и всѣ увидали, что на Царѣ ничего не было.

III.

ПРЫЖОКЪ.

Одинъ корабль обошелъ во кругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и вйдно было—она знала, что ею забавляю**тся**, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-ти-лѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣя**ться** ли ему, или серди**ться**.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на неё, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣя**ться**, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась еще выше.

—Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его и полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой [1]) за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать её нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззодорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что̀ выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину покачивая руками,—всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться—и онъ бы въ дребезги разбился объ палубу. Да еслибъ даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что̀ будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и зашатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ [2]). Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же

[1]) У обезьянъ 4 руки.
[2]) Морскія птицы.

прицѣлился въ сына и закричалъ: «Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! Застрѣлю!» Мальчикъ шатался, но не понималъ. «Прыгай, или застрѣлю!.. Разъ, два»... и какъ только отецъ крикнулъ: «три!»—мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодцовъ матросовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ 40 — онѣ долги показались всѣмъ— вынырнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобъ никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отъискивать этого медвѣдя, или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ медвѣжатникъ говорилъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней через пять обойти можно, а

теперь за нимъ ходить—только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ медвѣжатникъ спорилъ съ старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно. «По этому снѣгу», говоритъ, «медвѣдь далеко не уйдетъ,—медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы дѣлайте какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду Обойдемъ—хорошо, не обойдемъ—все равно дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадки снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ; а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. «Надо», говоритъ, «бросать слѣдъ. Должно быть здѣсь ляжетъ.

Присаживаться сталъ—на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ. Только тише идти надо; не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ—слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ—какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «Теперь смотрѣть нечего на дорогу; гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво—видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротитъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди—слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли—что за чудо! Слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ», говоритъ, «это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду—такъ и есть. Видно медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «Теперь вѣрно обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ».

Пошли мы въ обходъ, по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь; то промежъ ногъ

елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ—какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ, и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ,—лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впереди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ,—Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «Видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалече его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ серединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ какъ въ банѣ, и весь какъ мышь мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну», говоритъ, «баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верстъ 12 ть будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я,

какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣпко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я — что за чудо? Гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надъ мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ—разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый, и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу, и что это деревья въ снѣгу и въ инеѣ мнѣ за палаты показались, а огни—это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ; и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздастся. Одинъ разъ только—живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло,—увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно на встрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ,—точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ,—я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру со-

брать загонщиковъ мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю: товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— «А гдѣ Демьянъ?» — «Онъ ужъ давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить». Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ на верху и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ—въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоитъ,—мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, кортошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человѣкъ—только по поясъ ихъ видно,—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; за то падать нѣкуда,—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ—ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобъ къ нему шли.

Подошли мы къ нему, показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

На лѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ

загонщикъ. Противъ меня частый, молодой ельникъ въ ростъ человѣка. И на ельникѣ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ рединѣ ельника дорожка засыпана снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. На право отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня къ трехъ шагахъ большая сосна. «Дай стану у сосны, и ружье другое къ ней прислоню». Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое съ взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу—кричитъ въ лѣсу Демьянъ: «Пошелъ! въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: «Пошелъ! Уууу!..» кричали мужики. «Ай! Иихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли молчали и не шевелились, ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочитъ, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ на лѣво слышу я — въ снѣгу обваливается что-то; только далеко. Глянулъ я въ высокій ельникъ: шаговъ на 50, за деревьями, стоитъ что-то черное, большое. Приложился

я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю—шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я съ горяча. Хлопъ!—слышу: шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъ за дыма,—медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а уже не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу—не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно—на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя, и гляжу на право на товарища. Смотрю—Демьянъ съ палочкой безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу—товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ!—выпалилъ. «Ну», думаю, «убилъ». Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. «Видно промахъ, или плохо попалъ,—уйдетъ», думаю, «теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ уже не выскочитъ!» Что такое? Впереди себя слышу вдругъ—какъ вихорь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой: а онъ прямёхонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно—со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти весь мнѣ виденъ,—грудь черная, и головища огромная съ рыжинкой. Летитъ прямёхонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ

стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ,—а уже онъ еще ближе. Вижу—не попалъ, пулю пронесло; а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него въ голову. Хлопъ!—вижу попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, ужъ онъ палетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталъ я подниматься, слышу—давитъ меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всей грудью. Слышу я—лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ, и слышу—забираетъ онъ въ пасть все лицо мое. Носъ мой ужъ у него во рту, и чую я—жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу—зацѣпилъ онъ зубами верхней челюстью въ лобъ подъ волосами, а нижней челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ—жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь,—онъ опять забираетъ. Ну, думаю,—конецъ мой пришелъ. Слышу

вдругъ полегчило на мнѣ. Смотрю—нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся; вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптаной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ какъ былъ безъ ружья, съ одной хворостиной, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ: «Барина заѣлъ! Барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «Ахъ ты баломутный! Что́ дѣлаетъ! Брось! Брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо; а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» Видимъ—медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить—ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ—хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ, къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ

изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная, черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: «Стара я ужь стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ— можетъ и женишься и совсѣмъ останешься»

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать; а если невѣста хороша—и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости — татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили

провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ срединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь; ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ къ нему обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли,—опять стоять. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ—ускачу. Или не ѣздить?...»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— «Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми». А Костылинъ—мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью разговариваютъ, да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ:

—Надо выѣхать на гору поглядѣть,—а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— «Что смотрѣть? Поѣдемъ впередъ». Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь на лѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь,—а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чахловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— «Вынимай ружье!»—а самъ думаетъ на лошадь на свою: «матушка, вынеси, не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ,—закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другаго. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ—дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ, къ солдатамъ—думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерезъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужь разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ—близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье на готовѣ.

— Ну, думаетъ Жилинъ, знаю васъ чертей, если живаго возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь о земь со всего маху,—навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужь на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ,—да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою ло-

шадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами,—до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная,—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется,—онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую,—да бритый затылокъ изъ подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ,—да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Пріѣхали въ аулъ [1]). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

---

[1]) Аулъ—татарская деревня.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ—въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога—подъ гору идетъ, на право сакля татарская, два дерева подлѣ ней. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ— хвостиками подергиваютъ. Видитъ—изъ подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кофтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго, въ одной рубашенкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается,

бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь,—только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка меленькая подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе, толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то точно ругается и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ изъ подлобья косится на Жилина. А черноватый,—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ,—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на карточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: корошо урусъ! корошо урусъ!

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «Пить, воды пить дайте».

Черный смѣется. «Корошъ урусъ»,—все по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобъ пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ,—какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба преснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь

Погодя немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— «Ай-да, хозяинъ, ай-да!»

Тоже не знаетъ по русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ—деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Въ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—всѣ въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ, въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское—буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на ковёръ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ; смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по русски:

— «Тебя», говоритъ, «взялъ Кази-Мугамедъ»,—самъ показываетъ на краснаго татарина, «и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату»,—показываетъ на черноватаго.—«Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ».—Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина, и смѣется и приговаетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ: «а много ли онъ хочетъ выкупа?».

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— «Нѣтъ,» говоритъ Жилинъ, «я этого заплатить не могу». Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говоритъ Жилину,—все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «Сколько же ты дашь?» Жилинъ подумалъ и говоритъ: 500 рублей. Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ», думаетъ Жилинъ, «съ ними что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки-жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ—переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину

— «Урусъ», говоритъ, «джигитъ, джигитъ Урусъ!»

Джигитъ по ихнему значитъ «молодецъ» И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ.

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: — «Больше 500 рублей не дамъ. А убьете,—ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ —узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Раз-

сказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— «Вотъ», говоритъ Жилину, «ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный; онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо, и обижать не будутъ».

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте,—пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу

Помолчали. Вдругъ какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучекъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ. «пиши» Согласился на 500 рублей.

— «Погоди еще», говоритъ Жилинъ переводчику, «скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ-обулъ какъ слѣдуетъ, чтобъ держалъ вмѣстѣ,—намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ». Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— «Одежу самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ—пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять—уйдутъ. На ночь только сни-

мать буду». Подскочилъ, треплетъ по плечу.—«Твоя хорошъ, моя хорошъ!»

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ,—чтобы не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно—съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется.—«Твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ.» А кормилъ плохо,—только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другаго не писалъ.

— «Гдѣ», думаетъ, «матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, чтó я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ—и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать.

Ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ, или изъ глины куколъ лѣ-

питъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше,—отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко,—«хорошо», говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— «Хорошо, Иванъ, хорошо!»—и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя, и сушатъ ихъ на кры-

шахъ,—такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то, разъ рѣзалъ хозяинъ барана,—такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвчонки лоскутковъ,—одѣлъ онъ куколъ: одна—мужикъ, другая—баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ,—и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать; кто замокъ на ружье или пистолетъ починить

принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ.

Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастье татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по ихнему. И которые татары привыкли къ нему,—когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ; а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только когда онъ въ мечеть проходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены,—бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ,—только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору—посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ—садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды—черешни, шепталы и избушка съ плоской крышкой. Подошелъ онъ поближе, видитъ—ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше

посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся— какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— «Я», говоритъ, «ему худаго не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ». Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего,—но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— «Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку—Богу молиться Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить,—я за тебя деньги заплатилъ; да я, тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить,—я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ». Смѣется, самъ

приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ,— моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ,—такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы», думаетъ, мнѣ «мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору,—хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду,—только на ту гору поднимусь; мнѣ траву нужно найти,—вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ-шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ

синѣется, а тамъ еще горы—все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ,—бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну, думаетъ: это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону:—подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія видно,—бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежь двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, и на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ—тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло; изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть,—какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться,—маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужь поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонятъ—коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя,—ущербъ мѣсяца. На бѣду—къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собой скотину, и пріѣзжаютъ

веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово,— и опять потупились и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— «Алла!» и всѣ проговорили: «Алла!»—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— «Алла! Алла! Алла!»—Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ—ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя,—вынулъ кинжалъ, поточилъ на бруске. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать,—кулачищими шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кабылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались, и поѣхали человѣкъ 10-ть, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

— «Ну», думаетъ Жилинъ, «нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какже бѣжать?—мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ—въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Чтожъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ—насъ убить хотятъ

Подумалъ-подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

V

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они,—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камець ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была—пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ,—забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свиснулъ, кинулъ лепешки кусокъ,—Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть! гайть, Уляшинъ!»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно—овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышатъ,—запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ—пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— «Ну, съ Богомъ!» Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги неловки,—стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди; сапоги проклятые—всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ,—еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживутъ, а догонятъ—убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ-покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ—вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ, говоритъ, ошиблись мы,—вправо забрали. Тутъ аулъ чужой—я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть,—у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, и влѣво въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть—лѣсъ. Вошли въ лѣсъ,—по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Попали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— «Стой!» Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало какъ лошадь и остановилось. Тронулись они—опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ,—стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышитъ. «Что за чудо!» Свиснулъ Жилинъ потихоньку,—какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу,—точно буря летитъ, сучья ломаетъ

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь—какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли,—не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ верстъ десять еще будетъ,—а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду,—у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, говоритъ,—не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду,—прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты

четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ—впереди топаетъ лошадь. Слышно—подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть,—сюда, къ намъ, конный ѣдетъ!

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ—верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ,—вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, — ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны,—онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

—«Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко,—услышитъ». А самъ думаетъ: «Онъ и вправду разслабъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки,—снесу, коли ужъ идти не можешь.

Подсадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину,—ноги тоже въ крови и уморился.

темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ: «Иванъ, Иванъ!» А сама руками у лица все машетъ,—что «тише молъ»

— Что? говоритъ Жилинъ

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слышать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не выдти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

—«Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ». Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать и полѣзъ. Раза два онъ обрывался,—колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ,—выбрался кое-какъ на верхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.

Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій,—никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ—бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да рученки тонкія какъ прутики,—ничего силы нѣтъ. Бро-

сила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — на лѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ—да надо идти.

— Прощай, говоритъ, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ—куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— «Спасибо», говоритъ, «умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ?» И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина,—закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно—монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не брепчалъ, пошелъ по дорогѣ,— ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ идти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку,— побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и на право засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу.

выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ,—бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ; какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу,—никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остоновится. «Нечего дѣлать», думаетъ, «буду тащиться пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ,—лягу въ лѣсу, переднюю, и ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами,—да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево.

Ужь сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ.—«Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ—лѣсъ кончается. Вышелъ на край—совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и на лѣво, близехонько подъ горой,—огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся—видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ,—тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ—глядь: на лѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его,—пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились къ нему—наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ 15-ть было.

Испугались татары,—не доѣзжаючи стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: «кто онъ, что за человѣкъ, откуда?» А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячь. Еле живаго привезли.

V.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ.

Человѣкъ поймалъ лисицу и спросилъ ее: «кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ»? Лисица спросила: «Какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы». Человѣкъ сказалъ: «Нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить,—вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ,—а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ; а дѣлаемъ это только для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ, и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо,—мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую,—такъ какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поворотиться. Это не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда онъ сотворялъ насъ,—для того, чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ».

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золот-

никъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмяна эти—темносѣрыя, и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были уже не темносѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтлосѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они видно почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто, такъ какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ каран-

дащи, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья, и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червячки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги, всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта выпуститъ паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, посмотрится, и если хочетъ спуститься — спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлые сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на

5-й день точно—одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что выростаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидалъ, что точно,—этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову, и тужится, извивается—какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ—для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ также выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, черваки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они уже были ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней—опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже

очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползали и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое, и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной; онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300,000 разъ. Значитъ онъ не переставая дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже

послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри—должны выйдти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что̀ будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается?—и сталъ смотрѣть, что̀ будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что̀ это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая,—и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ,—задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яица. И я набралъ 5,000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ.

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья—тополь и черёмуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось чтобы мѣсто было веселѣе,—а главное, мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что я думалъ—всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землею ихъ сочные коренья, какъ потомъ въ четверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держаться за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно,—я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло на оборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь ужъ умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ тоже лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

ЧЕРЕМУХА.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я — рубить иль не рубить ее; мнѣ жаль было Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая, и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», — подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ-бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ тоже время, точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и, какъ будто запла-

кало,—затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и покачиваясь легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ! штука-то важная!» сказалъ мужикъ. «Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

КАКЪ ХОДЯТЪ ДЕРЕВЬЯ.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя,—потомъ пришла черёмуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять—какъ могла тутъ вырости такая старая черёмуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черёмуха, даже еще потолще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее и черёмуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ, а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили,—немогли ее сдвинуть: она какъ будто прилипла. Я сказалъ «посмотри, не зацѣпили-ли гдѣ?» Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «Да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это было правда.

Черёмуха, чтобы ея не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новой былъ свѣжій. Она почуяла видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черёмуха на дорогѣ. Она тоже вѣрно сдѣлала,—но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

УДѢЛЬНЫЙ ВѢСЪ.

Греческій Царь Гіеронъ Сиракузскій заказалъ своему золотыхъ дѣлъ мастеру Димитрію золотую корону для идола Юпитера и далъ ему 12 фунтовъ золота. Димитрій сдѣлалъ корону, и когда Царь ее свѣсилъ, то въ коронѣ было ровно 12 фунтовъ. Только царь прослышалъ, что Димитрій укралъ много золота и въ корону подмѣшалъ серебра. Царю хотѣлось доискаться, много-ли подмѣшано серебра въ коронѣ, и онъ велѣлъ ее перетопить, чтобы видѣть середину. Былъ одинъ умный и ученый человѣкъ, родной царю, Архимедъ. Онъ сказалъ царю: «не вели ломать корону, чтобы даромъ не пропала работа; а я, не ломаючи корону, узнаю, сколько въ ней серебра и сколько золота. Царь согласился съ Архимедомъ, и Архимедъ сдѣлалъ такъ:

Онъ взялъ фунтъ золота и фунтъ серебра, и свѣсилъ ихъ просто на вѣсахъ; а потомъ свѣсилъ ихъ въ водѣ. Фунтъ золота въ водѣ потянулъ на одну гирьку меньше, чѣмъ прежде, а фунтъ серебра на двѣ гирьки меньше.

Потомъ Архимедъ всю корону свѣсилъ въ водѣ, позвалъ Царя и сказалъ: «Съ фунта чистаго золота, если вѣсить въ водѣ,—остается гирька; а если вѣсить серебро въ водѣ,—остаются двѣ гирьки съ фунта; стало быть, если корона вся изъ чистаго золота и въ ней 12 фунтовъ, то въ двѣнадцати фунтахъ надо снять съ вѣсовъ 12 гирекъ. Вотъ смотри». Онъ положилъ на вѣсы 12 фунтовъ и сталъ вѣшать корону въ водѣ. Корона не потянула двѣнадцати фунтовъ безъ 12 гирекъ, а меньше. Сняли еще гирекъ,—Архимедъ и говоритъ: «Вотъ сколько тутъ снято лишнихъ гирекъ, на столько Димитрій и обманулъ тебя». Такъ Архимедъ вѣрно узналъ, сколько было серебра подмѣшано въ корону.

ВРЕДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодезь былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась объ стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— «Александръ! слазяй, батюшка, въ колодезь,—я бадью упустила». Александръ сказалъ:

— «Ты упустила, ты и доставай». Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ,—только, чтобы онъ спускалъ её.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— «Ну, пойдемъ. Ты теперь на тощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать».

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодезь, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «Еще что-ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодезь и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодезь.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое,—но никто не зналъ, что́ дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодезь, что́ будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой; но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!» — и Ивана вытащили.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый; но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми, и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодезь, то узнали, что точно,—внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не можетъ. Спустили въ колодезь кошку,—и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ другой воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ,—свѣча тамъ не можетъ горѣть. Спустили свѣчу, и какъ она дошла до того мѣста—сейчасъ потухла.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы, и прежде чѣмъ человѣку идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то и человѣ-

ку нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть. Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака— какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышемъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ,—и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ на войнѣ, индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ и заперли ихъ въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться,—и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило,—сдѣлался дурной воздухъ, похожій на тотъ, что былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышутъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

ГАЗЫ.

I.

Воздухъ бываетъ разный, хоть онъ всегда свѣтлый и невидный.

Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало—сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышутъ люди, воздухъ бываетъ дурной, нездоровый; а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу,—воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ отъ того, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ. Эти разныя вещества, разные *газы*, смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ или съ виномъ. Если въ воду налить водки, то вода и водка перемѣшаются такъ, что глазомъ не разберешь, есть ли въ водѣ водка, или нѣтъ,—и много ли ея, или мало Но понюхать, — и можно разобрать; такъ и въ воздухѣ бываетъ разная смѣсь, и глазами ничего нельзя видѣть, а можно только почувствовать, когда долго подышешь. Въ хорошемъ воздухѣ дышать пріятно и здорово, въ дурномъ тяжело и иногда вредно.

Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая *кислородомъ*. Если собрать этотъ газъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало быть отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Отъ того воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла,—сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ,—и она погаснетъ.

Другая часть воздуха — *азотъ*. Въ немъ дышать нельзя и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха—углекислый газъ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Этого газа мало въ воздухѣ, но онъ вездѣ есть. Когда же его наберется много, то онъ опускается и собирается внизу, потому что онъ тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха—водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышемъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а за то больше углекислоты. Вотъ отъ чего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышутъ, только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть растеніямъ нужна углекислота, которая не нужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ и углекислоты меньше, и кислорода больше.

ГАЗЫ.

II.

Если въ ведро съ водой набросать камней, пробокъ, соломы, дерева сухаго и сыраго, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смѣшать,—и потомъ посмотрѣть, что будетъ дѣлаться, то увидишь, что камни, глина, песокъ пойдутъ на дно; сухое дерево, солома, пробки, масло всплывутъ кверху; соль и водка распустятся, такъ что ихъ не будетъ видно. Все это будетъ сначала кружиться, шевелиться, толкать другъ друга, а потомъ все найдетъ себѣ мѣсто и разстановится: что тяжелѣе, то скорѣе пойдетъ книзу; что легче, то скорѣе пойдетъ на верхъ.

Точно также въ воздухѣ, надъ землею размѣщаются всѣ газы. Какіе тяжелѣе воздуха, тѣ садятся ниже; какіе легче, тѣ поднимаются выше; какіе могутъ распуститься, тѣ расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не дѣлались новые, не смѣшивались бы съ другими, не перемѣнялись бы, то воздухъ бы стоялъ надъ землею и не шевелился бы, какъ вода въ ведрѣ, когда она устоится; но на землѣ безпрестанно дѣлаются новые газы, и тѣ, какіе есть, смѣшиваются съ другими веществами.

Каждый человѣкъ, каждое животное, когда дышетъ, то выбираетъ изъ воздуха кислородъ и въ самомъ себѣ смѣшиваетъ его съ веществами своего тѣла, а выпускаетъ уже другимъ газомъ. Всякое растеніе — трава, дерево забираетъ въ себя углекислоту и выпускаетъ кислородъ. Вода въ одномъ мѣстѣ изъ жидкой дѣлается летучею, водянымъ газомъ, невидимымъ паромъ; въ

другомъ мѣстѣ изъ летучей воды дѣлается жидкая. Отъ этого въ воздухѣ всегда ходятъ разные газы: какіе легче, тѣ идутъ вверхъ, какіе тяжелѣе — тѣ опускаются внизъ,—и ходятъ газы безпрестанно, какъ въ ведрѣ съ водою разныя вещества. Но всего больше весь воздухъ шевелится и ходитъ отъ того, что— какъ онъ гдѣ нагрѣется, такъ поднимается кверху,— а какъ остынетъ, такъ идетъ къ низу. Когда въ солнечный день солнце съ боку свѣтитъ въ окно, то въ лучахъ солнца видно, какъ кружатся и прыгаютъ кверху и книзу пылинки. Это крутится теплый и холодный воздухъ и носитъ съ собою легкія пылинки.

КАКЪ ДѢЛАЮТЪ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, — то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно также, если кипятить чугунъ воды,—то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водянаго газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ на верхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода *кипитъ*.

Такъ же, какъ изъ воды выскакиваютъ на верхъ пузыри надутые летучею водою, потому что они легче воды,—такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь надутый газомъ-*водородомъ*, или горячимъ воздухомъ,—потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ:

сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху, и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжеле водорода. А когда выскочитъ наверхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ. Сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ; и въ горлышкѣ придѣлаютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы—братья Монгольфьеры выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку, и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку, и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шару, подвязываютъ подъ него лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое, и даже по восьми человѣкъ, и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься когда хо-

чешь, въ шару сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется, и, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ,—газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче, и онъ пойдетъ кверху. Если, кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу не ладно, — или рѣка, или лѣсъ,—то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

РАЗСКАЗЪ АЭРОНАВТА.

Народъ собрался смотрѣть на то, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ подрагивалъ, рвался вверхъ на четырехъ канатахъ и то морщился, то надувался. Я простился съ своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, всё ли мои припасы были по мѣстамъ, и закричалъ: «пускай!» Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся кверху сначала тихо,—какъ жеребецъ сорвался съ привязи и оглядывался,—и вдругъ дернулъ кверху и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть её, какъ ужъ я былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобрать людей. Первую минуту мнѣ стало жутко, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ такъ стало весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу какъ на картин-

кѣ. Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ,—такъ мнѣ весело было на верху. Я шибко поднимался кверху, — только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ на меня вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слыхать было, лечу ли я, или стою на мѣстѣ. Я только потому замѣчалъ, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые,—на днѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пѣть. Я запѣлъ, но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце еще стояло высоко, но на закатѣ тянулась туча,—и вдругъ она закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ нибудь, досталъ барометръ и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто барометръ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидалъ голубка. Я вспомнилъ, что взялъ голубка затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Я написалъ на бумажкѣ, что я живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перушками, когда я взялъ его въ руку.

Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ какъ камень книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и чувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я, или сломалось что-нибудь — клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слыхать было, чтобы я поднимался, — ничто не шевелилось; но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. «Если я не остановлю шаръ», подумалъ я, «то онъ лопнетъ, и я пропалъ». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ, — я выбросилъ бумажку изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли книзу. Значитъ я какъ стрѣла летѣлъ кверху. Я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу — клапанъ открылся, засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку — бумажка полетѣла около меня и поднялась. Значитъ я опускался. Внизу все еще ничего не было видно. Только какъ море тумана разстилалось надо мной. Я спустился въ туманъ. Это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой опять чашку земли. Но не было нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы — рѣки. Опять мнѣ стало радостно на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидѣлъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я какъ камень летѣлъ внизъ. Я сталъ скидывать баластъ, чтобъ задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ, и у лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса

народа и стада. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ имъ веревки. Сбѣжался народъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву и я вышелъ. Я леталъ только 3 часа. Деревня эта была за 250 верстъ отъ моего города.

ГАЛЬВАНИЗМЪ.

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что̀ такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку укрѣпленную въ стеклѣ,— и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра и отъ сургуча и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перушки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ, и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ её лѣчить? Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столѣ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ эликтрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться.

и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ какъ живыя шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не отъ того ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный жолобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ, и они начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьей ногой объ жолобъ,— и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу,— и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только отъ того, что въ нихъ электричество, и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо и отъ

этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани, не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзной проволокой—а либо мѣдной проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзной съ желѣзнымъ крючкомъ,—и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзной проволокой связанной съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь,—такъ и дѣлается электричество; а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать—какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза—онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости — воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно—какъ прежде дѣлали—тереть, чтобы было электричество; а стоитъ только положить въ одну чашку

кусковъ разнаго металла и налить жидкостей — и въ этой чашкѣ будетъ электричество, и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій, и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ; такъ что электричество не переставая ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ,—по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Электричество можетъ ходить въ одну и въ другую сторону,—какъ захочешь пустить его: оно можетъ идти сначала по проволокѣ и возвращаться по землѣ,—или сначала по землѣ и возвращаться по проволокѣ. Надъ проволокой, въ томъ мѣстѣ, куда подаютъ знаки, придѣлана магнитная стрѣлка, и стрѣлка эта поворачиваетъ въ *одну* сторону, если *электричество пустить туда по проволокѣ и назадъ по землѣ*,—и въ *другую*, если электричество пустить *туда по землѣ* и *назадъ по проволокѣ*. По этой стрѣлкѣ уговорены знаки, и по этимъ знакамъ на телеграфахъ пишутъ съ одного мѣста въ другое.

СОЛНЦЕ-ТЕПЛО.

Выдь зимой въ тихій, морозный день въ поле или въ лѣсъ, и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ, свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой, — онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ на огонь: станетъ лёдъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть,—загудитъ, завертится. Тоже дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла—все мертво; есть тепло—все движется и живетъ. Мало тепла—мало движенья; больше тепла—больше движенья; много тепла—много движенья; очень много тепла—и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свѣтѣ? Тепло отъ солнца.

Ходитъ солнце низко зимой, стороною, не упираетъ лучами въ землю, — и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами; станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ, — отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать лёдъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь. Кто все это сдѣлаетъ? Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ

пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчёлы; выведутся комары, выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ? Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, подымется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе,—станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Поднимуться облака, станутъ сходиться и расходиться, — ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь? Солнце.

Выростутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ? Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ? Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ; деревья выростило солнце.

Топится печка дровами. Кто выростилъ дрова? Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто выростилъ? Солнце. Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ? Травы. А травы выростило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что́ людямъ нужно, что́ идетъ прямо на пользу,— все это заготовляется солнцемъ, и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много

тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупитъ солнечнаго тепла; и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и выпуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движенье. Какое ни на есть движенье — все отъ тепла; — либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, — что ихъ *двигаетъ*? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтреныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло. А воду кто гонитъ? Тепло-же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ, — ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? Дрова. — А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движенье, а изъ движенья тепло. И тепло и движенье отъ солнца.

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

IV.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

Выѣзжалъ-ли Вольга̀-свѣтъ съ дружиною
По селамъ-городамъ за получкою,
Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;
Выѣзжалъ-ли, судырь, во чисто поле,—
Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:
Слышно—пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
И поѣхалъ Вольга̀ къ тому пахарю—
Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.
День другой ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.
Слышно—пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
Третій день Вольга̀ ѣхалъ до пабѣдья—
Наѣзжаетъ Вольга̀ въ полѣ пахаря:
Въ полѣ пашетъ мужикъ, да понукива(е)тъ,
Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ

Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;
Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ—
Со другаго конца и не виднушко.
А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники во той сошкѣ булатные,
Захлеснуты гужочки шелковеньки,
А кобылка во сошкѣ соловенька.
Взговоритъ-ли Вольга̀ тому пахарю:
«Гой мужикъ-пахарёкъ! Божья помощь тѣ,—
«Божья помощь пахать, да крестьянствовать,
«Широку борозду отворачивать,
«Да коренья, каменья вывертывать!»
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
«А спасибо, Вольга, — благодарствуемъ, —
«Божья помощь, подитка, намъ надобна,
«Божья помощь—пахать, да крестьянствовать.
«Самъ далеко-ль, ѣдешь, со дружинушкой?
«Далеко-ль Богъ несётъ,—куда путь держишь?»
Взоговиритъ-ли Вольга̀ таковы слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой
«По селамъ-городамъ за получкою—
«Выбиратъ съ мужиковъ дани-выходы.
«Ай, поѣдемъ со мной во товарищахъ!»
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ о́хлѣпью—
Со Вольго́ю поѣхалъ въ товарищахъ
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
— «А не ладно, Вольга̀, я въ бороздочкѣ
«Свою сошку оставилъ не-убранну:

«Какъ-бы сошка съ земельки повыдернуть,
«Съ сошничковъ какъ-бы землю повытряхнуть,
«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ».
Посылалъ тутъ Вольга десять молодцевъ:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.—
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ молодцы,
Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку,—
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошниковъ землю вытряхнуть,—
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ-ли Вольга всю дружинушку:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ бралась за сошку кленовую,—
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ-деревеньщина:
Онъ слѣзалъ со кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попёхивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытрёхивалъ,

Онъ палицей камлыжки сокрёбывалъ
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли,—поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку—
Мужикóва кобылка ходóй идетъ,
А Вольгѝнъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцой пошла,
А Вольгѝнъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется,—
Во всю прыть Вольгà ѣдетъ сугоною.
Мужику тутъ Вольгà сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
«Ты, мужикъ-пахарёкъ, ты постóй, пожди,
«За тобою, мужикъ, не угонишься».
На Вольгу тутъ мужикъ пріоглянулся,
Сталъ кобылку свою укорачивать,—
И поѣхали шагомъ дорожкою.
Взговоритъ-ли Вольгà таковы слова:
«У тебя-ли, мужикъ, лошадь добрая—
«Кабы лошадь твоя да конькомъ была,—
«За лошадку цѣна-бы пятъсотъ рублей».
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ-ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь;
«Я кобылочку взялъ изъ подъ матери,
«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;
«А конькомъ-бы была—ей и смѣты нѣтъ».
Взговоритъ-ли Вольга таковы слова:
«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени,—
«Величать тебя какъ по изотчеству?»
Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:
— «А я ржи напашу, во скирды сложу,

«Домой выволоку, дома вымолочу,
«Да и пива сварю, мужиковъ сзову;
«И почнутъ мужики тутъ покликивать:
«Гой Микула-свѣтъ, ты Микулушка,
«Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

КАКЪ ВЛАДИМІРЪ ПОСЫЛАЛЪ УЗНАВАТЬ ВѢРЫ.

Въ лѣто ҂ѕу҄че. Созва Володимеръ болѧры своѧ и старци градьскіѣ, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькꙋще: пріими законъ нашъ; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хвалѧхꙋ законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хꙋлѧще вси законы, свой же хвалѧще. И много глаголаша сказающе отъ начала мірꙋ, о бытьи всего міра; сꙋть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комꙋждо слꙋшати ихъ, и дрꙋгій свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто,

Въ 6495 году созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и стариковъ городскихъ, и сказалъ имъ: «Вотъ приходили ко мнѣ Болгаре, говоря: прими законъ нашъ, а послѣ приходили Нѣмцы, и тѣ хвалили законъ свой; послѣ нихъ пришли Евреи. А вотъ напослѣдокъ пришли Греки, хуля всѣ законы, а свой хваля. И много говорили, разсказывая отъ начала міра, о томъ, какъ весь міръ есть; и они очень искусно говорятъ, дивишься слушая ихъ, пріятно каждому слушать ихъ; они

дѣсть, въ нашю вѣрꙋ стꙋпить, то паки, умеръ, станеть и не умрети ему въ вѣки; аще ли въ инъ законъ стꙋпить, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣчаете»?

разсказываютъ, что есть другой свѣтъ: такъ что если кто, дескать, въ нашу вѣру вступитъ, тотъ, умёрши, снова будетъ жить и не умереть ему во вѣкъ; и если въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть (ему). Такъ какъ же вы посовѣтусте? чтó отвѣтите?»

И рѣша боꙗре и старци: «вѣси, кнѧже, ꙗко своего никтоже не хꙋлить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мꙋжи: пославъ испытай когождо ихъ слꙋжбꙋ, и кто како слꙋжить Богꙋ». И бысть люба рѣчь кнѧзю и всѣмъ людемъ; избраша мꙋжи добры и смыслены, числомъ і҃, и рѣша имъ: «идѣте первое въ Болгары, и испытайте первое вѣрꙋ ихъ»

И сказали бояре и старики: «ты знаешь, князь, что своего никто не хулитъ, а хвалитъ; если (жъ ты хочешь разузнать хорошенько, то есть у тебя (на то) люди: пославши разузнай (у) каждаго ихъ служенiе,—кто какъ служитъ Богу». И полюбилась рѣчь (эта) князю и всему собранiю; выбрали людей именитыхъ и умныхъ, числомъ десять, и сказали имъ: «идите сперва къ Болгарамъ, и разузнайте сперва ихъ вѣру».

Они же идоша, и пришедше видѣша скверньнаꙗ дѣла и кланѧнье въ ропати;

Они и пошли, и пришедши видѣли скверныя дѣла и моленiе въ мечети; и

придоша въ землю свою. И рече имъ Володимеръ: «идѣте паки въ Нѣмци, съглѧдайте такоже, и оттꙋдѣ идѣте въ Греки». Они же придоша въ Нѣмци, и съглѧдавше церковнꙋю слꙋжбꙋ ихъ, придоша Царюгородꙋ, и внидоша ко царю; царь же испыта, коеѧ ради вины придоша, они же сповѣдаша емꙋ всѧ бывшаѧ.

Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь великꙋ створи имъ въ той же день. Наутрїѧ посла къ патреархꙋ, глаголѧ сице: «придоша Рꙋсь, пытающе вѣры нашеѧ; да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинисѧ въ свѧтительскїѧ ризы, да видѧть славꙋ Бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣньѧ и лики съставиша.

вернулись въ землю свою. И сказалъ имъ Владиміръ: «Идите опять къ Нѣмцамъ, разглядите также, и оттуда идите къ Грекамъ». Они пришли къ Нѣмцамъ, и повидавъ церковную службу ихъ, пришли въ Царьградъ, и явились къ царю Царь же распросилъ, зачѣмъ они пришли, и они разсказали ему всё, что было.

Услыша это и обрадовавшись, царь празднество большое устроилъ имъ въ въ тотъ же день. На утро послалъ онъ къ патріарху, говоря такъ: «Пришли Русскіе узнавать вѣру нашу, такъ приготовь церковь и клиръ, и самъ одѣнься въ святительскія одежды; пусть видятъ славу Бога нашего». Услышавъ это, патріархъ велѣлъ созвать клиръ; по заведенному порядку устроили празднество, и паникадила зажгли, пѣніе и хоръ устроили.

И иде съ ними въ церковь, и поставиша ѧ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красотꙋ церковнꙋю, пѣньѧ и слꙋжбы архїерѣйски, престоѧнье дьıаконъ, сказающе имъ слꙋженье Бога своего; они же во изꙋмѣньи бывше, удивившесѧ, похвалиша слꙋжбꙋ ихъ. И призваша ѧ царѧ Василїй и Костѧнтинъ, рѣста имъ: «идѣте въ землю вашю», и отпꙋстиша ѧ съ дары велики и съ честью.

И пошёлъ онъ съ ними въ церковь, и поставилъ ихъ на просторномъ мѣстѣ, показывая красоту церковную, и пѣніе и служеніе Архіерейское, предстояніе дьяконовъ, разсказывая имъ служеніе Богу своему. Они, изумлённые и удивясь, восхваляли богослуженіе ихъ. И призвали ихъ оба царя, Василій и Константинъ, (и) сказали имъ: «Идите въ землю вашу». И отпустили ихъ съ подарками большими и съ почестями.

Они же придоша въ землю свою, и созва кнѧзь болѧры своѧ и старци. Рече Володимеръ: «се придоша посланїи нами мꙋжи, да слышимъ отъ нихъ бывшее»; и рече: «скажите предъ дрꙋжиною».

Пришли они въ землю свою, и созвалъ князь бояръ своихъ и старцовъ. Сказалъ Владиміръ: «вотъ пришли посланные нами люди, такъ послушаемъ отъ нихъ, что́ было»; и сказалъ: «разсказывайте передъ дружиною.»

Они же рѣша: «іако ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како сѧ покланѧють въ храмѣ, рекше въ ропати, стоѧще безъ поѧса; покло-

И они сказали: «Мы ходили къ Болгарамъ, смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ, то есть въ мечети, стоя безъ пояса; по-

нивсѧ сѧдеть, и глѧдить сѣмо и онамо, ıако бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творѧща, а красоты не видѣхомъ никоеѧ же».

«И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоѧ, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, ıако ондѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоѧ; всѧкъ бо человѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не прıимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти».

клонившись сядетъ, и глядитъ туда и сюда, какъ безумный, и нѣтъ радости въ нихъ, но печаль и смрадъ большой; не хорошъ законъ ихъ. И ходили къ Нѣмцамъ, и видѣли— въ храмахъ много служенiй дѣлаютъ, а красоты не видѣли никакой.»

«А пришли мы къ Грекамъ и повели они насъ (туда), гдѣ служатъ Богу своему, и мы не знаемъ, на небѣ ли мы были, или на землѣ: потому что нѣтъ на землѣ такого зрѣлища, или красоты такой; и (никакъ) не съумѣемъ разсказать (что было). Только то мы знаемъ, что тамъ Богъ съ людьми пребываетъ, и служенiе ихъ лучше, чѣмъ у всѣхъ народовъ. Мы же не можемъ забыть красоты той, потому что всякiй человѣкъ, если отвѣдаетъ сладкаго, то потомъ горькаго не принимаетъ; такъ и мы здѣсь (больше) не останемся».

Отвѣщавше же болѧре рекоша: «аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоѧ пріѧла Ольга, ꙗже бѣ мѹдрѣйши всѣхъ человѣкъ» Отвѣщавъ же Володимеръ рече: «кдѣ крещенье пріимемъ?» они же рекоша: «гдѣ ти любо».

И отвѣчая бояре сказали: «если бы (былъ) дуренъ законъ греческій, то не приняла бы (его) бабка твоя Ольга, которая была умнѣе всѣхъ людей. И отвѣчая Владиміръ сказалъ:— «гдѣ же крещеніе примемъ?» И они сказали: «гдѣ тебѣ угодно».

ПОХОДЪ НА КОРСУНЬ И КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

И минѹвшѹ лѣтѹ, въ лѣто ҂ѕѵч҃ѕ, иде Володимеръ съ вои на Корсѹнь, градъ Гречьскій, и затворишасѧ Корсѹнѧне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино, и борѧхѹсѧ крѣпко изъ града; Володимеръ же обьстоѧ градъ. Изнемогахѹ въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще сѧ не вдасте, имамъ стоѧти и за г҃ лѣта». Они же не послѹшаша того. Володимеръ же изрѧди воѧ своѧ, и повелѣ приспѹ сыпати къ градѹ.

И когда прошёлъ годъ, въ 6496-мъ году, пошёлъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, и заперлись Корсуняне въ городѣ; и сталъ Владиміръ по ту сторону города у залива, отъ города (на) выстрѣлъ одинъ; и защищались крѣпко изъ города, Владиміръ же обложилъ городъ. Изнемогалъ въ городѣ народъ, и сказалъ Владиміръ горожанамъ: «если не сдадитесь, буду стоять и больше трёхъ лѣтъ.» Они же не послушали этого. Владиміръ приготовилъ (къ

Симъ же спꙋщимъ, Корсꙋнѧне, подъкопавше стѣнꙋ градьскꙋю, крадꙋще сыплемꙋю перьсть, и ношахꙋ къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпахꙋ болѣ, а Володимеръ стоѧше. И се мꙋжь Корсꙋнѧнинъ стрѣли, имѧнемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «кладѧзи, ѧже сꙋть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се сѧ сбꙋдеть, и самъ сѧ крещю.»

И тꙋ абье повелѣ копати прѣки трꙋбамъ, и преѧша водꙋ; людье изнемогоша водною жажею и предашасѧ. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко цареви Василью и Костѧнтинꙋ, глагола сице:

бою) воиновъ своихъ, и велѣлъ насыпь дѣлать къ городу.

Когда они насыпали, Корсупяне, подкопавши стѣну городскую и крадучи насыпаемую землю, носили къ себѣ въ городъ, сваливая посрединѣ города. Воины же продолжали насыпать, а Владиміръ стоялъ. И вотъ (одинъ) человѣкъ Корсунянинъ, именемъ Настасъ, выстрѣлилъ, написавъ такъ на стрѣлѣ: «колодцы, которые за тобой отъ востока,—изъ тѣхъ вода идётъ по трубѣ; перекопавши, перейми (воду).» Владиміръ же это услышавъ, взглянувши на небо, сказалъ: «Если это сбудется, я самъ крещусь.»

И тутъ сейчасъ велѣлъ копать поперекъ трубъ, и переняли воду. Люди изнемогли отъ жажды и сдались. Вошёлъ Владиміръ въ городъ и дружина его; и послалъ Владиміръ къ царямъ Василію и Константину,

«се градъ ваю славный взѧхъ; слышю же се, ꙗко сестрꙋ имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мѧ, створю градꙋ вашемꙋ, ꙗкоже и семꙋ створихъ».

говоря такъ: «вотъ я городъ вашъ славный взялъ, слышу же вотъ, что сестра у васъ есть невѣста; такъ если её не отдадите за меня, сдѣлаю (съ) городомъ вашимъ такъ же, какъ и (съ) этимъ сдѣлалъ».

И слышаста царѧ, быста печальна; и вздаста вѣсть, сице глаголюща: «не достоить хрестеꙗномъ за поганыѧ дати: аще сѧ крестиши, то и се полꙋчишь, и царство небесное прїимеши, и съ нами единовѣрникъ бꙋдеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тѧ».

И услышали цари, опечалились; и дали отвѣтъ, такъ говоря: «не прилично христіанамъ за язычниковъ выдавать; если крестишься, то и это получишь, и царство небесное наслѣдуешь, и съ нами единовѣрцемъ будешь; если же ты этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать сестры своей за тебя».

Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: «глаголите царема тако: ꙗко азъ крещюсѧ, ꙗко испытахъ преже сихъ днїй законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и слꙋженье, еже бо ми сповѣдаша посланїи нами мꙋжи.» И си слышавша царѧ, рада быста и умолиста сестрꙋ свою, имѧнемъ Аньнꙋ, и

Это услышавъ, Владиміръ сказалъ посланнымъ отъ обоихъ царей: «скажите Царямъ такъ: что я крещуся, что я узналъ прежде этихъ дней законъ вашъ, и что мнѣ по душѣ вѣра ваша и богослуженіе, насколько мнѣ разсказали посланные нами люди.» И это услышавши, цари

посласта къ Володимерȣ, глаголюща: «крестисѧ и тогда послевѣ сестрȣ свою къ тобѣ». Рече же Володимеръ: «да пришедъше съ сестрою вашею крестѧть мѧ»

обрадовались, и упросили сестру свою, именемъ Анну, и послали къ Владиміру, говоря: «крестися, и тогда пошлёмъ мы сестру свою къ тебѣ. И сказалъ Владиміръ: «такъ пусть придутъ съ сестрою своею и крестятъ меня»

И послȣшаста царѧ и посласта сестрȣ свою, сановники нѣкіѧ и прозвȣтеры: она же не хотѧше ити; «ꙗкѡ въ полонъ», рече, «идȣ, лȣче бы ми сдѣ умрети». И рѣста ей братьѧ: «еда какѡ обратить Богъ тобою Рȣскȣю землю въ покаѧнье, а Гречьскую землю избавишь ѿ лютыѧ рати: видиши ли, колько зла створиша Рȣсь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, тоже имȣть створити намъ»; и одва ю принȣдиша.

И согласились цари, послали сестру свою, чиновниковъ нѣкоторыхъ и священниковъ; а она не хотѣла идти. «Въ плѣнъ», говорила она, «иду, лучше бы мнѣ здѣсь умереть». И сказали ей братья: «Можетъ быть какъ-нибудь обратитъ Богъ тобою русскій народъ къ покаянію, и ты греческій народъ избавишь отъ злой войны. Видишь ли сколько зла сдѣлали Русскіе Грекамъ? И теперь если не пойдёшь, тоже сдѣлаютъ намъ.» И едва её убѣдили.

Она же сѣдъши въ кȣбарȣ, цѣловавши ужики своѧ, съ плачемъ поиде чрезъ море; и приде къ Корсȣню, и изи-

И она сѣвши въ корабль, распростившись съ родными своими, съ плачемъ поплыла черезъ море. И при-

доша Корсунѧне съ поклономъ, и введоша ю въ градъ; и посадиша ю въ полатѣ.

По Божью же устрою, въ се время разболѣсѧ Володимеръ очима, и не видѧше ничтоже, и тужаше велми; и посла къ нему царица, рекуши: «аще хощеши избыти болѣзни сеѧ, то въскорѣ крестисѧ, аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «да аще истина будетъ, то поистинѣ великъ Богъ будетъ хрестеѧнескъ»; и повелѣ хрестити сѧ.

Епископъ же Корсунскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимера; ꙗко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави Бога, рекъ: «топерво увѣдѣхъ Бога истиньнагѡ». Се же видѣвше дружина егѡ, мнози крестишасѧ.

плыла къ Корсуню и вышли Корсуняне съ поклономъ и ввели её въ городъ, и помѣстили её во дворцѣ.

И по Божьему устроенію въ это время разболѣлся Владиміръ глазами, и не видѣлъ ничего, и тужилъ крѣпко; и послала къ нему царица говоря:—«Если хочешь избавиться (отъ) болѣзни этой, то скорѣе крестись. Если же нѣтъ, то ты не избавишься (отъ) этого недуга.» Это услышавъ, Владиміръ сказалъ: «Такъ если это на самомъ дѣлѣ будетъ, то по правдѣ великъ Богъ будетъ христіанскій» и велѣлъ крестить себя.

И епископъ Корсунскій съ священниками царицыными, огласивъ, окрестилъ Владиміра; какъ только онъ возложилъ руку на него, такъ онъ тотчасъ прозрѣлъ. И увидѣвши это внезапное изцѣленіе, Владиміръ прославилъ Бога и сказалъ: «вотъ впервые увѣдалъ я

Бога истиннаго». Видѣвъ же это, многіе изъ дружины его крестились.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми свѧтагѡ Климента и Фифа, ученика єгѡ, поима съсуды церковьныѧ и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще присыпу.

И Владиміръ послѣ этого, взявъ царицу и Настаса, и священниковъ Корсунскихъ съ мощами Св. Климента и Ѳиѳа, ученика его, взялъ сосуды церковные и иконы на благословенье себѣ. И поставилъ церковь въ Корсуни, на горѣ, которую насыпали по серединѣ города, крадучи насыпь.

Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опѧть царицѣ дѣлѧ, а самъ приде Кіеву. Ꙗкѡ приде, повелѣ кумиры испроверщи, овы исѣщи, а другіѧ огневи предати; Перуна же повелѣ привѧзати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, ві мужа пристави тети жезльемъ. Се же не ꙗкѡ древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симъ

Вернулъ же онъ, вмѣсто вѣна за невѣсту, Грекамъ Корсунь за царицу, а самъ воротился въ Кіевъ. Какъ пришёлъ, велѣлъ идоловъ ниспровергнуть, которыхъ изрубить, а которыхъ огню предать; а Перуна велѣлъ привязать къ хвосту и тащить съ горы по Боричеву на Ручай; двѣнадцать человѣкъ приставилъ онъ бить его палками; и

образомъ человѣкы, да възмездье пріиметь ѿ человѣкъ.

это не потому, чтобъ дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который обманывалъ этимъ образомъ людей, — чтобъ возмездіе получилъ онъ отъ людей.

Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоѧ! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ.

Великъ Ты, Господи, чудны дѣла Твои! Вчера онъ чтимъ людьми, а нынче поруганъ. Когда тащили его по Ручаю къ Днѣпру, плакали по нёмъ невѣрные люди, потому что ещё не приняли они святаго крещенія; и притащивши, бросили въ Днѣпръ.

И постави Володимеръ, рекъ: «аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его ѿ берега, дондеже порогы проидетъ; то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створиша; яко пустиша и, проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнь и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть.

А приставилъ же Владиміръ ихъ, сказавъ: «Если онъ гдѣ нибудь пристанетъ, то вы отталкивайте его отъ берега, до тѣхъ поръ, (пока) пороги пройдётъ; только тогда избавитесь отъ него». Они же, что велѣно—сдѣлали; какъ пустили, и прошёлъ онъ черезъ пороги, выкинулъ его вѣтеръ на отмель, и оттого прозвалась она Перунова отмѣль, какъ и до сего дня зовётся.

Посемъ же Володимеръ посла по всемꙋ градꙋ, глаголѧ: «аще не обрѧщетьсѧ ктѡ заꙋтра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да бꙋдеть». Се слышавше людье, съ радостью идѧхꙋ, радꙋющесѧ и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сегѡ кнѧзь и болѧре прiѧли».

Наꙋтрiѧ же изыде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсꙋньскыми на Дънѣпръ, и снидесѧ безъ числа людiй: влѣзоша въ водꙋ и стоѧхꙋ овы до шiе, а дрꙋзiи до персiй, младенци же отъ берега, дрꙋзiи же младенци держаще, свершенiи же бродѧхꙋ; попове же стоѧще молитвы творѧхꙋ.

И бѧше си видѣти радость на небеси и на земли.

Послѣ того Владимiръ послалъ по всему городу, говоря: «если не окажется кто завтра на рѣкѣ: богатый ли, убогiй ли, нищiй ли, или работникъ,—тотъ врагъ мнѣ будетъ.» Это услышавши, люди съ радостью шли, веселяся и говоря: «Если бы это не хорошо было, не приняли бы этого князь и бояре».

И на утро вышелъ Владимiръ съ священниками царицыными и съ Корсунскими на Днѣпръ. И сошлося безъ числа народу: вошли въ воду и стояли одни по шею, а другiе по груди, дѣти у берега, другiе же дѣтей держали, взрослые же шли въ бродъ. Священники же стояли и молитвы творили.

И видѣть это была радость на небѣ и на землѣ.

БОРЬБА РУССКАГО СЪ ПЕЧЕНѢГОМЪ.

Въ лѣто ҂ѕф. Иде Володимеръ на Хорваты. Пришедшю бо емꙋ съ войны Хорватьскыѧ, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сꙋлы; Володимеръ же поиде противꙋ имъ, и срѣте ѧ на Трꙋбежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переѧславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѧхꙋ си на онꙋ странꙋ, ни они на сю странꙋ.

Въ 6500 году пошёлъ Владиміръ на Хорватовъ; и когда пришёлъ съ войны Хорватской, вдругъ Печенѣги пришли по той сторонѣ отъ Сулы; Владиміръ же пошёлъ на встрѣчу имъ, и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ на броду, гдѣ нынче Переяславль. И остановился Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той. И не рѣшались (перейти) ни эти на ту сторону, ни тѣ на эту сторону.

И прїѣха кнѧзь Печенѣжьскый къ рѣкѣ, возва Володимера и рече емꙋ: «выпꙋсти ты свой мꙋжь, а ꙗ свой да сѧ борета; да аще твой мꙋжь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще нашь мꙋжь ударитъ, да воюемъ за три лѣта»; и разидостасѧ разно. Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголѧ: «нѣтꙋ ли такогѡ мꙋжа,

И подъѣхалъ князь Печенѣжскій къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: «выставь ты своего воина, а я своего, чтобы они вдвоёмъ поборолись; такъ (что) если твой воинъ ударитъ моимъ (объ землю), такъ мы не будемъ воевать три года, а если нашъ воинъ ударитъ, такъ мы будемъ воевать васъ три года». И разошлись врозь. И

иже бѣ сѧ ꙗлъ съ Печенѣжиномъ?» и не ѡбрѣтесѧ никдѣже:

Владимiръ пришёлъ въ обозъ и послалъ глашатаевъ по обозу, говоря: «нѣтъ ли такого ратника, который бы схватился съ Печенѣгомъ?» И не нашлось (такого) нигдѣ.

Заѵтра прiѣхаша Печенѣзи и свой мѹжь приведоша, и у нашихъ не бысть. И поча тѹжити Володимеръ, слѧ по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мѹжь ко кнѧзю и рече емѹ: «кнѧже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома: ѿ дѣтьства бо егѡ нѣсть ктѡ имъ ударилъ: единою бо ми и сварѧщю, и ономѹ мьнѹщю уснiе, разгнѣвавъсѧ на мѧ, преторже череви рѹкама».

На утро подъѣхали Печенѣги и своего воина вывели, а у нашихъ не было. И началъ печалиться Владимiръ, посылая по всему войску, и пришёлъ одинъ старый человѣкъ къ князю и сказалъ ему: «князь, есть у меня одинъ сынъ меньшой до́ма; съ четырьмя я вышелъ, а онъ до́ма; отъ дѣтства его нѣтъ того, кто бы его повалилъ: разъ вотъ, когда я бранилъ его, а онъ мялъ шкуру, то онъ, разсердившись на меня, перервалъ кожу руками».

Кнѧзь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и ко кнѧзю, и кнѧзь повѣда емѹ всѧ; сей же рече: «кнѧже! не вѣдѣ, могѹ ли со нь, и да искѹсѧть

И князь, это услыхавши, обрадовался, послалъ за нимъ, и привели его къ князю, и князь сказалъ ему всё: онъ же сказалъ; «Князь, не знаю, въ си-

мѧ: нѣтꙋ ли быка велика и силна?»

И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горѧча, и быка пꙋстиша, и побѣже быкъ мимω и, и похвати быка рꙋкою за бокъ, и вынѧ кожю съ мѧсы, еликω емꙋ рꙋка залѧ; и рече емꙋ Володимеръ: «можеши сѧ съ нимъ бороти».

И наꙋтрїѧ придоша Печенѣзи, почаша звати: «нѣ ли мꙋжа? се нашь доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи облещисѧ въ орꙋжье; и пристꙋпиша тꙋ обои. Выпꙋстиша Печенѣзи мꙋжь свой, бѣ бо превеликъ ѕѣлω и страшенъ; и выстꙋпи мꙋжь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣѧсѧ, бѣ бо середнїй тѣломъ:

силахъ ли я съ нимъ (бороться), но пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли здѣсь быка бо́льшаго и сильнаго?»

И нашли быка большаго и сильнаго, и велѣлъ (Владиміръ) разсердить быка. Положили на него желѣзо горячее, и быка пустили. И побѣжалъ быкъ мимо его, и ухватилъ онъ быка за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько у него рука захватила; и сказалъ ему Владиміръ: «ты можешь съ нимъ бороться».

И на утро пришли Печенѣги и начали кричать: «нѣтъ развѣ человѣка? вотъ нашъ готовъ». Владиміръ же велѣлъ той почью надѣть оружіе, и подступили тутъ оба (войска). Выслали Печенѣги человѣка своего, и былъ онъ огроменъ очень и страшенъ; и вышелъ человѣкъ Владиміровъ, и увидалъ его Печенѣгъ и посмѣялся, потому что тотъ былъ средняго роста.

И размѣривше межи обѣма полкома, пꙋстиша ѧ къ собѣ, и ꙗтасѧ, и почаста сѧ крѣпкѡ держати, и удави Печенѣзина въ рꙋкахъ до смерти и удари имъ о землю; и кликнꙋша, и Печенѣзи побѣгоша, и Рꙋсь погнаша по нихъ сѣкꙋще, и прогнаша ѧ.

И размѣривъ (разстояніе) между обоими войсками: пустили ихъ другъ къ другу; и схватилися óни, и начали крѣпко бороться, и сдавилъ (Русскій) Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ объ землю; и (Русскіе) закричали, и Печенѣги побѣжали, и Русскіе гнались за ними, рубя (ихъ), и разогнали ихъ.

Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ, и нарече и Перѥславль, зане перѧ славꙋ отрокъ отъ. Володимеръ же великимъ мꙋжемъ створи того и отца ѥгѡ. Володимеръ же възвратисѧ въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.

И Владиміръ обрадовавшись заложилъ городъ у брода того и назвалъ его Переяславлемъ, потому что перенялъ славу юноша тотъ. И Владиміръ знатнымъ человѣкомъ сдѣлалъ его и отца его. И Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

ДОБРЫЯ ДѢЛА ВЛАДИМІРА.

По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василевꙋ, и Володимеръ съ малою дрꙋжиною изыде противꙋ, и състꙋпившимсѧ, и не могъ стерпѣти противꙋ, подъбѣгъ ста

Послѣ этаго пришли Печенѣги къ Василёву, и Владиміръ съ малою дружиною вышелъ на встрѣчу, и когда сошлися, онъ не могъ выдержать (нападенія) и отсту-

подъ мостомъ, одва укрысѧ противныхъ; и тогда обѣщасѧ Володимеръ поставити церковь свѧтаго Преображеньѧ, бѣ бо въ тъ день Нреображенье Господне, егда си бысть сѣча.

пивъ остановился ниже моста, и едва укрылся (отъ) враговъ; и тогда обѣщался Владиміръ поставить церковь въ Василёвѣ Св. Преображенія, потому что было въ тотъ день Преображеніе Господне, когда эта была битва.

Избывъ же Володимеръ сегѡ, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варѧ т҃ проваръ меду, и съзываше болѧры своѧ, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздаѧ убогымъ т҃ гривенъ.

Избавившись же отъ этого, Владиміръ поставилъ церковь, и сдѣлалъ празднество большое, наваривъ триста котловъ мёду и назвавши бояръ своихъ, и посадниковъ, и старѣйшинъ со всѣхъ городовъ, и народу много, и раздавши бѣднымъ триста гривенъ.

Празновавъ кнѧзь дний и҃, и възвращашеться Кыеву на Успенье свѧтыѧ Богородица, и ту пакы сотворѧше праздникъ великъ, сзываѧ безчисленное можьство народа. Видѧ же люди хрестьѧны сущa, радовашесѧ душею и тѣломъ, и такѡ по вся лѣта творѧше.

Праздновавши князь восемь дней, возвратился въ Кіевъ на успенье Св. Богородицы, и тутъ опять дѣлалъ пиръ большой, созывая безчисленное множество народу. И видя народъ христіанами, радовался душою и тѣломъ, и такъ всегда онъ дѣлалъ.

Бѣ бо любѧ словеса книжнаѧ; слыша бо единою Еван-

Любилъ онъ слова книжныя; слышавъ иногда чи-

гелье чтомо: «блажени милостивіи, гако ти помилована будутъ»; и пакы: «продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ», и пакы: «не скрывайте собѣ сокровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подъкопываютъ, но скрывайте собѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить, ни татье крадутъ»; и Давыда глаголюща: «блаженъ мужь милуя и дая»; Соломона же слыша глаголюща: «вдаяй нищему, Богу взаимъ даеть»;— си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и ядение, и отъ скотьниць кунами.

Устрои же и се, рекъ: «гако немощнии и болнии не могуть долѣзти двора моегш». Повелѣ пристроити кола; и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по го-

таемое Евангеліе: «блаженны милостивые, такъ какъ они помилованы будутъ»; и опять: «продайте имѣніе своё и отдайте нищимъ»; и опять: «не прячьте себѣ богатствъ на землѣ, гдѣ червь точитъ и воры подкапываютъ, но прячьте себѣ богатства на небѣ, гдѣ ни червь (не) точитъ, ни воры (не) крадутъ», (слыша) и Давида, говорящаго: «Блаженъ человѣкъ, милующій и дающій;» и Соломона слышалъ, говорящаго: «дающій нищему, Богу взаймы даетъ»; (все) это слышавши велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій, и брать всё, что нужно: питье и ѣду, и изъ казны деньги.

Устроивъ и это, сказалъ: «слабые и больные не могутъ дойти до двора моего». Велѣлъ сдѣлать телѣги, наклавши на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей разныхъ, мёда въ бочепкахъ, а въ другихъ квасу, возить по го-

родꙋ, въпрашающымъ: «кдѣ болнїи и нищь, не могы ходити?» тѣмъ раздавахꙋ на потребꙋ.

Се же пакы творѧше людемъ своимъ: по вся недѣлѧ устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити болѧромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десѧцьскымъ, и нарочитымъ мꙋжемъ, при кнѧзи и безъ кнѧзѧ: бываше множьство отъ мѧсъ, ѿ скота и отъ ѕвѣрины, бѧше по изобилью отъ всегѡ. Егда же подъпьѧхꙋтьсѧ, начьнѧхꙋть роптати на кнѧзь, глаголюще: «ѕло есть нашимъ головамъ! да намъ ꙗсти деревѧными лжицами, а не сребрѧными»

Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ꙗсти дрꙋжинѣ; рекъ сице: «ꙗкѡ сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дрꙋжины, а дрꙋжиною налѣзꙋ сребро и злато, ꙗкоже дѣдъ мой и отець мой доискасѧ злата и сребра». Бѣ бо Во-

роду, спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, (что) не могутъ ходить?» такимъ (людямъ) раздавали сколько нужно.

А вотъ что еще дѣлалъ для людей своихъ: каждую недѣлю учердилъ въ (своемъ) дворѣ пиръ приготовлять и приходить боярамъ, и дружинникамъ, и сотскимъ, и десятскимъ. и сановнымъ людямъ, при князѣ и безъ князя. Бывало множество мяса, и скота, и дичины, было въ изобиліи всего. Когда же (бывало) подопьютъ, начнутъ роптать на князя, говоря: «худо нашимъ головамъ; онъ далъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными.»

Это услышавши, Владиміръ велѣлъ наковать ложекъ серебряныхъ. ѣсть дружинѣ, сказавъ такъ: «серебромъ и золотомъ не добыть мнѣ дружины, а дружиною добуду серебра и золота, какъ и дѣдъ мой и отецъ мой доискались дру-

лодимеръ любѧ дружину, и съ ними думаѧ о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ.

жиною золота и серебра». А Владиміръ любилъ дружину, и съ нею совѣщался объ устройствѣ земли, и объ воинахъ, и объ земскомъ уставѣ.

И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.

И жилъ Владиміръ по порядкамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ

Слово о гнѣвѣ, ꙗко держай гнѣвъ на своѧ други въ область даетсѧ діаволу.

Слово о гнѣвѣ; какъ неоставляющій гнѣва на своихъ ближнихъ, отдается во власть дьяволу.

Повѣдаше Ісакъ мнихъ: бысть ми, рече, нѣкогда распрѧ съ братомъ, и имѣхъ на нь гнѣвъ. Дѣлаѧ же свое рукодѣліе, помѧнухсѧ, и скорбѧхъ, ꙗко соблазнивсѧ; и пребыхъ весь день празденъ, не вѣдый, что сотворити.

Расказывалъ монахъ Исакъ: случилась у меня, говорилъ онъ, однажды ссора съ однимъ изъ братіи; и оставался я въ гнѣвѣ на него. Занимаясь же своимъ рукодѣльемъ, опомнился я, и скорбѣлъ, какъ поддавшійся искушенію; и весь день провелъ я безъ дѣла, не зная, за что приняться.

И се уноша дверьми вниде ко мнѣ, и не сотворь молитвы, глагола ми: «соблаз-

И вотъ вошелъ ко мнѣ въ двери юноша, и, не сотворивъ молитвы, сталъ

нилсѧ єси; но даждь мнѣ, да ти исправлю». Азъ же рѣхъ ємꙋ: «отъиди отселе и николиже приходи, ꙗкѡ нѣси ты отъ Бога».

И рече ми: «жаль ми тебе, ꙗкѡ дѣло си гꙋбиши, а мой єси уже». Азъ же отвѣщахъ къ немꙋ паки: «Божїй єсмь, а не твой, дїаволе».

И рече ми: «въ истинꙋ далъ есть намъ Богъ держащихъ гнѣвъ и ѕло помнѧщихъ; ты же имаши г҃ недѣли гнѣваѧсѧ, и врагъ єси сꙋсѣдꙋ своемꙋ». Азъ же рѣхъ ємꙋ: «лжеши». Глагола ми: «не имаши геены палѧщїѧ памѧти, ѕло имаши къ немꙋ; азъ же къ помнѧщимъ ѕло приставленъ єсмь, и уже мой єси»

И ꙗкѡ слышахъ се, идохъ ко братꙋ, и поклонихсѧ ємꙋ, и сотворихъ любовь. И обративсѧ обрѣтохъ, ꙗкѡ из-

говорить мнѣ: «поддался ты искушенію! но дай только мнѣ, и я поправлю тебѣ (все дѣло)!» Я же сказалъ ему «уйди отсюда, и никогда больше не приходи, потому что ты не отъ Бога!»

И сказалъ онъ мнѣ: «жаль мнѣ тебя, что ты дѣло себѣ портишь; только ты ужъ мой!» Я же опять отвѣчалъ ему: «Божій—я, а не твой, сатана!»

А онъ сказалъ мнѣ: «(говорю тебѣ) по истинѣ: намъ отдалъ Богъ (всѣхъ), не покидающихъ гнѣва и помнящихъ зло; а ты уже три недѣли, какъ въ гнѣвѣ, и сталъ врагомъ ближнему своему» Я же сказалъ ему: «ты лжешь!» Сказалъ онъ мнѣ: «нѣтъ у тебя въ памяти геенны огненной; зло у тебя къ брату; а я и приставленъ къ помнящимъ зло, и ты ужъ—мой!»

И, какъ услышалъ я это, такъ и пошелъ къ брату; попросилъ у него прощенья и вошелъ (съ нимъ) въ

жеглъ є҆́сть рꙋкодѣ́лїе моѐ и҆ рогозинницю, на не́йже кла́нѧхсѧ.

любовь. И вернувшись, я увидѣлъ, что (сатана) сжегъ мою работу и рогожку, на которой я клалъ поклоны.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА XXXVII.

в҃. Ї҆ѡ́сифъ бѧ́ше седминана́десѧти лѣ́тъ, пасы́й ѻ҆́вцы ѻ҆ц҃а̀ своегѡ̀ съ бра́тїею свое́ю.

2. Іосифъ, семнадцати лѣтъ, пасъ скотъ отца своего вмѣстѣ съ братьями своими.

г҃. Ї҆а́кѡвъ же люблѧ́ше Ї҆ѡ́сифа па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, ꙗ҆́кѡ сы́нъ въ ста́рости є҆мꙋ̀ бы́сть: и҆ сотворѝ є҆мꙋ̀ ри́зꙋ пе́стрꙋ.

3. Израиль любилъ Іосифа болѣе всѣхъ сыновей своихъ, потому что онъ былъ сынъ старости его; и сдѣлалъ ему разноцвѣтную одежду.

д҃. Ви́дѣвше же бра́тїѧ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ лю́битъ є҆го̀ ѻ҆ц҃ъ па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, возненави́дѣша є҆го̀, и҆ неможа́хꙋ глаго́лати къ немꙋ̀ ничто́же ми́рно.

4. И увидѣли братья его, что отецъ ихъ любитъ его болѣе всѣхъ братьевъ его; и возненавидѣли его, и не могли говорить съ нимъ дружелюбно.

є҃. Ви́дѣвъ же Ї҆ѡ́сифъ со́нъ, повѣ́да и҆̀ бра́тїи свое́й.

5. И видѣлъ Іосифъ сонъ, и разсказалъ его братьямъ своимъ: и они возненавидѣли его еще болѣе.

ѕ҃. И҆ речѐ и҆̀мъ: послꙋ́шайте сна̀ сегѡ̀, є҆го́же ви́дѣхъ.

6. Онъ сказалъ имъ: выслушайте сонъ, который я видѣлъ.

ѕ҃. Мнѣхъ васъ вѧжꙋщихъ снопы средѣ полѧ: и воста мой снопъ, и ста прѧмѡ: ваши же снопы ѡбратившесѧ поклонишасѧ моемꙋ снопꙋ.

7. Вотъ, мы вяжемъ снопы посреди поля, и вотъ, мой снопъ всталъ, и сталъ прямо; и вотъ, ваши снопы стали кругомъ, и поклонились моему снопу.

и҃. Рѣша же емꙋ братїѧ егѡ: еда царствꙋѧ царствовати бꙋдеши надъ нами, или господствꙋѧ господствовати бꙋдеши надъ нами; и приложиша еще ненавидѣти егѡ сновъ ради егѡ, и ради словесъ егѡ.

8. И сказали ему братья его: не уже ли ты будешь царствовать надъ нами? Не уже ли будешь владѣть нами? И возненавидѣли его еще болѣе за сны его, и за слова его.

ѳ҃. Видѣ же сонъ дрꙋгїй, и повѣда егѡ ѻ҆цꙋ своемꙋ, и братїи своей, и рече: се видѣхъ дрꙋгїй сонъ: аки бы солнце и лꙋна, и единонадесѧть ѕвѣздъ покланѧхꙋсѧ мнѣ.

9. И видѣлъ онъ еще другой сонъ, и разсказалъ его отцу своему и братьямъ своимъ, говоря: вотъ, я видѣлъ еще сонъ; вотъ, солнце, и луна, и одиннадцать звѣздъ покланяются мнѣ.

і҃. И запрети емꙋ ѻ҆тецъ егѡ и рече емꙋ: что сонъ сей, егоже еси видѣлъ; еда пришедше прїидемъ азъ и мати твоѧ, и братїѧ твоѧ поклонитисѧ тебѣ до землѝ;

10. И онъ разсказалъ отцу своему и братьямъ своимъ; и побранилъ его отецъ его, и сказалъ ему: что̀ это за сонъ, который ты видѣлъ? не уже ли я, и твоя мать, и твои братья прійдемъ поклониться тебѣ до земли?

аі҃. Позавидѣша же емꙋ

11. Братья его досадова-

бра́тїѧ є҆гѡ̀: ѻ҆те́цъ же є҆гѡ̀ соблюдѐ сло́во сїѐ.

вı. Ѿидо́ша же бра́тїѧ є҆гѡ̀ пастѝ ѻ҆́вцы ѻ҆тца̀ своегѡ̀ въ Сѵхе́мъ.

гı. И҆ речѐ Ї҆сра́иль ко Ї҆ѡ́сифꙋ: є҆да̀ бра́тїѧ твоѧ̀ не пасꙋ́тъ въ Сѵхе́мѣ; грѧдѝ, да послю̀ тѧ къ ни́мъ. речѐ же є҆мꙋ̀: сѐ а҆́зъ.

дı. Рече́ же є҆мꙋ̀ Ї҆и҃ль: ше́дъ, ви́ждь, а҆́ще здра́вствꙋютъ бра́тїѧ твоѧ̀, и҆ ѻ҆́вцы; и҆ повѣ́ждь мѝ. и҆ посла̀ є҆го̀ ѿ ю҆до́ли Хеврѡ́ни: и҆ прїи́де въ Сѵхе́мъ.

єı. И҆ ѡ҆брѣ́те є҆го̀ человѣ́къ заблꙋжда́юща на по́ли: вопроси́ же є҆го̀ чл҃вѣ́къ, глаго́лѧ: чесогѡ̀ и҆́щеши;

ѕı. Ѻ҆́нъ же рече́: бра́тїи моеѧ̀ и҆щꙋ̀: повѣ́ждь мѝ, гдѣ̀ пасꙋ́тъ.

зı. Рече́ же є҆мꙋ̀ человѣ́къ: ѿидо́ша ѿсю́дꙋ: слы́шахъ бо и҆́хъ гл҃ющихъ: по́йдемъ въ Доѳаи́мъ. и҆ и҆́де Ї҆ѡ́сифъ вслѣ́дъ бра́тїи своеѧ̀, и҆ ѡ҆брѣ́те ѧ҆̀ въ Доѳаи́мѣ.

ли на него; а отецъ его замѣтилъ это слово.

12. Братья его пошли пасти скотъ отца своего, въ Сихемъ.

13. И сказалъ Израиль Іосифу: братья твои не пасутъ ли въ Сихемѣ? Пойди, я пошлю тебя къ нимъ. Онъ отвѣчалъ ему: вотъ я.

14 Израиль сказалъ ему: пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цѣлъ ли скотъ, и принеси мнѣ отвѣтъ. И послалъ его изъ долины Хевронской и онъ пришелъ въ Сихемъ.

15 И нашелъ его нѣкто блуждающимъ въ полѣ, и спросилъ его тотъ человѣкъ, говоря: чего ты ищешь?

16. Онъ сказалъ: я ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, гдѣ они пасутъ?

17. И сказалъ тотъ человѣкъ: они ушли отсюда; ибо я слышалъ, какъ они говорили: пойдемъ въ Доѳанъ. И пошелъ Іосифъ за братьями своими, и нашелъ

и҃і. Предꙋзрѣша же є҆го̀ и҆здале́че, пре́жде приближе́нїѧ є҆гѡ̀ къ ни́мъ: и҆ ѕлѣ̀ ᲂу҆мы́слиша ᲂу҆би́ти є҆го̀.

ѳ҃і. Рече́ же кі́йждо къ бра́тꙋ своемꙋ̀: сѐ снови́децъ ѻ҆́ный и҆́детъ.

к҃. Ны́нѣ ᲂу҆̀бо прїиди́те, ᲂу҆бїе́мъ є҆го̀, и҆ вве́ржемъ є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ, и҆ рече́мъ: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣдѐ є҆го̀: и҆ ᲂу҆́зримъ, что̀ бꙋ́дꙋтъ сѡ́нїѧ є҆гѡ̀.

к҃а. Слы́шавъ же Рꙋві́мъ, ѿѧ҆̀ є҆го̀ и҆з̾ рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ речѐ: не ᲂу҆бїе́мъ є҆го̀ на дꙋ́шꙋ.

к҃в. Рече́ же и҆̀мъ Рꙋві́мъ: не пролі́йте кро́ве: вве́рзите є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ си́хъ, и҆̀же въ пꙋсты́ни, рꙋ́ки же не возло́жите на него̀: [тща́шесѧ бо] ꙗ҆́кѡ да и҆зы́метъ є҆го̀ ѿ рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ ѿда́стъ є҆го̀ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀.

к҃г. Бы́сть же є҆гда̀ прїи́де І҆ѡ́сифъ къ бра́тїи свое́й, совлеко́ша со І҆ѡ́сифа ри́зꙋ

ихъ въ Доѳанѣ.

18. И увидѣли они его издали, и прежде нежели онъ приблизился къ нимъ, стали умышлять противъ него, чтобы убить его.

19. И сказали другъ другу: вотъ идетъ сновидѣцъ.

20. Пойдемъ теперь, и убьемъ его, и бросимъ его въ какой нибудь ровъ, и скажемъ, что хищный звѣрь съѣлъ его; и увидимъ, что̀ будетъ изъ его сновъ.

21. И услышалъ *сіе* Рувимъ, и избавилъ его отъ рукъ ихъ, сказавъ: не убьемъ его.

22. И сказалъ имъ Рувимъ: не проливайте крови; бросьте его въ ровъ, который въ пустынѣ, а руки не налагайте на него. *Сіе говорилъ онъ* (съ тѣмъ намѣреніемъ), чтобы избавить его отъ рукъ ихъ, и возвратить его къ отцу его.

23. Когда Іосифъ пришелъ къ братьямъ своимъ, они сняли съ Іосифа одеж-

пе́стрꙋю, ꙗ҆̀же на не́мъ:

к҃д. И҆ поє́мше є҆го̀, вверго́ша въ ро́въ: ро́въ же то́щь, воды̀ не и҆мѧ́ше.

к҃є. И҆ сѣдо́ша ꙗ҆́сти хлѣ́бъ: и҆ воззрѣ́вше ѻ҆чи́ма, ви́дѣша: и҆ сѐ пꙋ́тницы і҆сма́илтѧне и҆дѧ́хꙋ ѿ Галаа́да, и҆ вельблю́ды и҆́хъ по́лны ѳѷміа́ма, и҆ рити́ны и҆ ста́кти: и҆дѧ́хꙋ же везꙋ́ще во є҆гѵ́петъ.

к҃ѕ. Рече́ же і҆ꙋ́да къ бра́тіи свое́й: ка́ѧ по́льза, а҆́ще ᲂу҆бїе́мъ бра́та на́шего, и҆ скры́емъ кро́вь є҆гѡ̀;

к҃з. Грѧди́те прода́димъ є҆го̀ і҆сма́илтѧнѡмъ си́мъ: рꙋ́цѣ же на́ши да не бꙋ́дꙋтъ на не́мъ, ꙗ҆́кѡ бра́тъ на́шъ, и҆ пло́ть на́ша є҆́сть: послꙋ́шаша же бра́тїѧ є҆гѡ̀.

к҃и. И҆ мимоидо́ша человѣ́цы мадїа́мстїи кꙋ́пцы: и҆ и҆звлеко́ша и҆ возведо́ша і҆ѡ́сифа и҆з̾ ро́ва, и҆ прода́ша і҆ѡ́сифа і҆сма́илтѧнѡмъ на два́десѧть златни́цъ: и҆ поведо́ша і҆ѡ́сифа во є҆гѵ́петъ.

ду его, одежду разноцвѣтную, которая была на немъ;

24. И взяли его и бросили въ ровъ; ровъ же тотъ былъ пустъ; воды въ немъ не было.

25. И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и взглянувъ, увидѣли, вотъ, идетъ изъ Галаада караванъ Измаильтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ и ладонъ; идутъ они отвезти это въ Египетъ.

26. И сказалъ Іуда братьямъ своимъ: что́ пользы, если мы убьемъ брата нашего, и скроемъ кровь его?

27. Пойдемъ, продадимъ его Измаильтянамъ; а руки наши да не будутъ на немъ, ибо онъ братъ нашъ, плоть наша. Братья его послушались.

28. И, когда проходили купцы Мадіамскіе, вытащили Іосифа изо рва, и продали Іосифа Измаильтянамъ за двадцать сребрениковъ; а они отвели Іосифа въ Египетъ.

к҃ѳ. Возвра́тисѧ же Рꙋві́мъ къ ро́вꙋ, и҆ не ᲂу҆зрѣ̀ І҆ѡ́сифа въ ро́вѣ: и҆ растерза̀ ри̑зы своѧ̑.

л҃. И҆ прі́йде къ бра́тіи свое́й, и҆ речѐ: ѻ҆́трочища нѣ́сть, а҆́зъ же ка́мѡ и҆дꙋ̀ ктомꙋ̀;

л҃а. Взе́мше же ри́зꙋ І҆ѡ́сифовꙋ, закла́ша ко́злища ѿ ко́зъ, и҆ пома́заша ри́зꙋ кро́вію.

л҃в. И҆ посла́ша ри́зꙋ пе́стрꙋю, и҆ принесо́ша ко ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀, и҆ реко́ша: сїю̀ ѡ҆брѣто́хомъ: познава́й, а҆́ще ри́за сы́на твоегѡ̀ є҆́сть, и҆лѝ ни̑;

л҃г. И҆ позна̀ ю҆̀, и҆ речѐ: ри́за сы́на моегѡ̀ є҆́сть: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣдѐ є҆го̀: ѕвѣ́рь восхи́ти І҆ѡ́сифа.

л҃д. И҆ растерза̀ І҆а́кѡвъ ри̑зы своѧ̑, и҆ возложѝ вре́тище на чре́сла своѧ̑, и҆ пла́кашесѧ сы́на своегѡ̀ дни̑ мнѡ́ги.

л҃е. Собра́шасѧ же всѝ сы́нове є҆гѡ̀ и҆ дщє́ри, и҆ прії́доша ᲂу҆тѣ́шити є҆го̀: и҆ не

29. Рувимъ же пришелъ опять ко рву; и вотъ, нѣтъ Іосифа во рвѣ. И разодралъ онъ одежды свои,

30. И возвратился къ братьямъ своимъ, и сказалъ: отрока нѣтъ, а я, куда я дѣнусь?

31. И взяли одежду Іосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью;

32. И послали разноцвѣтную одежду, и доставили къ отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нѣтъ.

33 Онъ узналъ ее, и сказалъ. *это* одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; вѣрно, растерзанъ Іосифъ.

34. И разодралъ Іаковъ одежды свои; и возложилъ вретище на чресла свои; и оплакивалъ сына своего многіе дни.

35. И собрались всѣ сыновья его, и всѣ дочери его, чтобы утѣшить его;

хотѧ́ше ᲂу҆тѣ́шитисѧ, глаго́лѧ: ꙗ҆́кѡ сни́дꙋ къ сы́нꙋ моемꙋ̀ во а҆́дъ; и҆ пла́касѧ ѡ҆ не́мъ ѻ҆ц҃ъ є҆гѡ̀.

но онъ не хотѣлъ утѣшиться, и сказалъ: съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю. Такъ оплакивалъ его отецъ его.

л҃ѕ. Мадїа́не же прода́ша І҆ѡ́сифа во Є҆гѵ́петъ Пентефрі́ю є҆ѵнꙋ́хꙋ Фараѡ́новꙋ, а҆рхїмаги́рꙋ.

36. Мадіанитяне же продали его въ Египтѣ Потифару, царедворцу Фараонову, начальнику тѣлохранителей.

ГЛАВА XL.

Бы́сть же по словесѣ́хъ си́хъ, согрѣши́ старѣ́йшина вїна́рскъ царѧ̀ Є҆гѵ́петска, и҆ старѣ́йшина жита́рскъ г҃ди́нꙋ своемꙋ̀ царю̀ Є҆гѵ́петскомꙋ.

Послѣ сего виночерпій царя Египетскаго и хлѣбадаръ провинились передъ господиномъ своимъ, царемъ Египетскимъ.

в҃. И҆ разгнѣ́васѧ Фараѡ́нъ на ѻ҆́ба є҆ѵнꙋ̑хи сво̑ѧ, на старѣ́йшинꙋ вїна́рска, и҆ на старѣ́йшинꙋ жита́рска.

2. И прогнѣвался Фараонъ на двухъ царедворцовъ своихъ, на главнаго виночерпія и на главнаго хлѣбодара.

г҃. И҆ вве́рже и҆̀хъ въ темни́цꙋ во ᲂу҆зи́лище, въ мѣ́сто, и҆дѣ́же І҆ѡ́сифъ вве́рженъ бѧ́ше.

3 И отдалъ ихъ подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей, въ темницу, въ мѣсто, гдѣ заключенъ былъ Іосифъ.

д҃. И҆ врꙋчѝ и҆̀хъ старѣ́йшина темни́цы І҆ѡ́сифꙋ, и҆ предста̀ и҆̀мъ: и҆ бѣ́ста дни̑

4. Начальникъ тѣлохранителей приставилъ къ нимъ Іосифа, и онъ служилъ имъ.

[нѣкїѧ] въ темни́цѣ.

є҃. И҆ ви́дѣста ѻ҆́ба со́нъ во є҆ди́нꙋ но́щь: ви́дѣнїе же со́нное старѣ́йшины вїна́рска и҆ старѣ́йшины жита́рска, и҆̀же бѣ́ста царѧ̀ є҆гѷпетска, сꙋ́щє въ темни́цѣ, бѧ́ше сїѐ.

ѕ҃. Вни́де же къ ни́мъ І҆ѡ́сифъ заꙋ́тра, и҆ ви́дѣ и҆̀хъ, и҆ бѧ́хꙋ смꙋще́ни.

з҃. И҆ вопроша́ше є҆ѵнꙋ́хѡвъ Фараѡ́нихъ, и҆̀же бы́ша съ ни́мъ въ темни́цѣ ᲂу҆ гдⷭ҇и́на своегѡ̀, гл҃ѧ: что̀, ꙗ҆́кѡ ли́ца ва̑ша ᲂу҆ны́ла дне́сь;

и҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша є҆мꙋ̀: со́нъ ви́дѣхомъ, и҆ разсꙋжда́ѧй є҆го̀ нѣ́сть. рече́ же и҆̀мъ І҆ѡ́сифъ: є҆да̀ не бг҃омъ и҆зъѧвле́нїе и҆́хъ є҆́сть; повѣ́дите ᲂу҆̀бо мнѣ̀.

ѳ҃. И҆ повѣ́да старѣ́йшина вїна́рскъ со́нъ сво́й І҆ѡ́сифꙋ, и҆ речѐ: во снѣ̀ мое́мъ бѧ́ше вїногра́дъ предо мно́ю:

И пробыли они подъ стражею нѣсколько времени.

5. Однажды виночерпію и хлѣбодару царя египетскаго, заключеннымъ въ темницѣ, видѣлись сны, каждому свой сонъ, обоимъ въ одну ночь, каждому сонъ особеннаго значенія.

6. И пришелъ къ нимъ Іосифъ поутру, увидѣлъ ихъ, и вотъ, они въ смущеніи.

7. И спросилъ онъ царедворцевъ Фараоновыхъ, находившихся съ нимъ въ домѣ господина его подъ стражею, говоря: отъ чего у васъ сегодня печальныя лица?

8. Они сказали ему: намъ видѣлись сны; а истолковать ихъ некому. Іосифъ сказалъ имъ: не отъ Бога ли истолкованія? разскажите мнѣ.

9. И разсказалъ главный виночерпій Іосифу сонъ свой, и сказалъ ему: мнѣ снилось, вотъ виноградная

ї. Въ віноградѣ же три лѣторасли: и той цвѣтущъ произнесе отрасли; зрѣлы грозды лозныя.

аі. И чаша Фараонова въ руцѣ моей: и взяхъ грезнъ, и изжахъ оный въ чашу, и дахъ чашу въ руку Фараоню.

ві И рече ему Іосифъ: сіе разсужденіе сему: три лѣторасли, три дни суть:

гі. Еще три дни и помянетъ Фараонъ санъ твой, и паки поставитъ тя въ старѣйшинство твое вінарско, и подаси чашу Фараону въ руку его по сану твоему первому, якоже былъ еси віночерпій.

ді. Но помяни мя тобою егда благо ти будетъ: и сотвориши надо мною милть: и да помянеши о мнѣ Фараону, и изведеши мя о твердыни сея:

єі. Яко татбою украденъ быхъ изъ земли Еврейскія, и здѣ ничто зло сотворихъ,

лоза предо мною.

10 На лозѣ три вѣтви. Она развилась, показался на ней цвѣтъ, выросли на ней ягоды.

11. И чаша Фараонова въ рукѣ у меня. Я взялъ ягодъ, и выжалъ ихъ въ чашу Фараонову, и подалъ чашу въ рукѝ Фараону.

12. И сказалъ ему Іосифъ: вотъ истолкованіе его: три вѣтви—это три дня.

13. Чрезъ три дня Фараонъ вознесетъ главу твою, и возвратитъ тебя на мѣсто твое, и ты подашь чашу Фараонову въ руку его, по прежнему обыкновенію, когда ты былъ у него виночерпіемъ.

14. Вспомни же меня, когда хорошо тебѣ будетъ; и сдѣлай мнѣ благодѣяніе, и упомяни обо мнѣ Фараону, и выведи меня изъ этого дома.

15. Ибо я украденъ изъ земли Евреевъ; а также и здѣсь ничего не сдѣлалъ,

но вве́ргоша мѧ̀ въ ро́въ се́й.

ѕі И҆ ви́дѣ старѣ́йшина жита́рскъ, ꙗ҆́кѡ пра́вѡ разсꙋди̑, и҆ речѐ І҆ѡ́сифꙋ: и҆ а҆́зъ ви́дѣхъ со́нъ, и҆ мнѧ́хсѧ три̑ кѡ́шницы хлѣ́бѡвъ держа́ти на главѣ̀ мое́й

зі. Въ ко́шницѣ же ве́рхнѣй ѿ всѣ́хъ ро́дѡвъ, ꙗ҆̀же фараѡ́нъ ꙗ҆́стъ, дѣ́ло хлѣбе́нное, и҆ пти́цы нбⷭ҇ныѧ ꙗ҆дѧ́хꙋ та́мѡ ѿ ко́шницы, ꙗ҆̀же на главѣ̀ мое́й.

иі. Ѿвѣща́въ же І҆ѡ́сифъ, речѐ е҆мꙋ̀: сїѐ разсꙋжде́нїе е҆гѡ̀: три̑ кѡ́шницы, три̑ дні́е сꙋ́ть:

ѳі. Е҆щѐ три̑ дні́е, и҆ ѿи́метъ фараѡ́нъ главꙋ̀ твою̀ ѿ тебѐ, и҆ повѣ́ситъ тѧ̀ на дре́вѣ, и҆ и҆змѧ́дѧтъ пти́цы небе́сныѧ пло́ть твою̀ ѿ тебѐ:

к. Бы́сть же въ де́нь тре́тїй, де́нь рожде́нїѧ бѧ́ше фараѡ́на, и҆ творѧ́ше пи́ръ всѣ̑мъ ѻ҆трокѡ́мъ свои̑мъ: и҆ помѧнꙋ̀ старѣ́йшинство старѣ́йшины вїна́рска, и҆ старѣ́йшинство старѣ́йшины жита́рска, посредѣ̀ ѻ҆трѡ́къ свои́хъ:

за что бы бросить меня въ темницу.

16. Главный хлѣбодаръ увидѣлъ, что истолковалъ онъ хорошо, и сказалъ Іосифу: мнѣ также снилось, вотъ на головѣ у меня три корзины решетчатыхъ.

17 Въ верхней корзинѣ всякая пища Фараонова, издѣліе пекаря; и птицы небесныя клевали ее изъ корзины на головѣ моей.

18. И отвѣчалъ Іосифъ, и сказалъ ему: вотъ истолкованіе его: три корзины—это три дня.

19 Черезъ три дня Фараонъ сниметъ съ тебя голову твою: и повѣситъ тебя на деревѣ; и птицы небесныя будутъ клевать плоть твою съ тебя.

20. На третій день, день рожденія Фараонова, сдѣлалъ онъ пиръ для всѣхъ слугъ своихъ, и вспомнилъ о главномъ виночерпіи и главномъ хлѣбодарѣ, среди слугъ своихъ:

к҃а. И҆ поста́ви старѣ́йшинꙋ вїна́рска въ старѣ́йшинство є҆гѡ̀: и҆ подадѐ ча́шꙋ въ рꙋ́кꙋ Фараѡ́ню:

21. И возвратилъ главнаго виночерпія на прежнее мѣсто, и онъ подалъ чашу въ руку Фараону.

к҃в. Старѣ́йшинꙋ же жита́рска повѣ́си [на дре́вѣ], ꙗ҆́коже сказа̀ и҆̂ма Ї҆ѡ́сифъ.

22. А главнаго хлѣбодара повѣсилъ (на деревѣ), какъ истолковалъ имъ Іосифъ.

к҃г. И҆ не помѧнꙋ̀ старѣ́йшина вїна́рскъ Ї҆ѡ́сифа, но забы̀ є҆го̀.

23. И не вспомнилъ главный виночерпій объ Іосифѣ, но забылъ его.

ГЛАВА XLI.

Бы́сть же по двою̀ лѣ́тꙋ дне́й, Фараѡ́нъ ви́дѣ со́нъ: мнѧ́шесѧ стоѧ́ти при рѣцѣ̀.

По прошествіи двухъ лѣтъ Фараону снилось: вотъ, онъ стоитъ у рѣки.

в҃. И҆ сѐ а҆́ки и҆з̾ рѣкѝ и҆схожда́хꙋ се́дмь кра́въ добры́ ви́домъ, и҆ и҆збра̑нны тѣлесы́ и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ.

2. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ, хорошихъ видомъ и тучныхъ плотію, и паслись въ тростникѣ.

г҃. Дрꙋгї́ѧ же се́дмь кра́въ и҆зыдо́ша по си́хъ и҆з̾ рѣкѝ ѕлы̑ ви́домъ и҆ тѣлесы̀ хꙋ́ды, и҆ пасѧ́хꙋсѧ съ кра́вами по бре́гꙋ рѣчно́мꙋ.

3. Но вотъ, послѣ нихъ вышли изъ рѣки семь коровъ другихъ, худыхъ видомъ и тощихъ плотію, и стали подлѣ тѣхъ коровъ, на берегу рѣки.

д҃. И҆ поѧдо́ша се́дмь кра́вы ѕлы̑ѧ и҆ хꙋды̑ѧ тѣлесы̀ се́дмь кра̑въ до́брыхъ ви́домъ, и҆ и҆збра́нныхъ тѣлесы̀. [и҆ сї̑ѧ неви́димы бы́ша, ꙗ҆́кѡ внидо-

4. И съѣли коровы худыя видомъ и тощія плотію семь коровъ хорошихъ видомъ и тучныхъ. И проснулся Фараонъ,

Азбука. Кн. 4.

ша въ чре́сла и҆́хъ] воста́ же Фараѡ́нъ.

є҃. И҆ ви́дѣ со́нъ вторы́й: и҆ сѐ се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з̾ сте́блїѧ є҆ди́нагѡ и҆збра́нны и҆ добры̀.

ѕ҃. Дрꙋ́зїи же се́дмь кла́си то́нцыи, и҆стонче́ни вѣ́тромъ и҆зраста́хꙋ по ни́хъ.

з҃. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи и҆ истонче́ни вѣ́тромъ се́дмь кла́сѡвъ и҆збра́нныхъ и҆ по́лныхъ. воста́ же Фараѡ́нъ, и҆ бѧ́ше со́нъ.

и҃. Бы́сть же заꙋ́тра, и҆ возмꙋти́сѧ дꙋша̀ є҆гѡ̀: и҆ посла́въ, созва̀ всѧ̑ сказа́тели Є҆гѷ́петскїѧ, и҆ всѧ̑ мꙋ́дрыѧ є҆гѡ̀: и҆сповѣ́да и҆̀мъ Фараѡ́нъ со́нъ сво́й: и҆ не бѧ́ше сказꙋ́ѧй тогѡ̀ Фараѡ́нꙋ.

ѳ҃. И҆ речѐ старѣ́йшина вїна́рскъ Фараѡ́нꙋ, гл҃ѧ: грѣ́хъ мо́й воспомина́ю дне́сь.

і҃. Фараѡ́нъ разгнѣ́васѧ на рабы̀ своѧ̑, и҆ вве́рже на́съ въ темни́цꙋ, въ до́мъ а҆рхї-

5. И заснулъ опять, и снилось ему въ другой разъ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялось семь колосьевъ тучныхъ и хорошихъ

6. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

7. И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ тучныхъ и полныхъ. И проснулся Фараонъ, и *понялъ, что* это сонъ.

8. Утромъ смутился духъ его, и послалъ онъ, и призвалъ всѣхъ волхвовъ Египта и всѣхъ мудрецовъ его, и разсказалъ имъ Фараонъ сонъ свой: но не было никого, кто бы истолковалъ его Фараону.

9. И сталъ говорить главный виночерпій Фараону, и сказалъ: грѣхи мои вспоминаю я нынѣ.

10. Фараонъ прогнѣвался на рабовъ своихъ, и отдалъ меня и главнаго хлѣбодара

магíра, мене̂ и҆ старѣ́йшинꙋ житарска.

а҃i. И҆ ви́дѣхомъ со́нъ ѻ҆ба̀ є҆ди́ныѧ но́щи а҆́зъ и҆ ѻ҆́нъ, кі́йждо сво́й со́нъ ви́дѣхомъ.

в҃i. Бѧ́ше же та́мо съ на́ми ю҆́ноша, ѻ҆́трокъ є҆вре́инъ а҆рхімагíровъ: и҆ повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀, и҆ разсꙋди̑ на́мъ.

г҃i. Бы́сть же, ꙗ҆́коже сказа̀ на́мъ, та́кѡ и҆ слꙋчи́сѧ, мнѣ̀ па́ки бы́ти во свое́мъ старѣ́йшинствѣ, а҆ ѻ҆́номꙋ повѣ́шенꙋ.

д҃i. Посла́въ же Фараѡ́нъ призва̀ І҆ѡ́сифа: и҆ и҆зведо́ша є҆го̀ и҆з̾ тверды́ни, и҆ ѡ҆стри́го́ша є҆го̀, и҆ и҆змѣни́ша ри̑зы є҆мꙋ̀: и҆ прїи́де къ Фараѡ́нꙋ.

є҃i. Рече́ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: со́нъ ви́дѣхъ, и҆ сказꙋ́ѧй є҆го́ нѣ́сть: а҆́зъ же слы́шахъ ѡ҆ тебѣ̀ гл҃ющихъ, ꙗ҆́кѡ слы́шавъ сны̀, разсꙋжда́еши тыѧ̀.

ѕ҃i. Ѿвѣща́въ же І҆ѡ́сифъ

подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей.

11. И снился намъ сонъ въ одну ночь, мнѣ и ему, каждому снился сонъ особеннаго значенія.

12. Тамъ же былъ съ нами молодой Еврей, рабъ начальника тѣлохранителей. Мы расказали ему сны наши, и онъ истолковалъ намъ каждому соотвѣтственно съ его сновидѣніемъ.

13. И какъ онъ истолковалъ намъ, такъ и сбылось: я возвращенъ на мѣсто мое; а тотъ повѣшенъ.

14. И послалъ Фараонъ, и позвалъ Іосифа; и поспѣшно вывели его изъ темницы. Онъ остригся и перемѣнилъ одежду свою, и пришелъ къ Фараону.

15. Фараонъ сказалъ Іосифу: мнѣ снился сонъ, и нѣтъ никого, кто бы истолковалъ его, а о тебѣ я слышалъ, что ты умѣешь толковать сны.

16. И отвѣчалъ Іосифъ

Фараѡ́нꙋ, речѐ: без̾ Бг҃а не ѿвѣща́етсѧ спасе́нїе Фараѡ́нꙋ.

з҃і. Рече́ же Фараѡ́нъ Ї҆ѡ́сифꙋ, гл҃ѧ: во снѣ̀ мое́мъ мнѧ́хсѧ стоѧ́ти на бре́зѣ рѣчнѣ́мъ:

и҃і. И҆ а҆́ки и҆з̾ рѣкѝ и҆схожда́хꙋ се́дмь кра̑вы до́бры ви́домъ, и҆ и҆збра̑нны тѣлесы̀, и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ.

ѳ҃і. И҆ сѐ дрꙋгі́ѧ се́дмь кра́въ и҆схожда́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ и҆з̾ рѣкѝ, ѕлы̑ и҆ недо́бры̀ ви́домъ, и҆ хꙋ́ды тѣлесы̀, ꙗ҆̀ковыхъ не ви́дѣхъ таковы́хъ во все́й землѝ Е҆гѵ́петстѣ́й хꙋ́ждшихъ.

к҃. И҆ и҆з̾ѧдо́ша се́дмь кра̑вы ѕлы̑ѧ и хꙋды̑ѧ се́дмь кра́въ пе́рвыхъ до́брыхъ и избра́нныхъ:

к҃а. И҆ внидо́ша во ѹ҆трѡ́бы и҆́хъ, и҆ не ꙗ҆ви́шасѧ, ꙗ҆́кѡ внидо́ша во ѹ҆трѡ́бы и҆́хъ: и ѡ҆бли́чїѧ и҆́хъ ѕла̑ бы́ша, ꙗ҆́кѡ и҆ и҆спѐрва. воста́въ же [па́ки] ѹ҆снꙋ́хъ.

к҃в. И҆ ви́дѣхъ па́ки во снѣ̀ мое́мъ, и҆ а҆́ки се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з̾ е҆ди́нагѡ сте́блїѧ пѡ́лны и҆ до́бры.

Фараону говоря: это не мое; Богъ дастъ отвѣтъ во благо Фараону.

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу: мнѣ снилось: вотъ, стою я на берегу рѣки.

18. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ тучныхъ плотію и хорошихъ видомъ; и паслись въ тростникѣ.

19. Но вотъ, послѣ нихъ вышли семь коровъ другихъ, худыхъ, очень дурныхъ видомъ и тощихъ плотію; я не видывалъ во всей землѣ Египетской такихъ худыхъ, какъ онѣ.

20. И съѣли тощія и худыя коровы прежнихъ семь коровъ тучныхъ.

21. И вошли *тучныя* въ утробу ихъ, но не примѣтно было, что онѣ вошли въ утробу ихъ. Онѣ были такъ же худы видомъ, какъ и сначала. И я проснулся.

22. *Потомъ* снилось мнѣ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялись семь колосьевъ полныхъ и хорошихъ.

кг҃. Дрꙋ́зїи же се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ и҆стонче́ни и҆зница́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ:

кд҃. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ истонче́ни се́дмь кла́совъ до́брыхъ и҆ по́лныхъ. рѣ́хъ ѹ҆́бѡ сказа́телемъ, и҆ не бы́сть повѣ́дащїй мнѣ̀ тогѡ̀.

ке҃. И҆ речѐ І҆ѡ́сифъ Фараѡ́нꙋ: со́нъ Фараѡ́новъ є҆ди́нъ є҆́сть: є҆ли̑ка Бг҃ъ твори́тъ, показа̀ Фараѡ́нꙋ.

кѕ҃. Се́дмь кра́вы дѡ́брыѧ се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си до́брїи, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: со́нъ Фараѡ́новъ є҆ди́нъ є҆́сть.

кз҃. И҆ се́дмь кра́вы хꙋ́дыѧ, ꙗ҆̀же и҆зыдо́ша по си́хъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си то́нцыи и҆ и҆стонче́ни вѣ́тромъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: бꙋ́дꙋтъ се́дмь лѣ́тъ гла́да.

ки҃. Сло́во же є҆̀же рѣ́хъ Фараѡ́нꙋ, є҆ли̑ка Бг҃ъ твори́тъ, показа̀ Фараѡ́нꙋ.

кѳ҃. Се̑ се́дмь лѣ́тъ при-

23. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тонкихъ, тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

24 И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ хорошихъ. Я разсказалъ это волхвамъ, но никто не изъяснилъ мнѣ.

25. И сказалъ Іосифъ Фараону: сонъ Фараоновъ одинъ: что̀ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ возвѣстилъ Фараону.

26. Семь коровъ хорошихъ, это семь лѣтъ; и семь колосьевъ хорошихъ, это семь лѣтъ: сонъ одинъ.

27. И семь коровъ тощихъ и худыхъ, вышедшихъ послѣ тѣхъ, это семь лѣтъ; также и семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ, это семь лѣтъ голода.

28. Вотъ, почему сказалъ я Фараону: что̀ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ показалъ Фараону.

29. Вотъ, наступаетъ семь

хо́дитъ, ѡ҆би́лность мно́га во всє́й землѝ є҆гѵ́петстѣй.

л҃. Прїи́дꙋтъ же се́дмь лѣ́тъ гла́да по си́хъ: и҆ забꙋ́дꙋтъ сы́тѡсти бꙋ́дꙋщїѧ во все́мъ є҆гѵ́птѣ, и҆ погꙋби́тъ гла́дъ зе́млю:

л҃а. И҆ не позна́етсѧ ѡ҆би́лїе на землѝ ѿ гла́да бꙋ́дꙋщагѡ по си́хъ: си́ленъ бо бꙋ́детъ ѕѣлѡ̀.

л҃в. Повтори́сѧ же со́нъ Фараѡ́нꙋ два́жды, ꙗ҆́кѡ и҆́стинно бꙋ́детъ сло́во е҆́же ѿ Бг҃а: и҆ ᲂу҆скори́тъ Бг҃ъ сотвори́ти ѡ҆́но.

л҃г. Ны́нѣ ᲂу҆̀бо ᲂу҆смотрѝ человѣ́ка мꙋ́дра и҆ смы́сленна, и҆ поста́ви є҆го̀ на́дъ землє́ю є҆гѵ́петскою:

л҃д. И҆ да сотвори́тъ Фараѡ́нъ, и҆ поста́витъ мѣстонача́льники по землѝ: и да собира́ютъ пѧ́тꙋю ча́сть ѿ всѣ́хъ плодѡ́въ землѝ є҆гѵ́петскїѧ се́дми лѣ́тъ ѡ҆би́льныхъ:

л҃є. И҆ да соберꙋ́тъ всѧ́кꙋю пи́щꙋ се́дми лѣ́тъ грѧдꙋ́щихъ до́брыхъ си́хъ: и҆ да собере́тсѧ пшени́ца по́дъ рꙋ́кꙋ Фара-

лѣтъ великаго изобилія во всей землѣ Египетской.

30. Послѣ нихъ настанутъ семь лѣтъ голода; и забудется все то изобиліе въ землѣ Египетской, и истощитъ голодъ землю,

31. И непримѣтно будетъ прежнее изобиліе на землѣ, по причинѣ голода, который послѣдуетъ, ибо онъ будетъ очень тяжелъ.

32. А что сонъ повторился Фараону дважды, *это значитъ*, что сіе истинно слово Божіе, и что вскорѣ Богъ исполнитъ сіе.

33. И нынѣ да усмотритъ Фараонъ мужа разумнаго и мудраго, и да поставитъ его надъ землею Египетскою.

34. Да повелитъ Фараонъ поставить надъ землею надзирателей, и собирать въ семь лѣтъ изобилія пятую часть всѣхъ произведеній земли Египетской.

35. Пусть они берутъ всякій хлѣбъ этихъ наступающихъ хорошихъ годовъ, и соберутъ въ городахъ

ѡ́ню: пи́ща во градѣ́хъ да храни́тсѧ.

л҃ѕ. И҆ бꙋ́детъ пи́ща соблю- дє́на землѝ на се́дмь лѣ́тъ гла́дныхъ, ꙗ҆̀же и҆́мꙋтъ бы́ти въ землѝ Е҆гѵ́петстѣй, да не потреби́тсѧ землѧ̀ въ гла́дѣ.

л҃з. Оу҆го́дно же бы́сть сло́во пред Фараѡ́номъ и҆ пред всѣ́ми рабы̀ є҆гѡ̀.

л҃и. И҆ речѐ Фараѡ́нъ всѣ̑мъ рабѡ́мъ свои̑мъ: є҆да̀ ѡ҆брѧ́щемъ человѣ́ка сицева́го, и҆́же и҆́мать Дꙋ́ха Бж҃їѧ въ себѣ̀;

л҃ѳ. Речѐ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: поне́же показа̀ Бг҃ъ тебѣ̀ всѧ̑ сїѧ̑, нѣ́сть человѣ́ка мꙋдрѣ́йша и҆ смы́сленнѣ́йша па́че тебѐ.

м҃. Ты̀ бꙋ́деши въ домꙋ̀ моє́мъ, и҆ оу҆́стъ твои́хъ да послꙋ́шаютъ всѝ лю́дїе мої̀: ра́звѣ престо́ломъ а҆́зъ бо́лѣе тебѐ бꙋ́дꙋ.

м҃а. Речѐ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: сѐ поставлѧ́ю тѧ̀ дне́сь над все́ю землє́ю Е҆гѵ́петскою.

хлѣбъ подъ вѣдѣніе Фараона въ пищу, и пусть берегутъ.

36. И будетъ сія пища въ запасъ для земли на семь лѣтъ голода, которые будутъ въ землѣ Египетской, дабы земля не погибла отъ голода.

37. Сіе понравилось Фараону и всѣмъ слугамъ его.

38. И сказалъ Фараонъ слугамъ своимъ: найдемъ ли мы такого, какъ онъ, человѣка, въ которомъ былъ бы Духъ Божій?

39 И сказалъ Фараонъ Іосифу: такъ какъ Богъ открылъ тебѣ все сіе; то нѣтъ столь разумнаго и мудраго, какъ ты.

40. Ты будешь надъ домомъ моимъ; и твоего слова держаться будетъ весь народъ мой; только престоломъ я буду больше тебя.

41. И сказалъ Фараонъ Іосифу: вотъ, я поставляю тебя надъ всею землею Египетскою

м҃в. И҆ сне́мъ Фараѡ́нъ пе́рстень съ рꙋкѝ своеѧ̀, возложи є҆го̀ на рꙋ́кꙋ І҆ѡ́сифову: и҆ ѡ҆блечѐ є҆го̀ въ ри́зꙋ червлѐнꙋ, и҆ возложѝ гри́внꙋ зла́тꙋ на вы́ю є҆гѡ̀:

42. И снялъ Фараонъ перстень свой съ руки своей, и надѣлъ его на руку Іосифу; одѣлъ его въ виссонныя одежды, возложилъ золотую цѣпь на шею ему;

м҃г. И҆ всадѝ є҆го̀ на колесни́цꙋ свою̀ вторꙋ́ю, и҆ проповѣ́да пред̾ ни́мъ проповѣ́дникъ: и҆ поста́ви є҆го̀ над̾ все́ю земле́ю Є҆гѵ́петскою.

43. Велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ, и провозглашать предъ нимъ: преклоняйтесь! И поставилъ его надъ всею землею Египетскою.

м҃д. Рече́ же Фараѡ́нъ І҆ѡ́сифꙋ: а҆́зъ Фараѡ́нъ: без̾ тебѐ не воздви́гнетъ рꙋкѝ своеѧ̀ никто́же во все́й земли̇̀ Є҆гѵ́петстѣй.

44. И сказалъ Фараонъ Іосифу: я Фараонъ; безъ тебя никто не двинетъ ни руки своей, ни ноги своей, во всей землѣ Египетской.

м҃є. И҆ наречѐ Фараѡ́нъ и҆́мѧ І҆ѡ́сифꙋ, Ѱонѳомфани́хъ: и҆ дадѐ є҆мꙋ̀ А҆сене́ѳꙋ, дще́рь Петефрі́а жреца̀ И҆лїопо́лскагѡ, є҆мꙋ̀ въ женꙋ̀.

45. И нарекъ Фараонъ Іосифу имя: Цафнаѳ-панеахъ; и далъ ему въ жену Асенеѳу, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго. И пошелъ Іосифъ по землѣ Египетской.

м҃ѕ. І҆ѡ́сифъ же бѧ́ше лѣ́тъ три́десѧти, є҆гда̀ предста̀ Фараѡ́нꙋ царю̀ Є҆гѵ́петскомꙋ. И҆зы́де же І҆ѡ́сифъ ѿ лица̀ Фараѡ́нѧ, и҆ про́йде всю̀ зе́млю Є҆гѵ́петскꙋю.

46. Іосифу было тридцать лѣтъ отъ рожденія, когда онъ предсталъ предъ лице Фараона, царя Египетскаго. И вышелъ Іосифъ отъ лица Фараонова, и прошелъ по всей землѣ Египетской.

м҃з. И҆ сотворѝ землѧ̀ въ седмѝ лѣ́тѣхъ ѡ҆би́лнꙋ жа́твꙋ.

м҃и. И҆ собра̀ всѧ́кꙋю пи́щꙋ седмѝ лѣ́тъ, въ ни́хже бѧ́ше ѡ҆би́лность въ землѝ Ѥ҆гѵ́петстѣй: и҆ положѝ пи́щꙋ во градѣ́хъ: пи́щи пѡ́ль гра́да сꙋ́щихъ ѡ҆́крестъ є҆гѡ̀ положѝ въ не́мъ.

м҃ѳ. И҆ собра̀ Ї҆ѡ́сифъ пшени́цꙋ ꙗ҆́кѡ песо́къ морскі́й мно́гꙋ ѕѣлѡ̀, до́ндеже не можа́хꙋ и҆счестѝ: без̾ числа̀ бо бѧ́ше.

н҃. Ї҆ѡ́сифꙋ же бѣ́ста два̀ сы́на, пре́жде прише́ствїѧ седмѝ лѣ́тъ гла́дныхъ, ꙗ҆̀хже родѝ є҆мꙋ̀ А҆сене́ѳа, дщѝ Петефрі́а жреца̀ И҆лїопо́лска.

н҃а. Нарече́ же Ї҆ѡ́сифъ и҆́мѧ пе́рвенцꙋ, Манассі́а, [гл҃ѧ:] ꙗ҆́кѡ забы́ти мнѣ̀ сотворѝ Бг҃ъ всѧ̑ болѣ́зни моѧ̑, и҆ всѧ̑ ꙗ҆̀же ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀.

н҃в. И҆́мѧ же второ́мꙋ наречѐ, Є҆фра́имъ, [гл҃ѧ:] ꙗ҆́кѡ возрастѝ мѧ̀ Бг҃ъ въ землѝ смире́нїѧ моегѡ̀:

47. Земля же въ семь лѣтъ изобилія приносила *изъ зерна* по горсти.

48. И собралъ онъ всякій хлѣбъ семи лѣтъ, которые были (плодородны) въ землѣ Египетской, и положилъ хлѣбъ въ городахъ; въ *каждомъ* городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его.

49. И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морскаго, такъ что перeсталъ и считать; ибо не стало счета.

50. До наступленія годовъ голода, у Іосифа родились два сына, которыхъ родила ему Асенеѳа, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго.

51. И нарекъ Іосифъ имя первенцу: Манассія; потому что (говорилъ онъ), Богъ далъ мнѣ забыть всѣ несчастія мои, и весь домъ отца моего.

52. А другому нарекъ имя Ефремъ; потому что (говорилъ онъ), Богъ сдѣлалъ меня плодовитымъ въ землѣ

н҃г. Мину́ша же се́дмь лѣ́тъ ѻ҆би́лныхъ, ꙗ҆̀же бы́ша въ землѝ Єгѵ́петстѣй.

н҃д. И҆ нача́ша се́дмь лѣ́тъ гла́дныхъ приходи́ти, ꙗ҆́коже речѐ І҆ѡ́сифъ: и҆ бы́сть гла́дъ по все́й землѝ: во все́й же землѝ Єгѵ́петстѣй бы́ша хлѣ́бы.

н҃є. И҆ взалка̀ вся̀ землѧ̀ Єгѵ́петскаѧ: возопи́ же наро́дъ къ Фараѡ́нꙋ ѡ҆ хлѣ́бѣхъ. речѐ же Фараѡ́нъ всѣ̑мъ Єгѵ́птѧнѡмъ: и҆ди́те ко І҆ѡ́сифꙋ, и҆ є҆̀же рече́тъ ва́мъ, сотвори́те.

н҃ѕ. И҆ гла́дъ бѧ́ше на лицѣ̀ всеѧ̀ землѝ. Ѿве́рзе же І҆ѡ́сифъ всѧ̑ жи́тницы, и҆ продаѧ́ше всѣ̑мъ Єгѵ́птѧнѡмъ.

н҃з. И҆ всѧ̑ страны̑ прихожда́хꙋ во Єгѵ́петъ, кꙋпова́ти ко І҆ѡ́сифꙋ: ѡ҆бдержа́ше бо гла́дъ всю̀ зе́млю.

страданія моего.

53. И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской;

54. И наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ: а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

55. Но когда и вся земля Египетская начала терпѣть голодъ; то народъ началъ вопіять къ Фараону о хлѣбѣ. И сказалъ Фараонъ всѣмъ Египтянамъ: пойдите къ Іосифу, и дѣлайте, что́ онъ вамъ скажетъ.

56. И былъ голодъ по всей землѣ: и отворилъ Іосифъ всѣ житницы, и сталъ продавать хлѣбъ Египтянамъ. Голодъ же усиливался въ землѣ Египетской.

57. И изъ всѣхъ странъ приходили въ Египетъ, покупать хлѣбъ у Іосифа; ибо голодъ усилился по всей землѣ.

ГЛАВА XLII.

а҃. Ви́дѣвъ же І҆а́ковъ ꙗ҆́кѡ ку́плѧ є҆́сть [пшени́цы] во Є҆гѵ́птѣ, речѐ сынѡ́мъ свои́мъ: почто̀ не ради́те;

в҃. Сѐ слы́шахъ, ꙗ҆́кѡ є҆́сть пшени́ца во Є҆гѵ́птѣ: и҆ди́те та́мѡ, и҆ ку́пите на́мъ ма́лѡ пи́щи, да жи́ви бу́демъ, и҆ не ѹ҆́мремъ.

г҃. И҆до́ша же бра́тїѧ І҆ѡ́сифовы де́сѧть, купи́ти пшени́цы во Є҆гѵ́петъ:

д҃. Венїамі́на же, бра́та І҆ѡ́сифова не ѿпустѝ съ бра́тїею є҆гѡ̀, речѐ бо: да не когда̀ слу́чится [на путѝ] є҆мꙋ̀ ѕло̀.

є҃. Прїидо́ша же сы́нове І҆и҃левы купи́ти съ приходѧ́щими: бѧ́ше бо гла́дъ въ землѝ Ханаа́нстѣй.

ѕ҃. І҆ѡ́сифъ же бѧ́ше кнѧ́зь землѝ: се́й продаѧ́ше всѣ́мъ лю́демъ землѝ [тоѧ̀]. прише́дше же бра́тїѧ І҆ѡ́сифовы, поклони́шасѧ є҆мꙋ̀ лице́мъ до землѝ.

И узналъ Іаковъ, что въ Египтѣ есть хлѣбъ, и сказалъ Іаковъ сыновьямъ своимъ: что вы смотрите?

2. И сказалъ: вотъ, я слышалъ, что есть хлѣбъ въ Египтѣ; пойдите туда, и купите намъ оттуда хлѣба, чтобы намъ жить и не умереть.

3. Десять братьевъ Іосифовыхъ пошли купить хлѣба въ Египтѣ,

4. А Веніамина, брата Іосифова, не послалъ Іаковъ съ братьями его; ибо сказалъ: не случилось бы съ нимъ бѣды.

5. И пришли сыны Израилевы покупать хлѣбъ, вмѣстѣ съ другими пришедшими; ибо въ землѣ Ханаанской былъ голодъ.

6. Іосифъ же былъ начальникомъ въ землѣ той; онъ и продавалъ хлѣбъ всему народу земли. Братья Іосифа пришли и поклонились ему лицемъ до земли.

з҃. Ви́дѣвъ же Іѡ́сифъ бра́тію свою̀, позна̀: и҆ ѿчужда́шесѧ и҆́хъ, и҆ глаго́лаше и҆̀мъ жесто́кѡ, и҆ речѐ и҆̀мъ: ѿку́дꙋ пріидо́сте; Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: ѿ землѝ Ханаа́нскіѧ, кꙋпи́ти пи́щи.

и҃. Позна́ же Іѡ́сифъ бра́тію свою̀: ѻ҆ни́ же не позна́ша є҆гѡ̀

ѳ҃. И҆ помѧнꙋ̀ Іѡ́сифъ сны̀ своѧ̑, ꙗ҆̀же ви́дѣ ѻ҆́нъ: и҆ речѐ и҆̀мъ: соглѧда́таи є҆стѐ, соглѧдати пꙋте́й страны̀ [сеѧ̀] пріидо́сте.

і҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: нѝ, гдⷭ҇и́не, рабѝ твоѝ пріидо́хомъ кꙋпи́ти пи́щи.

а҃і. Всѝ є҆смы̀ сы́нове є҆ди́нагѡ чл҃вѣ́ка: ми́рницы є҆смы̀, не сꙋ́ть рабѝ твоѝ соглѧда́таи.

в҃і. Речѐ же и҆̀мъ: нѝ, но пꙋтѝ землѝ [сеѧ̀] пріидо́сте соглѧдати.

г҃і. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: два на́десѧть є҆смы̀ бра́тіѧ рабѝ твоѝ въ землѝ Ханаа́ни: и҆ сѐ ме́ншій [ѿ на́съ] со

7. И увидѣлъ Іосифъ братьевъ своихъ, и узналъ ихъ; но показалъ, будто не знаетъ ихъ, и говорилъ съ ними сурово, и сказалъ имъ: откуда вы пришли? Они сказали: изъ земли Ханаанской, купить пищи:

8. Іосифъ узналъ братьевъ своихъ; но они не узнали его.

9. И вспомнилъ Іосифъ сны, которые снились ему о нихъ; и сказалъ имъ: вы соглядатаи; вы пришли высмотрѣть наготу (слабыя мѣста) земли сей.

10. Они сказали ему: нѣтъ, господинъ нашъ; рабы твои пришли купить пищи.

11. Мы всѣ дѣти одного человѣка; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядатаями.

12. Онъ сказалъ имъ: нѣтъ, вы пришли высмотрѣть наготу земли сей.

13. Они сказали: насъ, рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ; мы сыновья одного человѣка въ землѣ Ха-

ѻ҆ц҃е́мъ на́шимъ дне́сь: а҆ дрꙋга́гѡ нѣ́сть

д҃і. Рече́ же и҆̀мъ І҆ѡ́сифъ: сїѐ є҆́сть є҆́же реко́хъ ва́мъ, гл҃ѧ: ꙗ҆́кѡ соглѧда́таи є҆стѐ.

є҃і. Въ се́мъ ꙗ҆ви́тесѧ: та́кѡ мѝ здра́вїе Фараѡ́нѧ, не и҆зы́дете ѿсю́дꙋ, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ сѣ́мѡ

ѕ҃і. Посли́те ѿ себѐ є҆ди́наго, и҆ возми́те бра́та ва́шего: вы́ же держи́ми бꙋ́дите, до́ндеже ꙗ҆вѣ̀ бꙋ́дꙋтъ словеса̀ ва́ша, а҆́ще и҆стинствꙋ́ете и҆лѝ ни̑: а҆́ще же ни̑, та́кѡ мѝ здра́вїе Фараѡ́нѧ, воистиннꙋ соглѧда́таи є҆стѐ.

з҃і. И҆ дадѐ ѧ҆̀ под стоа́жꙋ на трѝ дни̑.

и҃і. Рече́ же и҆̀мъ въ де́нь тре́тїй: сїѐ сотвори́те, и҆ жи́ви бꙋ́дете: Бг҃а бо а҆́зъ бою́сѧ.

ѳ҃і. А҆́ще ми́рницы є҆стѐ, бра́тъ ва́шъ да оу҆де́ржитсѧ є҆ди́нъ под стра́жею: са́ми же и҆ди́те, и҆ ѿвези́те кꙋпле-

нааанской, и вотъ, меньшій теперь съ отцемъ нашимъ, а одного не стало.

14. И сказалъ имъ Іосифъ: это самое я и говорилъ вамъ, сказавъ: вы соглядатаи.

15. Вотъ, какъ вы будете испытаны: *клянусь* жизнію Фараона, вы не выйдете отсюда, если не пріидетъ сюда меньшій братъ вашъ

16. Пошлите одного изъ васъ, и пусть онъ приведетъ брата вашего; а вы будете задержаны. И откроется, правда ли у васъ; и если нѣтъ, *то клянусь* жизнію Фараона, что вы соглядатаи.

17. И отдалъ ихъ подъ стражу на три дня.

18. И сказалъ имъ Іосифъ въ третій день: вотъ что сдѣлайте, и останетесь живы; ибо я боюсь Бога

19. Если вы люди честные: то одинъ братъ изъ васъ пусть содержится въ домѣ, гдѣ вы заключены;

нꙋ́ю пшени́цꙋ ва́шꙋ:

к҃. И҆ бра́та ва́шего ме́ньшаго приведи́те ко мнѣ̀, и҆ вѣ́рна бꙋ́дꙋтъ словеса̀ ва́ша: а҆́ще же ни̑, ᲂу҆́мрете: и҆ сотвори́ша та́кѡ.

к҃а. И҆ речѐ кі́йждо къ бра́тꙋ своемꙋ̀: є҆́й, во грѣсѣ́хъ бо є҆смы̀ бра́та ра́ди на́шегѡ, ꙗ҆́кѡ презрѣ́хомъ скорбѣ́ніе дꙋшѝ є҆гѡ̀, є҆гда̀ моля́шесѧ на́мъ, и҆ не послꙋ́шахомъ є҆гѡ̀: и҆ сегѡ̀ ра́ди пріи́де на ны̀ скорбѣ́ніе сіѐ.

к҃в. Ѿвѣща́въ же Рꙋви́мъ речѐ и҆̀мъ: не рѣ́хъ ли ва́мъ, гл҃ѧ: не преѡби́дите дѣ́тища; и҆ не послꙋ́шасте менѐ: и҆ сѐ кро́вь є҆гѡ̀ взыскꙋ́етсѧ.

к҃г. Ті́и же не вѣ́дѣша, ꙗ҆́кѡ разꙋмѣ́етъ І҆ѡ́сифъ; толма́чь бо междꙋ̀ и҆́ми бѧ́ше.

к҃д. Ѿврати́всѧ же ѿ ни́хъ, пропла́касѧ І҆ѡ́сифъ: и҆ па́ки пріи́де къ ни́мъ, и҆ речѐ и҆̀мъ. и҆ поѧ̀ Сꙋмеѡ́на ѿ

а вы пойдите, отвезите хлѣбъ, ради голода семействъ вашихъ.

20. Брата же вашего меньшаго приведите ко мнѣ, чтобы не умереть вамъ. Такъ они и сдѣлали.

21. И говорили они другъ другу: точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего; мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигло насъ горе сіе.

23. Рувимъ отвѣчалъ имъ, и сказалъ: не говорилъ ли я вамъ: не грѣшите противъ отрока? но вы не послушались. Вотъ кровь его взыскивается.

23. А того не знали они, что Іосифъ понимаетъ; ибо между ними былъ переводчикъ.

24. И отошелъ отъ нихъ Іосифъ, и заплакалъ. И возвратился къ нимъ, и говорилъ съ ними, и, взявъ

ни́хъ, и҆ свѧза̀ є҆го̀ пре́дъ ни́ми.

к҃є. Повелѣ̀ же І҆ѡ́сифъ напо́лнити сосꙋ́ды и҆́хъ пшени́цы, и҆ возврати́ти сребро̀ и҆́хъ комꙋ́ждо во врє́тище своѐ, и҆ да́ти и҆̀мъ бра́шно на пꙋ́ть: и҆ бы́сть и҆̀мъ та́кѡ.

к҃ѕ. И҆ возложи́вше пшени́цꙋ на ѻ҆слы̀ своѧ̑, ѿидо́ша ѿтꙋ́дꙋ.

к҃з. Ѿрѣши́въ же є҆ди́нъ врє́тище своѐ, да́ти пи́щꙋ ѻ҆слѡ́мъ свои̑мъ, и҆дѣ́же ста́ша, и҆ ви́дѣ ᲂу҆́зелъ сребра̀ своегѡ̀, и҆ бѣ̀ верхꙋ̀ ᲂу҆́стїѧ врєти́щнагѡ.

к҃и. И҆ речѐ бра́тїи своє́й: возвраще́но ми є҆́сть сребро̀, и҆ сѐ сїѐ во врє́тищи моє́мъ. и҆ ᲂу҆жасе́сѧ срⷣце и҆́хъ: и҆ возмѧто́шасѧ, дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ гл҃юще: что̀ сїѐ сотворѝ Бг҃ъ на́мъ;

к҃ѳ. Прїидо́ша же ко І҆а́кѡвꙋ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀ въ зе́млю Хана́аню, и҆ повѣ́даша є҆мꙋ̀ всѧ̑ слꙋчи́вшаѧсѧ и҆̀мъ, гл҃юще:

изъ нихъ Симеона, связалъ его предъ глазами ихъ.

25. И приказалъ Іосифъ наполнить мѣшки ихъ хлѣбомъ, а серебро ихъ возвратить каждому въ мѣшокъ его, и дать имъ запасовъ на дорогу. Такъ и сдѣлано съ ними.

26. Они положили хлѣбъ свой на ословъ своихъ, и пошли оттуда.

27. И открылъ одинъ *изъ нихъ* мѣшокъ свой, чтобы дать корму ослу своему на ночлегѣ; и увидѣлъ серебро свое въ отверстіи мѣшка его.

28. И сказалъ своимъ братьямъ: серебро мое возвращено; вотъ оно въ мѣшкѣ у меня. И смутилось сердце ихъ, и они съ трепетомъ другъ другу говорили: что это Богъ сдѣлалъ съ ними?

29. И пришли къ Іакову, отцу своему, въ землю Ханаанскую, и разсказали ему все случившееся съ ними, говоря:

л҃. Гл҃а мꙋ́жъ господи́нъ земли̑ [о҆́ныѧ] къ на́мъ жесто́кѡ, и҆ вве́рже на́съ въ темни́цꙋ, ꙗ҆́ки соглѧ́дающихъ зе́млю.

30. Начальствующій надъ тою землею говорилъ съ нами сурово, и принялъ насъ за соглядатаевъ земли той.

л҃а. Рѣ́хомъ же є҆мꙋ̀: ми́рницы є҆смы̀, нѣ́смы соглѧ́датаи:

31. И сказали мы ему: мы люди честные; мы не бывали соглядатаями;

л҃в. Двана́десѧть бра́тїй є҆смы̀, сы́нове ѻ҆тца̀ на́шегѡ: є҆ди́нагѡ нѣ́сть, а҆ ме́ншїй со ѻ҆тце́мъ на́шимъ дне́сь въ земли̑ Хана́ани.

32. Насъ двѣнадцать братьевъ, сыновей у отца нашего; одного не стало, а меньшій теперь съ отцомъ нашимъ въ землѣ Ханаанской.

л҃г. Рече́ же на́мъ мꙋ́жъ гдⷭ҇и́нъ земли̑ [тоѧ̀]: по семꙋ̀ ᲂу҆вѣ́мъ, ꙗ҆́кѡ ми́рницы є҆стѐ: бра́та є҆ди́наго ѡ҆ста́вите здѣ̀ ᲂу҆ менѐ: а҆ кꙋ́пленꙋю пшени́цꙋ до́мꙋ ва́шемꙋ взе́мше, ѿиди́те:

33. И сказалъ намъ начальствующій надъ тою землею: вотъ, какъ узнаю я, честные ли вы люди: Оставьте у меня одного брата изъ васъ; а вы возьмите хлѣбъ ради голода семействъ вашихъ, и пойдите;

л҃д. И҆ приведи́те ко мнѣ̀ бра́та ва́шего ме́ншаго: и҆ ᲂу҆вѣ́мъ, ꙗ҆́кѡ не соглѧда́таи є҆стѐ, но ꙗ҆́кѡ ми́рницы є҆стѐ: и҆ бра́та ва́шего ѿда́мъ ва́мъ, и҆ кꙋ́плю твори́те въ земли̑.

34. И приведите ко мнѣ меньшаго брата вашего, и узнаю я, что вы не соглядатаи, но люди честные; отдамъ вамъ брата вашего, и вы можете промышлять въ этой землѣ.

л҃є. Бы́сть же є҆гда̀ и҆спраздни́хꙋ вре́тища своѧ̑, и҆

35. Когда же они опорожняли мѣшки свои; вотъ,

бѧ́ше ᲂу҆́зелъ сребра̀ во вре́тищи коегѡ́ждо и҆́хъ: и҆ ви́дѣша ᲂу҆́злы сребра̀ своегѡ̀ са́ми, и҆ ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ, и҆ ᲂу҆боѧ́шасѧ.

у каждаго узелъ серебра его въ мѣшкѣ его. И увидѣли они узлы серебра своего, они и отецъ ихъ, и испугались.

л҃ѕ. Рече́ же и҆̀мъ І҆а́кѡвъ ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ: менѐ безча́дна сотвори́сте: І҆ѡ́сифа нѣ́сть, Сѷмеѡ́на нѣ́сть, и҆ Веніамі́на ли по́имете; на мѧ̀ бы́ша сі҆ѧ̑ всѧ̑.

36 И сказалъ имъ Іаковъ, отецъ ихъ: вы ли шпли меня дѣтей: Іосифа нѣтъ, и Симеона нѣтъ; и Веніамина взять хотите,— все это на меня!

л҃з. Рече́ же Рꙋви́мъ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀, гл҃ѧ: двои́хъ сынѡ́въ мои́хъ ᲂу҆бі́й, а҆́ще не приведꙋ̀ є҆гѡ̀ къ тебѣ̀: да́ждь є҆го̀ въ рꙋцѣ̀ мои̑, и҆ а҆́зъ приведꙋ̀ є҆го̀ къ тебѣ̀.

37. И сказалъ Рувимъ отцу своему, говоря: убей двухъ моихъ сыновей, если я не приведу его къ тебѣ; отдай его на мои руки; я возвращу его тебѣ.

л҃и. Ѻ҆́нъ же речѐ: не по́йдетъ сы́нъ мо́й съ ва́ми, ꙗ҆́кѡ бра́тъ є҆гѡ̀ ᲂу҆́мре, и҆ то́й є҆ди́нъ ѡ҆ста̀: и҆ слꙋ́читсѧ є҆мꙋ̀ ѕло̀ на пꙋтѝ, въ ѻ҆́ньже а҆́ще по́йдете, и҆ сведе́те ста́рость мою̀ съ печа́лїю во а҆́дъ.

38. Онъ сказалъ: не пойдетъ сынъ мой съ вами; потому что братъ его умеръ, и онъ одинъ остался. Если случится съ нимъ несчастіе на пути, въ который вы пойдете; то сведете вы сѣдину мою съ печалью во гробъ.

ГЛАВА XLIII.

а҃. Гла́дъ же ѡ҆долѣ̀ на земли̑.

Голодъ усилился на землѣ.

в҃. Бы́сть же є҆гда̀ скон-

2. И когда они съѣли

ча́ша пшени́цꙋ ꙗ҆дꙋ́ще, ю҆́же принесо́ша и҆з̾ Є҆гѵ́пта: и҆ речѐ и҆̀мъ ѻ҆те́цъ и҆́хъ: па́ки ше́дше кꙋпи́те на́мъ ма́лѡ пи́щи.

г҃. Рече́ же ємꙋ̀ І҆ꙋ́да, глаго́лѧ: клѧ́твою засвидѣ́тельствова на́мъ мꙋ́жъ госпо́динъ землѝ [тоѧ̀], глаго́лѧ: не ѹ҆́зрите лица̀ моегѡ̀, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ съ ва́ми.

д҃. А҆́ще ѹ҆̀бо по́слеши бра́та на́шего съ на́ми, по́йдемъ, и҆ кꙋ́пимъ тебѣ̀ пи́щи:

є҃. А҆́ще же не по́слеши бра́та на́шего съ на́ми, не по́йдемъ: мꙋ́жъ бо речѐ на́мъ, глаго́лѧ: не ѹ҆́зрите лица̀ моегѡ̀, а҆́ще бра́тъ ва́шъ ме́ншїй не прїи́детъ съ ва́ми.

ѕ҃. Рече́ же І҆и҃ль: почто̀ ѕло̀ сотвори́сте мѝ, повѣ́давше мꙋ́жꙋ, ꙗ҆́кѡ є҆́сть ва́мъ бра́тъ;

з҃. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: вопроша́ѧ вопросѝ на́съ мꙋ́жъ и҆ ро́да на́шегѡ, глаго́лѧ: а҆́ще є҆щѐ ѻ҆те́цъ ва́шъ жи́въ є҆́сть, и҆ а҆́ще є҆́сть ва́мъ бра́тъ; и҆ повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀ по вопро́сꙋ

хлѣбъ, который привезли изъ Египта; тогда отецъ ихъ сказалъ имъ: пойдите опять, купите намъ немного пищи.

3. И сказалъ ему Іуда, говоря: тотъ человѣкъ рѣшительно объявилъ намъ, сказавъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

4. Если пошлешь съ нами брата нашего; то пойдемъ, и купимъ тебѣ пищи.

5. А если не пошлешь, то не пойдемъ; ибо тотъ человѣкъ сказалъ намъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

6. Израиль сказалъ: для чего вы сдѣлали мнѣ такое зло, сказавъ тому человѣку, что у васъ есть еще братъ?

7. Они сказали: распрашивалъ тотъ человѣкъ о насъ и о родствѣ нашемъ, говоря: живъ ли еще отецъ вашъ? есть ли у васъ братъ? Мы и разсказали ему по

семꙋ: є҆да̀ вѣ́дѣхомъ, ꙗ҆́кѡ речетъ на́мъ: приведи́те бра́та ва́шего;

и҃. Рече́ же І҆ꙋ́да ко І҆и҃лю ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ: ѿпꙋстѝ ѻ҆́трочища со мно́ю: и҆ воста́вше по́йдемъ, да живѝ бꙋ́демъ, и҆ не ᲂу҆́мремъ, и҆ мы̀ и҆ ты̀ и҆ и҆мѣ́нїе на́ше.

ѳ҃. А҆́зъ же возмꙋ̀ є҆го̀: ѿ рꙋкꙋ̀ моею̀ взыщѝ є҆го̀: а҆́ще не приведꙋ̀ є҆гѡ̀ къ тебѣ̀, и҆ поста́влю є҆го̀ пред̾ тобо́ю, грѣше́нъ бꙋ́дꙋ къ тебѣ̀ всѧ̑ днѝ.

і҃. А҆́ще бо бы́хомъ не ᲂу҆мѣ́длили, ᲂу҆жѐ возврати́лисѧ бы два́жды.

а҃і. Рече́ же и҆́мъ І҆и҃ль ѻ҆ц҃ъ и҆́хъ: а҆́ще та́кѡ є҆́сть, сїѐ сотвори́те: возми́те ѿ плодѡ́въ зе́мныхъ въ сосꙋ́ды своѧ̑, и҆ донеси́те чл҃вѣ́кꙋ да́ры, ритї́нꙋ, ме́дъ, ѳѷмїа́ма же, и҆ стакти, и҆ терева́нѳъ, и҆ ѻ҆рѣ́хи:

этимъ распросамъ. Могли ли мы знать, что онъ скажетъ: приведите брата вашего?

8. Іуда же сказалъ Израилю, отцу своему: отпусти отрока со мною; и мы встанемъ и пойдемъ, и живы будемъ и не умремъ и мы, и ты, и дѣти наши.

9. Я отвѣчаю за него, изъ моихъ рукъ потребуешь его. Если я не приведу его къ тебѣ, и не поставлю его предъ лицемъ твоимъ; то останусь я виновнымъ предъ тобою во всѣ дни жизни.

10. Если бы мы не медлили; то уже сходили бы два раза.

11. Израиль, отецъ ихъ, сказалъ имъ: если такъ, то вотъ, что сдѣлайте: возьмите съ собою плодовъ земли сей, и отнесите въ даръ тому человѣку нѣсколько бальзама и нѣсколько меду, стираксы и ладану, фисташковъ и миндальныхъ орѣховъ.

ві. И҆ сребро̀ сꙋгꙋ́бо возми́те въ рꙋ́цѣ своѝ, и҆ сребро̀ ѡ҆брѣ́тенное во вре́тищахъ ва́шихъ возврати́те съ собо́ю, да не ка́кѡ невѣ́дѣніе є҆́сть.

гі. И҆ бра́та своего̀ поими́те: и҆ воста́вше, и҆ди́те къ мꙋ́жꙋ.

ді. Бг҃ъ же мо́й да да́стъ ва́мъ бл҃года́ть предъ мꙋ́жемъ, и҆ ѿпꙋ́ститъ бра́та ва́шего є҆ди́наго, и҆ Веніами́на: а҆́зъ бо ꙗ҆́коже ѡ҆безча́дѣхъ, ѡ҆безча́дѣхъ.

єі. Взе́мше же мꙋ́жіе да́ры сі́ѧ, и҆ сребро̀ сꙋгꙋ́бое взѧ́ша въ рꙋ́цѣ своѝ, и҆ Веніамі́на: и҆ воста́вше, прїидо́ша во Є҆гѵ́петъ, и҆ ста́ша предъ І҆ѡ́сифомъ.

ѕі. Ви́дѣ же и҆̀хъ І҆ѡ́сифъ, и҆ Веніамі́на, бра́та своего̀ є҆диномт҃ернѧ: и҆ речѐ строи́телю до́мꙋ своегѡ̀: введѝ мꙋ́жы [сі́ѧ] въ до́мъ, и҆ заколѝ ѿ скота̀, и҆ ᲂу҆гото́вай: со мно́ю бо ꙗ҆́сти и҆́мꙋтъ

12. Возьмите и другое серебро въ руки ваши; а серебро, обратно положенное въ отверстіе мѣшковъ вашихъ, возвратите руками вашими: можетъ быть, это недосмотръ.

13. И брата вашего возьмите, и вставъ, пойдите опять къ человѣку тому.

14. Богъ же всемогущій да дастъ вамъ найти милость у человѣка того, чтобы онъ отпустилъ вамъ и другаго брата вашего и Веніамина. А мнѣ если уже быть бездѣтнымъ; то пусть буду бездѣтнымъ.

15. И взяли тѣ люди дары эти, и серебра вдвое взяли въ руки свои, и Веніамина, и встали, пошли въ Египетъ и предстали предъ лице Іосифа.

16. Іосифъ, увидѣвъ между ними Веніамина, брата своего, сына матери своей, сказалъ начальнику дома своего: введи сихъ людей въ домъ, и заколи что нибудь изъ скота, и пригот-

мꙋ́жїе [сїи] хлѣ́бъ въ полꙋ́днє.

ѕі. Сотвори́ же чл҃вѣкъ, ꙗ҆́коже речѐ І҆ѡ́сифъ, и҆ введѐ мꙋ́жы въ до́мъ І҆ѡ́сифовъ.

и҃і. Ви́дѣвше же мꙋ́жїе, ꙗ҆́кѡ введо́ша и҆̀хъ въ до́мъ І҆ѡ́сифовъ, рѣ́ша: сребра̀ ра́ди возвращённагѡ во вре́тищахъ на́шихъ пе́рвѣе, вво́дѧтъ ны̀, є҆́же бы ѡ҆клевета́ти на́съ, и҆ нанестѝ на ны̀, да по́имꙋтъ на́съ въ рабы̀, и҆ ѻ҆слы̀ на́ши.

ѳ҃і. Пристꙋ́пивше же къ чл҃кꙋ̀ сꙋ́щемꙋ на́д̾ до́момъ І҆ѡ́сифовымъ, реко́ша є҆мꙋ̀ при вратѣ́хъ до́мꙋ,

к҃. гл҃юще: мо́лимъ тѧ̀ гд҇ине: прїидо́хомъ пе́рвѣе кꙋ́пити пи́щи.

к҃а. Бы́сть же є҆гда̀ прїидо́хомъ на ста́нъ, и҆ ѿрѣши́хомъ вре́тища своѧ̑, и҆ сѐ сребро̀ коегѡ́ждо во вре́тищи є҆гѡ̀: то́е сребро̀ на́ше вѣ́сомъ возврати́хомъ нн҃ѣ рꙋка́ми на́шими:

товъ; потому что со мною будутъ ѣсть эти люди въ полдень.

17. И сдѣлалъ человѣкъ тотъ, какъ сказалъ Іосифъ, и ввелъ человѣкъ тотъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ.

18. И испугались люди эти, что ввели ихъ въ домъ Іосифовъ, и сказали: это за серебро, возвращенное прежде въ мѣшки наши, ввели насъ, чтобы придраться къ намъ, и напасть на насъ, и взять насъ въ рабство, и ословъ нашихъ.

19. И подошли они къ начальнику дома Іосифова, и стали говорить ему у дверей дома.

20. И сказали: послушай, господинъ нашъ, мы приходили уже прежде покупать пищи.

21. И случилось, что, когда пришли мы на ночлегъ, и открыли мѣшки наши,—вотъ серебро каждаго въ отверстіи мѣшка его, серебро наше по вѣсу его, и мы возвращаемъ его

своими руками.

кв. И҆ сребро̀ дрꙋго́е принесо́хомъ съ собо́ю кꙋпи́ти пи́щи: не вѣ́мы, кто̀ вложѝ сребро̀ во вре́тища на́ша.

22. А для покупки пищи мы принесли другое серебро въ рукахъ нашихъ. Мы не знаемъ, кто положилъ серебро наше въ мѣшки наши.

кг. Рече́ же и҆̀мъ: ми́ръ ва́мъ, нѐ бо́йтесѧ: Бг҃ъ ва́шъ и҆ Бг҃ъ ѻ҆тц҃ъ ва́шихъ дадѐ ва́мъ сокро́вища во вре́тищахъ ва́шихъ: а҆ сребро̀ ва́ше за прїѧ́тое и҆мѣ́ю. и҆ и҆зведѐ къ ни́мъ Сѷмео́на:

23. Онъ сказалъ: будьте спокойны, не бойтесь. Богъ вашъ и Богъ отца вашего далъ вамъ кладъ въ мѣшкахъ вашихъ; серебро ваше дошло до меня. И привелъ къ нимъ Симеона.

кд. И҆ принесѐ во́дꙋ ѡ҆мы́ти но́зѣ и҆̀мъ, и҆ дадѐ па́жити ѻ҆слѡ́мъ и҆́хъ.

24. И ввелъ тотъ человѣкъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ, и далъ воды, и они омыли ноги свои; и далъ корму осламъ ихъ.

ке. Оуготова́ша же да́ры, до́ндеже прїи́детъ І҆ѡ́сифъ въ полꙋ́дне: слы́шаша бо, ꙗ҆́кѡ та́мо и҆́мать ѡ҆бѣ́дати.

25. И они приготовили дары къ приходу Іосифа въ полдень; ибо слышали, что тамъ будутъ ѣсть хлѣбъ.

кѕ. Прїи́де же І҆ѡ́сифъ въ до́мъ: и҆ принесо́ша є҆мꙋ̀ да́ры, ꙗ҆̀же и҆мѧ́хꙋ въ рꙋка́хъ свои́хъ, въ до́мъ: и҆ поклони́шасѧ є҆мꙋ̀ лице́мъ до землѝ.

26. И пришелъ Іосифъ домой; и они принесли ему въ домъ дары, которые были на рукахъ ихъ, и поклонились ему до земли.

кз. И҆ вопросѝ и҆́хъ: здра́ви ли є҆стѐ; и҆ речѐ и҆̀мъ: здра́въ ли є҆́сть ѻ҆тц҃ъ ва́шъ

27. Онъ спросилъ ихъ о здоровьи, и сказалъ: здоровъ ли отецъ вашъ ста-

ста́рецъ, є҆го̀ же реко́сте, є҆щѐ ли живъ є҆́сть,

ки҃. Ѻ҆ни́ же реко́ша: здра́въ є҆́сть ра́бъ тво́й ѻ҆ц҃ъ на́шъ, є҆щѐ живъ є҆́сть. И҆ речѐ: бл҃гослове́нъ чл҃вѣ́къ ѻ҆́ный Бг҃ꙋ. И҆ прини́кше поклони́шасѧ є҆мꙋ̀

кѳ҃. Воззрѣ́въ же ѻ҆чи́ма свои́ма Іѡ́сифъ, ви́дѣ Веніамі́на бра́та своего̀ є҆динома́терна, и҆ речѐ: се́й ли є҆́сть бра́тъ ва́шъ ю҆нѣ́йшій, є҆го́же реко́сте ко мнѣ̀ привестѝ; и҆ речѐ: Бг҃ъ да поми́лꙋетъ тѧ̀, ча́до.

л҃. Возмꙋти́сѧ же Іѡ́сифъ: подви́жесѧ бо ᲂу҆тро́ба є҆гѡ̀ ѡ҆ бра́тѣ свое́мъ, и҆ иска́ше пла́кати: вше́дъ же въ ложни́цꙋ, пла́касѧ та́мѡ.

ла҃. И҆ ᲂу҆мы́въ лицѐ, изше́дъ ᲂу҆держа́сѧ, и҆ речѐ: предложи́те хлѣ́бы.

лв҃. И҆ предложи́ша є҆мꙋ̀ є҆ди́номꙋ, и҆ ѻ҆́нымъ ѻ҆со́бнѡ, и҆ є҆гѵ́птѧнѡмъ, и҆̀же съ ни́мъ ꙗ҆дѧ́хꙋ, ѻ҆со́бнѡ: не можа́хꙋ

рецъ, о которомъ вы говорили? Живъ ли еще онъ?

28. Они сказали: здоровъ рабъ твой, отецъ нашъ; еще живъ. Онъ сказалъ: благословенъ человѣкъ сей отъ Бога. И преклонились они и поклонились.

29. И поднялъ глаза свои Іосифъ, и увидѣлъ Веніамина, брата своего, сына матери своей, и сказалъ: это братъ вашъ меньшій, о которомъ вы сказывали мнѣ? И сказалъ: да будетъ милость Божія съ тобою, сынъ мой!

30. И поспѣшно удалился Іосифъ, потому что воскипѣла любовь къ брату его, и онъ готовъ былъ заплакать, и вошелъ онъ во внутреннюю комнату, и плакалъ тамъ.

31. И умывъ лице свое, вышелъ, и скрѣпился и сказалъ: подавайте кушанье.

32. И подали ему особо, и имъ особо и Египтянамъ, обѣдавшимъ съ нимъ, особо: ибо Египтяне не мо-

бо Єгѵ́птѧне ꙗ́сти хлѣ́ба съ Єѵре́и: ме́рзость бо є́сть Єгѵ́птѧнѡмъ [всѧ́къ па́стухъ ѻ́вчїй].

лг. Сѣдо́ша же прѧ́мѡ є́мꙋ, пе́рвенецъ по старѣ́йшинствꙋ своемꙋ́, и̑ ме́ншїй по ме́ншествꙋ своемꙋ́: и̑ дивлѧ́хꙋсѧ мꙋ́жїе кі́йждо ко бра́тꙋ своемꙋ́.

лд. И̑ взѧ́ша ча́сти ѿ негѡ̀ къ себѣ̀. возвы́сишасѧ же бы́сть ча́сть Венїамі́нова па́че всѣ́хъ часте́й пѧтери́цею, не́же ѻ́ныхъ. пи́ша же, и̑ ᲂу҆пи́шасѧ съ ни́мъ.

гутъ ѣсть съ Евреями; потому что это мерзость для Египтянъ.

33. И сѣли они предъ нимъ, первородный по первородству его, и младшій по молодости его, и дивились эти люди другъ предъ другомъ.

34. И посылались имъ кушанья отъ него; и доля Веніамина была впятеро больше долей каждаго изъ нихъ. И пили, и довольно пили они съ нимъ.

ГЛАВА XLIV

а. И̑ заповѣ́да І҆ѡ́сифъ домострои́телю своемꙋ́, глаго́лѧ: напо́лните вре́тища мꙋже́мъ пи́щи, є҆ли́кѡ мо́гꙋтъ понестѝ: и вложи́те комꙋ́ждо сребро̀ верхꙋ̀ ᲂу҆́стїѧ вре́тища.

в. И̑ ча́шꙋ мою̀ сре́брѧнꙋю вложи́те во вре́тище ме́ншагѡ, и̑ цѣ́нꙋ пшени́цы є҆гѡ̀. бы́сть же по слове́си І҆ѡ́сифовꙋ, ꙗ҆́коже речѐ.

И приказалъ Іосифъ начальнику дома своего, говоря: наполни мѣшки этихъ людей пищею, сколько они могутъ нести, и серебро каждаго положи въ отверстіе мѣшка его.

2. А чашу мою, чашу серебряную, положи въ отверстіе мѣшка къ младшему, вмѣстѣ съ серебромъ за купленный имъ хлѣбъ. И сдѣлалъ тотъ по слову

г҃. Оу҆́тро возсїѧ̀: и҆ мꙋ̑жїе
ѿпꙋсти́шасѧ са́ми, и҆ ѻ҆слѧ́-
та и҆́хъ.

д҃. И҆зше́дше же ѻ҆ни̇̀ и҆з̾
гра́да, не ѿидо́ша дале́че: и҆
речѐ І҆ѡ́сифъ домострои́телю
своемꙋ̀: воста́въ гонѝ въ слѣ́дъ
мꙋ́жей, и҆ пости́гни и҆̀хъ, и҆
рцы̀ и҆̀мъ: что̀ ꙗ҆́кѡ возда́сте
[ми́] ѕла̂ѧ за бл҃га̂ѧ;

е҃. Вскꙋ́ю оу҆кра́досте ча́шꙋ
мою̀ сре́брѧнꙋ; нѐ сїѧ̀ ли
є҆̀сть, и҆з̾ неѧ́же пїе́тъ госпо-
ди́нъ мо́й; ѻ҆́нъ жѐ и҆ волх-
вова́нїемъ волхвꙋ́етъ въ не́й:
ѕла̂ѧ соверши́сте, ꙗ҆̀же со-
твори́сте.

Ѡбрѣ́тъ же и҆̀хъ, речѐ
и҆̀мъ по словесе́мъ си̑мъ.

Ѻ҆ни́ же рѣ́ша є҆мꙋ̀:
вскꙋ́ю гл҃етъ господи́нъ сло-
веса̀ сїѧ̀; не бꙋ́ди рабѡ́мъ
твои̑мъ, сотвори́ти по сло-
весѝ семꙋ̀

и҃. А҆́ще сребро̀, є҆́же ѡ҆брѣ-
то́хомъ во вре́тищахъ на́-
шихъ, возврати́хомъ къ тебѣ̀

Іосифа, которое сказалъ
онъ.

3. Утромъ, когда развѣ-
ло, эти люди были отпу-
щены, они и ослы ихъ.

4. Еще не далеко ото-
шли они отъ города, какъ
Іосифъ сказалъ начальнику
дома своего: ступай, дого-
няй этихъ людей, и, когда
догонишь, скажи имъ: для
чего вы заплатили зломъ
за добро? для чего украли
у меня серебряную чашу?

5. Не та ли это, изъ ко-
торой пьетъ господинъ мой?
И онъ гадаетъ на ней.
Худо это вы сдѣлали.

6 Онъ догналъ ихъ, и
сказалъ имъ эти слова.

7. Они сказали ему: для
чего господинъ нашъ гово-
ритъ такія слова? Нѣтъ,
рабы твои не сдѣлаютъ та-
кого дѣла.

8. Вотъ, серебро, найден-
ное нами въ отверстіи мѣш-
ковъ нашихъ, мы обратно

ѿ землѝ Ханаа́ни, ка́кѡ бы́хомъ оу҆кра́ли и҆з̾ до́му господи́на твоегѡ̀ сре́бро и҆лѝ зла́то;

ѳ҃. Оу҆ негѡ́же а҆́ще ѡ҆бря́щеши ча́шу ѿ ра̑бъ твои́хъ, да оу҆́мретъ: и҆ мы̀ бу́демъ раби̇̀ г҃ди́ну на́шему.

і҃. Ѡ҆́нъ же речѐ: и҆ ны́нѣ ꙗ҆́коже гл҃ете, та́кѡ бу́детъ: оу҆ негѡ́же а҆́ще ѡ҆бря́щется ча́ша, бу́детъ мо́й ра́бъ, вы́ же бу́дете чи́сти.

а҃і. И҆ потща́шасѧ, и҆ све́рже ки́йждо вре́тище своѐ на зе́млю, и҆ ѿверзо́ша ки́йждо вре́тище своѐ.

в҃і. И҆зыска́ же ѿ старѣ́йшагѡ зача́нъ, до́ндеже прі́йде до ме́ньшагѡ: и҆ ѡ҆брѣ́те ча́шу во вре́тищи Веніамі́ни.

г҃і. И҆ растерза́ша ри̑зы своѧ̑, и҆ возложи́ша ки́йждо вре́тище своѐ на ѻ҆слѧ̀ своѐ, и҆ возврати́шасѧ во гра́дъ.

д҃і. Вни́де же І҆у́да и҆ бра́тїѧ є҆гѡ̀ ко І҆ѡ́сифу, є҆щѐ

принесли тебѣ изъ земли Ханаанской: какъ же намъ украсть изъ дома господина твоего серебро или золото?

9. У кого изъ рабовъ твоихъ найдется чаша, тому смерть; и мы будемъ рабами господину нашему.

10. Онъ сказалъ: хорошо; какъ вы сказали, такъ пусть и будетъ: у кого найдется чаша, тотъ будетъ мнѣ рабомъ, а вы будете не виноваты.

11. Они поспѣшно спустили каждый свой мѣшокъ на землю, и открыли каждый свой мѣшокъ.

12. Онъ обыскалъ, началъ со старшаго, и кончилъ младшимъ; и нашлась чаша въ мѣшкѣ Веніаминовомъ.

13. И разодрали они одежды свои, и, возложивъ каждый на осла своего ношу, возвратились въ городъ.

14. И пришли Іуда и братья его въ домъ Іосифа,

є҆мꙋ̀ сꙋ́щꙋ тꙋ̀, и҆ падо́ша пре́дъ ни́мъ на зе́млю.

є҃і. Рече́ же и҆̀мъ І҆ѡ́сифъ: что̀ дѣ́ло сїѐ сотвори́сте; не вѣ́дасте ли, ꙗ҆́кѡ нѣ́сть волхвова́тель человѣ́къ, ꙗ҆́коже а҆́зъ;

ѕ҃і. Рече́ же І҆ꙋ́да: что̀ ѿвѣща́емъ гдⷭ҇инꙋ, и҆лѝ что̀ возглаго́лемъ, и҆лѝ чи́мъ ѡ҆правди́мсѧ; Бг҃ъ же ѡ҆брѣ́те непра́вдꙋ рабѡ́въ твои́хъ: сѐ мы̀ є҆смы̀ рабѝ гдⷭ҇инꙋ на́шемꙋ, и҆ мы̀, и҆ ᲂу҆ негѡ́же ѡ҆брѣ́тесѧ ча́ша.

з҃і. Рече́ же І҆ѡ́сифъ: не бꙋ́ди мѝ сотвори́ти глаго́лъ се́й: мꙋ́жъ, ᲂу҆ негѡ́же ѡ҆брѣ́тесѧ ча́ша, то́й бꙋ́детъ мѝ ра́бъ: вы̀ же пойди́те въ цѣ́лости ко ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀.

и҃і. Пристꙋпи́въ же къ немꙋ̀ І҆ꙋ́да, речѐ: молю̀ тѧ̀ гдⷭ҇и́не, да рече́тъ ра́бъ тво́й сло́во пре́дъ тобо́ю, и҆ не прогнѣ́вайсѧ на раба̀ твоегѡ̀: ꙗ҆́кѡ ты̀ є҆сѝ по Фараѡ́нѣ.

ѳ҃і. Гдⷭ҇и́не, ты̀ вопроша́лъ

который былъ еще дома, и пали предъ нимъ па землю.

15. Іосифъ сказалъ имъ: что это вы сдѣлали? развѣ вы не знали, что такой человѣкъ, какъ я, конечно угадаетъ?

16 Іуда сказалъ: что намъ сказать господину нашему? что говорить? чѣмъ оправдываться? Богъ нашелъ неправду рабовъ твоихъ; вотъ, мы рабы господину пашему, и мы, и тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша.

17. Но Іосифъ сказалъ: нѣтъ, я этого не сдѣлаю; тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша, будетъ мнѣ рабомъ, а вы пойдите съ миромъ къ отцу вашему.

18. И подошелъ Іуда къ нему, и сказалъ: господинъ мой, позволь рабу твоему сказать слово во уши господина моего, и не прогнѣвайся на раба твоего; ибо ты то же, что Фараонъ.

19. Господинъ мой спра-

є҆сѝ рабѡ́въ твои́хъ, гл҃ѧ: а҆́ще и҆́мате ѻ҆ц҃а̀, и҆лѝ бра́та;

к҃. И҆ рѣ́хомъ гд҃и́нꙋ: є҆́сть на́мъ ѻ҆ц҃ъ ста́ръ, и҆ ѻ҆́трочищъ на ста́рость ме́ншїй є҆мꙋ̀, а҆ бра́тъ є҆гѡ̀ ᲂу҆мрѐ, ѻ҆́нъ же є҆ди́нъ ѡ҆ста́сѧ ᲂу҆ ма́тере своеѧ̀, ѻ҆ц҃ъ же возлюбѝ є҆го̀.

к҃а. Ты́ же ре́клъ є҆сѝ рабѡ́мъ твои́мъ: приведи́те є҆го̀ ко мнѣ̀, да ви́ждꙋ є҆го̀.

к҃в. И҆ рѣ́хомъ гд҃и́нꙋ: не возмо́жетъ ѻ҆́трочищъ ѡ҆ста́вити ѻ҆ц҃а̀ своего̀: а҆́ще же ѡ҆ста́витъ ѻ҆ц҃а̀, ᲂу҆́мретъ.

к҃г. Ты́ же ре́клъ є҆сѝ рабѡ́мъ твои́мъ: а҆́ще не прїи́детъ бра́тъ ва́шъ ме́ншїй съ ва́ми, не приложи́те ктомꙋ̀ ви́дѣти лица̀ моегѡ̀.

к҃д. Бы́сть же є҆гда̀ прїидо́хомъ къ рабꙋ̀ твоемꙋ̀ ѻ҆ц҃ꙋ̀ на́шемꙋ, повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀ словеса̀ гд҃и́на на́шегѡ.

к҃є. Рече́ же на́мъ ѻ҆ц҃ъ на́шъ: и҆ди́те па́ки, и҆ кꙋпи́те

шивалъ рабовъ своихъ, говоря: есть ли у васъ отецъ или братъ?

20. Мы сказали господину нашему, что у насъ есть отецъ престарѣлый, и у него младшій сынъ, сынъ старости, котораго братъ умеръ, а онъ остался одинъ *отъ* матери своей; и отецъ любитъ его.

21. Ты же сказалъ рабамъ твоимъ: приведите его ко мнѣ, чтобы мнѣ взглянуть на него.

22. Мы сказали господину нашему: отрокъ не можетъ оставить отца своего; и если онъ оставитъ отца своего, то сей умретъ.

23. Но ты сказалъ рабамъ твоимъ: если не пріидетъ меньшій братъ вашъ, то вы болѣе не являйтесь ко мнѣ на лице.

24. Когда мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему: то пересказали ему слова господина моего.

25. И сказалъ отецъ нашъ: пойдите опять, ку-

на́мъ ма́лѡ пи́щи.

к҃ѕ. Мы́ же рекóхомъ: не возмóжемъ ити̑: но а҆́ще бра́тъ на́шъ ме́ншій и҆детъ с̑ на́ми, пóйдемъ: и҆́бо не возмóжемъ ви́дѣти лицѐ мꙋ́жа, бра́тꙋ на́шемꙋ ме́ншемꙋ не сꙋ́щꙋ съ на́ми.

к҃з. Рече́ же ра́бъ твóй ѻ҆ц҃ъ на́шъ къ на́мъ: вы̀ вѣ́сте, ꙗ҆́кѡ двои́хъ роди̑ мнѣ̀ жена̀:

к҃и. И҆ ѿи́де є҆ди́нъ ѿ менѐ, и҆ рекóсте: ꙗ҆́кѡ ѕвѣ́ремъ снѣде́нъ бы́сть, и҆ не ви́дѣхъ є҆гѡ̀ да́же до ны́нѣ.

к҃ѳ. А҆́ще оу҆̀бо пóймете и҆ сегò ѿ лица̀ моегѡ̀, и҆ слꙋчи́тсѧ є҆мꙋ̀ ѕлò на пꙋти̑, и҆ сведе́те ста́рость мою̀ съ печа́лію во а҆́дъ

л҃. Ны́не оу҆̀бо а҆́ще пойдꙋ̀ къ рабꙋ̀ твоемꙋ̀, ѻ҆ц҃ꙋ̀ же на́шемꙋ, и҆ ѻ҆́трочища не бꙋ́детъ съ на́ми: [дꙋша̀ же є҆гѡ̀ свѧ́зана є҆́сть съ дꙋше́ю сегѡ̀:]

л҃а. И҆ бꙋ́детъ є҆гда̀ оу҆ви́дитъ ѻ҆́нъ не сꙋ́ща ѻ҆́трочища съ на́ми, оу҆́мретъ, и҆ сведꙋ́тъ

пите намъ не много пищи.

26. Мы сказали: нельзя намъ идти; а если будетъ съ нами меньшій братъ нашъ, то пойдемъ; потому что нельзя намъ видѣть лица того человѣка, если не будетъ съ нами меньшаго брата нашего.

27 И сказалъ намъ рабъ твой, отецъ нашъ: вы знаете, что жена моя родила мнѣ двухъ *сыновъ*.

28 Одинъ пошелъ отъ меня, и я сказалъ: вѣрно онъ разстерзанъ; и я не видалъ его донынѣ.

29. Если и сего возьмете отъ глазъ моихъ, и случится съ нимъ несчастіе; то сведете вы сѣдину мою съ горестію во гробъ.

30. Теперь если я прійду къ рабу твоему, отцу нашему, и не будетъ съ нами отрока, съ душею котораго связана душа его:

31. То онъ, увидѣвъ, что нѣтъ отрока, умретъ; и сведутъ рабы твои сѣ-

рабѝ твоѝ ста́рость раба̀ твоегѡ̀, ѻ҆ц҃а̀ же на́шего, съ печа́лїю во а҆́дъ.

дину раба твоего, отца нашего, съ печалью во гробъ.

л҃в. Ра́бъ бо тво́й ѿ ѻ҆ц҃а̀ взѧ̀ ѻ҆́трочища, глаго́лѧ: а҆́ще не приведꙋ̀ є҆го̀ къ тебѣ̀, и҆ поста́влю є҆го̀ пред̾ тобо́ю, грѣ́шенъ бꙋ́дꙋ ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ всѧ̑ дни̑.

32. Притомъ я, рабъ твой, взялся отвѣчать за отрока отцу моему, сказавъ: если не приведу его къ тебѣ и не поставлю его предъ тобою; то останусь я виновнымъ предъ отцемъ моимъ во всѣ дни жизни.

л҃г. Нꙑ́нѣ ᲂу҆̀бо пребꙋ́дꙋ тебѣ̀ ра́бъ вмѣ́стѡ ѻ҆́трочища, ра́бъ г҃ди́нꙋ: ѻ҆́трочищь же да и҆́детъ съ бра́тїею свое́ю.

33. И такъ пусть я, рабъ твой, вмѣсто отрока останусь рабомъ у господина моего; а отрокъ пусть идетъ съ братьями своими.

л҃д. Ка́кѡ бо пойдꙋ̀ ко ѻ҆ц҃ꙋ̀, ѻ҆́трочищꙋ не сꙋ́щꙋ съ на́ми; да не ви́ждꙋ ѕлы́хъ, ꙗ҆̀же ѡ҆брѧ́щꙋтъ ѻ҆ц҃а̀ моего̀.

34. Ибо какъ пойду я къ отцу моему, когда отрока не будетъ со мною? я увидѣлъ бы бѣдствіе, которое постигло бы отца моего.

ГЛАВА XLV.

а҃. И҆ не можа́ше І҆ѡ́сифъ ᲂу҆держа́тисѧ всѣ́мъ предстоѧ́щымъ є҆мꙋ̀, но речѐ: ѿпослите всѣ́хъ ѿ менѐ: и҆ не предстоѧ́ше ни є҆ди́нъ І҆ѡ́сифꙋ, є҆гда̀ познава́шесѧ бра́тїи своє́й.

Іосифъ не могъ болѣе удерживаться при всѣхъ стоявшихъ около него, и закричалъ: удалите отъ меня всѣхъ. И не оставалось при Іосифѣ никого, когда онъ открылся братьямъ своимъ.

в҃. И҆ испꙋсти̑ гла́съ съ пла́чемъ: слы́шаша же вси̑ Є҆гѵ́птѧне, и҆ слы́шано бы́сть въ домꙋ̀ Фараѡ́новѣ.

2. И громко зарыдалъ онъ, и услышали Египтяне, и услышалъ домъ Фараоновъ.

г҃. Рече́ же І҆ѡ́сифъ бра́тїи свое́й: а҆́зъ є҆́смь І҆ѡ́сифъ: є҆щѐ ли ѻ҆ц҃ъ мо́й жи́въ є҆́сть; и҆ не могѡ́ша бра́тїѧ ѿвѣща́ти є҆мꙋ̀: смꙋти́шасѧ бо.

3. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: я Іосифъ, живъ ли еще отецъ мой? Но братья его не могли отвѣчать ему; потому что они смутились предъ нимъ.

д҃. Рече́ же І҆ѡ́сифъ бра́тїи свое́й: прибли́житесѧ ко мнѣ̀: и҆ прибли́жишасѧ. и҆ речѐ: а҆́зъ є҆́смь І҆ѡ́сифъ бра́тъ ва́шъ, є҆го́же прода́сте во Є҆гѵ́петъ.

4. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: подойдите ко мнѣ. Они подошли. Онъ сказалъ: я Іосифъ, братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ.

є҃. Нн҃ѣ ᲂу҆̀бо не скорби́те, нижѐ же́стоко ва́мъ да ꙗ҆ви́тсѧ, ꙗ҆́кѡ прода́сте мѧ̀ сѣ́мѡ: на жи́знь бо посла́ мѧ̀ Бг҃ъ пре́дъ ва́ми.

5. Но теперь не печальтесь, и не жалѣйте о томъ, что вы продали меня сюда; потому что Богъ послалъ меня передъ вами для сохраненія вашей жизни.

ѕ҃. Сїѐ бо второ́е лѣ́то гла́дъ на землѝ, и҆ є҆щѐ пѧ́ть лѣ́тъ ѡ҆ста̀, въ ни́хже не бꙋ́детъ ѡ҆ра́нїѧ, ни жа́твы.

6. Ибо теперь два года голода на землѣ: остается еще пять лѣтъ, въ которыя ни орать, ни жать не будутъ.

з҃. Посла́ бо мѧ̀ Бг҃ъ пре́дъ ва́ми ѡ҆ста́вити ва́мъ ѡ҆ста́нокъ на землѝ, и҆ препита́ти ва́шъ ѡ҆ста́нокъ ве́лїи

7. Богъ послалъ меня передъ вами, чтобы оставить васъ на землѣ и сохранить вашу жизнь великимъ из-

и҃. Нн҃ѣ ᲂу҆бо не вы̀ посла́сте мѧ̀ сѣ́мѡ, но Бг҃ъ: и҆ сотворѝ мѧ̀ ꙗ҆́кѡ ѻ҆ц҃а̀ Фараѡ́нꙋ, и҆ гдⷭ҇и́на всемꙋ̀ до́мꙋ є҆гѡ̀, и҆ кнѧ́зѧ всеѧ̀ землѝ є҆гѵ́петстѣй.

ѳ҃. Потща́вшесѧ ᲂу҆̀бо, взы́дите ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ моемꙋ̀, и҆ рцы́те є҆мꙋ̀: сі́ѧ гл҃етъ сы́нъ тво́й і҆ѡ́сифъ: сотворѝ мѧ̀ Бг҃ъ гдⷭ҇и́на всеѧ̀ землѝ є҆гѵ́петстѣй: сни́ди ᲂу҆̀бо ко мнѣ̀, и҆ не ᲂу҆ме́дли:

і҃. И҆ всели́шисѧ в̾ землѝ Гесе́мли а҆раві́йстѣй, и҆ бꙋ́деши бли́з̾ менѐ ты̀, и҆ сы́нове твоѝ, и҆ сы́нове сынѡ́въ твои́хъ, ѻ҆́вцы твоѧ̑, и҆ волѡ́ве твоѝ, и҆ є҆ли̑ка сꙋ́ть твоѧ̑.

а҃і. И҆ препита́ю тѧ̀ та́мѡ, є҆щѐ бо пѧ́ть лѣ́тъ бꙋ́детъ гла́дъ на землѝ, да не поги́бнеши ты̀, и҆ сы́нове твоѝ, и҆ всѧ̑ и҆мѣ́ніѧ твоѧ̑.

в҃і. Сѐ ѻ҆́чи ва́ши ви́дѧтъ, и҆ ѻ҆́чи веніамі́на бра́та моегѡ̀, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆ста̀ моѧ̑ гл҃ющаѧ къ ва́мъ.

бавленіемъ.

8. И такъ не вы послали меня сюда, но Богъ, который и поставилъ меня отцомъ Фараону, и господиномъ во всемъ домѣ его, и владыкою во всей землѣ Египетской.

9. Идите скорѣе къ отцу моему, и скажите ему: такъ говоритъ сынъ твой Іосифъ: Богъ поставилъ меня господиномъ надъ всѣмъ Египтомъ: пріиди ко мнѣ, не медли.

10. Ты будешь жить въ землѣ Гесемъ; и будешь близъ меня, ты, и сыны твои, и сыны сыновъ твоихъ, и мелкій и крупный скотъ твой, и все твое.

11. И прокормлю тебя тамъ, ибо голодъ будетъ еще пять лѣтъ; чтобы не обнищалъ ты, и домъ твой, и все твое.

12. И вотъ очи ваши и очи брата моего Веніамина видятъ, что это мои уста говорятъ съ вами.

гі. Возвѣстите оубо ѻ҃цу моемꙋ всю̀ славꙋ мою сꙋщꙋю во Еги́птѣ, и҆ є҆ли́ка ви́дите: и҆ оу҆скори́вше, приведи́те ѻ҃ца̀ моего̀ сѣ́мѡ.

ді. И҆ напа́дъ на вы́ю Веніами́на бра́та своегѡ̀, пла́касѧ над̾ ни́мъ: и҆ Веніами́нъ пла́касѧ на вы́и є҆гѡ̀.

єі. И҆ ѡ҆блобыза́въ всю̀ бра́тїю свою̀, пла́касѧ над̾ ни́ми: и҆ по си́хъ глаго́лаша къ немꙋ̀ бра́тїѧ є҆гѡ̀.

ѕі. И҆ пронесе́сѧ гла́съ в̾ до́мꙋ Фараѡ́новѣ, гл҃ющє: пріидо́ша бра́тїѧ І҆ѡ́сифова: возра́довасѧ жѐ Фараѡ́нъ, и҆ ра́би є҆гѡ̀.

зі. Рече́ же Фараѡ́нъ ко І҆ѡ́сифꙋ: рцы̀ бра́тїи своє́й, сїѐ сотвори́те: напо́лните сосꙋ́ды ва́шѧ [пшени́цы], и҆ и҆ди́те в̾ зе́млю Ханаа́ню:

иі. И҆ взе́мше ѻ҃ца̀ ва́шего, и҆ и҆мѣ́нїѧ ва́ша, прїиди́те ко мнѣ̀: и҆ да́мъ ва́мъ ѿ всѣ́хъ бла́гъ Єги́петскихъ, и҆ снѣ́сте тꙋ́къ землѝ.

13 Скажите же отцу моему о всей славѣ моей въ Египтѣ и о всемъ, что̀ вы видѣли; и приведите скорѣе отца моего сюда.

14. И палъ онъ на шею Веніамину, брату своему, и плакалъ; и Веніаминъ плакалъ на шеѣ его.

15. И цѣловалъ всѣхъ братьевъ своихъ, и плакалъ, обнимая ихъ. Потомъ говорили съ нимъ братья его.

16. Дошелъ въ домъ Фараона слухъ, что пришли братья Іосифа; и пріятно было Фараону и рабамъ его.

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу, скажи братьямъ твоимъ: вотъ, что̀ сдѣлайте: навьючьте скотъ вашъ (хлѣбомъ), и ступайте въ землю Ханаанскую;

18. И возьмите отца вашего и семейства ваши, и прійдите ко мнѣ; я дамъ вамъ лучшее (мѣсто) въ землѣ Египетской, и вы будете ѣсть тукъ земли.

ѳі. Ты же заповѣждь сїѧ̀: взѧ́ти и҆̀мъ колєсни́цы ѿ землѝ Е҆гѵ́петскїѧ дѣ́темъ и҆̀хъ и҆ жена́мъ и҆̀хъ, и҆ по́ймше ѻ҆ц҃а̀ своего̀, прїиди́те.

19. Тебѣ же повелѣваю сказать имъ: сдѣлайте сіе: возьмите себѣ изъ земли Египетской колесницъ для дѣтей вашихъ, и для женъ вашихъ, и привезите отца вашего и пріидите.

к҃. И҆ не пощади́те ѻ҆́чима сосꙋ́дѡвъ ва́шихъ: всѧ̀ бо блага̀ѧ Е҆гѵ́петскаѧ ва́мъ бꙋ́дꙋтъ.

20. И не жалѣйте вещей вашихъ, ибо лучшее изъ всей земли Египетской *дамъ* вамъ.

ка҃. Сотвори́ша же та́кѡ сы́нове Ї҆сра́илєвы: даде́ же и҆̀мъ Ї҆ѡ́сифъ колєсни́цы по повелѣ́нїю Фараѡ́на царѧ̀ [Е҆гѵ́петска], и҆ дадѐ и҆̀мъ бра́шно на пꙋ́ть.

21. Такъ и сдѣлали сыны Израилевы. И далъ имъ Іосифъ колесницы, по приказанію Фараона, и далъ имъ путевой запасъ.

кв҃. И҆ всѣ́мъ дадѐ сꙋгꙋ́бы ри̑зы, Венїамі́нꙋ же дадѐ три́ста златни́цъ, и҆ пѧ́теры ри̑зы премѣ́нныѧ.

22. Каждому изъ нихъ онъ далъ перемѣну одеждъ, а Веніамину далъ триста сребренниковъ и пять перемѣнъ одеждъ.

кг҃ И҆ ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀ посла̀ та́кождє, и҆ де́сѧть ѻ҆слѡ́въ везꙋ́щихъ ѿ всѣ́хъ бла́гъ Е҆гѵ́петскихъ, и҆ де́сѧть мскѡ́въ везꙋ́щихъ хлѣ́бы на пꙋ́ть ѻ҆ц҃ꙋ̀ є҆гѡ̀.

23. Также и отцу своему послалъ десять ословъ, навьюченныхъ лучшими *произведеніями* Египетскими, и десять ослицъ, навьюченныхъ зерномъ, хлѣбомъ и припасами отцу своему на путь.

кд҃. И҆ ѿпꙋстѝ бра́тїю свою̀

24. И отпустилъ братьевъ

и҆ ѿидо́ша. и҆ речѐ и҆̀мъ: не гнѣ́вайтесѧ на пꙋтѝ.

к҃є. И҆зыдо́ша же и҆з̾ Є҆гѵ́пта, и҆ пріидо́ша въ зе́млю Ханаа́ню ко і҆а́кѡвꙋ ѻ҆ц҃ꙋ̀ свое́мꙋ.

к҃ѕ. И҆ повѣ́даша є҆мꙋ̀, глаго́люще: ꙗ҆́кѡ сн҃ъ тво́й і҆ѡ́сифъ жи́въ є҆́сть, и҆ ѻ҆́нъ владѣ́етъ над̾ все́ю землє́ю є҆гѵ́петскою. и҆ оу҆жасе́сѧ въ мы́сли і҆а́ковъ: не вѣ́роваше бо и҆̀мъ.

к҃з. Гл҃аша же є҆мꙋ̀ всѧ̑ рече́ннаѧ ѿ і҆ѡ́сифа, є҆ли̑ка речѐ и҆̀мъ: оу҆зрѣ́въ же колесни́цы, ꙗ҆̀же посла̀ і҆ѡ́сифъ, є҆́же взѧ́ти є҆го̀, ѡ҆живѐ дꙋ́хъ і҆а́кѡва ѻ҆ц҃а̀ и҆́хъ

к҃и. И҆ речѐ і҆и҃ль: вели́ко мѝ є҆сть [сїѐ], а҆́ще є҆щѐ і҆ѡ́сифъ сы́нъ мо́й жи́въ є҆́сть: шє́дъ, оу҆зрю̀ є҆го̀, пре́жде не́же оу҆мре́ти мѝ.

своихъ, и они пошли. И сказалъ имъ: не ссорьтесь на дорогѣ

25. И пошли они изъ Египта, и пришли въ землю Ханаанскую къ Іакову, отцу своему.

26. И извѣстили его, сказавъ: Іосифъ, сынъ твой живъ, и теперь владычествуетъ надъ всею землею Египетскою. Но сердце его смутилось; ибо онъ не вѣрилъ имъ.

27 Когда же они пересказали ему всѣ слова Іосифа, которыя онъ говорилъ имъ; и когда увидѣлъ колесницы, которыя прислалъ Іосифъ, чтобы везти его; тогда ожилъ духъ Іакова, отца ихъ.

28. И сказалъ Израиль: довольно (сего для меня), еще живъ сынъ мой Іосифъ; пойду и увижу его, пока не умру.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА Ѵ

а҃. Оу҆зрѣ́въ же наро́ды, взы́де на го́ру: и҆ сѣ́дшу є҆му̀, присту́пиша къ нему̀ оу҆чн҃цы є҆гѡ̀:

в҃. И҆ ѿве́рзъ оу҆ста̀ своѧ̑, оу҆ча́ше и҆̀хъ, гл҃ѧ:

г҃. Бл҃же́ни ни́щіи дꙋ́хомъ: ꙗ҆́кѡ тѣ́хъ є҆́сть црт҃віе нб҃ное.

д҃. Бл҃же́ни пла́чꙋщіи: ꙗ҆́кѡ ті́и оу҆тѣ́шатсѧ.

є҃. Бл҃же́ни кро́тцыи: ꙗ҆́кѡ ті́и наслѣ́дѧтъ зе́млю.

ѕ҃. Бл҃же́ни а҆лчꙋщіи и҆ жа́ждꙋщіи пра́вды: ꙗ҆́кѡ ті́и насы́тѧтсѧ.

з҃. Бл҃же́ни мл҃тивіи: ꙗ҆́кѡ ті́и поми́лован бꙋ́дꙋтъ.

и҃. Бл҃же́ни чи́стіи срд҃цемъ: ꙗ҆́кѡ ті́и Бг҃а оу҆́зрѧтъ.

ѳ҃. Бл҃же́ни миротво́рцы: ꙗ҆́кѡ ті́и сы́нове Бж҃іи нарекꙋ́тсѧ.

і҃. Бл҃же́ни и҆згна́ни пра́вды ра́ди: ꙗ҆́кѡ тѣ́хъ є҆́сть црт҃віе нб҃ное.

Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и, когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его.

2. И Онъ, отверзши уста свои, училъ ихъ, говоря:

3. Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царство небесное.

4. Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся.

5. Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю.

6. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся.

7. Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ.

8. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ.

9. Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божіими.

10. Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

а҃і. Бл҃же́ни є҆стѐ, є҆гда̀ поно́сѧтъ ва́мъ, и҆ и҆жденꙋ́тъ, и҆ рекꙋ́тъ всѧ́къ ѕо́лъ глаго́лъ на вы̀ лжꙋ́ще, менѐ ра́ди.

в҃і. Ра́дꙋйтесѧ и҆ весели́тесѧ, ꙗ҆́кѡ мзда̀ ва́ша мно́га на нб҃се́хъ: та́кѡ бо и҆згна́ша проро́ки, и҆̀же [бѣ́ша] пре́жде ва́съ.

г҃і. Вы̀ є҆стѐ со́ль земли̑: а҆́ще же со́ль ѡ҆бꙋѧ́етъ, чи́мъ ѡ҆соли́тсѧ; ни вочто́же бꙋ́детъ ктомꙋ̀, то́чїю да и҆зсы́пана бꙋ́детъ во́нъ, и҆ попира́ема чл҃вѣ́ки.

д҃і. Вы̀ є҆стѐ свѣ́тъ мі́ра: не мо́жетъ гра́дъ оу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀.

є҃і. Нижѐ вжига́ютъ свѣти́льника, и҆ поставлѧ́ютъ є҆го̀ подъ спꙋ́домъ, но на свѣщни́цѣ, и҆ свѣ́титъ всѣ́мъ, и҆̀же въ хра́минѣ [сꙋ́ть].

ѕ҃і. Та́кѡ да просвѣти́тсѧ свѣ́тъ ва́шъ пред чл҃вѣ́ки, ꙗ҆́кѡ да ви́дѧтъ ва́ша до́браѧ дѣла̀, и҆ просла́вѧтъ Ѻ҆ц҃а̀ ва́шего, и҆̀же на нб҃се́хъ.

з҃і. [Да] не мни́те, ꙗ҆́кѡ прїидо́хъ разори́ти зако́нъ,

11. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.

12. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ.

13. Вы соль земли. Если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ.

14. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы.

15. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ.

16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.

17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ

или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити:

или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

иі. Аминь бо глаголю вамъ: дондеже прейдетъ нбо и земля, іѡта єдина, или єдина черта не прейдетъ ѿ закона, дондеже вся будутъ.

18. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все.

ѳі. Иже аще разоритъ єдину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ црствіи нбнѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ црствіи нбнѣмъ.

19. И такъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей; тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ: а кто сотворитъ и научитъ; тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ.

к. Глю бо вамъ: яко аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарісей, не внидете въ црствіе нбное.

20. Ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царство небесное.

ка. Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не оубіеши: иже [бо] аще оубіетъ, повиненъ єсть суду.

21. Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. 20, 13).

кв. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ

22. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно

є҆́сть сꙋдꙋ̀: и҆́же бо а҆́ще ре-
че́тъ бра́тꙋ своемꙋ̀, рака̀:
пови́ненъ є҆́сть со́нмищꙋ: а҆
и҆́же рече́тъ; ѹ҆ро́де: пови́-
ненъ є҆́сть гее́ннѣ ѻ҆́гненнѣй.

кг҃. А҆́ще ѹ҆̀бо принесе́ши
да́ръ тво́й ко ѻ҆лтарю̀, и҆ тꙋ̀
помѧне́ши, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й
и҆́мать не́что на тѧ̀:

кд҃. Ѡ҆ста́ви тꙋ̀ да́ръ тво́й
пред̾ ѻ҆лтаре́мъ, и҆ше́дъ пре́-
жде смири́сѧ съ бра́томъ
твои́мъ, и҆ тогда̀ прише́дъ
принеси̇̀ да́ръ тво́й.

ке҃. Бꙋ́ди ѹ҆вѣща̀ва́ѧсѧ съ
сопе́рникомъ твои́мъ ско́рѡ,
до́ндеже є҆сѝ на пꙋтѝ съ ни́мъ:
да не преда́стъ тебе сопе́р-
никъ сꙋді́и, и҆ сꙋді́ѧ тѧ̀ пре-
да́стъ слꙋзѣ̀, и҆ въ темни́цꙋ
вве́рженъ бꙋ́деши.

кѕ҃. А҆ми́нь глаго́лю тебѣ̀:
не и҆зы́деши ѿтꙋ́дꙋ, до́ндеже
возда́си послѣ́днїй кодра́нтъ.

лг҃. Па́ки слы́шасте, ꙗ҆́кѡ
рече́но бы́сть дре́внимъ: не
во лжꙋ̀ клене́шисѧ, возда́си

подле́житъ суду; кто же
скажетъ брату своему: рака̀,
подлежитъ синедріону; а
кто скажетъ: безумный, по-
длежитъ гееннѣ огненной.

23. И такъ, если ты при-
несешь даръ твой къ жерт-
веннику, и тамъ вспомнишь,
что братъ твой имѣетъ что
нибудь противъ тебя;

24. Оставь тамъ даръ
твой предъ жертвенникомъ,
и пойди, прежде примирись
съ братомъ твоимъ, и тогда
прійди, и принеси даръ
твой.

25. Мирись съ соперни-
комъ твоимъ скорѣе, пока
ты еще на пути съ нимъ,
чтобы соперникъ не отдалъ
тебя судьѣ, а судья не
отдалъ бы тебя слугѣ, и
не ввергли бы тебя въ тем-
ницу.

26. Истинно говорю те-
бѣ: ты не выйдешь оттуда,
пока не отдашь до послѣд-
няго кодранта.

33. Еще слышали вы,
что сказано древнимъ: не
преступай клятвы, но ис-

же Гд҇еви кл҇твы твоѧ̑.

л҃д. А҆́зъ же глаго́лю ва́мъ не клѧ́тисѧ всѧ́кѡ: ни нб҇омъ, ꙗ҆́кѡ пр҇то́лъ є҆́сть Бж҇їй:

л҃є. Ни землёю, ꙗ҆́кѡ подно́жїє є҆сть нога́ма є҆гѡ̀: ни І҆ер҇ли́момъ, ꙗ҆́кѡ гра́дъ є҆сть вели́кагѡ цр҇ѧ̀.

л҃ѕ. Нижѐ главо́ю твоє́ю клени́сѧ, ꙗ҆́кѡ не мо́жеши вла́са є҆ди́нагѡ бѣ́ла и҆лѝ чє́рна сотвори́ти.

л҃з. Бꙋ́ди же сло́во ва́ше, є҆́й, є҆́й: ни҆̀, ни҆̀: ли́шше же сеѭ̀, ѿ непрїѧ́зни є҆́сть.

л҃и. Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но бы́сть: ѻ҆́ко за ѻ҆́ко, и҆ зꙋ́бъ за зꙋ́бъ.

л҃ѳ. А҆́зъ же гл҇ю ва́мъ не проти́витисѧ ѕлꙋ̀: но а҆́ще тѧ̀ кто̀ оу҆да́ритъ въ деснꙋ́ю твоѭ̀ лани́тꙋ, ѡ҆братѝ є҆мꙋ̀ и҆ дрꙋгꙋ́ю:

м҃. И҆ хотѧ́щемꙋ сꙋди́тисѧ съ тобо́ю, и҆ ри́зꙋ твоѭ̀ взѧ-

полняй предъ Господомъ клятвы твои. (Лев. 19,12. Второз. 23, 21).

34. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій;

35. Ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя.

36. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ.

37. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго.

38. Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. (Исх. 21, 24).

39. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

40. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять

ти, ѿпꙋстѝ є҆мꙋ̀ и҆ срачи́цꙋ:

м҃а. И҆ а҆́ще кто̀ тѧ̀ пои́метъ по си́лѣ по́прище є҆ди́но, и҆дѝ съ ни́мъ два̀.

м҃в. Просѧ́щемꙋ ѹ҆ тебѐ да́й: и҆ хотѧ́щаго ѿ тебѐ заѧ́ти, не ѿвратѝ.

м҃г. Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но є҆́сть: возлю́биши и҆́скреннѧго твоего̀, и҆ возненави́диши врага̀ твоего̀.

м҃д. А҆́зъ же глаго́лю ва́мъ: люби́те врагѝ ва́шѧ, блг҃ви́те клнꙋ́щыѧ вы̀, добро̀ твори́те ненави́дѧщымъ ва́съ, и҆ моли́тесѧ за творѧ́щихъ ва́мъ напа́сть, и҆ и҆згонѧ́щыѧ вы̀:

м҃є. Ꙗ҆́кѡ да бꙋ́дете сн҃ове Ѿц҃а̀ ва́шегѡ, и҆́же є҆́сть на нб҃се́хъ, ꙗ҆́кѡ сл҃нце своѐ сїѧ́етъ на ѕлы́ѧ и҆ бл҃гі́ѧ, и҆ дожди́тъ на прв҃ныѧ и҆ на непра́ведныѧ.

м҃ѕ. А҆́ще бо лю́бите любѧ́щихъ ва́съ, кꙋ́ю мздꙋ̀ и҆́мате; не и҆ мыта́ри ли то́жде творѧ́тъ;

м҃з. И҆ а҆́ще цѣлꙋ́ете дрꙋ́ги

у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

41. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

42. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего. (Лев. 19, 17. 18).

44. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ, и гонящихъ васъ;

45. Да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

47. И если вы привѣт-

ва́шѧ то́кмѡ, что̀ ли́шше творитѐ; не и҆ ꙗ҆зы́чницы ли та́кожде творѧ́тъ;

ствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

м҃и. Бꙋ́дите ꙋ҆̀бо вы̀ совершє́ни, ꙗ҆́коже Ѻ҆ц҃ъ ва́шъ нбⷭ҇ный соверше́нъ є҆́сть.

48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

ПСАЛОМЪ CIII.

а҃. Бл҃гословѝ дꙋшѐ моѧ̀ Гдⷭ҇а. Гдⷭ҇и Бж҃е мо́й, возвели́чилсѧ є҆сѝ ѕѣлѡ̀: во и҆сповѣ́данїе и҆ в̾ велелѣ́потꙋ ѡ҆блє́клсѧ є҆сѝ.

Благослови, душе моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ.

в҃. Ѡ҆дѣ́ѧйсѧ свѣ́томъ ꙗ҆́кѡ ри́зою, простира́ѧй нб҃о ꙗ҆́кѡ ко́жꙋ:

2. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ;

г҃. Покрыва́ѧй вода́ми превы́спреннѧѧ своѧ̀, полага́ѧй ѻ҆́блаки на восхожде́нїе своѐ, ходѧ́й на крилꙋ̀ вѣ́трєню:

3. Устрояешь надъ водами горніе чертоги Свои, дѣлаешь облака Своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра.

д҃. Творѧ́й А҆́гг҃лы своѧ̀ дх҃и, и҆ слꙋги̑ своѧ̀ пла́мень ѻ҆́гненный:

4. Ты творишь ангелами Своими духовъ, служителями Своими — огонь пылающій.

е҃. Ѡ҆снова́ѧй зе́млю на тве́рди є҆ѧ̀: не преклони́тсѧ

5. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не

въ вѣкъ вѣка.

ѕ҃. Бе́здна, ꙗ҆́кѡ ри́за ѡ҆дѣ́ѧнїе є҆ѧ̀, на гора́хъ ста́нꙋтъ во́ды:

з҃. Ѿ запреще́нїѧ твоегѡ̀ побѣ́гнꙋтъ, ѿ гла́са гро́ма твоегѡ̀ оу҆боѧ́тсѧ.

и҃. Восхо́дѧтъ го́ры, и҆ низхо́дѧтъ полѧ̀, въ мѣ́сто є҆́же ѡ҆снова́лъ є҆сѝ и҆̀мъ.

ѳ҃. Предѣ́лъ положи́лъ є҆сѝ, є҆гѡ́же не пре́йдꙋтъ, нижѐ ѡ҆братѧ́тсѧ покры́ти зе́млю.

і҃. Посыла́ѧй и҆сто́чники въ де́брехъ, посредѣ̀ го́ръ про́йдꙋтъ во́ды.

а҃і. Напаѧ́ютъ всѧ̀ ѕвѣ́ри се́лныѧ, ждꙋ́тъ ѻ҆на́гри въ жа́ждꙋ свою̀.

в҃і. На ты́хъ пти́цы нбⷭ҇ныѧ привита́ютъ: ѿ среды̀ ка́менїѧ дадѧ́тъ гла́съ.

г҃і. Напаѧ́ѧй го́ры ѿ превы́спреннихъ свои́хъ: ѿ плода̀ дѣ́лъ твои́хъ насы́титсѧ землѧ̀.

д҃і. Прозѧба́ѧй травꙋ̀ ско-

поколеблется она въ вѣки и вѣки.

6. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ Ты се; на горахъ стоятъ воды.

7. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ онѣ, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ.

8. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ.

9. Ты положилъ предѣлъ, котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю.

10. Ты послалъ источники въ долины, между горами текутъ (воды).

11. Поятъ всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикіе ослы утоляютъ жажду свою.

12. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ.

13. Ты напояешь горы съ высотъ Своихъ, плодами дѣлъ Твоихъ насыщается земля.

14. Ты произращаешь

тѡ́мъ, и҆ ѕла́къ на слꙋ́жбꙋ чл҃вѣ́кѡмъ, и҆зведѐти хлѣ́бъ ѿ земли̑:

е҃і. И҆ вїно̀ весели́тъ се́рдце человѣ́ка, ѡ҆ума́стити лицѐ є҆ле́емъ: и҆ хлѣ́бъ се́рдце человѣ́ка ѹ҆крѣпи́тъ.

ѕ҃і. Насы́тѧтсѧ древа̀ по́льскаѧ, ке́дри Лїва́нстїи, и҆̀хже є҆сѝ насади́лъ:

з҃і. Та́мѡ пти̑цы вогнѣ́здѧтсѧ, є҆рѡді́єво жили́ще предводи́телствꙋетъ и҆́ми.

и҃і. Го́ры высѡ́кїѧ є҆ле́немъ, ка́мень прибѣ́жище за́ѧцемъ.

ѳ҃і. Сотвори́лъ є҆́сть лꙋ́нꙋ во времена̀: со́лнце позна̀ за́падъ сво́й.

к҃. Положи́лъ є҆сѝ тмꙋ̀, и҆ бы́сть но́щь, въ не́йже про́йдꙋтъ вси̑ ѕвѣ́рїе дꙋбра́внїи,

к҃а. Скѵ́мни рыка́ющїи восхи́тити, и҆ взыска́ти ѿ Бг҃а пи́щꙋ себѣ̀.

к҃в. Возсїѧ̀ со́лнце, и҆ собра́шасѧ, и҆ въ ло́жахъ свои́хъ лѧ́гꙋтъ.

траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвесть изъ земли пищу.

15. И вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка.

16. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ;

17. На нихъ гнѣздятся птицы: ели — жилище аисту,

18 Высокія горы — сернамъ; каменные утесы — убѣжище зайцамъ.

19 Онъ сотворилъ луну для *указанія* временъ, солнце знаетъ свой западъ.

10. Ты простираешь тьму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри;

11. Львы рыкаютъ о добычѣ, и просятъ у Бога пищу себѣ.

12. Восходитъ солнце, (и) они собираются и ложатся въ свои логовища.

кг. И҆зы́детъ человѣ́къ на дѣ́ло своѐ, и҆ на дѣ́ланіе своѐ до ве́чеоа.

кд. Ꙗ҆́кѡ возвели́чишасѧ дѣла̀ твоѧ̑ Гд҇и: всѧ̑ премꙋ́дростїю сотвори́лъ є҆сѝ: и҆спо́лнисѧ землѧ̀ тва́ри твоеѧ̀.

ке. Сїѐ мо́ре вели́кое и҆ простра́нное: та́мѡ га́ди, и҆̀хже нѣ́сть числа̀, живѡ́тнаѧ ма̑лаѧ съ вели̑кими:

кѕ. Та́мѡ корабли̑ препла́ваютъ, ѕмі́й се́й, є҆го́же созда́лъ є҆сѝ рꙋга́тисѧ є҆мꙋ̀.

кз. Всѧ̑ къ тебѣ̀ ча́ютъ, да́ти пи́щꙋ и҆̀мъ во бл҃го вре́мѧ.

ки. Да́вшꙋ тебѣ̀ и҆̀мъ, соберꙋ́тъ: ѿве́рзшꙋ тебѣ̀ рꙋ́кꙋ, всѧ́ческаѧ и҆спо́лнѧтсѧ бл҃гости:

кѳ. Ѿвра́щшꙋ же тебѣ̀ лицѐ, возмѧтꙋ́тсѧ: ѿи́меши дꙋ́хъ и҆́хъ, и҆ и҆сче́знꙋтъ, и҆ въ пе́рсть свою̀ возвратѧ́тсѧ.

л. По́слеши Дꙋ́ха твоего̀, и҆ сози́ждꙋтсѧ, и҆ ѡ҆бнови́ши лицѐ земли̑.

13. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера.

14. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все создалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ.

15. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими;

16. Тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ.

17. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время.

18. Даешь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ;

19. Сокроешь лице Твое, мятутся, отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ персть свою возвращаются;

20. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли.

л҃а. Бꙋ́ди сла́ва Гд҇нѧ во вѣ́ки: возвесели́тсѧ Гдь ѿ дѣлѣ́хъ свои́хъ:

л҃в. Призира́ѧй на зе́млю, и҆ творѧ́й ю҆̀ трѧсти́сѧ: прикаса́ѧйсѧ гора́мъ, и҆ дымѧ́тсѧ.

л҃г. Воспою̀ Гдеви въ животѣ̀ мое́мъ, пою̀ Бгꙋ моемꙋ̀, до́ндеже є҆́смь:

л҃д. Да оу҆сл҃ади́тсѧ є҆мꙋ̀ бесѣ́да моѧ̀, а҆́зъ же возвеселю́сѧ ѡ҆ Гдѣ.

л҃е. Да исчє́знꙋтъ грѣ́шницы ѿ землѝ, и҆ беззако́нницы, ꙗ҆́коже не бы́ти и҆̀мъ. бл҃гослови̇̀ дꙋшѐ моѧ̀ Гда.

21. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ!

22. Призираетъ на землю, и она трясется; прикасается къ горамъ, и дымятся.

23. Буду пѣть Господу во *всю* жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь.

24. Да будетъ благопріятна Ему пѣснь моя; буду веселиться о Господѣ.

25. Да исчезнутъ грѣшники съ земли, и беззаконныхъ да не будетъ болѣе. Благослови, душа моя Господа! Аллилуія!

734

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЁТЪ.

ДРОБИ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

—

1111.

Читать справа влѣво: одна единица, одинъ десятокъ, одна сотня, одна тысяча.

Десятокъ — это десять единицъ.

Сотня — это десять десятковъ и сто единицъ.

Тысяча — это десять сотенъ и тысяча единицъ,

1111.

Читать слѣва вправо: одна тысяча, одна сотня, одинъ десятокъ, одна единица.

Одна сотня — это десятая часть тысячи.

Десятокъ — это десятая часть сотни и сотая часть тысячи.

Единица—это десятая часть десятка, сотая часть сотни и тысячная часть тысячи.

5398.

Можно прочесть справа влѣво: 8 единицъ, 9 десятковъ, 3 сотни и 5 тысячъ.

И можно прочесть слѣва вправо: 5 единицъ, 3 десятыя части единицы, 9 сотыхъ частей единцы, и 8 тысячныхъ частей.

Если считать справа влѣво, — это счётъ цѣлыми числами, а если считать слѣва вправо,—это счётъ дробями.

73890—цѣлое число.

9 десятковъ, 8 сотенъ, 3 тысячи и 7 десятковъ тысячъ.

0,7389—дробь.

7 десятыхъ, 3 сотыхъ, 8 тысячныхъ и 9 десятитысячныхъ.

Если считаешь вмѣстѣ и справа и слѣва, дробями и цѣлыми числами, то надо замѣтить запятою, по какихъ поръ считаешь справа влѣво цѣлыми, и по какихъ поръ слѣва вправо дробями.

18,35 значитъ, что 18 считать справа влѣво цѣлыми: 8 единицъ и 1 десятокъ. А 35 считать слѣва вправо дробями: 3 десятыхъ и 5 сотыхъ.

236,004 значитъ, что три цифры слѣва надо считать справа влѣво. Будетъ 236 единицъ. А 004 слѣва вправо. Будетъ 0 десятыхъ, 0 сотыхъ, 4 тысячныхъ.

Если написано 53980 цѣлыхъ, то можно выговорить: 80 простыхъ, 9 сотенъ, 3 тысячи, и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 980 простыхъ, 3 ты-

сячи и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 3980 простыхъ и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 53 тысячи 980 простыхъ. Всегда такъ и выговариваютъ.

Если написано: 0,5398 дробями, то можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5 десятыхъ, 3 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 53 сотыхъ, 9 тысячныхъ, и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 539 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5398 десятитысячныхъ.

Всегда такъ и выговариваютъ.

Прочесть

0,53 . 0,678 . 0,107 0,02 . 4,03507.

Въ цѣлыхъ числахъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ лѣвой стороны: число не измѣнится.

Въ дробяхъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ правой стороны — число не измѣнится.

1,235 = 1,23500

0,45 = 0,45000000.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ цѣлыя.

Тысячныя складываются съ тысячными, и когда наберется 10 тысячныхъ, то дѣлается одна сотая; а наберется 10 сотыхъ — дѣлается 1 десятая; а наберется 10 десятыхъ — дѣлается одна цѣлая.

Точно также вычитаются тысячныя изъ тысячныхъ, сотыя изъ сотыхъ, десятыя изъ десятыхъ. И если недостанетъ тысячныхъ, то одну сотую раскладываютъ на 10 тысячныхъ; а недостанетъ сотыхъ, то 1 десятую раскладываютъ на 10 сотыхъ; а не достанетъ десятыхъ, то одну цѣлую раскладываютъ на 10 десятыхъ.

Сложить:

2,0358 + 8,4098

$$\begin{array}{r} 2{,}0358 \\ +\ 8{,}4098 \\ \hline 10{,}4456 \end{array}$$

1893,004 + 0,99756

$$\begin{array}{r} 1893{,}00400 \\ +\ 0000{,}99756 \\ \hline 1894{,}00156 \end{array}$$

Вычесть:

3,004 — 1,895 3,004 = 2,9*4
1,895
1,109

2,3—1,05678 2,3 = 2,30000
2,30000 = 2,2999*
— 1,05678
1,24322

Сложить:

538,0879 + 36,569 0,0053 + 0,9008
0,9999+0,1111+4,147 2491+8,14+0,45

Вычесть:

3,235—0,4569. 4,005 — 0,873.
7—1,9835 10,0006—6,3508.

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Десятичныя дроби помножаются и дѣлятся на *цѣлыя* числа точно также, какъ и простыя числа; надо только помнить, какой разрядъ помножаешь или дѣлишь.

Помножить

3,47 × 6 = 3 × 6 = 18
0,4 × 6 = 2,4
0,07 × 6 = 0,42
20,82

Раздѣлить: 20,82 : 6

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,0; всѣхъ 18
Изъ 02,82 на 6 частей по 0,4; всѣхъ 2,4
Изъ 00,42 на 6 частей по 0,07; всѣхъ 0,42

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,47; всѣхъ 20,82.

Можно и просто множить и дѣлить такъ:

```
   6,25
  ×31
   6,25
 187,50
 193,75
```

30 разъ 5 сотыхъ будетъ 150 сотыхъ.
30 разъ 2 десятыхъ будетъ 60 десятыхъ.

```
193,75| 31
186,00| 6,0
  7,75| 0,2
  6,20| 0,05
  1,55
  1,55
  0,00
```

193 цѣлыхъ на 31 часть будетъ по 6 цѣлыхъ.
77 десятыхъ на 31 часть будетъ по 2 десятыхъ.
155 сотыхъ на 31 часть будетъ по 5 сотыхъ.

Всякія числа помножаютъ на десятичныя дроби также, какъ на цѣлыя числа; только когда помножаешь цѣлое число, то, если помножишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ больше, и пишешь въ другой разрядъ на лѣво; напримѣръ: 3 × 20 выходитъ не 6, а 60; а когда множишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ меньше и пишешь въ другой разрядъ направо:

3 × 0,2 выходитъ не 6, а 0,6.

Когда множишь на сотни цѣлаго числа, то выходитъ въ 100 разъ больше, и пишешь въ 3-й разрядъ на лѣво:

3 × 200 выходитъ не 6, а 600.

А когда множишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ меньше, и пишешь въ 3-й разрядъ на право:

3 × 0,02 выходитъ не 6, а 0,06; и т. д.

Когда множишь 30 на 20 цѣлыхъ, то выходитъ не 60, а въ 10 разъ болѣе, 600.

Когда множишь 0,3 на 0,2 (три десятыхъ на двѣ десятыхъ), то выходитъ не 0,6, а въ 10 разъ меньше 0,06.

Когда множишь 600 на 500, то выходитъ не 3000, а въ 100 разъ больше, 300000.

Когда множишь 0,06 на 0,05, то выходитъ не 0,30, а въ въ 100 разъ меньше 0,0030 (тридцать десятитысячныхъ).

Дѣлятъ на дроби точно также, какъ на цѣлыя числа, только когда дѣлишь на цѣлыя, то, если дѣлишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ меньше; если на сотни, то въ 100 разъ меньше, и т. д.; а когда дѣлишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ больше; когди дѣлишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ больше; и т. д.

Если дѣлишь 60 на 20, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ меньше, 3

Если дѣлишь 60 на 0,2, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ больше, 300.

Если дѣлишь 600 на 200, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ меньше, 3

Если дѣлишь 600 на 0,02, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ больше, 30000.

Когда приходится вычитать 0,35 изъ 2 единицъ, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ; точно также, когда приходится дѣлить 2 единицы на 0,35, надо 2 единицы написать 2,00 двѣсти сотыхъ, и дѣлить сотыя.

Раздѣлить 1 на 0,05 значитъ раздѣлить 1,00:0,05; 100 сотыхъ раздѣлить на 5, будетъ 20 сотыхъ. Въ сто разъ больше—будетъ 20 единицъ.

Десятичныя дроби на десятичныя множатся какъ цѣлыя числа, и точно также можно начинать умноженіе съ самаго большаго или съ самаго мелкаго разряда. Чтобы скорѣе дѣлать умноженіе дробей, надо подписывать единицы подъ единицами, десятыя подъ десятыми, сотыя подъ сотыми, и т. д., и начинать съ самаго мелкаго разряда.

Примѣръ умноженія.

	Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки	Единицы.	Десятыя.	Сотыя.	Тысячныя.	Десятитысячныя.	Стотысячныя.	Милліонныя.
Цѣлыя				6	7	8	4						
			×		3	5	6						
			4	0	7	0	4						
		3	3	9	2	0							
	2	0	3	5	2								
	2	4	1	5	1	0	4						
Дроби							6,	7	8	4			
						×	3,	5	6				
								4	0	7	0	4	
							3,	3	9	2	0		
						2	0,	3	5	2			
						2	4,	1	5	1	0	4	

6 разъ 4 тысячныхъ было бы 24 тысячныхъ: но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ—24 стотысячныхъ.

6 разъ 8 сотыхъ было бы 48 сотыхъ; но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ 48 десятитысячныхъ, и т. д.

5 разъ 4 тысячныхъ было бы 20 тысячныхъ; но 5 десятыхъ въ 10 разъ меньше, стало быть будетъ 20 десятитысячныхъ, и т. д.

Раздѣлить:

Цѣлыя

```
32824815|6789
27156000|4000
 5668815  800
 5431200   30
  237615    5
  203670
   33945
   33945
   00000
```

Дроби.

```
32,824815|6,789
27,156   |4,835
 5,668815
 5,4312
 0,237615
 0,20367
 0,033945
 0,033945
 0,000000
```

Я дѣлю 32824 тысячныя на 6789 тысячныхъ. У меня выйдутъ не тысячныя, а въ 1000 разъ больше—цѣлыя.

Я дѣлю 56688 десятитысячныхъ на тысячныя — выйдутъ въ 1000 разъ больше—десятыя.

Я дѣлю стотысячныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—сотыя.

Я дѣлю миллионныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—тысячныя.

Помножить:

1564,893 × 0,5 536,03 × 0,698
10,006 × 15,181 99,161 × 0,007

Раздѣлить:

0,5315 : 0,67 2,5689 : 7,079
47, 578 : 0,0748

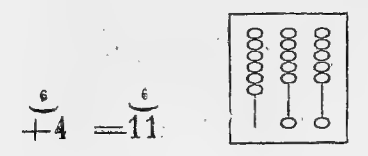
РАЗНЫЯ СЧИСЛЕНІЯ.

Цѣлыя числа почти всегда считаютъ десятками; но можно считать пятками, парами, тройками, дюжинами, полдюжинами, и какимъ хочешь счётомъ Чтобы считать не десятками, можно счёты сдѣлать не такъ, какъ всегда ихъ дѣлаютъ.

Если хочешь считать полдюжинами, то сними съ каждаго ряда счётовъ по 4 кости и оставь 6. Тогда можно, чтó хочешь, считать не въ десятичномъ, а въ шестичномъ счётѣ.

Надо сложить 3 да 4 въ шестичномъ счётѣ. Какъ наберётся 6, скинь всѣ и положи одинъ шестерикъ

3+4 въ шестичномъ счётѣ выйдетъ такъ.



Надо вычесть изъ одного шестирика и одной простой — 4. Скинь одну и разложи шестерикъ на 6 Скинь три, которыхъ недостало; останется 3.

$$\overbrace{11}^{6}-\overbrace{4}^{6}=\overbrace{3}^{6}$$

Точно также можно считать въ какомъ хочешь счисленіи: въ семичномъ, въ 25-тичномъ, въ девятичномъ, въ 113-тичномъ.

Только надо помнить, что, въ какомъ считаешь счисленіи, то въ столько разъ каждый разрядъ влѣво больше разряда вправо. Если считаешь въ семичномъ счисленіи, то первый разрядъ будутъ единицы, 2-й разрядъ влѣво будутъ семерики, 3-й разрядъ влѣво будутъ $7 \times 7 = 49$, 4-й разрядъ будетъ $49 \times 7 = 343$; и т. д.

Если въ пятичномъ счисленіи, то разряды будутъ такіе: 1-й разрядъ—единицы; 2-й разрядъ 5; 3-й разрядъ 25; 4-й разрядъ 125 и т. д.

Въ шестичномъ счисленіи сложить:

$$\overbrace{35204}^{6} \text{ и } \overbrace{45120}^{6}$$

$$\begin{array}{r} \overbrace{35204}^{6} \\ +45120 \\ \hline 124324 \end{array}$$

Въ девятичномъ счисленіи сложить:

$$\overbrace{87056}^{9}+\overbrace{71587}^{9}$$

$$\begin{array}{r} 87056 \\ 71587 \\ \hline 168654 \end{array}$$

Въ шестичномъ вычесть:

$$\overset{6}{124324} - \overset{6}{45120}$$

$$\begin{array}{r} 45120 \\ \hline 35204 \end{array}$$

Въ девятичномъ вычесть

$$\overset{9}{168654} - \overset{9}{71587}.$$

$$\begin{array}{r} 71587 \\ \hline 87056 \end{array}$$

Сложить въ двоичномъ счисленіи:

$$\overset{2}{10110} + \overset{2}{101011}$$

въ восьмичномъ:

$$\overset{8}{75432} + \overset{8}{63154}$$

въ четверичномъ:

$$\overset{4}{321\ 03} + \overset{4}{3102}$$

$$\overset{5}{40321} - \overset{5}{34234}.$$

Вычесть:

$$\overset{7}{60054} - \overset{7}{44365}$$

Для того, чтобы считать въ счисленіяхъ больше 10 цифрами, надо для 10, 11, 12, 13, 14, и т. д. придумать особые знаки, такъ чтобы знаки эти помѣща-

лись не на двухъ мѣстахъ, а на одномъ мѣстѣ. На счётахъ, если сдѣлать счёты съ 17, 20 и болѣе костями, можно считать въ какомъ хочешь счисленіи, только надо помнить, что, если считаешь въ 17-тичномъ счисленіи, то каждая кость ряда влѣво считает въ 17 разъ больше каждой кости ряда вправо.

Можно считать во всякомъ счисленіи и дробями.

Если написать $\overbrace{3,2}^{6}$, то это значитъ—первая цифра слѣва есть единицы, вторая цифра дроби въ 6 разъ меньше единицы. $\overbrace{3,2}^{6}$, значитъ 3 единицы и 2 шестыхъ.

Дроби въ разномъ счисленіи считаются также, какъ и дроби въ десятичномъ счисленіи.

Если надо сложить въ шестичномъ счисленіи $\overbrace{0,3}^{6}$ и $\overbrace{0,5}^{6}$, то выйдетъ $\overbrace{1,2}^{6}$. Если надо вычесть въ семичномъ счисленіи $\overbrace{1,2}^{7} - \overbrace{0,4}^{7}$, то выйдетъ $\overbrace{0,5}^{7}$.

Если надо помножить въ десятичномъ счисленіи 2 на $\overbrace{0,3}^{9}$, то $2 \times \overbrace{0,3}^{9}$ будетъ 6 въ 9 разъ меньше, $2 \times \overbrace{0,3}^{9} = \overbrace{0,6}^{9}$. Если надо помножить $\overbrace{0,2}^{9}$ на $\overbrace{0,3}^{9}$, то будетъ не 6 девятыхъ, а въ 9 разъ меньше, 6-ть 81-хъ, $= \overbrace{0,06}^{9}$.

$$\overbrace{0,2}^{9} \times \overbrace{0,3}^{9} = \overbrace{0,06}^{9}.$$

Если надо раздѣлить 8 на $\overbrace{0,4}^{11}$ то выйдетъ не 2, а 2 въ 11 разъ болѣе, т. е. 22. $8 : \overbrace{0,4}^{11} = 22$.

Если надо раздѣлить $\overbrace{0,8}^{11} : \overbrace{0,2}^{11}$ то выйдетъ не $\overbrace{0,4}^{11}$, а въ 11 разъ больше = 4 цѣлыхъ.

Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи, и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутся всегда такъ: 0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ), и т. д. А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовётся *знаменателемъ*. А самое число, что́ пишется на верху, зовётся *числителемъ*. Вотъ такъ: $\frac{5}{11}$. 5—числитель, а 11 знаменатель, и выговаривается: пять одинадцатыхъ.

$\frac{1}{2}$ одна вторая.

$\frac{7}{15}$ — семь пятнадцатыхъ.

$\frac{221}{367}$ двѣсти двадцать одна тристашестьдесятъседьмая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переименованіе дробей.

Для того, чтобы считать дробями, надо умѣть передѣлывать числа изъ одного счисленія въ другое, и такъ, чтобы числа не становились ни больше, ни меньше, а только цифры перемѣнялись.

$$1 = \frac{2}{2} = \frac{3}{3} = \frac{4}{4} = \frac{5}{5} = \frac{6}{6} = \frac{7}{7} = \frac{8}{8} = \ldots \frac{115}{115}.$$

$$2 = \frac{4}{2} = \frac{8}{4} = \frac{16}{8} = \ldots \frac{1000}{500}$$

$$10 = \frac{20}{2} = \frac{50}{5} = \frac{60}{6} = \ldots \frac{1000}{100}$$

$$\frac{1}{2} = \frac{3}{6} = \frac{5}{10} = \frac{6}{12} = \frac{7}{14} = \frac{9}{18} = \frac{10}{20} = \ldots \frac{33}{66}$$

$$\frac{2}{3} = \frac{6}{9} = \frac{8}{12} = \ldots \frac{92}{138}.$$

$$\frac{7}{15} = \frac{21}{45} = \frac{42}{90} = \ldots \frac{630}{1350}.$$

$$\frac{100}{800} = \frac{10}{80} = \frac{5}{40} = \frac{1}{8}.$$

Числа можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое. Чтобы передѣлывать числа изъ крупнаго счисленія въ мелкое,— надо въ сколько-нибудь разъ увеличить счисленіе и въ столько же разъ увеличить число.

Если хочешь изъ мелкаго счисленія переводить въ крупное, то надо въ сколько-нибудь разъ уменьшить счисленіе и въ столько же разъ уменьшить число.

Если я хочу двѣ десятыя перевести въ счисленіе въ десять разъ мельче, то вмѣсто десятыхъ будутъ въ 10 разъ мельче части—сотыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 10 разъ больше частей—20.

$$0{,}2 = 0{,}20 \qquad \frac{2}{10} = \frac{20}{100}$$

Если я хочу $\frac{2}{3}$ перевесть въ счисленье въ 7 разъ мельче, то вмѣсто 3-ихъ будутъ въ 7 разъ мельче части—21-ыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 7 разъ больше частей—14.

Если я хочу 0,30 сотыхъ перевести въ счиленіе въ 10 разъ крупнѣе, то вмѣсто сотыхъ будутъ десятыя—въ 10 разъ крупнѣе сотыхъ, а вмѣсто 30-ти будетъ въ десять разъ меньше частей—3

$$0{,}30 = 0{,}3 = \frac{30}{100} = \frac{3}{10}.$$

Если я хочу $\frac{50}{75}$ перевести въ счисленіе въ 25 разъ крупнѣе, то вмѣсто 75-хъ будутъ третьи, а вмѣсто 50 частей будетъ въ 25 разъ меньше частей—2

$$\frac{50}{75} = \frac{2}{3}.$$

Чтобы переводить изъ одного счисленія въ другое, надо и числителя и знаменателя множить или дѣлить на то число, въ сколько разъ то счисленіе, въ какое хочешь перевесть, крупнѣе или мельче того, въ какомъ было число.

7 перевести въ 6 разъ мельче счисленіе.

$$7 = \frac{7 \times 6}{1 \times 6} = \frac{42}{6}.$$

$$\frac{7}{8} = \frac{7 \times 6}{8 \times 6} = \frac{42}{48}.$$

$\frac{5}{11}$ сдѣлать въ 13 разъ мельче; $\frac{5 \times 13}{11 \times 13} = \frac{65}{143}$

$\frac{8}{12}$ сдѣлать въ 4 раза крупнѣе.

$$\frac{8 : 4}{12 : 4} = \frac{2}{3}$$

$\frac{81}{144}$ сдѣлать въ 9 разъ крупнѣе. $\frac{81 : 9}{144 : 9} = \frac{9}{16}$.

Изъ крупнаго счисленія можно перевести всякую дробь въ какое хочешь болѣе мелкое счисленіе, потому что у всякой дроби можно помножить числителя и знаменателя на тоже число; но изъ мелкаго въ крупное счисленіе нельзя перевести всякую дробь, потому что надо, чтобъ числитель и знаменатель дѣлились на одно и тоже число безъ остатка, а не во всякой дроби числитель и знаменатель дѣлятся на одно и тоже число безъ остатка.

Въ $\frac{3}{6}$ и числитель и знаменатель дѣлится на 3, а въ $\frac{3}{8}$ числитель дѣлится на 3, а знаменатель не дѣлится; знаменатель дѣлится на 4 и на 2, а числитель не дѣлится.

Чтобы знать, какія дроби можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное, надо знать, какія числа на какія дѣлятся безъ остатка.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 2, надо только счесть, дѣлятся ли единицы на два. Если единицы дѣлятся, то, какое бы число большое ни было, оно всё дѣлится на два; потому что каждый десятокъ дѣлится на два, и каждая сотня, и каждая тысяча, каждый десятокъ тысячи, и всѣ другія разряды, сколько бы ихъ ни было.

$2 \times 221 = 442.$

221 не сравнялось съ 306, а перешло его па (442—306 =) 136.

Сколько разъ взять 221, чтобъ недостало, и сколько разъ взять, чтобъ перешло?

(1 лин.) 1×306 и 1×221—недостало 85.

(2 лип.) 1×306 и 2×221—лишнія 136.

Равняй лишки съ недостатками.

Недостатки съ лишками не сравняются.

Сколько разъ повторить первую линейку и вторую линейку, чтобъ было недостатковъ больше лишковъ?

Два раза первую и одинъ разъ вторую.

(2 раза 1-я лин.) 2×306 и 2×221 нед. $85 + 85 = 170.$
(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.

(3 лин.) Сложи: 3×306 и 4×221 недост. 34.

Сколько разъ повторить 1-ю и 2-ю линейку, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ?

Одинъ разъ вторую и одинъ разъ первую.

(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136
(1-я линейка) 1×306 и 1×221 недостатк. 85.

(4 лин.) Слож.: 2×306 и 3×221 лишковъ 51.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобъ недостатковъ было больше лишковъ? Два раза 3-ю линейку и одинъ разъ 4-ю линейку.

(2 раза 3-я лин.) 6×306 и 8×221 нед. $34 + 34 = 68.$
(4-я линейка) 2×306 и 3×221 лишк. 51.

(5-я лин.) Сложи: 8×306 и 11×221 недост. 17

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобы лишковъ было больше недостатковъ? Одинъ разъ 4-ю, и одинъ разъ 3-ю линейку

2×306 и 3×221 — лишковъ 51.
3×306 и 4×221 — недост. 34.

(6 лин.) Сложить: 5×306 и 7×221 — лишковъ 17.

Равняй 5-ю и 6-ю линейки:

(5-я линейка) 8×306 и 11×221; недостатк. 17.
(6-я линейка) 5×306 и 7×221; лишковъ 17.

Сложить 13×306 и 18×221 — сравнялось.

943 и 345.

(1 лин.) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 лин.) 1×943 и 3×345 лишковъ 92.

Чтобъ больше было недостатковъ, надо взять одинъ разъ первую линейку и два раза вторую.

(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 раза 2-я лин.) 2×943 и 6×345 лиш. 92+92=184.

(3 лин.) Слож.: 3×943 и 8×345 недостанетъ = 69.

Чтобъ больше было лишковъ, надо взять 3 раза вторую линейку и одинъ разъ первую линейку.

(3 раза 2-я лин.) 3×943 и 9×345 лишк. 276.
(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостатк. 253.

(4-я лин.) Слож.: 4×943 и 11×345 лишнихъ 23.

Сравнять лишки и недостатки. 3-ю линейку взять одинъ разъ, и 4-ю линейку взять 3 раза.

(3-я линейка) 3×943 и 8×345 недостатковъ 69.
(3 раза 4-я лин.) 12×943 и 33×345 лишк. 69.

Сложить 15×943 и 41×345 — сравнялось.

Сравнять: 15379 и 4459.

1 × 15379 и 3 × 4459 недост. 2002			1 × 15379 и 4 × 4459 лишк 2457		
(2 раза 1-я л.)	2 × 15379 и 6 × 4459 н.	4004	(2-я лин.)	1 × 15379 и 4 × 4459 л.	2457
(2-я лин.)	1 × 15379 и 4 × 4459 л.	2457	(1-я лин.)	1 × 15379 и 3 × 4459 н.	2002
(3 лин.) Слож.	3 × 15379 и 10 × 4459 н.	1547	(4 л.) Слож.	2 × 15379 и 7 × 4459 л.	455
(3-я линейка)	3 × 15379 и 10 × 4459 н.	1547	(4 раза 4-я)	8 × 15379 и 28 × 4459 л.	1820
(3 раза 4-я л.)	6 × 15379 и 21 × 4459 л.	1365	(3 лин.)	3 × 15379 и 10 × 4459 н.	1547
(5-я л.) Слож.	9 × 15379 и 31 × 4459 н.	182	(6-я л.) Сл.	11 × 15379 и 38 × 4459 л.	273
(2 раза 5-я л.)	18 × 15379 и 62 × 4459 н.	364	(6-я лин.)	11 × 15379 и 38 × 4459 л.	273
(6-я лин.)	11 × 15379 и 38 × 4459 л.	273	(5-я лин.)	9 × 15379 и 31 × 4459 н.	182
Сложить:	29 × 15379 и 100 × 4459 н.	91	Сложить	20 × 15379 и 69 × 4459 л.	91

29 × 15379 и 100 × 4459 недост. 91.
20 × 15379 и 69 × 4459 лишн. 91.

Сложить: 49 × 15379 и 169 × 4459 сравнялось.

Чтобъ дѣлать скорѣе.

3045 и 870. 3045|870 870
2610|3 —435
435 435

1×3045 и 3×870 нед. 435 1×3045 и 4×870 лишн. 435.

1 разъ и 3 раза.
1 — и 4 —
2 — 7 — сравнялось.

2172 и 235. 2172|235 10×235=2350
2115|9 —2172
57 178

1×2172 и 9×235 недост. 57
×4

4— — и 36— — — 228	1×2172 и 10×235 лишн. 178
1— — и 10— — — 178	3— — и 27— — 3×57=171
5— — и 46— — — 50	4— — и 37— — — 7
28— — и 259— — — 49	231 — 2135— — — —7
33— — и 305— — — 1	Сл. 235 — 2172— — — — 00

Сравнять: 117 и 90 1183 и 182. 693 и 55 648 и 279. 324 и 372.

Если надо привести къ одному знаменателю много дробей — уравнять много чиселъ, то надо равнять сначала два самыя большія числа, а потомъ съ ними уравнивать малыя.

Сравнять: 40, 30, 12, 9, 15, 4, 8.

40 и 30. 1×40 и 1×30 нед. 10. 1×40 и 2×30 л. 20.
2× 40 и 2×30 нед. 20
1× 40 и 2×30 лиш. 20
3× 40 и 4×30—сравняется.

120 и 12. 1×120 и 10×12.

120 и 9. 1×120 и 13× 9 н. 3. 1×120 и 14×9 л. 6
2×120 и 26×9 нед. 6.
1×120 и 14×9 лиш. 6.
3×120 и 40×9—сравняется

360 и 15. 1×360 и 24×15

360 и 4. 1×360 и 90×4

360 и 8. 1×360 и 45×8.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ и простыя числа; только надо помнить, въ какомъ счисленіи написаны дроби. Если дроби написаны въ десятичномъ счисленіи, то 10 десятыхъ будетъ одна единица; а если въ 17-тичномъ счисленіи, то 17 семнадцатыхъ будетъ одна единица; если въ шестичномъ счисленіи, то 6 шестыхъ будетъ одна еди-

ница, если въ тысяча-двѣсти-тридцати-пятичномъ, то 1235 тысяча-двѣсти-тридцать-пятыхъ будетъ одна единица, и т. д.

Одна вторая (одна половина) $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна вторая $\left(\frac{1}{2}\right)$ будетъ двѣ вторыя $\left(\frac{2}{2}\right)$, все равно 1 цѣлая.

$$\frac{1}{2}+\frac{1}{2}=1 \qquad 0{,}5+0{,}5=1{,}0$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть одну вторую $\left(\frac{1}{2}\right)$. Одна цѣлая все равно, что $\frac{2}{2}$ (двѣ вторыя). Изъ $\frac{2}{2}$ вычесть $\frac{1}{2}$ будетъ $\frac{1}{2}$.

$$1-\frac{1}{2}=\frac{1}{2} \qquad 1{,}0-0{,}5=0{,}5$$

Пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$ да три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$ будетъ восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$. Все равно четыре цѣлыя (4).

$$\frac{5}{2}+\frac{3}{2}=4$$

Изъ четырехъ цѣлыхъ (4) вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$ Четыре цѣлыя (4) все равно, что восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$ Изъ восьми половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$ вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$,—останется пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$.

$$4-\frac{3}{2}=\frac{5}{2} \qquad 0{,}9+0{,}9=1{,}8$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ да еще три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$. Шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ все равно, что одна цѣлая и двѣ четверти $\left(1\frac{2}{4}\right.$

$$\frac{1}{4}+\frac{2}{4}+\frac{3}{4}=1\frac{2}{4}.$$

$$0{,}1+0{,}5+0{,}7=1{,}3.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двухъ четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что четыре четверти $\left(\frac{4}{4}\right)$; да еще двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$.

Изъ шести четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$, останется три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$1\frac{2}{4} - \frac{3}{4} = \frac{3}{4}. \qquad 1,3 - 0,5 = 0,8.$$

Двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$, да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Все равно двѣ цѣлыхъ (2) и одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$\frac{2}{3} + \frac{2}{3} + \frac{1}{3} + \frac{2}{3} = 2\frac{1}{3}$$

$$0,5 + 0,6 + 0,8 + 0,9 = 2,8.$$

Изъ двухъ цѣлыхъ (2) и одной трети $\left(\frac{1}{3}\right)$ вычесть двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$. Двѣ цѣлыя (2) все равно, что шесть третей $\left(\frac{6}{3}\right)$; да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$—будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Изъ семи третей $\left(\frac{7}{3}\right)$ вычесть двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$,— останется пять третей $\left(\frac{5}{3}\right)$. Все равно одна цѣлая и двѣ трети $\left(1\ \frac{2}{3}\right)$.

$$2\frac{1}{3} - \frac{2}{3} = 1\frac{2}{3}$$

$$2,7 - 0,8 = 1,9.$$

Одна седьмая $\left(\frac{1}{7}\right)$ да двѣ седьмыхъ $\left(\frac{2}{7}\right)$ да четыре

седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$ будетъ семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1).

$$\frac{1}{7}+\frac{2}{7}+\frac{4}{7}=1.$$

$$0,3+0,2+0,5=1,0.$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Изъ семи седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$ вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$, останется четыре седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$.

$$1-\frac{3}{7}=\frac{4}{7}. \quad 1,0-0,3=0,7.$$

Одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$ да восемь пятнадцатыхъ $\left(\frac{8}{15}\right)$, да семь пятнадцатыхъ $\left(\frac{7}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Все равно одна цѣлая и одна пятнадцатая $\left(1\frac{1}{15}\right)$

$$\frac{1}{15}+\frac{8}{15}+\frac{7}{15}=\frac{16}{15}=1\frac{1}{15}.$$

$$0,1+0,8+0,9+0,7=2,5$$

Изъ одной цѣлой (1) и одной пятнадцатой $\left(\frac{1}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что пятнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{15}{15}\right)$; да одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Изъ шестнадцати пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$, останется двѣнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{12}{15}\right)$.

$$1\frac{1}{15}-\frac{4}{15}=\frac{12}{15}. \quad 2,5-0,7-1,8.$$

Тысяча пятьсотъ тридцать два и двѣ трети ($1532\frac{2}{3}$) да семьсотъ три и двѣ трети ($703\frac{2}{3}$) будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети ($\frac{4}{3}$).

Четыре трети ($\frac{4}{3}$) все равно, что одна цѣлая и одна треть ($1\frac{1}{3}$). Всего будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) и одна треть ($\frac{1}{3}$).

$$1532\frac{2}{3} + 703\frac{2}{3} = 2236\frac{1}{3}.$$

$$67{,}8 + 75{,}3 = 143{,}1.$$

Изъ двухъ тысячъ двухъ сотъ тридцати шести (2236) и одной трети ($\frac{1}{3}$) вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети ($\frac{2}{3}$).

Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) все равно, что двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и три трети ($\frac{3}{3}$); да еще одна треть ($\frac{1}{3}$)—будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети ($\frac{4}{3}$). Вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети ($\frac{2}{3}$), останется тысяча пятьсотъ тридцать два (1532) и двѣ трети ($\frac{2}{3}$).

$$2236\frac{1}{3} - 703\frac{2}{3} = 1532\frac{2}{3}$$

$$143{,}1 - 67{,}8 = 75{,}3.$$

Пятьдесятъ шесть сто восемнадцатыхъ ($\frac{56}{118}$), да во-

семьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$ будетъ сто сорокъ сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1) и двадцать два стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$.

$$\frac{56}{118} + \frac{84}{118} = \frac{140}{118} = 1\frac{22}{118}.$$

$$0,17 + 0,81 + 0,36 = 1,34.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двадцати двухъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$ вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что сто восемнадцать сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{118}{118}\right)$, да еще двадцать двѣ сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$—будетъ сто сорокъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$,—останется пятьдесятъ шесть сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{56}{118}\right)$.

$$1\frac{22}{118} - \frac{84}{118} = \frac{56}{118} \qquad 1,34—0,36 = 0,98.$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ будетъ двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ все равно, что одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$.

$$\frac{1}{4} + \frac{1}{4} = \frac{1}{2}$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ сколько будетъ четвертей? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что

двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ будетъ три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{4} = \frac{3}{4}.$$

Изъ одной половины $\left(\frac{1}{2}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$. Одна половипа $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Изъ двухъ четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$,—останется одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2} - \frac{1}{4} = \frac{1}{4}$$

Одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$ да одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$ будетъ двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$. Двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{8} + \frac{1}{8} = \frac{1}{4}$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$, три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ и пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$ сколько будетъ восьмушекъ? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$. Четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$, да шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$, да пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$ будетъ пятнадцать восьмушекъ $\left(\frac{15}{8}\right)$,—все равно одна цѣлая (1) и семь восьмушекъ $\left(\frac{7}{8}\right)$.

$$\frac{1}{4} + \frac{3}{4} + \frac{5}{8} = \frac{15}{8} = 1\frac{7}{8}.$$

Изъ двѣнадцати восьмыхъ $(\frac{12}{8})$ вычесть три четверти $(\frac{3}{4})$. Двѣнадцать восьмушекъ $(\frac{12}{8})$ все равно, что шесть четвертей $(\frac{6}{4})$. Три четверти $(\frac{3}{4})$ изъ шести четвертей $(\frac{6}{4})$ останется три четверти $(\frac{3}{4})$.

$$\frac{12}{8} - \frac{3}{4} = \frac{3}{4}$$

Одна шестая $(\frac{1}{6})$ да одна шестая $(\frac{1}{6})$ будетъ двѣ шестыхъ $(\frac{2}{6})$. Двѣ шестыхъ $(\frac{2}{6})$ все равно, что одна треть $(\frac{1}{3})$. $\frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{2}{6} = \frac{1}{3}$

Одна шестая $(\frac{1}{6})$ да одна шестая $(\frac{1}{6})$, да еще одна шестая $(\frac{1}{6})$ будетъ три шестыхъ $(\frac{3}{6})$ все равно, что одна половина $(\frac{1}{2})$.

$$\frac{1}{6} + \frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{3}{6} = \frac{1}{2}$$

Двѣ трети $(\frac{2}{3})$ да одна половина $(\frac{1}{2})$ сколько будетъ? Одна половина $(\frac{1}{2})$ все равно, что три шестыхъ $(\frac{3}{6})$, а двѣ трети $(\frac{2}{3})$ все равно, что четыре шестыхъ $(\frac{4}{6})$. Три шестыхъ $(\frac{3}{6})$ да четыре шестыхъ $(\frac{4}{6})$ будетъ семь шестыхъ $(\frac{7}{6})$,—все равно одна цѣлая и одна шестая $(1\frac{1}{6})$. $\frac{2}{3} + \frac{1}{2} = 1\frac{1}{6}$.

Одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$ да одна двѣнадцатая $(\frac{1}{12})$ будетъ двѣ двѣнадцатыхъ $(\frac{2}{12})$. Двѣ двѣнадцатыхъ $(\frac{2}{12})$ все равно, что одна шестая $(\frac{1}{6})$.

$$\frac{1}{12} + \frac{1}{12} = \frac{2}{12} = \frac{1}{6}$$

Одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, да одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right.$ да еще одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$ будетъ три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{}{12}\right)$. Три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{3}{12}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{12}+\frac{1}{12}+\frac{1}{12}=\frac{3}{12}=\frac{1}{4}$$

Изъ пяти шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$. Пять шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ все равно, что десять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$; три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$.

Изъ десяти двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$ вычесть девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$,—останется одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$.

$$\frac{5}{6}-\frac{3}{4}=\frac{1}{12}.$$

Изъ трехъ четвертей $\left(\frac{3}{4}\right)$ вычесть двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что пятнадцать двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$. Двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$ все равно, что восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$

Изъ пятнадцати двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$ вычесть восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$, останется семь двадцатыхъ $\left(\frac{7}{20}\right)$

$$\frac{3}{4}-\frac{2}{5}=\frac{7}{20}.$$

Сложить:

$$\frac{13}{17}+\frac{23}{41} \qquad \frac{18}{42}+\frac{11}{23} \qquad \frac{9}{117}+\frac{8}{90}$$

$$\frac{3}{5}+\frac{4}{7}+\frac{5}{8}+485+\frac{1}{3}+2+6\frac{1}{16}$$

Вычесть.

$$1-\frac{3}{15} \qquad 75-\frac{8}{13} \qquad \frac{7}{8}-\frac{286}{1231} \qquad \frac{2}{3}-\frac{5}{7}$$

$$\frac{5}{6}-\frac{17}{42} \qquad \frac{2}{13}-\frac{25}{1000}$$

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДРОБЕЙ.

На дроби помножается и дѣлится всякое число точно также, какъ и на цѣлыя числа, только надо помнить, въ какомъ счисленіи та дробь, на какую помножаешь или дѣлишь. Если дробь, на какую помножаешь, написана въ десятичномъ счисленіи, то когда помножишь на 0,3,— все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ меньше, а когда помножишь на 0,03,— все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 100 разъ меньше. Если дробь написана въ 17-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{3}{17}$, то, когда помножишь на 3, все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 17 разъ меньше. Если дробь, на какую дѣлишь, написана въ 10-тичномъ счисленіи, то, когда раздѣлишь на 0,3, все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ больше, а когда раздѣлишь на 0,03, то все то, что̀

выйдетъ, будетъ въ 100 разъ больше. Если дробь написана въ 13-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{5}{13}$, то, когда раздѣлишь на 5, все, что выйдетъ, будетъ въ 13 разъ больше.

$$8 \times \frac{3}{4}$$

Можно сдѣлать такъ: 8 взять 3 раза, будетъ 24; въ 4 раза меньше—будетъ 6.

Или такъ: 8 взять въ 4 раза меньше, будетъ 2; и 2 взять 3 раза, будетъ 6

$8 \times \frac{3}{4} = 6$. Три четверти восьми будетъ 6.

Если надо взять восемь разъ три четверти, то будетъ 24 четверти; если надо взять 8 разъ три стодвадцатыя, то будетъ 24 стодвадцатыя.

$$\frac{5}{6} \times 11 = \frac{55}{6} \qquad \frac{37}{85} \times 23 = \frac{851}{85}$$

$$6 : \frac{3}{4}$$

Можно сдѣлать такъ: 6 раздѣлить на 3,—будетъ 2. Взять въ 4 раза больше—будетъ 8. Или такъ: 6 въ 4 раза больше,—будетъ 24; и раздѣлить на 3,—будетъ 8.

$$6 : \frac{3}{4} = 8$$

Если $\frac{12}{15}$ надо раздѣлить на 3, то будетъ четыре пятпадцатыхъ. Если двѣнадцать тридцатьседьмыхъ раздѣлить на три, то будетъ 4 тридцатьседьмыхъ.

$$\frac{35}{47} : 7 = \frac{5}{47} \qquad \frac{171}{569} . 9 = \frac{19}{569}$$

$$4 \times \frac{2}{3}$$

4 взять 2 раза—будетъ 8; нужно взять въ 3 раза меньше.

(Для того, чтобы раздѣлить 8 на 3, надо передѣлать 8 въ столько частей, чтобы онѣ дѣлились на 3. $8 = \frac{24}{3}$) $\frac{24}{3} : 3 = \frac{8}{3}$; $\frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$.

Или 4 въ 3 раза меньше. (Для того чтобы 4 раздѣлить на 3, надо 4 передѣлать въ столько частей, чтобы дѣлилось на 3. $4 = \frac{12}{3}$) $\frac{12}{3} : 3 = \frac{4}{3}$, и нужно $\frac{4}{3}$ взять 2 раза; будетъ $\frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$.

$4 \times \frac{2}{3} = \frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$. Двѣ трети четырехъ будетъ двѣ и двѣ трети.

$$6 : \frac{4}{5}$$

6 раздѣлить на 4 (Чтобы 6 раздѣлить на 4, надо передѣлать 6 такъ, чтобы дѣлилось безъ остатка на 4. $6 = \frac{24}{4}$) $\frac{24}{4} : 4 = \frac{6}{4}$

$\frac{6}{4}$ въ пять разъ больше будетъ $\frac{30}{4} = 7\frac{2}{4} = 7\frac{1}{2}$.

Или 6 въ 5 разъ больше, 30—раздѣлить на 4. (Передѣлать 30. $30 = \frac{120}{4}$).

$$\frac{120}{4} : 4 = \frac{30}{4} = 7\frac{1}{2};\quad 6 : \frac{4}{5} = 7\frac{1}{2}.$$

Шесть есть четыре пятыхъ семи съ половиною.

$$85 \times \frac{119}{173}$$

85 взять 119 разъ = 10115; въ 173 раза меньше будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$. Или:

85 взять въ 173 раза меньше $= \frac{85}{173}$, и взять 119 разъ, будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$.

$$85 : \frac{173}{119}$$

85 раздѣлить на 173 $= \frac{85}{173}$; въ 119 разъ больше—будетъ $\frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$. Или:

85 въ 119 разъ больше, будетъ 10115; раздѣлить на 173 $= \frac{10115}{173} = 58\frac{81}{173}$.

$$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3}$$

$\frac{6}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{12}{7}$; въ 3 раза меньше будетъ $\frac{4}{7}$. Или:

$\frac{6}{7}$ взять въ 3 раза меньше, будетъ $\frac{2}{7}$; и взять 2 раза, будетъ $\frac{4}{7}$.

$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{4}{7}$ Двѣ трети шести седьмыхъ будетъ четыре седьмыхъ.

$$\frac{4}{7} \cdot \frac{2}{3}$$

$\frac{4}{7}$ раздѣлить на $2 = \frac{2}{7}$; $\frac{2}{7}$ въ три раза больше, будетъ $\frac{6}{7}$. Или $\frac{4}{7}$ въ 3 раза больше $\frac{12}{7}$; раздѣлить на $2 = \frac{6}{7}$.

$\frac{4}{7} : \frac{2}{3} = \frac{6}{7}$. Четыре седьмыхъ есть двѣ трети шести седьмыхъ.

$$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3}$$

$\frac{5}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{7}$; въ 3 раза меньше. (Надо $\frac{10}{7}$ передѣлать такъ, чтобы можно было безъ остатка раздѣлить на 3. $\frac{10}{7} = \frac{30}{21}$). $\frac{30}{21}$ въ три раза меньше-будетъ $\frac{10}{21}$.

Или $\frac{5}{7}$ взять въ 3 раза меньше (надо $\frac{5}{7}$ передѣлать, $\frac{5}{7} = \frac{15}{21}$); $\frac{15}{21}$ въ 3 раза меньше $= \frac{5}{21}$; взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{21}$.

$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{10}{21}$. Двѣ трети пяти седьмыхъ будетъ десять двадцать первыхъ.

$$\frac{5}{7} \quad \frac{3}{8}$$

$\frac{5}{7}$ раздѣлить на 3 $(\frac{5}{7} = \frac{15}{21})$; $\frac{15}{21} : 3 = \frac{5}{21}$; $\frac{5}{21}$ взять въ 8 разъ больше $= \frac{40}{21}$. Или: $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше $= \frac{40}{7}$; раздѣлить на 3 $(\frac{40}{7} = \frac{120}{21})$, $\frac{120}{21}$ раздѣлить на 3,—$\frac{40}{21}$.

$\frac{5}{7} : \frac{3}{8} = \frac{40}{21}$. Пять седьмыхъ есть три восьмыхъ сорока двадцатьпервыхъ.

$$5 \times \frac{1}{7}$$

5 взять 1 разъ будетъ 5, и въ 7 разъ меньше.

Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ $\overbrace{0,5}^{7}$—въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$. $5 \times \frac{1}{7} = \frac{5}{7}$

$$5 : \frac{7}{8}$$

5 раздѣлить на 7. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overbrace{0},5$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$; и взять $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше,—будетъ $\frac{40}{7} = 5\frac{5}{7}$; $5 : \frac{7}{8} = 5\frac{5}{7}$.

$$\frac{18}{23} \times \frac{31}{49}$$

$\frac{18}{23}$ взять 31 разъ $\frac{558}{23}$, и въ 49 разъ меньше. Можно не дѣлить числителя, а, чтобы сдѣлать число въ 49 разъ меньше, перевести его въ счисленіе въ 49 разъ меньше 23-го. Какое счисленіе будетъ въ 49 разъ меньше 23-го? $(23 \times 49 = 1127)$. 1127-е.

$\frac{558}{23}$ въ 49 разъ меньше будетъ $\frac{558}{1127}$. Или:

$\frac{18}{23}$ взять въ 49 разъ меньше (перевести въ счисленіе въ 49 разъ меньше) будетъ $\frac{18}{1127}$. Взять 31 разъ,—будетъ $\frac{558}{1127}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23}$$

$\frac{17}{19}$ раздѣлить на 11. Перевести $\frac{17}{19}$ въ счисленіе въ 11 разъ меньше $(19 \times 11 = 209)$; $\frac{17}{19} : 11 = \frac{17}{209}$. Взять въ 23 раза больше $= \frac{391}{209}$.

Или: $\frac{17}{19}$ въ 23 раза больше $\frac{391}{19}$ раздѣлить на 11 (перевести въ счисленіе въ 11 разъ меньше) $\frac{391}{209}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23} = \frac{391}{209}$$

Помножить:

$53 \times \frac{27}{38}$ $\quad 3 \times \frac{17}{141}$ $\quad 11 \times \frac{5}{8}$ $\quad \frac{2}{3} \times \frac{8}{13}$ $\quad \frac{4}{9} \times \frac{506}{1004}$ $\quad 1 \times \frac{5}{7}$

Раздѣлить.

$1 : \frac{2}{7}$ $\quad 386 : \frac{17}{18}$ $\quad 5 : \frac{283}{423}$ $\quad \frac{5}{11} : \frac{7}{16}$ $\quad \frac{8}{21} : \frac{11}{13}$

ЗАДАЧИ.

I.

1. Мужъ съ женою брали деньги изъ одного сундука, и ничего не осталось.

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена 690 рублей. Сколько было всѣхъ денегъ?

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена то, что оставалось; стало быть жена взяла $\frac{3}{10}$ всѣхъ денегъ.

Чтобъ узнать, сколько было всѣхъ денегъ, надо узнать, 690 есть $\frac{3}{10}$ чего? т. е. $690 : \frac{3}{10}$.

690 есть $\frac{3}{10}$-тыхъ 2300.

2. Мужъ съ женою положили 540 рублей денегъ въ сундукъ и забрали всѣ деньги. Мужъ взялъ $\frac{3}{9}$; сколько взяла жена? Сколько денегъ $\frac{3}{9}$ отъ 540? $\frac{3}{9} \times 540 = \frac{1620}{9} = 180$. Стало быть жена взяла $540 - 180 = 360$.

3. Мужъ съ женою положили 1200 рублей въ сундукъ и брали каждый особо. Всѣ деньги вышли. Жена взяла 576 рублей; сколько частей всѣхъ денегъ взялъ мужъ? Жена взяла 576 изъ 1200. Стало быть осталось $1200 - 576 = 624$. 624 есть какая часть 1200? 1200 есть 624 чего? т. е. $1200 : 624 = \frac{1200}{624}$; а $\frac{1200 : 48}{624 : 48} = \frac{25}{13}$. $\frac{25}{13} = 1\frac{12}{13}$

ЗАДАЧИ.

II.

1. Одинъ человѣкъ отдалъ $\frac{1}{2}$ своихъ денегъ бѣднымъ, $\frac{1}{4}$ на церковь, а три рубля оставилъ себѣ. Сколько у него было денегъ? Сколько онъ далъ бѣднымъ? Сколько на церковь?

Роздалъ онъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$; всего $\frac{3}{4}$; стало быть осталась $\frac{1}{4}$ и эта $\frac{1}{4}$ была 3 рубля. Стало быть 3 есть $\frac{1}{4}$ чего? $3 : \frac{1}{4} = 12$ рублей. Бѣднымъ онъ далъ $12 \times \frac{1}{2} = 6$ рублей, а на церковь далъ $12 \times \frac{1}{4} = 3$ рубля.

2 Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ своихъ денегъ истратилъ $\frac{1}{7}$ на постройку дома, $\frac{3}{10}$ на отдѣлку дома и $\frac{1}{14}$ на покупку мебели, и осталось у него 10200 рублей Сколько у него всѣхъ было денегъ и сколько стоила 1) постройка дома? 2) отдѣлка дома? 3) мебель?

Сколько онъ издержалъ частей своихъ денегъ?

$$\frac{1}{7} + \frac{3}{10} + \frac{1}{14} = \frac{18}{35}.$$

Стало быть недостаетъ $\frac{17}{35}$, и $\frac{17}{35}$ всѣхъ денегъ будетъ 10200. 10200 есть $\frac{17}{35}$ чего? $10200 : \frac{17}{35} = 21000$.

Всѣхъ денегъ было 21000

Теперь, сколько пошло на постройку? $21000 \times \frac{1}{7} = 3000$, на отдѣлку? $21000 \times \frac{3}{10} = 6300$; на покупку мебели? $21000 \times \frac{1}{14} = 1500$

ЗАДАЧИ.

III.

1. Надъ бочкой придѣланы двѣ трубы, изъ обѣихъ трубъ вода течетъ въ бочку. Изъ одной трубы вода наполнитъ бочку въ 24 минуты; изъ другой въ 15 минутъ.

Еще есть въ бочкѣ дыра; изъ дыры вытечетъ вся вода изъ бочки въ 2 часа (2 часа = 120 минутъ). Наполнится ли бочка и скоро ли, если пустить воду изъ обѣихъ трубъ, и вода будетъ течь въ дыру?

Что будетъ черезъ минуту послѣ того, какъ открыть обѣ трубы? Сколько будетъ воды въ бочкѣ?

Изъ одной трубы (той, которая въ 15 минутъ наполняетъ бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{15}$ бочки, а изъ другой трубы (той, которая наполнитъ въ 24 минуты бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{24}$ бочки. Вытечетъ же изъ бочки въ минуту $\frac{1}{120}$ бочки. Стало быть, въ минуту будетъ $\frac{1}{15}+\frac{1}{24}\left(\frac{8}{120}+\frac{5}{120}\right)=\frac{13}{120}$, $\frac{13}{120}-\frac{1}{120}=\frac{12}{120}=\frac{1}{10}$.

Въ минуту въ бочкѣ будетъ $\frac{1}{10}$. Во сколько времени будетъ полна вся бочка?

$$1 : \frac{1}{10} = 10.$$

Бочка будетъ полна въ 10 минутъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія въ четвертой книгѣ расположены слѣдующимъ образомъ:

На первыхъ страницахъ (1—2 стр.), до басни *Волкъ и ягненокъ*, обозначено особымъ шрифтомъ окончаніе *ся* въ глаголахъ, которое ученики очень часто произносятъ какъ *си*. Заставляйте ученика видоизмѣнять возвратные глаголы, и обратите вниманіе на то, что *ся*, измѣняясь въ *съ*, часто скрадываетъ отъ ученика настоящую форму глагола.

На слѣдующихъ страницахъ (2—4) обозначены неокончательная форма на *ть* и изъявительная на *тъ* (*буду любить* и *онъ люби*тъ), которыя весьма часто смѣшиваются учениками; говорятъ: онъ ход*ить*, и т. п. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы употреблена та и другая форма.

На страницахъ 4—7 (съ басни *Насѣдка и цыплята*) обозначены окончанія женскаго и средняго рода прошедшаго времени. Эти окончанія, обыкновенно смѣшиваются; именно, въ среднемъ родѣ ученики вмѣсто *о* ставятъ *а*.

На страницахъ 8—12 (до сказки *Волкъ и мужикъ*) обозначены окончанія второго лица на *ешь* и на *ишь*, также обыкновенно смѣшиваемыя.

На страницахъ 13—29 обозначены окончанія неокончательной формы *ться* и изъявительной *тся*.

Въ разсказѣ *Кавказскій Плѣнникъ* обозначено нѣсколько формъ спряженія глаголовъ: 1) неокончательное наклоненіе, 2) второе и третье лицо единственнаго числа настоящаго (и будущаго) времени, и 3) третье лицо множественнаго числа тогоже времени—въ тѣхъ случаяхъ, когда формы эти являются въ самомъ простомъ видѣ; въ первыхъ двухъ главахъ (стр. 30—42) указано спряженіе безъ вставки *е*: *любить*, *любишь*, *любитъ*, *любятъ*; въ остальныхъ главахъ (стр. 42—62) указано спряженіе со вставкою *е*: *дѣлать*, *дѣлаешь*, *дѣлаетъ*, *дѣлаютъ*. Ученики должны пріучиться различать, гдѣ слѣдуетъ ставить *е*, гдѣ *и*, а также въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, гдѣ ставить *а* и *я*, гдѣ *у* и *ю*.

Остальной отдѣлъ первой части можетъ служить для того, чтобы ученики отыскивали въ немъ всѣ глагольныя формы, съ которыми познакомились въ предъидущихъ отдѣлахъ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Счетъ дробями состоитъ изъ трехъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ есть объясненіе того, что счетъ дробями есть ни что другое, какъ продолженный меньше единицы рядъ счисленія, и что счисленія могутъ быть десятичныя и всякія другія. Въ этомъ же отдѣлѣ показаны всѣ дѣйствія съ дробями.

Второй отдѣлъ объясняетъ переведеніе изъ одного счисленія въ другое. Въ этомъ же отдѣлѣ: признаки дѣлимости чиселъ и приведеніе къ одному знаменателю.

Третій отдѣлъ есть рядъ примѣровъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Всѣ отдѣлы объясняютъ одинъ другой, и потому необходимо, пройдя всѣ три отдѣла въ томъ порядкѣ, какъ они изложены, возвратиться назадъ и вновь пройти два первые отдѣла.

I ОТДѢЛЪ.

Десятичныя дроби.

Кто понимаетъ, какъ совершаются въ десятичномъ счисленіи переходы изъ разрядовъ въ разряды, какимъ образомъ 100 × 100 выходитъ 10000, и 200 × 100 = 20000, и 10000 : 100=100, тотъ уже знаетъ собственно возвышеніе въ степень и извлеченіе корней; а между прочимъ начинаютъ ариѳметику съ счисленія, и оно всѣмъ понятно.

Рѣдкій ученикъ въ состояніи будетъ объяснить, почему 30000 : 100=300. Но всякій это знаетъ, помнитъ и понимаетъ. На этомъ-то знаніи и пониманіи должно быть основано понятіе о дробяхъ.

Покажите ученику, что сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ.

Потомъ покажите ученику какъ можно болѣе примѣровъ того, что въ цѣлыхъ числахъ помноженіе на единицу бо́льшаго разряда увеличиваетъ произведеніе въ столько разъ, въ сколько разъ множитель больше единицы (или переводитъ на столько разрядовъ влѣво, на сколько множитель стоитъ влѣво отъ единицы, т. е. на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Когда это ясно ученику, покажите, что, когда помножаешь на единицу разряда, который меньше принимаемаго нами за единицу, то произведеніе уменьшается въ столько разъ, въ сколько разъ множитель меньше единицы (или произведеніе переходитъ на столько разрядовъ вправо, насколько множитель стоитъ вправо, т. е. переходитъ на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Потомъ покажите, что умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей ничѣмъ ни отличается отъ умноженія и дѣленія простыхъ чиселъ.

Разныя счисленія.

Ясное понятіе о возможности другихъ счисленій, кромѣ десятичнаго, и о томъ, что законы счисленія одни и тѣже, какое бы ни было счисленіе,—весьма полезно.

И потому пройдите нѣсколько упражненій сложенія и вычитанія въ различныхъ счисленіяхъ цѣлыми числами.

При счисленіи 11-чномъ надо помнить, что для 10 нуженъ особый знакъ * умѣщающійся на одномъ мѣстѣ.

Умноженіе и дѣленіе въ различныхъ счисленіяхъ для ученика слишкомъ было бы затруднительно, и потому опущено.

Какъ только счисленіе не-десятичное съ цѣлыми числами ясно, то покажите, что въ различныхъ счисленіяхъ можно считать и меньше единицы, т. е. вправо, и пройдите упражненія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи дробей (по одному разряду), изображая ихъ какъ десятичныя дроби, $\overbrace{0,3}^{5} + \overbrace{0,4}^{5}$, и т. п.

II ОТДѢЛЪ.

Переименованіе дробей.

Переименованіе дробей есть умноженіе и дѣленіе дроби на единицу извѣстнаго счисленія. И потому переименованіе должно бы было слѣдовать за умноженіемъ.

Въ сущности же не только умноженіе, но и сложеніе нельзя объяснять безъ переименованія; поэтому, пройдя переименованіе дробей, какъ оно изложено, и прибавивъ отъ себя примѣры, возвратитесь послѣ умноженія и дѣленія къ переименованію и объясните его, какъ умноженіе и дѣленіе на единицу извѣстнаго счисленія.

На этотъ отдѣлъ вообще обратите большее вниманіе, такъ какъ въ сущности вся особенность счета дробями состоитъ только въ необходимости переименованія.

Приведеніе къ одному знаменателю. Лучшій примѣръ для объясненія того, какимъ образомъ дѣлается приведеніе къ одному знаменателю, дадутъ двѣ палки,—одна, напримѣръ, въ 6 вершковъ, а другая въ 8,—которыя кладутся рядомъ по одному направленію нѣсколько разъ, пока концы обѣихъ палокъ сравняются. Или двѣ бумажки, которыя перегибаются концами одна на другую, пока концы сойдутся.

Способъ приведенія къ одному знаменателю посредствомъ большаго и меньшаго приближенія—включаетъ въ себѣ всѣ способы: и перемноженіе чиселъ одного на другое, и дѣленіе на множителей,—имѣя передъ всѣми преимущество ясности того, что̀ совершается съ числами.

Способъ перемноженія другъ на друга я не указываю и не совѣтую указывать, такъ какъ это одно изъ тѣхъ открытій, которыя долженъ сдѣлать самъ ученикъ.

Разложеніе на производителей я не указываю потому, что это способъ алгебраическій и слишкомъ сложный; но не считаю его безполезнымъ для понятливаго ученика.

Способъ же дѣленія одного числа на другое я не включилъ потому, что объясненіе этого пріема такъ трудно и противно обычнымъ пріемамъ мысли, что ученики почти никогда не понимаютъ его, а всегда только заучиваютъ на память.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ *всегда* имѣющій изъ жизни уже ясное понятіе о дробяхъ въ малыхъ числахъ (какъ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$), соединилъ бы это житейское пониманіе дробей съ тѣми объясненіями, которыя даются ему при ученіи. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ ознакомляетъ ученика съ различными особенностями, встрѣчающимися при дѣйствіяхъ съ дробями, объясняя ихъ на малыхъ величинахъ.

Отъ учителя и отъ способности того ученика, съ которымъ

учитель имѣетъ дѣло, будетъ зависѣть, пропустить ли часть упражненій этого отдѣла, или прибавить къ нимъ новыя упражненія.

Выраженіе при умноженіи $5 \times {}^3/_4$—*взять три четверти пяти*, я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при умноженіи цѣлыхъ чиселъ—*взять три пятка*.

Выраженіе при дѣленіи: 5 есть $^3/_4$ чего? я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ: 15 есть 3 чего?

Выраженія же эти при задачахъ почти всегда прямо выражаютъ вопросъ.

У него было $^3/_4$ 24-хъ рублей. Сколько у него было денегъ? 24 помножить на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса, а взять $^3/_4$-ти 24-хъ прямо выражаетъ вопросъ и изображается такъ:

$$24 \times \frac{3}{4}.$$

У него было $^3/_4$ всѣхъ денегъ, 24 рубля. Сколько всѣхъ? 24 раздѣли на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса, а 24 есть $^3/_4$ чего?—прямо выражаетъ вопросъ.

Случаи умноженія и дѣленія дробей на цѣлыя числа, или на дроби, ни требуютъ никакого особаго разъясненія.

Если нужно помножить или раздѣлить $^3/_4$ на какое нибудь число, то знаменатель множимаго или дѣлимаго не имѣетъ никакого значенія при дѣйствіи, которое совершается надъ числомъ: знаменателя надо только помнить. Дѣйстіе же происходитъ всегда надъ числителемъ.

$^3/_4 \times 2$ будетъ 6 четвертей, $^3/_4:2$ будетъ $^3/_8$—не отъ того, что что-нибудь сдѣлано съ знаменателемъ, а потому что 3 неудобно дѣлить, и мы передѣлываемъ $^3/_4$ въ $^6/_8$.

Первыя три задачи составлены такъ, что неизвѣстное измѣняется. Давши другую подобную задачу, заставьте ученика перестановлять неизвѣстное. Послѣдующія двѣ задачи составлены такъ, что 1-я задача съ малыми числами объясняетъ 2-ю.

Всякій разъ, когда ученикъ затрудняется въ рѣшеніи задачи, задайте ему точно такую же съ самыми малыми числами.

III-я задача есть образецъ постановленія вопроса.

Пройдя эти 4 части ариѳметики и не упоминая объ именованныхъ числахъ, ни объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ни о тройныхъ, смѣшанныхъ и другихъ правилахъ, учитель можетъ смѣло открыть всякій задачникъ,—и всякую задачу ученикъ рѣшитъ, если она изложена простымъ русскимъ языкомъ.

ОПЕЧАТКА ВЪ 3-Й КНИГѢ.

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
149	11	35 сложить 12	12 сложить 35

СОДЕРЖАНИЕ

АЗБУКА (1871—1872)